

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»



ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

1(61)'2017

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Екатеринбург 2017

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2017. – Вып. 1 (61). – 194 с. –
(Цена свободная).

ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34

ББК Ш107

Благодарим РНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2017

© Политическая лингвистика, 2017

ISSN 1999-2629

Ural State Pedagogical University



POLITICAL LINGUISTICS

1(61)'2017

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasily V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Ekaterinburg 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	8
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Базылев В. Н. Москва, Россия	Канон русской политической лексики Павла I (о принципах реконструкции российского исторического политического дискурса).....	10
Балашова Л. В. Саратов, Россия	Экономика России в современном политическом дискурсе сквозь призму концептуальной метафоры	21
Дзюба Е. В. Екатеринбург, Россия	«Бархатные» метафоры чешского политического дискурса	31
Иванова С. В. Санкт-Петербург, Россия	Дискурсивная адаптация культурно обусловленных языковых знаков в политическом дискурсе СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США).....	41
Куликова Л. В. Красноярск, Россия	Миссия учебника по РКИ в формировании позитивной концептуальной картины мира о России	53
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Политический текст в системе русского коммуникативного поведения (на материале предвыборных программ 2016 г.)	60

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Канашина С. В. Москва, Россия	Интернет-мем и политика	69
Коцюбинская Л. В. Санкт-Петербург, Россия	Эффективность «информационной атаки»: к постановке проблемы.....	74
Мощанская Е. Ю. Волгина Н. Д. Пермь, Россия	Асимметрия наименований структурных единиц в органограммах правительственных органов России и Германии.....	80
Петров М. В. Екатеринбург, Россия	Комплексный анализ форм предтерминальной части мелодического контура в дискурсе публичных обращений Б. Обамы	85
Пирожкова И. С. Екатеринбург, Россия	Прецедентное имя как средство репрезентации гендерных стереотипов в политическом дискурсе К. Райс и И. Хакамады	91
Сегал Н. А., Коротких Ю. С. Симферополь, Россия	Языковые особенности реализации прецедентного оронима <i>Олимп</i> в текстах политических СМИ.....	98
Скулимовская Д. А. Иркутск, Россия	Стратегии и тактики в политическом дискурсе (на материале выступлений Б. Обамы).....	106

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Вепрева И. Т., Мальцева Т. В. Екатеринбург, Россия	Базовые ценности россиян в отражении языковой рефлексии	113
Кубасов А. В. Екатеринбург, Россия	Соцяз в тексте М. М. Жванецкого как отражение менталитета советского человека	121

Мурог И. А. Москва, Россия	К вопросу исследования персуазивной силы архетипа в рекламном тексте (на примере американской военной рекламы).....	127
Надточева Е. С. Шустрова Е. В. Екатеринбург, Россия	Стереотипные социальные роли президента США в американской карикатуре периода Великой депрессии	137
Рябова И. Ю. Екатеринбург, Россия	Образ концепта «война» как зеркало политической обстановки эпохи 1870-х годов в России (на примере метафорической модели «супружеские отношения — война» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и четырех англоязычных интерпретаций).....	152
Семенова Е. М. Санкт-Петербург, Россия	Прецедентный архетипичный концепт «Dark Ages» и его метафтонимическая актуализация в политическом медиадискурсе США.....	158
Ткаченко Ю. Г., Дзюба Е. В. Екатеринбург, Россия	<i>Женственность и феминизм</i> как антагонисты в русской и французской языковых картинах мира	164
РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ		
Эдельман М. США <i>Пер. с англ. Н. А. Пром, Т. С. Лихачёвой</i>	Язык исследования и язык власти	174
РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА		
Януш О. Б. Казань, Россия	Взаимодействие языка и политики в современном мире: панели исследовательского комитета «Политика языка» (хроникальные заметки).....	184
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		191

CONTENTS

Editorial principles of the journal “Political Linguistics” 8

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Bazylev V. N. Moscow, Russia The canon of Russian political vocabulary of Paul I (based on the principles of historical reconstruction of Russian political discourse)..... 10

Balashova L. V. Saratov, Russia Russia’s economy in modern political discourse through the prism of conceptual metaphor 21

Dziuba E. V. Ekaterinburg, Russia «Velvet » metaphors in Czech political discourse 31

Ivanova S. V. Saint Petersburg, Russia Functional peculiarities of culturally related lexis in political media discourse 41

Kulikova L. V. Krasnoyarsk, Russia Mission of the Russian as a foreign language course book in forming the positive conceptual picture of the Russian-speaking world 53

Ruzhentseva N. B. Ekaterinburg, Russia Political text in Russian communicative behavior (based on election programs of 2016)..... 60

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Kanashina S. V. Moscow, Russia Internet-meme and politics 69

Kotsyubinskaya L. V. Saint Petersburg, Russia Raising the issue of the effectiveness of “information attack” 74

Moshchanskaya E. Yu. Perm, Russia Asymmetry of the structural units of the Russian and German governmental organigrams 80

Petrov M. V. Ekaterinburg, Russia The autosegmental-functional method of analysing pre-nuclear intonation features (as exemplified by Barack Obama’s discourse of public speeches) 85

Pirozhkova I. S. Ekaterinburg, Russia Precedent name as a means of gender stereotypes representation in political discourse of C. Rice and I. Khakamada 91

Segal N. A., Korotkih Y. S. Simferopol, Russia Linguistic features of the use of precedent oronym *Olympus* in political media texts 98

Skulimovskaya D. A. Irkutsk, Russia Strategies and tactics in political discourse (based on B. Obama’s speeches) 106

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Vepreva I. T., Maltseva T. V. Ekaterinburg, Russia Basic values of Russians in reflection of language self-consciousness 113

Kubasov A. V. Ekaterinburg, Russia Socialist language in M. M. Zhvanetsky’s text as a reflection of Soviet person’s mentality 121

Murog I. A. Moscow, Russia Archetype as a persuasive strategy in advertising texts (based on American military advertisement) 127

<p>Nadtocheva E. S. Shustrova E. V. Ekaterinburg, Russia</p>	<p>Social stereotypes of US presidents in American political cartoon of the Great Depression 137</p>
<p>Ryabova I. Y. Ekaterinburg, Russia</p>	<p>Image of the concept «War» as a mirror of the political situation of the 1870s in Russia (as exemplified by the metaphoric model «Marriage relationships — war» in L. N. Tolstoy's novel «Anna Karenina» and its four English interpretations)..... 152</p>
<p>Semenova E. M. Saint-Petersburg, Russia</p>	<p>Precedent archetypical concept “Dark Ages” and its metaphonymical usage in the USA political media-discourse 158</p>
<p>Tkachenko Y. G. Dziuba E. V. Ekaterinburg, Russia</p>	<p><i>Femininity and feminism</i> as antagonists in the Russian and French language worldviews 164</p>
<p>PART 4. FOREIGN EXPERIENCE</p>	
<p>Edelman M. USA <i>Transl. from Engl. by N. A. Prom, T. S. Likhacheva</i></p>	<p>The language of inquiry and the language of authority 174</p>
<p>PART 5. REVIEWS. CHRONICLE</p>	
<p>Yanush O. B. Kazan, Russia</p>	<p>Language and politics in modern world: panels of research committee “Politics of Language” (latest news) 184</p>
<p>Manuscripts requirements 191</p>	

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Из истории политической лингвистики», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Из истории политической лингвистики»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'27:811.161.1'42(091)
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-03

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.29

Код ВАК 10.02.19

В. Н. Базылев
Москва, Россия

КАНОН РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПАВЛА I (о принципах реконструкции русского исторического политического дискурса)

АННОТАЦИЯ. В статье обсуждается тема канона русской политической лексики Павла I. Показана актуальность и возможность реконструкции в сфере политического дискурса ненаписанных или незавершенных авторских текстов. Анализируется идея и состав павловского канона. Выполнена задача реконструкции: восстановлены характерные черты работы императора Павла I с языком и над языком. В понимании Павла канон политической лексики — это основа государственного дискурса, в котором государство говорит с подданными и с миром. В каноне фиксируются слова и их значения, расположенные в определенном порядке: по умолчанию принимаемый порядок смыслов — это порядок государственного устройства. В каноне происходит овнешнение деления языка на «старый» и «новый» с высокой ценностной характеристикой второго и стремление к переименованиям должностей, самого названия государства, титула его главы, географических и личных собственных имен и пр. Все это рассматривается Павлом в качестве естественной функции государственной власти. В полном согласии с эсхатологической мифологией государства-империи акт разрушения-создания (превращения «старого» мира в «новый») мыслится как переименование и как переистолкование.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лексика; история русского языка; исторический дискурс; политический дискурс; языковая личность; российские императоры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и прикладного языкознания, Московский педагогический государственный университет; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1; e-mail: vladimir@4unet.ru.

Сегодня достаточно четко определена сфера интересов такого раздела современной науки о языке, как политическая лингвистика [Чудинов 2006]. Однако в политической лингвистике, являющейся отраслью филологии в целом, пока не уделялось достаточного внимания вопросам реконструкции исторического политического дискурса, в первую очередь русского. При этом реконструкция была и остается краеугольным камнем филологии: сошлюсь на Ю. М. Лотмана, который указывал на актуальность реконструкции дефектных или утраченных произведений [Лотман 1998: 103].

Для политической лингвистики перспективным может стать исследование фальсифицированных и реконструкция не дошедших до нас текстов, принадлежащих конкретным политическим деятелям. Не последнюю роль в необходимости разработки данной проблематики играет тот факт, что реконструкция как метод занимает ведущее место в компаративистике. А компаративистский подход, в свою очередь, приобретает сегодня особое значение, так как отражает, по словам В. П. Котенко, широкое поле интердисциплинарных процессов постнеоклассического научного дискурса, в котором вырисовываются новые комплексные стратегии исследования, метатеории и методологические подходы [Котенко 2007: 21—22].

Опыт разработки обозначенной выше проблематики представлен в настоящей статье. Впервые на языкотворчество Павла I обратил внимание Б. А. Успенский. Это про-

изошло в начале 90-х гг. XX в. Исследуя глубоко российский феномен перехода лингвистических проблем из сферы науки в область государственной практики, он отметил, что император, запрещая употребление тех или иных слов, стремился создать канон русской политической лексики [Успенский 1996: 413]. Исследуя константы русской культуры, Ю. С. Степанов упоминает о языковой политике Павла I в контексте русской общественно-политической жизни конца XVIII в. со ссылкой на повеление императора «об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими» [Степанов 1997: 535—536]. Актуальность данной темы подтверждается возвратом к ее обсуждению десять лет спустя, в середине 2000-х, К. А. Богдановым в связи с вопросом о словарях идеологии в отечественной культуре [Богданов 2006: 6—7]. Все названные исследователи ссылаются на один-единственный источник. Речь идет о «Высочайшем повелении императора Павла 1797 года», разосланном 13 февраля 1797 г., «об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими», напечатанном в журнале «Русская старина» за 1871 г. Однако при более пристальном изучении материала выяснилось, что такого рода документов Павловской эпохи, не привлекавших пока внимания филологов, сохранилось довольно много [Томсинов 2008].

Это позволяет нам обратиться к проблеме реконструкции того, что было названо «павловским канонem политической лексики», на совершенно новом материале. Речь,

безусловно, может идти о практике внешней реконструкции, которая ориентируется на системные отношения в дискурсивной практике конкретной эпохи или конкретного автора. Она включает отбор и синхронное сопоставление тождественных или подобных дискурсивных единиц, выявление на их материале системы закономерных соответствий, определение их хронологической соотношенности и восстановление или моделирование протосостояния дискурсивной практики. Этот вид реконструкции основывается на частотности явлений и на имеющихся парадигматических рядах. Теоретическая возможность реконструкции произведения, которое самим автором не было написано, не было завершено (осталось во фрагментах) или по тем или иным причинам до нас не дошло, вытекает из идей, сформулированных применительно к литературоведению Вяч. Вс. Ивановым. На его постулаты мы и будем преимущественно опираться при работе с материалом [Иванов 2004: 11—12].

Реконструируется именно канон, а не словарь, будь то словарь идеологический, словарь языка политического деятеля, русский политический лексикон или исторический словарь политических понятий и концептов. Канон понимается в данном контексте как не подлежащая обсуждению или пересмотру, но при этом академически не кодифицированная (т. е. воспринимаемая как традиция) совокупность норм и правил речевой деятельности человека.

Предлагаемая методика восстановления текста павловского канона на разных его уровнях предполагает следующее: анализ данных историко-филологических исследований; анализ сохранившихся исторических мемуаров, касающихся деятельности политического деятеля; анализ первоисточников, что дает понимание авторского замысла, возможность его восстановления по сохранившимся первоисточникам; выявление интертекстуальной внутренней связи недоосуществленного замысла с другими авторскими текстами; анализ внешнего интертекстуального контекста.

Вокруг так называемого канона политической лексики Павла I в настоящее время существует очень небольшое количество публикаций. Именно вокруг, а не непосредственно о нем. Помимо уже упомянутых работ Б. А. Успенского, Ю. С. Степанова и К. А. Богданова следует назвать работы В. В. Виноградова 30-х гг., Ю. М. Лотмана и В. М. Живова 70-х гг. XX в. [Виноградов 1938: 103—104; Живов 1996: 376; Из истории русской культуры 1996: 430, 436—438].

Выделим основные положения назван-

ных исследований, касающиеся проблематики нашей статьи: канон политической лексики Павла I — это опыт придания русскому языку единообразия как атрибута единообразия имперского; канон политической лексики Павла I — это проявление установки эпохи в целом и лично Павла I на семиотичность, так как одной из отличительных черт русской культуры XVIII столетия является ее ориентированность на язык; канон — это реализация павловской системной идеологии: все внесистемное объявлялось криминальным, а человек мог осуществлять лишь одобренную императором деятельность, в том числе и речевую.

Здесь сразу же сделаем оговорку: что-то во всех предыдущих исследованиях уводило от правильного понимания проблематики в целом. Это «что-то» — социологизм филологических исследований XX в. и, как следствие, идеологическая предвзятость как наследие культурной памяти. Речь не идет исключительно об идеологии советской эпохи. Речь идет об идеологии Российской империи, которая весьма неоднородно трактовала свою собственную историю и роль представителей дома Романовых в ней. Изучение правления Павла I историками в первой половине XIX в. не поощрялось. «У нас нет даже краткого, фактического обозрения павловского периода русской истории: анекдот в этом случае оттеснил историю», — сетовал в начале XX в. историк С. В. Шумигорский [Шумигорский 1907: 2].

Отсюда проистекает господствующее сегодня представление о павловских годах как периоде удушающей цензуры, периоде запрета книг и переводов, периоде консервативной образовательной политики: «Результатомъ подобнаго цензурнаго потопа былъ всеобщій терроръ, нависшій надъ всею русскою землею, и надо ли прибавлять, что особенно чувствителенъ былъ этотъ терроръ для людей мало-мальски интеллигентныхъ. <...> Слово *общество* было запрещено совсѣмъ употреблять безъ замѣны его какимъ-либо синонимомъ. Въ подобномъ отрицаніи самаго понятія *общество* какъ нельзя болѣе характеристично выразился духъ того времени» [Скабичевский 1892: 66; 84]. Эта цитата идеологически принадлежит концу века XIX. Не удивительно, что филологи начала нынешнего века во многом находятся под влиянием именно такого исторического восприятия Павловской эпохи в целом. К. А. Богданов, например, пишет, что работа Павла над языком — «это был законодательный демарш, продемонстрировавший неравнодушие власти к общественно-политической лексике, связанной с самой

возможностью проблематизации сословных характеристик» [Богданов 2006: 125].

Повторим, подобный социологически ориентированный подход, господствующий ныне в историко-филологических исследованиях Павловской эпохи, не кажется нам адекватным. Ведь в методологическом плане социологизм объясняет всё социальное социальным, исключая другие факторы.

Реальные же факты опровергают многие идеологические домыслы конца XIX века и всего века XX. Это касается в первую очередь издательской и переводческой деятельности в конце XVIII в., т. е. в эпоху правления именно Павла I. Активизация переводческой деятельности в последние пятнадцать лет XVIII в. — это явление, которое развивалось в России и вглубь, и вширь. С одной стороны, совершенствовался уровень переводческого мастерства, все обдуманнее становился отбор книг для перевода. С другой — переводами все больше занимались не только в Москве и Петербурге, но и в русской провинции, где постепенно создавались самостоятельные культурные гнезда [Левин 1995: 215; Семенников 1911: 20—21; Блюм 1966: 40—45].

На этом фоне утверждения о продуманной языковой политике, направленной на искоренение всего, что связано с революционными событиями во Франции, не подтверждаются объективными данными. Так, в списке запрещенных к ввозу книг было «Путешествие Гулливера», сатирическая направленность которого должна была нравиться Павлу. В то же время продажа сочинений Руссо не подверглась запрету, не исключая «Общественный договор» [Исторический вестник 1885: 153]. То есть слова «общество», «общественный» исключались из речевой практики, а не из языковой системы (в названии переводных книг) отнюдь не по политическим мотивам.

Характеризуя эпоху Павла (90-е гг. XVIII в.), Ю. М. Лотман будет говорить о том, что «в зависимости от социального и культурного облика того или иного читателя удельный вес русских, французских, немецких, английских, а также латинских и итальянских книг в его активном поле внимания менялся; но сам факт значительно большей поликультурности читателя в конце XVIII века, чем в предшествующие и последующие эпохи, неоспорим» [Из истории русской культуры 1996: 118].

Павловские указы касались в первую очередь не книг, а газет, то есть, как мы сказали бы сегодня, средств массовой информации. Надо отдать должное исследователям XIX в. Они зафиксировали именно этот

аспект языковой политики, цитируя павловские указы: «...многие газетчики отступают от прямой цѣли должности своей и ищутъ, по наущенію ли французовъ или же по собственнымъ своимъ дурнымъ расположеніямъ подражать имъ и что къ сожалѣнію власти нѣкоторыя взираютъ на сіе спокойнымъ духомъ, за нужное признаемъ повелѣть сенату нашему: <...> Сенатъ нашъ имѣетъ обнародовать по всей имперіи, что кто получить газету какую бы то ни было, или періодическое сочиненіе посредствомъ воякировъ, курьеровъ, или же почты, и оное передать изъ рукъ своихъ въ другія, не представя предварительно оныя цензорамъ, то подвергаетъ себя неминуемо суду какъ ослушникъ законовъ» [Скабичевский 1892: 70—71].

Перейдем к анализу сохранившихся исторических мемуаров, касающихся языковой деятельности Павла I, и анализу оригинальных павловских документов, что даст возможность понять авторский замысел, восстановить его по сохранившимся первоисточникам. Также попытаемся выявить интертекстуальные внутренние связи недоосуществленного замысла с другими авторскими текстами; проанализируем внешний интертекстуальный контекст.

Для нашего исследования по причинам, оговоренным выше (см. цитату из С. В. Шумигорского), мы сочли целесообразным воспользоваться таким фундаментальным первоисточником, как «Полное собрание законов Россійской имперіи, съ 1649 года» (максимально полно интересующий нас материал по «языковому законодательству» Павла I представлен в тт. XXIV, XXV и XXVI), а также серией первоисточников, в которых представлены собрания исторических мемуаров:

– *Русская старина : ежемѣсячное историческое изданіе*. Для нас особый интерес представляли выпуски, в которых публиковались записки А. М. Тургенева об эпохе царствовании Павла I (выпуски за 1885—1887, 1889, 1895 гг.);

– *Древняя и Новая Россія*. Этот исторический иллюстрированный ежемесячный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге с января 1875 г. по март 1881 г., публиковал в том числе интересующие нас документальные материалы и мемуары, связанные с Павловской эпохой;

– *Русскій архивъ*. Этот историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с января 1863 по 1917 г., был основан П. И. Бартевым по замыслу А. С. Хомякова для всестороннего освещения истории России и содержал преимущественно публикации неиз-

данных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю русского дворянства в XVIII и XIX вв. Предпочтение отдавалось эпохам царствований Екатерины II, Павла I и Александра I. Особый интерес представляют записки графа А. И. Рибопьера, относящиеся к концу царствования Екатерины II и к царствованию Павла I (вып. за 1877 г.).

Обратимся непосредственно к процедуре реконструкции тех группы лексики, которые образуют основу павловского канона.

С того момента, как Павел вступил на престол, т. е. с 1796 г., он обратился к двум видам языковой практики: поименование и переименование. Официально зафиксированные указы касаются и могут быть идеографически распределены по двум большим группам: лексика топонимическая и лексика правовая — гражданская и военная.

Например: *Указ от 11 ноября 1796 года Именной, данный Сенату. О переименовании мызы Гатчины городом; Указ от 12 ноября 1796 года Именной, данный Сенату. О переименовании села Павловского городом; Высочайший Приказ от 20 ноября 1796 года, отданный при пароле. О именовании Летнего Дворца Михайловским и др.*

Что касается данного аспекта языковой деятельности Павла, то она не выходит за рамки хорошо изученного явления: переименования топонимов, как правило, эмоционально мотивированы; за ними скрывается стремление изменить ассоциативные связи старого топонима, или, если таковые связи отсутствовали, привнести их, придать имени собственному эмоциональную окраску. Мировоззрение, идеология формируются в том числе и с опорой на эмоциональные переживания. В ситуации целенаправленного формирования мировоззрения субъект этого процесса — государство — осознанно воздействует и на эмоциональную сферу. Идеология, как известно, без эмоций невозможна [Беликов 2005: 236—237]. То же имеет отношение и к сфере антропонимии. Хотя подробные приказы носили единичный характер. Например, *Указ от ноября (без даты) 1799 года. О переименовании рекрута, если кто из них имеет прозвание дворянской фамилии или непристойное наименование, означая сие в списках посылаемых в Инспекторскую экспедицию* [Полное собрание законов... Т. XXV: 902]. Не исключено, что к этому типу переименований относится намерение о составлении Дворянского реестра: 20 января 1797 г. Павлом был дан Сенату Именной указ «О составлении обща-

го Дворянских родов гербовника». Следует упомянуть и Указ сенатский от 28 января 1801 г. «О заведении алфавитных книг в Нижних Земских судах для внесения в оные осужденных на каторгу, в работу и на поселение преступников» [Полное собрание законов... Т. XXV: 516]. В пользу нашего предположения говорит и тот факт, что если за весь XVIII в. (от начала царствования Петра I) высочайшим указом девятнадцать дворянских родов получили княжеское и графское достоинство, то Павел I всего за четыре года правления своими указами создал пять новых княжеских фамилий и 22 графских [Волкова 2010: 388].

Примерами «ревизии» правовой лексики — гражданской и военной — может служить содержание следующих павловских документов: *Высочайший приказ, отданный при пароле от 8 ноября 1796 года. О переименовании в сие звание (унтер-офицер) всех, кого следует; Приказ, отданный при пароле от 12 ноября 1796 года. О именовании прапорщиков корнетами; Указ от 17 ноября 1796 года. О переименовании полков; Указ от 11 января 1797 года Именной, данный Сенату. О переименовании состоящих в статской службе и впредь в оную определяемых военных чинов, в классы службы статской; Указ от 28 марта 1800 года Именной, объявленный Сенату Генерал-Прокурором. Об именовании определенных при денежной казне присяжных счетчиками; Указ от 16 июля 1800 года Именной, объявленный Генерал-Адъютантом графом Ливеным. О именовании инженерных унтер-офицеров кондукторами и др.*

Разумеется, Павел не мог ставить себе целью создать новый политический лексикон. Речь, повторимся, шла именно о каноне. Поэтому неверным было бы направление исследования, пытающееся реконструировать полную идеографическую картину словарной работы Павла.

Однако сам идеографический подход при реконструкции канона представляется нам единственно верным. Дело в том, что для Павла важен был смысл слов. Его не интересовала информация о слове. Ему было важно знать и дать знать другим, какими словами можно выразить нужное значение.

Пример этого находим в Указе от 17 сентября 1800 года, в разделе, названном самим Павлом «Толкование». Он считает необходимым дать в документе именно словарное толкование понятия «роскошь»: «Роскошь разумѣется то, если кто не умѣренныя имѣеть расходы въ своемъ домѣ, частыя сборищи гостей и сему подобное подающее поводъ къ расточенію имѣнія; мо-

товство же есть картежная и прочія на деньги и вещи игры, продажа собственного скота или какого другаго имѣнія, безъ вѣдома своего начальства и безъ всякой нужды на пьянство, или ко удовлетворенію другихъ страстей <...> [Полное собрание законов... Т. XXVI: 310].

Как видим, будучи сыном своего времени, Павел, безусловно, владел приемами толкования слова. Помимо этого, кажется возможным установить связь с той языковой практикой, которая характеризовалась деятельностью Академии Российской, создававшей первый толковый словарь русского языка. Издание словаря было завершено в 1794 году. Но работа Академии прекращена не была. Филологические изыскания продолжались под руководством А. С. Шишкова, который был избран ее членом в декабре 1796 г. Обратим внимание: это год начала правления Павла, ноябрь.

По сути, Павел продолжал дело, начатое его предшественниками. Вслед за И. Сандомирской мы придерживаемся мнения, что в его работе над русским языком присутствовала не тенденция к «очищению» от какого-то влияния (напр., французского или немецкого), а тенденция к «обогащению» [Сандомирская 2001: 204—205]. Обогащению семиотической идеологической составляющей павловской имперской политики. Не было никакого идеологического сопротивления Екатерининской эпохе, как принято иногда представлять судьбу княгини Е. Р. Дашковой и Академии Российской. Наоборот, это было, как мы сказали выше, продолжение традиции. С другими, правда, фаворитами. Но это вполне естественно. Межличностные отношения никто никогда не отменял. Отношение Павла к Екатерине не могло не сказаться и на Е. Р. Дашковой [Российская Академия 2009: 159—160].

К задаче политического воспитания общества, как его видел и продолжал Павел, это отношения не имело. Работа Павла над языком рассматривалась им как средство политического воспитания российского народа. Эта программа была политической не в меньшей степени, чем эстетической, если мы будем иметь в виду эстетическую функцию языка. Его лингвистический проект, если так можно назвать работу Павла с русским языком, принадлежит более общему политическому проекту устройства нового типа государственной власти: речь у Павла идет ведь не больше и не меньше чем о коренных реформах — реформе престолонаследия, ослаблении позиций дворянства, изменении положения крестьян, административной и военной реформе и пр.

Характерны также такие сообщения К. Массона в его «Секретных записках о России»: «Одним из первых распоряжений Павла было строгое предписание торговцам стереть с своих вывесок французское слово *магазин* и подставить там русское слово *лавка*, приводя за основание, что один лишь император мог иметь магазины топлива, муки, зерна и пр., что ни один купец не должен подниматься выше своего значения, но оставаться в нем в своей лавке <...> Павел запретил особенным указом носить *фраки, жилеты и панталоны*, а также употреблять эти названия <...>. Он запретил Академии пользоваться термином *революция*, говоря о течении звезд, и предписал актерам употреблять слово *позволение* вместо слова *свобода*, которое они ставили в своих афишах» [Массон 1918: 102—103].

Помимо рассмотренных официально зафиксированных павловских текстов, сохранилось большое количество павловских «набросков», прямо или косвенно связанных с его работой с языком. Они также многое дают для прояснения тех целей, которые преследовал Павел.

Обратим внимание на то, что постоянно приводимое в мемуарах слово «деташамент», заменившее по воле Павла слово «отряд», встречается в рукописи всех трех воинских уставов, подготовленных лично Павлом в 1796 г. [Полное собрание законов... Т. XXIV: 104, 136—137, 139—140]. А в тексте Морского устава, также лично написанном Павлом, мы встречаем «ретраншамент» [Полное собрание законов... Т. XXIV: 408].

То есть ни о каком избегании лексических моделей французского языка в связи с революционными событиями во Франции, как принято до сих пор было считать, при новообразовании Павлом терминологической военной лексики для замены старой речи не шло [Летняков 2012: 15—16; Уланов 2008: 37—39].

На это обращали внимание некоторые историки. Так, К. Валишевский указал на то, что при замене слов Павел руководствовался отнюдь не политическими мотивами, так как русские слова заменялись французскими, польскими и даже татарскими: «Независимо от соображений политического характера, он хотел добиться еще литературного пуризма, которым он увлекался. С 23 декабря 1796 года циркуляром князя Куракина, тогдашнего генерал-прокурора, он велел предписать лицам всех чинов, состоящим на государственной службе, „употребление языка более правильного, чем тот, которым они обычно пользуются при письмоводитель-

стве“. А именно, он предписывал заменить некоторые русские слова иностранными: *стража* — татарским словом *караул*, *отряд* — французским *деташемент*, *врач* — польским *лекарь*» [Валишевский 1912: 151].

Не исключено, что поиск и анализ аналогичных фрагментов павловских текстов может значительно раздвинуть рамки изучаемой темы.

В этом свете языковая деятельность Павла оказывается более чем уместной. Он продолжает политическую языковую традицию. Его цель — сугубо практическая: он хочет научить и заставить общество думать правильно. А. С. Шишков, как мы знаем, стремился полностью восстановить идеографический принцип построения второго издания Академического словаря. Требование не было принято его последователями, которые предпочли аналитический (алфавитный) порядок презентации слов, руководствуясь соображениями научности. На самом деле иная эпоха — первая четверть XIX в. — стремилась к тому, чтобы избавить словарь от функции сакральной герменевтической системы, в которой весь предшествующий, XVIII в. видел собственно смысл лексикографической работы.

Павел I не мог не подпасть под влияние идей Просвещения и по системе своего воспитания, и по непосредственному знакомству с ними [Вошинская 2011; Семенов 1995]. Он по определению не мог преодолеть рамки эпистемы, в которой, по словам М. Фуко, «язык имел грамматику, поскольку он обладал способностью к представлению» [Фуко 1977: 263]. Постулированный философами Просвещения статус языка как первичного социального института переносит бремя ответственности за язык на инстанции социального регулирования. В первичном социальном институте должен быть порядок, и этот порядок должен кто-то охранять. Попадая в сферу светского администрирования, язык поневоле принимает на себя функции средства для выражения власти, а также и той среды, в которой реализуются властные отношения. В понимании Павла, язык не может не быть языком политическим. Политическая коннотация не могла не присутствовать в языке.

Поэтому не удивительно, что такое устройство языка потребовало специальной инстанции — «цензуры», не столько в строго политическом смысле, сколько в смысле администрирования. Примером может стать *Указ от 17 мая 1798 года Именной, данный Сенату. О устройении цензуры при всех портах, о непропуске без позволения оной привозимых книг и о наказании за непред-*

ставление цензорам получаемых газет, или иных периодических сочинений и за пропуск вредных книг. Потомки конца XIX в. не поняли семиотического дискурс Павловской эпохи и интерпретировали цензуру, как мы видели выше, преимущественно политически.

Следует также принять во внимание, что правление Павла — это переломный момент духовной жизни всей Европы, период перехода от эпохи Просвещения к эпохе романтизма, вне зависимости от того, считать ли для русской культуры таковым рубежом смерть Вольтера в 1778 г. или начало наполеоновской диктатуры в 1799 г. Важно другое: при смене эпох резко меняется и отношение к языку. Мы сталкиваемся с революцией, но революцией филологической, в которой лексикография интерпретируется как проект идеологический, как побочный продукт идеи национального самоопределения.

Не отсюда ли происходят так и не понятые современниками и потомками указы Павла о возвращении студентов из-за границы в Россию под страхом конфискации имущества? Всегда не страх верховной власти перед проникновением в Россию революционных идей обусловил временный запрет на обучение молодых дворян в иностранных учебных заведениях. О каком революционном влиянии могла идти речь, когда с момента Французской революции минуло уже почти десять лет, и она фактически похоронила саму себя? 1799 год — это тот год, когда Наполеон Бонапарт, будучи первым консулом, сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Процесс Радищева, а затем Новикова, т. е. официальная реакция на французские события со стороны Екатерины II, сменяются павловским отношением, которое просматривается в его конкретных решениях: Павел возвращает свободу Радищеву, Новикову и Костюшко, а последнему даже разрешает выехать в Америку. А 27 ноября 1797 г. появляется *Высочайший приказ, отданный при пароле. О принятии корпуса Принца Конде в службу Его Императорского Величества* [Полное собрание законов... Т. XXIV: 806—807].

На самом деле, с нашей точки зрения, речь идет об этапном мероприятии по созданию собственной системы высшего образования в России. Царствование Павла I практически ускользает от взгляда историков педагогики, разрывая «екатерининско-александровскую линию» развития российского образования. В то же время, по словам А. Б. Каменского, «единственной сферой, в которой можно говорить о движении вперед, была именно система образования». За неполных пять лет правления было изда-

но более 30 указов, касающихся преобразований в системе образования в России. Обратимся к фактам. Во-первых, речь преимущественно шла не столько о возвращении, сколько о неотправлении впредь в массовом порядке молодых людей на обучение за границу и создании собственной системы университетского (и не только) образования (*Указ от 9 апреля 1798 года Именной, объявленный Сенату Генерал-Прокурором. О запрещении отправлять в Иностранные училища молодых людей и о учреждении Университета для Лифляндского, Эстляндского и Курляндского рыцарства* [Полное собрание законов... Т. XXV: 186 сл.]). Во-вторых, напомним, что ко времени правления Павла в России существовали всего два высших учебных заведения: Славяно-греко-латинская академия, учрежденная еще в 1687 г., и Московский университет, основанный императрицей Елизаветой Петровной в 1755 г.

Это российская ситуация XVIII в. В истории же европейских университетов конец XVIII в. ознаменовался кризисом — столь глубоким, что дальнейшее существование университетов вообще было поставлено под сомнение. По данным, собранным А. Ю. Андреевым, один за другим они исчезали с карты Европы. Из 143 университетов в 1789 г. к 1815 г. осталось только 83. За двадцать лет, с 1798 по 1818 г., Германия лишилась 18 университетов из 35 действовавших к началу данного периода в границах Священной Римской империи, т. е. более половины. Среди прекративших существование были такие старейшие немецкие обители учености с богатой историей и традициями, как университеты в Кельне, Эрфурте, Виттенберге.

Особенно драматически выглядела их судьба во Франции, все 24 университета которой были закрыты, и в Испании, где сумели сохраниться лишь 10 из 25 университетов. Не менее серьезно ударил кризис и по университетскому ландшафту Центральной Европы. Это крушение было естественным следствием внутренних процессов, происходивших в самих университетах на излете «доклассической» эпохи их истории, став одним из проявлений общего политического кризиса Европы на рубеже XVIII—XIX вв. А. Ю. Андреев и С. И. Посохов приводят следующие свидетельства: «Фактор Франции имел особое значение для начала университетского кризиса. Во второй половине XVIII в. обучение во французских университетах находилось на особенно низком уровне. Это отмечали просветители, но королевский двор не предпринимал никаких

усилий для изменения ситуации. Так, в Сорбонне еще со времен Декарта была запрещена вся новая философия, а профессора занимались разного рода побочной деятельностью, пренебрегая чтением лекций. Корпоративный строй здесь окончательно деградировал, приводя к тому, что на кафедры всходила „толпа пронырливых невежд“, экзамены на докторские степени превратились в пустую формальность, а ученые дипломы покупали те, кто мог за них заплатить» [Андреев 2009; Андреев, Посохов 2012].

Вот о каком «зловредении» говорит Павел в своих указах, а не о социологически вульгарно интерпретируемом влиянии французских революционных идей.

Что касается интертекстуальной внутренней связи недоосуществленного замысла канона с другими написанными павловскими текстами, относящимися к той же теме, то здесь интерес представляют несколько указов, языковое содержание которых может считаться «подступами» к теме. Дело в том, что в них осуществляется решение о кодификации, ориентированной на язык.

16 декабря 1796 г. появляется *Именной указ, данный Генерал-Прокурору. О собрании в Уложенной Комиссии и во всех Архивах изданных донныне узаконений и о составлении из оных трех книг законов Российской Империи: Уголовных, Гражданских и Казенных дел*. В нем, как и в некоторых других, проявляется характерное для второй половины XVIII в. стремление к образной внешней форме, строгой, отточенной стилистике, а на их основе — к облегченной доступности восприятия текста. Но переход в письменной речи на «нормальную» лексику, «простое русское слово» требовал времени, серьезной научной проработки. Начавшая активно практиковаться при Павле I книжная форма изложения русскоязычных правовых текстов с необходимостью затронула все средства языка — и лексические, и морфологические [Юртаева 2009: 109—110].

Обратим внимание и на тот факт, что во всех Уставах, редактируемых лично Павлом, присутствует опыт составления словаря команд и их истолкования. Например, в Уставе Военного флота от 25 февраля 1797 г. Павел вводит специальную главу, представляющую собой «словарь команд» с ситуативным комментарием их использования:

«Командуетъ: *учение будетъ пушками!* Въ то время Командоръ долженъ, имѣя на плечахъ рогъ съ порохомъ, стать позади пушки, положивъ правую руку на покрывку затравки; подъ нимъ его помощникъ у фити-

ля, который должен воткнуть быть у обрѣза съ водою или пескомъ; а прочіе раздѣлившись на двѣ части, по обѣ стороны пушки» [Полное собрание законов...Т. XXIV: 478].

Представляет особый интерес расширенный контекст павловской языковой политики. Приведем один показательный пример: «Помимо надзора политического характера, повсеместная полиция наблюдает также за строгим исполнением массы правил, касающихся не только формы шляп и покроя платья. У ворот столицы на огромных досках написаны многочисленные предписания, с которыми жители города обязаны соотноситься, остерегаясь особенно произносить слово *курносый*, в котором может скрываться непочтительный намек» [Древняя и новая Россия 1877: 89]. Интерес к этому факту Е. С. Шумигорского выявил нечто иное, не имеющее к личности Павла и его языковой политике непосредственного отношения: «Усердная не по разуму полиция, под видом желанія угодить новому императору, делала и от себя странные распоряжения; так, напр., запрещено было употребление слов „курносый“ и „Машка“» [Шумигорский 1907: 93]. Одним из интересных, но мало пока привлекавших внимание отечественных филологов интертекстуальных явлений выступает практика фальсификации текстов политических деятелей. Это, безусловно, может стать еще одним перспективным направлением в исследовании российского политического дискурса. В контексте статьи ограничимся указанием на то, что в журнале «Русская старина» за 1873 г. была помещена подборка под общим заголовком «Самозванцы-объявители указов императора Павла I. 1800». В ней говорилось: «Множество странных распоряжений, во множестве состоявшихся в 1797—1800 годах, каковыя распоряжения касались нередко условий совершенно частного и общественного быта, повергли население столицы в тревожное положение; этим решились воспользоваться некоторые смельчаки-мошенники, и, с целью лихоимства, стали предъявлять мнимые указы и распоряжения императора Павла. Двое таких объявителей небывалых актов верховной власти были изловлены полицией...» [Русская старина 1873: 717—718].

Итак, мы смогли в итоге реконструировать некоторые фрагменты канона русской политической лексики Павла I как не подлежащих обсуждению и принимаемых к обязательному использованию человеком государства Российского лексических норм речевой деятельности. Реконструировать фрагмент канона в нашем случае означало полу-

чить таксономию групп лексики, преобразуемых волею императора.

Реконструируемые идеографические сферы лексики политического павловского канона таковы:

– сфера топонимии, например: *Мыза Гатчина — город Гатчина; Село Павловское — город Павловское; Летний дворец — Михайловский Дворец; Вытегорский канал — Марьинский канал; Город Григориополь — город Черный <...>*;

– сфера антропонимии, например: Дворянский гербовник;

– сфера официальной социально-правовой устной и письменной коммуникации гражданского общества, например: *Обозрение — осмотрение; Выполнение — исполнение; Приверженность — привязанность или усердие; Общество — собрание; Пособие — помощь или вспоможение; Граждане — жители или обыватели; Гражданин — купец или мещанин; Именитый гражданин — именитый купец; Отечество — государство; Народное училище — школа <...>; Клуб — Ø (запрещено к употреблению, замена не зафиксирована); Совет — Ø (запрещено к употреблению, замена не зафиксирована); Представители — Ø (запрещено к употреблению, замена не зафиксирована);*

– сфера прагматонимии, например, запрет на именование иностранной валюты берлинками, тройками и грошами; о запрещении *иностранных клейм и надписей* на изделиях отечественного производства <...>;

– сфера иерархического именования в гражданском обществе, например: *Врач — лекарь; Степень — класс; Присяжный — счетчик <...>*;

– сфера официальной устной и письменной коммуникации военного сообщества, например: *Преследование — посланный в погоню; Стража — караул; Отряд — detachment или команда; Батальон — полк <...>*;

– сфера иерархического именования военного сообщества, например: *Сержант — унтер-офицер; Прапорщик — корнет; Инженерный унтер-офицер — кондуктор; Квартермистер — капитан; Первый офицерский чин артиллерии — подпоручик; Коммисариатский и провиантский служитель — магазейн-вахтер <...>*.

Заключение

Мы обратились к теме канона русской политической лексики Павла I, чтобы показать актуальность и возможность реконструкции в сфере политического дискурса ненаписанных или незавершенных авторских текстов.

Идею и состав павловского канона можно в итоге исследования охарактеризовать следующим образом. В понимании Павла канон политической лексики — это основа государственного дискурса или дискурса государства, в котором оно говорит с подданными и с миром. В каноне фиксируются слова и их значения, которым придается определенный порядок: порядок смыслов по умолчанию — это порядок государственного устройства. В каноне воплощается демиургическая роль императора, созидателя мира за счет раскрытия недоступных другим взаимоотношений между словами. Ему доступен ключ к невяному, но неоспоримому порядку. Он — свидетель и хранитель коллективного бессознательного эпохи. Он подчиняет практику правилам истинности и ценности. Он эксплицирует значения и тем самым критикует сущее, создавая параллельно новые культурные конструкты.

В каноне происходит овнешнение деления языка на «старый» и «новый» с высокой ценностной характеристикой второго и стремление к переименованиям должностей, самого названия государства, титула его главы, географических и личных собственных имен и пр. Все это рассматривается Павлом в качестве естественной функции государственной власти. В полном согласии с эсхатологической мифологией акт разрушения-созидания (превращения «старого» мира в «новый») мыслится как переименование и как переистолкование.

Для всей той области реконструкции канона, на прояснение которой ориентирована настоящая статья, едва ли не основное значение имеет сопоставление восстанавливаемого «прототекста» со всем известным корпусом произведений автора. О ненаписанном произведении можно судить с достаточной долей достоверности, потому что хорошо изучены все остальные до нас дошедшие тексты. Поэтому задача реконструкции оказалась выполнима в той мере, в какой уловлены характерные черты павловской работы с языком и над языком.

Перспективной филологической работы может стать реконструкция подобных канонических феноменов русской языковой политической культуры не только Павловской эпохи. Б. А. Успенский указывает на то «поразительное постоянство», с которым самодержавцы российские от Петра I до Николая II создавали подобные прецедентные тексты. Однако практика создания канона и его реконструкции представляет не только чисто исторический интерес для современной отечественной филологии. Подобная языковая практика — это одна из констант русской

лингвокультуры. Обратимся к современности и приведем свидетельство журналистки М. Липман: «На заре независимой журналистики... когда начинались „Независимая газета“, „Коммерсантъ“, в этих новых изданиях составлялся список слов, запрещенных и, наоборот, рекомендованных к употреблению... Помню, что рекомендовалось слово „правительство“ заменять на „администрация“. М. Липман прямо указывает, что „это был идеологический шаг, он знаменовал собой отказ от советского бюрократического языка“. Скажем, „правительство“ тогда ассоциировалось с советским правительством, а „администрация“ — с „настоящей“, по мнению журналистов, властью в США и других странах. То есть был взят тот же курс на отказ от традиции и сближение с западными СМИ, что и в случае отказа от отчеств...» [Алпатов 2010: 209]. Так что исследование именно жанра канона русской политической лексики только начинается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Что угрожает русскому языку? // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / под ред. акад. Е. П. Чельшева. — М.: Азбуковник, 2010. С. 202—211.
2. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. — М.: Знак, 2009. 640 с.
3. Андреев А. Ю., Посохов С. И. Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века. — М.: РОССПЭН, 2012. 671 с.
4. Беликов В. И. Языковая политика в топонимии как воспитание чувств и ее отражение в справочных изданиях как зеркало государственных эмоций // Эмоции в языке и речи: сб. науч. ст. / под ред. И. А. Шаронова. — М.: РГГУ, 2005. С. 236—250.
5. Блюм А. В. Издательская деятельность в русской провинции конца XVIII — начала XIX в. // Книга. Исследования и материалы. — М.: Книга, 1966. С. 38—52.
6. Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. 353 с.
7. Валишевский К. Император Павел I. Его жизнь, царствование и смерть. — СПб.: Изд. Т-ва А. С. Суворина: Новое Время, 1912. 662 с.
8. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. — М.: Учпедгиз, 1938. 448 с.
9. Волкова Е. А. Российское законодательство в период правления Павла I и его влияние на состояние правопорядка в стране // Изв. Тульск. гос. ун-та. 2010. № 1—2. С. 387—395.
10. Вошинская Н. Ю. «Воспитание львов»: Шарль Массон — губернатор // Французский ежегодник. 2011. Т. 43. С. 294—314.
11. Древняя и новая Россия: иллюстрированный ежемесячный исторический сб. 1877. № 1. С. 86—91.
12. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
13. Иванов Вяч. Вс. О принципах и методах реконструкции не дошедших до нас произведений // Избранные труды по семиотике и истории культуры / Вяч. Вс. Иванов. — М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 3. С. 11—68.
14. Из истории русской культуры. В 7 т. Т. 4 (XVIII — начало XIX века). — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 832 с.
15. Исторический Вестник: историко-литературный журн. Т. XXII. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1885. 944 с.
16. Котенко В. П. Компаративистика — новое направление методологии анализа научной деятельности и развития

науки // Библиосфера. 2007. № 3. С. 21—27.

17. Левин Ю. Д. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. — СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. 316 с.

18. Летняков Д. Э. Очерки истории русской политической мысли. — М. : Летний сад, 2012. 176 с.

19. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство — СПб, 1998. С. 14—285.

20. Массон К. Секретные записки о России, в частности о конце царствования Екатерины II и правлении Павла I. — М. : Изд-во Н. На-го, 1918. 144 с.

21. Полное собрание законов Российской империи, сь 1649 года. Т. XXIV (1796—1797). — СПб.: Типогр. II Отдѣления Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. 872 с.

22. Полное собрание законов Российской империи, сь 1649 года. Т. XXV (1798—1799). — СПб.: Типогр. II Отдѣления Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. 932 с.

23. Полное собрание законов Российской империи, сь 1649 года. Т. XXVI (1800—1801). — СПб.: Типогр. II Отдѣления Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. 880 с.

24. Российская Академия (1748—1841): язык и литература в России на рубеже XVIII—XIX веков. — СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 2009. 220 с.

25. Русская старина : ежемѣс. историческое изд. 1873. Т. 7. № 5. С. 717—718.

26. Сандомирская И. Книга о Родине // Wiener Slawistischer

Almanach. Sonderband. 2001. № 50. 264 с.

27. Семенников В. П. Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII-го и в начале XIX веков // Русский библиофил. 1911. № 6. С. 14—39.

28. Семенов В. А. Читательские интересы императора Павла I // Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. — СПб.: КультИнформПресс, 1995. С. 117—130.

29. Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700—1863). — СПб.: Товарищ. «Общественная Польза», 1892. 502 с.

30. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

31. Томсинов В. А. Законодательство императора Павла I. — М.: Зерцало, 2008. 308 с.

32. Уланов А. В. Формирование и функционирование военной лексики в русском языке XVII—XVIII веков. — Омск : Омский ГУ, 2008. 180 с.

33. Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Избранные труды / Б. А. Успенский. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 2 : Язык и культура. С. 411—572.

34. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — М.: Прогресс, 1977. 408 с.

35. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта : Наука, 2006. 254 с.

36. Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. — СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. 264 с.

37. Юртаева Е. А. Язык закона и техника законотворчества в дореволюционной России // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 106—120.

V. N. Bazylev

Moscow, Russia

**THE CANON OF RUSSIAN POLITICAL VOCABULARY OF PAUL I
(based on the principles of historical reconstruction of Russian political discourse)**

ABSTRACT. *The article discusses the Canon of Russian political vocabulary of Paul I. and the urgency and the possibility of reconstruction of unwritten or incomplete original texts. It also discusses the idea and the composition of Paul's Canon. The article describes verbal reconstruction and the features of Emperor Paul's work with the language and on the language. The Emperor sees the Canon of political vocabulary as the foundation of public discourse, in which he talks with his subjects and with the world. The Canon documents define words in a certain order: default order of the meanings is the order of state structure. The Canon divides the language into "old" and "new" with the high value of the latter, there is trend for renaming governmental positions, the name of the state, the title of the head of state, geographical and personal proper names, etc. All these are regarded by the Emperor as a natural function of government. In full accord with the eschatological mythology of the Empire, an act of destruction-creation (the transformation of the "old" world into "new") is thought of as renaming and reinterpreting.*

KEYWORDS: *political words; history of the Russian language; historical discourse; political discourse; linguistic persona; Russian Emperors.*

ABOUT THE AUTHOR: *Bazylev Vladimir Nikolayevich, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Applied Linguistics, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Alpatov V. M. Chto ugrozhaet russkomu yazyku? // Reshenie natsional'no-yazykovykh voprosov v sovremennom mire. Strany SNG i Baltii / pod red. akad. E. P. Chelysheva. — М.: Azbukovnik, 2010. S. 202—211.

2. Andreev A. Yu. Rossiyskie universitety XVIII — pervoy poloviny XIX veka v kontekste universitetskoy istorii Evropy. — М.: Znak, 2009. 640 s.

3. Andreev A. Yu., Posokhov S. I. Universitet v Rossiyskoy imperii XVIII — pervoy poloviny XIX veka. — М.: ROSSPEN, 2012. 671 s.

4. Belikov V. I. Yazykovaya politika v toponimii kak vospitanie chuvstv i ee otrazhenie v spravochnykh izdaniyakh kak zerkalo gosudarstvennykh emotsiy // Emotsii v yazyke i rechi: sb. nauch. st. / pod red. I. A. Sharonova. — М.: RGGU, 2005. S. 236—250.

5. Blyum A. V. Izdatel'skaya deyatelnost' v russkoy provintsii kontsa XVIII — nachala XIX v. // Kniga. Issledovaniya i materialy. — М.: Kniga, 1966. S. 38—52.

6. Bogdanov K. A. O krokodilakh v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovaniy i ekzotizmov. — М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 353 s.

7. Valishevskiy K. Imperator Pavel I. Ego zhizn', tsarstvovanie i smert'. — SPb.: Izd. T-va A. S. Suvorina : Novoe Vremya, 1912. 662 s.

8. Vinogradov V. V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII—XIX vv. — М.: Uchpedgiz, 1938. 448 s.

9. Volkova E. A. Rossiyskoe zakonodatel'stvo v period pravleniya Pavla I i ego vliyanie na sostoyanie pravoporyadka v strane // *Izv. Tul'sk. gos. un-ta*. 2010. № 1—2. S. 387—395.
10. Voshchinskaya N. Yu. «Vospitanie l'vov»: Sharl' Masson — guverner // *Frantsuzskiy ezhegodnik*. 2011. T. 43. S. 294—314.
11. Drevnyaya i novaya Rossiya : illyustrirovannyi ezhegodnik. Istoricheskiy sb. 1877. № 1. S. 86—91.
12. Zhivov V. M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. 591 s.
13. Ivanov Vyach. Vs. O printsipakh i metodakh rekonstruktsii ne doshedshikh do nas proizvedeniy // *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury / Vyach. Vs. Ivanov*. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. T. 3. S. 11—68.
14. Iz istorii russkoy kul'tury. V 7 t. T. 4 (XVIII — nachalo XIX veka). — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. 832 s.
15. *Istoricheskiy Vestnik : istoriko-literaturnyy zhurn. T. XXII*. — SPb. : Tip. A. S. Suvorina, 1885. 944 s.
16. Kotenko V. P. Komparativistika — novoe napravlenie metodologii analiza nauchnoy deyatel'nosti i razvitiya nauki // *Bibliosfera*. 2007. № 3. S. 21—27.
17. Levin Yu. D. Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek. — SPb. : Izd-vo «Dmitriy Bulanin», 1995. 316 s.
18. Letnyakov D. E. Ocherki istorii russkoy politicheskoy mysli. — M. : Letniy sad, 2012. 176 s.
19. Lotman Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta // *Ob iskusstve / Yu. M. Lotman*. — SPb. : Iskusstvo — SPB, 1998. S. 14—285.
20. Masson K. Sekretnye zapiski o Rossii, v chastnosti o kontse tsarstvovaniya Ekateriny II i pravlenii Pavla I. — M. : Izd-vo N. Na-go, 1918. 144 s.
21. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s" 1649 goda. T. XXIV (1796—1797)*. — SPb.: Tipogr. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii, 1830. 872 s.
22. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s" 1649 goda. T. XXV (1798—1799)*. — SPb. : Tipogr. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii, 1830. 932 s.
23. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s" 1649 goda. T. XXVI (1800—1801)*. — SPb. : Tipogr. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii, 1830. 880 s.
24. Rossiyskaya Akademiya (1748—1841): yazyk i literatura v Rossii na rubezhe XVIII—XIX vekov. — SPb. : In-t lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2009. 220 s.
25. *Russkaya starina : ezhegodnik. Istoricheskoe izd. 1873. T. 7. № 5. S. 717—718*.
26. Sandomirskaya I. Kniga o Rodine // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband*. 2001. № 50. 264 s.
27. Semennikov V. P. Literaturnaya i knigopechatnaya deyatel'nost' v provintsii v kontse XVIII-go i v nachale XIX vekov // *Russkiy bibliofil*. 1911. № 6. S. 14—39.
28. Semenov V. A. Chitatel'skie interesy imperatora Pavla I // *Imperator Pavel Pervyy i Orden Sv. Ioanna Ierusalimskogo v Rossii*. — SPb. : Kul'tInformPress, 1995. S. 117—130.
29. Skabichevskiy A. M. Ocherki istorii russkoy tsenzury (1700—1863). — SPb. : Tovarishtch. «Obshchestvennaya Pol'za», 1892. 502 s.
30. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997. 824 s.
31. Tomsinov V. A. Zakonodatel'stvo imperatora Pavla I. — M. : Zertsalo, 2008. 308 s.
32. Ulanov A. V. Formirovanie i funktsionirovanie voennoy leksiki v russkom yazyke XVII—XVIII vekov. — Omsk : Omskiy GU, 2008. 180 s.
33. Uspenskiy B. A. Spory o yazyke v nachale XIX veka kak fakt russkoy kul'tury // *Izbrannye trudy / B. A. Uspenskiy*. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. T. 2 : Yazyk i kul'tura. S. 411—572.
34. Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. — M. : Progress, 1977. 408 s.
35. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 254 s.
36. Shumigorskiy E. S. Imperator" Pavel" I. Zhizn' i tsarstvovanie. — SPb. : Tip. V. D. Smirnova, 1907. 264 s.
37. Yurtaeva E. A. Yazyk zakona i tekhnika zakonotvorchestva v dorevolutsionnoy Rossii // *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2009. № 11. S. 106—120.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Л. В. Балашова
Саратов, Россия**ЭКОНОМИКА РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ**

АННОТАЦИЯ. Автор статьи в семантическом и когнитивном аспектах исследует метафорические контексты с лексемой «экономика», извлеченные из современных СМИ и интернет-ресурсов политической направленности. В работе устанавливаются основные концептуальные модели метафоризации, выявляются наиболее востребованные из них. Анализируется роль концептуальных метафор в репрезентации языковой картины мира, присущей современному российскому политическому дискурсу. В частности, отмечается преобладание наиболее продуктивных языковых моделей метафоризации (пространственной, флористической, антропоморфной, артефактной). Специфической особенностью именно данного объекта исследования становится малочастотность включения лексемы «экономика» в реализацию социоморфной, зооморфной и природной метафор, активно используемых в современном русском языке. Подчеркивается, что формирование метафор регулярно связано с контаминацией нескольких моделей, причем этот процесс выполняет определенную концептуальную функцию. Анализ употребления лексемы «экономика» в метафорических контекстах показывает, что степень регулярности конкретных концептуальных моделей принципиально не связана с политическими, идеологическими пристрастиями авторов публикаций. Различия мировоззренческого плана отражены в употреблении разных вариантов указанных моделей, в выборе конкретных лексем и включении их в определенную модально-временную рамку. В статье делается вывод о том, что современная российская экономика в политическом дискурсе воспринимается по преимуществу как человек или средство передвижения, перемещающиеся в определенном направлении и достигающие или не достигающие поставленной цели. Достаточно регулярно участники политического дискурса позиционируют экономику России как жизнеспособный или нежизнеспособный биоорганизм, а также как личность в ее интеллектуальном, характерологическом, социальном аспектах, в ее межличностно-социальных отношениях и взаимосвязях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальная метафора; модель метафоризации; экономика; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, 9; e-mail: sarteorlingv@yandex.ru.

По мнению большинства современных государственных деятелей, политиков, экономистов, социологов, политологов, наиболее значимым для современного развития России становится решение экономических проблем (ср.: [Петербургский Международный экономический форум <http://www.peterburgforum.ru>]). Это не может не отразиться на концептосфере современного российского политического дискурса. Поскольку особую роль в выражении и функционировании концептов играет их метафорическая составляющая [ср.: Аникин, Будаев, Чудинов 2015; Балашова 2010; 2013; Будаев, Курейко 2016; Будаев, Чудинов 2006; Кондратьева, Ковалева 2016; Коцюбинская 2016; Шейгал 2000], нам показалось интересным проанализировать в семантическом и когнитивном аспектах метафорические контексты с лексемой **экономика**, извлеченные из газетного и мультимедийного подкорпусов Национального корпуса русского языка [НКРЯ], современных средств массовой коммуникации и интернет-изданий политической направленности (2013—2017 гг.).

В целом изучение более 600 контекстов подобного рода показало, что авторы публикаций используют наиболее продуктивные модели метафоризации, причем это по преимуществу языковые, часто стертые (генетические и/или генеративные) метафоры (ср.: *Совершенствовать производство и персонал тоже нужно постоянно, независимо от того, происходит рост или паде-*

ние экономики страны [Н. Проценко, Ф. Айрапетян. Сладости по системе Toyota // Эксперт, 2015]). Число живых, индивидуально-авторских речевых переносов и развернутых метафор относительно невелико (менее 10 % от общего числа контекстов), и они, как правило, включены в сферу действия тех же языковых моделей метафоризации (ср.: *Мы хотим разогнать нашу **экономику*** [К. Конохова. В 2017 году в России пройдет Всемирный фестиваль молодежи и студентов // КП, 2014.07.08]; *В нашей **экономике**, даже при ручном управлении, основная доля инвестиций все-таки частная* [коллективный. Мнения // Огонек, 2015]; ... *иллюзорный контур **экономики** тут же рушится* [А. Оноприенко. Эволюционные тупики социосистемы (2013)]; *Цель — дискредитация коммунистов, советского образа жизни и стремление навязать стране рыночную **экономику** „с нечеловеческим лицом“* [Широкорад 2017]). Главной же концептуально значимой особенностью всех исследуемых метафорических контекстов является то, что они образуют достаточно четко организованную систему.

В частности, наиболее продуктивной в политическом дискурсе, как и в языке в целом, становится **пространственная макромодель**, прежде всего **линейная (горизонтальная или вертикальная) модель** [Балашова 2014б: 111—174], часто совмещаемая с другими продуктивными языковыми моделями (артефактной, флористической, биоморфной, созидательной и деструктивной и др.).

В рамках **вертикальной линейной** модели репрезентируется представление о позитивном или негативном экономическом развитии (преимущественно в количественном измерении): положение выше уровня поверхности земли и увеличение вверх от этой точки ассоциируется с позитивными тенденциями, положение ниже уровня поверхности земли и увеличение вниз от этой точки — с негативными (*Подобное сочетание снижения роста с расширением и углублением кризисов ясно говорит о нарастающей деградации **экономики*** [П. Быков. Кризису быть, ждем // Эксперт, 2014]). Примечательно, что тот и другой варианты вертикальной модели используются примерно с одинаковой частотой и не зависят от года публикации и политических пристрастий ее автора. Но различия обнаруживаются в контаминации этих вариантов модели с другими моделями метафоризации (например, наиболее экспрессивные способы реализации модели в большей степени представлены в публикациях оппозиционных средств массовой коммуникации и интернет-изданиях; в этих же источниках контексты с позитивной характеристикой экономики России чаще содержат предикаты в ирреальной модальности или в будущем времени).

Так, позитивное развитие экономики преимущественно ассоциируется с развитием, увеличением в длину по вертикали в результате жизненных процессов биоорганизма (прежде всего — растения), и основным средством в реализации этого типа значений становятся члены словообразовательного гнезда (далее — СОГ) **расти** (ср.: — *Состояние институтов и качество их работы могут генерировать только тот рост, который мы наблюдаем. Пока мы не будем эффективно работать, не получится роста экономики, — уверен Алексей Кудрин [Созаев-Гурьев 2016]; Китайцы видят, что экономика наша не растет, перспективы туманны [Верхоянцев 2017]). Флористический компонент в мотивации этого типа переноса может поддерживаться включением в контексты других метафор из поля «Растения» («Рост экономики в минимальной мере зависит от простоты регистрации юридических лиц... В России расцвет экономики возможен, когда сменится сама модель экономики», — считает Валерий Тутыхин, партнер John Tiner & Partners [Фаляхов 2014]).*

При указании на негативные тенденции («уменьшаться (о чем-л. измеряемом, исчисляемом)») вертикальная пространственная модель сочетается с другими (пространственной и/или деструктивной) моделями.

С одной стороны, это метафорическое переосмысление перемещения сверху вниз под тяжестью собственного веса любого типа (неодушевленного и одушевленного) субъекта, с другой — это перенос на базе ассоциации экономики с субъектом, утрачивающим устойчивость, теряющим опору в ногах (о человеке, животном), в основе (о свалившемся вертикально стоявшем предмете). При реализации данного варианта модели наиболее регулярно используются члены СОГ **падать** (ср.: *Цены растут, спроса нет, экономика падает, деньги дорогие* [А. Трушин. Пересидим или преодолеем? // Огонек, 2015]; *Отсутствие индикативного планирования, ...которое наблюдалось, по мнению эксперта, в стране около 15 лет, привело к упадку экономики* [Е. Малай. В России вводятся плановые «пятителки» // Известия, 2014.07.02]).

Такого рода переносы практически не содержат экспрессии и даже отчасти подверглись терминологизации. Для усиления прагматической составляющей авторы могут использовать члены других СОГ в рамках указанных концептуальных вариантов моделей, эпитеты при стертых переносах, контексты с развернутыми метафорами и др. (ср.: *Временная заморозка бюджетного правила поможет подстегнуть вялый рост российской экономики* [Ю. Забавина. Бюджетное правило предложили заморозить // РБК Дейли, 2014.06.10]; *Малый бизнес — та почва, на которой должна вырасти экономика* [Д. Яковенко. Корпус стражей институциональной революции // Эксперт 2015]).

Другой регулярный способ усиления экспрессии — контаминация вертикальной модели с другими моделями метафоризации. В частности, при указании на резкое усиление позитивных тенденций в развитии экономики используются артефактная и зоомодель (состояние хозяйства страны ассоциируется с набирающими высоту самолетом или птицей), а на резкое ухудшение — пространственные модели (экономика уподобляется катящемуся с горы камню, круглому предмету с нахождением объекта ниже линии поверхности земли, например, в основании впадин, углублений, водоемов) (ср.: *Экономика пойдет на взлет* [Тегин 2017]; *Тогда апологеты санкционной риторики со стороны США будут говорить, что, мол, санкции сняли, пошли навстречу России, и экономика тут же воспрянула* [Безчастная 2017a]; *Если экономика будет катиться вниз, то банк будет досоздавать резервы* [Е. Метелица, С. Шароян. Заемщики портятся даже у Сбербанка // РБК Дейли, 2014.06.03]; *По данным Минэкономразвития, нашу стра-*

ну ждет рецессия уже в I квартале следующего года, „дна“ экономика может достичь в середине 2015-го [К. Журенков. Покупай или проиграешь // Огонек, 2014]; Глубину дна российской экономики определяют уже пару лет — ежемесячно, тщательно и всякий раз с новым результатом [Сухова 2017]; Скатываться в яму экономика России будет еще долго [Исаев 2017]). Но употребление такого рода переносов в 2013—2017 гг. не так велико, как в первое десятилетие XXI в., причем в нулевые годы вертикальная модель часто совмещалась с моделью гибели артефакта, биоорганизма и т. п. (ср.: Это показывает, что экономика у нас потихоньку сама вылезает из ямы [М. Борисова. Главная проблема России — непредсказуемость власти (2003) // НГ, 2003.05.27]; Назревать он [кризис] начал давно, с прошлого года „черного“ августа, когда экономика России едва не пошла ко дну [В. Левашов. Заговор патриота (2000)]).

Значительно меньше представлены в современном политическом дискурсе нейтральные и экспрессивные контексты, в которых лексема **экономика** включена в каузативные конструкции, т. е. выступает в роли не самостоятельно действующего субъекта, а неодушевленного объекта, которым манипулируют различные силы, воспринимаемые как источники/причины позитивных тенденций в развитии России. Репрезентантами этого варианта вертикальной модели обычно выступают глаголы **поднять**, **поднимать** и их субстантивные дериваты, члены СОГ **держат** (в значении 'не давать упасть'), **тянуть** и т. п. (ср.: Это не только поможет поднять экономику регионов, но и позволит объективно оценивать работу губернаторов [Е. Теслова. Депутаты предлагают списать долги регионов // Известия, 2014.05.28]; Экономику не вытянуть без политических решений [Болдырев 2017]; А в целом экономику в нынешнем году подержит сельское хозяйство [А. Ивантер, А. Клепач. Длинные, эмиссионные, меченые // Эксперт, 2015]; В целом же рост занятости обеспечивается подъемом экономики — лучшего решения мир не придумал [С. Смирнов. Повторим уроки? // Огонек, 2015]; Меры поддержки экономики будут перенесены в программу, которая еще не написана [Безчастная 2017б]).

Следует отметить, что в современном политическом дискурсе в рамках концепции противопоставления вертикальных координат «верх — низ» активно используется особый вариант метафоризации, объединяющий в себе пространственный, созидатель-

но-деструктивный и артефактный компоненты. **Экономика** ассоциируется в нем со зданием, сооружением, которое возводится, стоит, держится на определенном основании и которое может быть подвержено деструкции — под воздействием стихии, усилий человека (ср.: И пока вся экономика строится на государственных деньгах, к реальной экономике она не имеет никакого отношения; Именно сельское хозяйство до сих пор остается фундаментом местной экономики — до 70 %. [П. Скоробогатый. Ингушский стартап // Эксперт, 2015]; Это не только откроет новые возможности для их бизнеса — это укрепит нашу экономику [А. Репик. Успех в «окне возможностей» зависит от шагов государства и бизнеса // Эксперт, 2015]). Примечательно, что в анализируемый период наиболее востребованным оказывается представление об экономике как о полностью разрушенном под влиянием внешних сил здании (преимущественно в оппозиционной прессе), которое начинает отстраиваться вновь социально активными группами лиц и политическими деятелями (обычно в прессе, ориентированной на власть) (ср.: Никаких санкций не нужно, наша экономика рухнет сама [Демура 2015]; Касьянов: Российская экономика рухнет в течение года [Касьянов: Российская экономика рухнет в течение года]; И обрушение контура экономики, иллюзорного в общем-то, разрушает практически автоматически этот межэлитный консенсус... [А. Оноприенко. Эволюционные тупики социосистемы (2013)]; Экономика России рухнет угрожающими темпами [Экономика России рухнет угрожающими темпами 2015]; Экономика России постепенно переходит к фазе восстановления... [Тегин 2017]; Кудрин: Восстанавливать экономику России нужно уж никак не под идейными знаменами Гайдара [Безчастная 2017в]).

Во многом схожие характеристики присущи реализации в политическом дискурсе **горизонтальной линейной** модели метафоризации. Спецификой данной языковой модели является то, что с ее помощью авторы публикаций обращают внимание в первую очередь на качественные изменения в экономической ситуации в России: движение вперед — позитивные тенденции; движение назад — негативные, статичное положение — стагнация (ср.: Говоря о качестве продукции, мы говорим о движении вперед всей донской экономики [Я. Пасечная. Качество — лучший бренд // Эксперт, 2015]; Раскол в нашем обществе колоссальный, экономика буксует, безработица растет, нищета жуткая [Цветкова 2017]; Все это при мас-

штабах нашей **экономики** находится в пределах погрешности...», — сказал Юденков... „Это топтание на месте. Нам нужны другие темпы роста...“ [Российская экономика пойдет в рост? 2017]; На данный момент российская экономика находится на этапе „низкого старта“ [Соколов 2016]. Кроме того, возможности самой модели в репрезентации различных аспектов экономических процессов и ее экспрессивных потенциалов реализуются очень последовательно и разнообразно; например:

- скорость движения ассоциируется со скоростью изменений в экономике России (ср.: России необходимо внутри себя начать полностью жить своим умом — прежде всего в плане... разгона экономики [С. Мелентьев. Державность против лимитрофности // Известия, 2014.06.27]; Когда выдавались кредиты, ...никто не ожидал резкого замедления экономики [Т. Ширманова, А. Алексеевских. Россияне стали хуже платить сразу по всем кредитам // Известия, 2014.06.05]);

- средства передвижения и отдельные их составляющие — с источниками развития или стагнации, регресса в экономике (ср.: Предприятия, которые подтверждают высокое качество продукции, ...являются флагманами донской экономики [Яна Пасечная. Качество — лучший бренд // Эксперт, 2015]; Ее [пищевой промышленности] развитие необходимо для обеспечения населения качественными и доступными продуктами, но локомотивом экономики она, увы, не станет [Исаев 2017]; Плохо то, что эти дотации служат инструментом ручного управления экономиками регионов [Повестка дня // Эксперт, 2014]; Нефтегазовые компании — „двигатель изменений“ мировой экономики [Я. Милюкова. Совет Путина бизнесу: думайте о своих выгодах // РБК Дейли, 2014.05.26]);

- траектория движения, пути следования, специальные сооружения для перемещения одушевленных и неодушевленных объектов, их конструктивные особенности, препятствия на пути следования — для конкретизации особенностей в динамике экономической ситуации в стране (ср.: Курс экономики на импортозамещение необходимо прокладывать, начиная с отраслей и компаний, производящих товары первой необходимости [Я. Пасечная. Качество — лучший бренд // Эксперт, 2015]; — Весь мир и наша экономика втягиваются, если уже не вошли, в новый технологический уровень, совершенно другого качества, — сказал Путин [Президент пригласил в Россию зарубежных ученых // Известия, 2014.06.23]; Когда эконо-

номика вышла из рецессии, ...то антикризисный план, который был разработан в конце прошлого года, стал неактуальным [Бесчастная 2017б]; К тому же ситуация в экономике в рамках действующей экономической парадигмы развития все равно должна была завести российскую экономику в тупик самое позднее к концу 2014 года [П. Быков. Откуда придет гроза // Эксперт, 2014]; Чтобы переход к форсированным инвестициям дал наибольший эффект и позволил двинуть экономику вперед, надо подкрепить его более сильными мерами стимулирования экономического роста и устранением барьеров на этом пути [коллективный. Мнения // Огонек, 2015]; Основной камень преткновения в экономике между Москвой и Киевом — газовый вопрос — остается нерешенным [Политический десант в Нормандии... 2014]).

При реализации горизонтальной модели, как и в вертикальной, пространственные концепции обычно совмещаются с артефактной, антропоморфной моделями, что отражается на характере используемых лексических средств их реализации.

В частности, при антропоморфном осмыслении пространственных характеристик наиболее частотным становится использование членов СОГ **идти** с различными модифицирующими префиксами (ср.: Российская экономика входит в рецессию [Е. Надоршин, С. Сухова. «Пока это игра, а не тенденция» // Огонек, 2015]; Российская экономика выйдет из кризиса; Экономика России постепенно переходит к фазе восстановления [Тегин 2017]; Словом, в экономике отход от „европоцентричности“ вполне оправдан [Р. Гринберг, А. Трушин. «У нас с Китаем больше конкуренции, чем кооперации» // Огонек, 2015]; Владимир Мау: „Наша экономика подошла к границе своего потенциала“ [А. Чеботарев. Известный экономист Владимир Мау — о трех кризисах и вызовах России и о том, как низко падет рубль // АиФ, № 46, 2014.12.11]). Кроме того, в каузативных конструкциях, характеризующих воздействие человека на экономику-объект, достаточно регулярно используются члены СОГ **двигать** (ср.: Экономику двигают вперед только инвестиции, и больше ничего [коллективный. Мнения // Огонек, 2015]; Эти люди весьма влиятельны, они продвигают вперед нашу экономику, реально укрепляют отношения между странами [А. Хазбиев, С. Чернявский. «Они готовы к партнерству» // Эксперт, 2015]; Борис Титов перечислил, что может сдвинуть экономику [Вести. Экономика 2016]).

Значительно более разнообразными и

экспрессивными являются средства репрезентации артефактного варианта горизонтальной модели (с возможным подключением к ней и антропоморфной модели). В этом случае **экономика** позиционируется как транспортное средство, движущееся самостоятельно или управляемое человеком (обычно это автомобиль, реже — морское судно или поезд). Примечательно, что наименования самих транспортных средств включаются в контексты достаточно редко. Более типичным становится указание на такое средство через характеристику ситуации в целом и ее отдельных составляющих (ср.: *О том, как быстро поставить экономику... рассказал уполномоченный по защите прав предпринимателей Борис Титов* [Вести. Экономика 2016]; *Это придаст ускорение экономике, надеется он* [И. Григорьева. Сделка «Газпрома» с Китаем придаст ускорение ВВП России уже в следующем году // РБК Дейли, 2014.05.29]).

Для усиления экспрессии авторы публикаций активно привлекают развернутые метафоры (например: — *Наша экономика, как поезд, который едет по рельсам, своим ходом. — Но не знает, куда едет. — Рельсы идут — и он едет. Но это нерегулируемое движение и потихоньку затухающее. В принципе, если под горку, то поезд еще едет. — А на горку уже не заедет. — А что там впереди, вы не очень знаете, надеетесь, что горка нет* [Колебакина 2017]).

Но даже регулярное использование терминологии, характеризующей движение транспортного средства (ср. генетический характер флористических метафор на базе СОГ **расти**), обычно не приводит к снижению экспрессивной составляющей переносов (ср. функционирование в современном политическом дискурсе членов СОГ **тормоз**: *Потом фактор тяжелого рубля опять стал ощущаться как тормоз экономики* [А. Ивантер, В. Мау. Качественный рост с опорой на институты // Эксперт, 2014]; *Экономику тормозят накопившиеся в ней огромные дисбалансы, долги и другие факторы, лежащие вне энергетики* [И. Сечин. Есть ли альтернатива сценарию «50-60»? // Эксперт, 2015]; *Когда в августе-сентябре обнаружится, что экономика тормозится, будут осуществлять очередное ослабление рубля* [М. Амирджян, А. Ермакова. Нефть укрепила рубль // Известия, 2014.06.24]; *Резкое падение цены нефти только усилило процессы торможения экономики* [Е. Огородников. Анабиоз // Эксперт, 2015]; *Последствиями данной ситуации станет сокращение и без того низкой доли малого и*

среднего бизнеса в стране и увеличение теневого сектора, что затормозит развитие экономики [Т. Ширманова. Страховые взносы с предпринимателей выросли в четыре раза // Известия, 2014.05.26]).

Следует отметить, что при использовании других вариантов **артефактной** модели — без пространственной составляющей (концепция экономики как действующего или бездействующего механизма, управляемого или не управляемого извне) — число стертых и экспрессивных метафор примерно одинаково (ср.: *Без нового мышления не работает экономика, ничего не работает* [М. Горбачев, А. Архангельский. «Надо изменить атмосферу» // Огонек, 2015]; *„Малый и средний бизнес может стать драйвером роста для экономики регионов“, — полагает г-н Пахалов* [Е. Обухова. На плаву продержатся, но взлететь не смогут // Эксперт, 2015]; *Он [Кудрин] добавил, что старая модель экономики не работает, и это уже очевидно, но и новая пока не запустилась и даже не до конца сформирована* [Бесчастная 2017в]; *Это свидетельствует о том, что у Президента России нет реальных рычагов управления экономикой* [«Президент не имеет рычагов управления экономикой» 2014]).

Ориентация как на стертые, так и на живые метафоры присуща также реализации других **пространственных** концептуальных моделей («часть — целое», «стабильное положение как состояние покоя — нестабильное положение в пространстве» и др.); характерна для данных моделей и контаминация с другими концептуальными метафорами. Однако количество примеров их употребления в современном политическом дискурсе значительно уступает рассмотренной выше линейной модели.

В частности, в рамках модели **«часть — целое»** (**экономика** воспринимается как некий целостный (природный или рукотворный) объект, который состоит из отдельных частей, членится внешними силами на отдельные части; возможно и противоположное действие — восстановление целостности этого объекта) фиксируются преимущественно стертые языковые метафоры; экспрессия может усиливаться при актуализации деструктивного компонента в семантике используемых лексем, при совмещении пространственной модели с биоморфной (**экономика** — пирог, который можно съесть по частям) и другими (ср.: *Какие слагаемые помогут занять свою нишу в экономике и какие условия должны быть непременно соблюдены?* [Т. Петрова. Слагаемые успеха от Александра Бабанова // Известия, 2014.05.26]; *Такой кусочек, как Россия, его*

сложно ножницами маникюрными вырезать из мировой ЭКОНОМИКИ [А. Гришин. Писатель Захар Прилепин: Надо позвонить Порошенко и сказать: «Продай нам Луганск и Донецк» // КП, 2014.06.19]; Судя всему, чиновники сделали всё, чтобы уменьшить активное вмешательство государства в ЭКОНОМИКУ [Ситников 2017]; Конечно, бизнес вцепится в освободившиеся ниши, такие лакомые куски ЭКОНОМИКИ появились почти без конкурентов! [Путин призвал бизнес диверсифицировать экономику 2014].

В другом варианте этой модели, напротив, экономика представляется частью более сложного целого (государства, общества, хозяйства и т. п.), с которой могут осуществляться различные манипуляции (ср.: В результате этих процессов „экономика оказалась „вырвана“ из общества“, то есть стала в значительной мере неподконтрольной традиционным механизмам демократического общественного контроля [А. Механик. Униженные и оскорбленные // Эксперт, 2015]).

Регулярно фиксируется также концептуальный вариант, в котором экономика представляется целостным сосудом, который заполняется жидкостью. Обычно таким образом в политическом дискурсе характеризуют процесс инвестирования (ср.: Ожидается, что за счет дополнительных антикризисных бюджетных вливаний в ЭКОНОМИКУ объемы закупок вырастут с 23,5 трлн рублей в прошлом году до 28 трлн в ближайшие год-два [А. Лобыкин. Неестественный отбор // Эксперт, 2015]). Тематическая специализация присуща и такому варианту модели, в котором ядерным становится указание на инициированное извне объединение в одно целое нескольких объектов. Подобным образом обычно дается нейтральная или оценочная характеристика развития экономики в зависимости от ряда других (политических, идеологических, финансовых, хозяйственных и др.) факторов (ср.: Экономика нашей страны и ее бюджет привязаны к ценам на нефть и газ [Е. Малай. В России вводятся плановые «пятилетки» // Известия, 2014.07.02]; Получается, экономика непосредственно связана с политикой, и демократия вплоть до классовый борьбы — неперемное условие экономического процветания? [И. Прусс, Е. Ясин. Из порочного круга // Знание-сила, 2013]; Ничего феноменального в том, что экономика России привязана к американской валюте, нет [Почему российский рубль привязан к доллару? 2016]).

Подобные характеристики присущи также **антропоморфной макромоде**ли, второй

по востребованности в современном политическом дискурсе. Наиболее последовательно и разнообразно в политическом дискурсе представлена такая разновидность указанной макромоде

ли, как **биоморфная** модель, в которой **экономика** ассоциируется с человеком как биоорганизмом. Поэтому уровень экономического развития страны воспринимается как его физическое состояние (ср.: Но начали мы беседу с животрепещущего разговора о текущем состоянии ЭКОНОМИКИ [А. Ивантер, А. Клепач. Длинные, эмиссионные, меченые // Эксперт, 2015]; То есть мы не представляем себе реального состояния нашей экономики? [Трушин 2017]; После того как повысится определенность, может улучшиться состояние экономики и потенциал роста рынка [С. Шароян. Продай Burberry, купи Россию // РБК Дейли, 2014.06.19]).

Соответственно позитивные изменения в экономическом развитии ассоциируются с рождением, с физическим укреплением организма, его выздоровлением после болезни, что может получать отражение во внешнем виде; негативные тенденции — с физической слабостью, физической неполноценностью, с болезнью и болезненными ощущениями, в крайнем случае — со смертью. Чрезвычайно разнообразны и средства выражения этого типа метафорических значений, например:

- Основными индикаторами самочувствия ЭКОНОМИКИ неожиданно стали инфляция и валютный курс [Д. Яковенко. Корпус стражей институциональной революции // Эксперт, 2015]; Дело не в Евкурове, а в нехватке ресурсов для саморазвития ЭКОНОМИКИ [Е. Теслова. В Ингушетии боевики пытались выкрасть из морга тело своего главаря // Известия, 2014.06.09]; Несмотря на оптимистичные прогнозы чиновников, обещающих оживление ЭКОНОМИКИ, ...большинство россиян предпочитают „обустраиваться“ в негативной реальности [С. Сухова. Обживая дно // Огонек, №5, 2017.06.02]; <Предполагаемые меры> надолго отложили бы посткризисное выздоровление ЭКОНОМИКИ [Повестка дня // Эксперт, 2015]; Монополия будет обязана предоставить технические документы, доказывающие... привлекательность ЭКОНОМИКИ ее разработки для осуществления поставок газа в Китай [Л. Подобедова. ФАС проверит «Силу Сибири» // Известия, 2014.07.02];

- Российская экономика в ее нынешнем ослабленном состоянии и нестабильные условия для ведения бизнеса не смогут привлечь в Россию ожидаемых вливаний [П. Козлов. Сенаторы предлагают амнистию

на вывезенный из России капитал // Известия, 2014.06.19]; Это „довольно болезненно“ для российской экономики с учетом ее собственных проблем [Газовый спор России и Украины: Брюссель не помог, впереди Стокгольм? // РИА «Новости», 2014.06.11]; Экономика еще не оправилась от предыдущего кризиса [П. Быков. Инвестиция в «открытое общество» под 10 % годовых // Эксперт, 2015]; И в антикризисном плане... должны быть прописаны не только задачи выживания, но изменения самой структуры экономики [коллективный. Мнения // Огонек, 2015]; Движение курса на этих уровнях не является шоком для экономики, этот курс уже заложен во внутренние цены, и никакой значительной инфляционной проблемы нынешнее движение не создает [Колебакина 2017].

В современном политическом дискурсе явно преобладают контексты, в которых отражены негативные тенденции в экономике России. Подобную картину можно наблюдать в каузативных конструкциях, в которых **экономика** предстает объектом воздействия внешних сил, внешних факторов. Последние осмысляются как неблагоприятные условия жизни, стихийные бедствия, люди, сознательно причиняющие вред здоровью характеризуемого объекта, или, напротив, как лекарственные средства, врачи, защитники, ограждающие объект от негативного воздействия извне. И в данном случае обращает на себя внимание разнообразие используемых лексических средств, причем большую роль среди них играет терминология, прежде всего медицинская, например:

- „Санкции со стороны США и Евросоюза ослабили и так уже замедляющуюся российскую экономику“ [С. Шароян, Т. Алешкина. Списание по-русски // РБК Дейли, 2014.05.19]; Ассоциация стран постсоветского пространства с ЕС может серьезно навредить российской экономике [Т. Байкова. Евроинтеграция Украины ударит по ее же экономике // Известия, 2014.06.29]; В апреле-мае кризис в экономике, первоначально наиболее сильно поразивший торговлю и строительство, стал все больше захватывать промышленное производство [С. Журавлев. Вторая волна рецессии? // Эксперт, 2015; Л. Подобедова. ФАС проверит «Силу Сибири» // Известия, 2014.07.02]; По мнению эксперта, раздача продовольствия вместо наличных денег была бы менее вредна для экономики [Соловьева 2017]; Таким образом „Газпром“... вполне сознательно нанес удар по экономике Крыма [Е. Теслова, М. Самохвалова. «Газпром» отправил отдыхать сотрудников вместо Крыма в Европу // Известия, 2014.06.04]; Экономика действи-

тельно стала жертвой наших „грамотных“ политиков» [коллективный. Неделя. Письма // Огонек, 2015]; Альтернатива нынешнему курсу есть... И не кудринско-грефовская... А выработанная лучшими специалистами-практиками реального (все еще живого, вопреки всем усилиям властей его окончательно добить) сектора нашей экономики [Болдырев 2017]; Такой собирательный диагноз всем бедам российской экономики [Исаев 2017];

- Могут ли рецепты Кудрина реанимировать отечественную экономику? [Безчастная 2017в]; „Новый состав правительства символизирует новый день для страны и новый этап больших усилий последних лет по оздоровлению экономики“, — сказал премьер [Г. Мельник. Новое правительство Греции завершит начатые реформы, уверен премьер // РИА «Новости», 2014.06.10]; Способ защитить нашу экономику был предложен первым вице-премьером Игорем Шуваловым... [Т. Байкова. Евроинтеграция Украины ударит по ее же экономике // Известия, 2014.06.29]; Власти и бизнес подстрахуют российскую экономику поставками ресурсов в страны Азиатско-Тихоокеанского региона [Е. Созаев-Гурьев. Российский ТЭК переориентируют на Восток // Известия, 2014.06.04]; Экономика получает новый импульс, — отмечает собеседник из медийной отрасли [В. Зыков. Запуск второго мультимедиа перенесут на 2019 год // Известия, 2014.06.09]; Чем заменить нефть, чтобы спасти российскую экономику [Исаев 2017].

Отдельные составляющие этой модели могут получать большее развитие, оформляясь в самостоятельный вариант; например, ведущая роль в экономике страны сырьевого сектора осмысляется как наркотическая зависимость (ср.: Российская экономика иногда напоминает мне наркомана, и термин „нефтяная игла“ по отношению к нам крайне справедлив [А. Репик. Успех в «окне возможностей» зависит от шагов государства и бизнеса // Эксперт, 2015]; А пресловутая „нефтяная игла“, которая якобы ввергает российскую экономику в стагнацию, станет отличной подмогой для развития и укрепления других немаловажных отраслей страны (Прелести нефтяной иглы...) [Макеев 2016]; <Иван Преображенский, муж> Они звучат как традиционные пожелания „бороться за все хорошее, против всего плохого“, которые раздает уже не первое поколение российских министров, обещая снять экономику страны с „нефтяной иглы“ [коллективный. Форум: Призрак нового

кризиса в РФ (2013)]; *В первом квартале 2016 года нефтегазовая зависимость российской экономики серьезно снизилась, свидетельствуют данные Минфина* [Самофалова 2016]).

Среди других вариантов биоморфной модели более или менее регулярно фиксируется концепция удовлетворения физических потребностей: **экономика** осмысливается как человек или животное, которые потребляют в качестве ресурсов и т. п. различные продукты питания (*Регулятор... констатировал наблюдающиеся в изобилии признаки циклического спада, вызванного инерционным „пережевыванием“ экономики изменившихся внешних условий...* [С. Журавлев. Вторая волна рецессии? // Эксперт, 2015]).

Наконец, в современном политическом дискурсе обнаруживаются примеры реализации некоторых других концепций антропоморфной макромодеи, но число подобных метафор, как правило, невелико. В частности, в рамках **личностной и социоморфной моделей** встречаются отдельные языковые и индивидуально-авторские переносы, характеризующие **экономику** как человека с некими интеллектуальными, характерологическими признаками, занимающего определенное социально-имущественное положение, вступающего в различные межличностные и социальные отношения (ср.: *Частные инвесторы всё еще осторожничают с непредсказуемой российской экономикой* [Исаев 2017]; *Экономика великой и богатейшей страны на данный момент переживает свои не самые лучшие времена* [Прогноз экономики России на 2017 год. Мнения 2016]; *Политика продолжает властвовать над экономикой* [Ф. Лукьянов. Стабильность ради выживания // Огонек, 2015]; *В этой связи экономика России выигрывает лишь от притока трудовых мигрантов* [А. Погосян. Евразийский экономический союз станет конкурентом ЕС // Известия, 2014.05.30]; *В девяностых рыночную экономику нам строили рыцари экономики плановой...* [О. Туханина. Страна парадоксов // КП, 2014.07.02]; *Но внутри страны финансами и экономикой правит либеральная свора...* [Цветкова 2017]).

Таким образом, можно констатировать, что лексема **экономика** регулярно включается в метафорические контексты в современном российском политическом дискурсе, но это исключительно концептуальные макромодеи и частные модели, продуктивные как в языке в целом, так и в политическом дискурсе в частности [ср.: Балашова 2006; 2009; 2016]: пространственная, флористическая, антропоморфная, артефактная. Специфической особенностью именно данного

объекта исследования становится малочастотность включения лексемы **экономика** в реализацию социоморфной, зооморфной и природной метафор, активно используемых в современном русском языке. Кроме того, формирование метафор регулярно связано с контаминацией нескольких моделей, причем этот процесс выполняет концептуальную функцию. В целом современная российская экономика воспринимается по преимуществу как человек или средство передвижения, перемещающиеся в определенном направлении и достигающие или не достигающие поставленной цели. Достаточно регулярно участники политического дискурса позиционируют экономику России как жизнеспособный или нежизнеспособный биоорганизм, а также как личность в ее интеллектуальном, характерологическом, социальном аспектах, в ее личностно-социальных отношениях и взаимосвязях.

ИСТОЧНИКИ

1. Безчастная М. США «подогреют» экономику России // Свободная пресса. 2017а. 24 янв. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/164835/>.
2. Безчастная М. Антикризисный план ужали вчетверо // Свободная пресса. 2017б. 16 янв. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/164362/>.
3. Безчастная М. Россия снова очутилась в застое // Свободная пресса. 2017в. 13 янв. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/164235/>.
4. Болдырев Ю. Экономике не вытянуть без политических решений // Свободная пресса. 2017. 1 февр. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/165437/>.
5. Верхоляцев А. Новый Шёлковый путь буксует на Транссибе // Свободная пресса. 2017. 20 янв. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/164621/>.
6. Вести. Экономика. 2016. 14 апр. URL: <http://www.ane.ws.com/p/44804449/>.
7. Демура С. Никаких санкций не нужно, наша экономика рухнет сама // Youtube. 2015. 22 окт. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qGJxAOPSxJI>.
8. Исаев Н. Меняем автопром на микроэлектронику // Свободная пресса. 2017. 28 янв. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/165192/?cbit=1>.
9. Касьянов: Российская экономика рухнет в течение года // Ино.tv. 2014. 29 сент. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2014-09-29/Kasyanov-Rossijskaya-ekonomika-ruhnet-v>.
10. Колебакина Е. Наталия Орлова: «Побояты повысить налоги сразу – будут отрубать хвост по частям» // БИЗНЕС Online. 2017. 14 февр. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/337186>.
11. Макеев Н. Прелести нефтяной иглы: почему России не надо от нее отказываться // МК.ru. 2016. 13 дек. URL: <http://www.mk.ru/economics/2016/12/13/prelesti-neftyanoy-igly-pochemu-rossii-ne-nado-ot-nee-otkazyvatsya.html>.
12. Национальный корпус русского языка = НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
13. Петербургский Международный экономический форум. URL: <http://www.forumspb.com/ru/2016/sections/62/materials/309>.
14. Политический десант в Нормандии, или Первая встреча Путина и Порошенко // РИА «Новости». 2014. 6 июня. URL: <https://ria.ru/world/20140606/1011045518.html>.
15. Почему российский рубль привязан к доллару? // Новости онлайн.инфо. 2016. 16 нояб. URL: <http://novosti-online.info/493-pochemu-rossiyskiy-rubl-privyazan-k-dollaru.html>.
16. «Президент не имеет рычагов управления экономикой». Экономист Валентин Катасонов о том, почему Владимир Путин вынужден уговаривать бизнес-сообщество заняться диверсификацией // Русская народная линия : информацион-

но-аналитическая служба. 2014. 23 дек. URL: http://russline.ru/news_rl/2014/12/23/prezident_ne_imeet_rychagov_upravleniya_ekonomikoj/.

17. Прогноз экономики России на 2017 год. Мнения // Институт спроса и предложения. 2016. 8 окт. URL: <http://www.sprospredlozhenie.com/prognoz-ekonomiki-rossii-v-2017-godu/>.

18. Путин призвал бизнес диверсифицировать экономику // РИА «Новости». 2014. 19 дек. URL: <https://ria.ru/economy/20141219/1039260750.html>.

19. Российская экономика пойдет в рост? // Вестник Кавказа. 2017. 10 февр. URL: <http://vestnikavkaza.ru/material/188471>.

20. Самофалова О. Россия слезает с нефтяной иглы // Взгляд. 2016. 15 апр. URL: <http://vz.ru/economy/2016/4/15/805670.html>.

21. Ситников А. Как «распилить» триллион казенных рублей // Свободная пресса. 2017. 22 янв. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/164741/>.

22. Созаев-Гурьев Е. «Сам по себе экономический рост не возобновится» // Известия. 2016. 25 мая. URL: <http://izvestia.ru/news/615390#ixzz4XzALY2og> (дата обращения: 7.02.2017).

23. Соколов И. Как Путин поднимет экономику России в 2018—2024 годах? // New Inform : информационный портал. 2016. 23 мая. URL: <https://newinform.com/13817-finansovyy-geniy-putina-chto-vzorvet-ekonomiku-rossii-v-2018-2024-godah>.

24. Соловьева О. Правительство готовит продуктовые карточки для граждан // Независимая. 2017. 8 февр. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-02-08/4_6923_karts.html.

25. Сухова С. Обжация дно // Коммерсант. 2017. 6 февр. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3205837>.

26. Тегин М. Экономика пойдет на взлет // Известия. 2017. 3 февр. URL: <http://izvestia.ru/news/661634#ixzz4XbeIgCI5>.

27. Трушин А. «Руководство страны опирается на ошибочные данные об экономике» // Коммерсант. 2017. 13 февр. URL: <http://kommersant.ru/doc/3211937>.

28. Фалыхов Р. Бизнес подвяжут к киви // Газета.ру. 2014. 26 янв. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/02/24/5925625.shtml>.

29. Цветкова Р. Геннадий Зюганов: Совету безопасности и Путину есть над чем задуматься // Независимая. 2017. 7 февр. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2017-02-07/9_6922_zuganov.html.

30. Широкопад А. Б. Россия постоянно бьет ножом в спину // Независимое военное обозрение. 2017. 3 февр. URL: http://nvo.ng.ru/history/2017-02-03/14_935_russia.html.

31. Экономика России рухнет угрожающими темпами // Euroa.com. Новости Украины и мира. 2015. 20 апр. URL: <https://euroa.com/world/russia/3981-ekonomika-rossii-rushitsya-ugrozhayushchimi-tempami>.

L. V. Balashova
Saratov, Russia

RUSSIA'S ECONOMY IN MODERN POLITICAL DISCOURSE THROUGH THE PRISM OF CONCEPTUAL METAPHOR

ABSTRACT. *The author of the article in semantic and cognitive aspects explores metaphorical contexts with the token economy, learned from the modern media and Internet resources political orientation. The work establishes the basic conceptual model of metaphorization, revealed the most popular of them. Examines the role of conceptual metaphors in representing the linguistic picture of the world inherent in modern Russian political discourse. In particular, it is inferred that the most productive linguistic metaphoric models (spatial, floral, anthropomorphic, artifact). Specific feature of this object of study becomes malacologist the inclusion of a token economy in the implementation of socio-morphic, animal and natural metaphors are actively used in the modern Russian language. It is emphasized that the formation of metaphors is regularly associated with the contamination of several models, and the process performs a conceptual function. Analysis of the use of token economy in metaphorical contexts shows that the degree of regularity of specific conceptual models are not fundamentally to do with political and ideological bias of authors of publications. The ideological differences of the plan are reflected in the use of different variants of these models, the choice of specific lexemes and their inclusion in a specific modal-temporal frame. The article concludes that the modern Russian economy in the political discourse is perceived mainly as a person or vehicle moving in a specific direction and reaching or not reaching goals. Quite regularly members of the political discourse have positioned the economy of Russia as a viable or non-viable bioorganisms and as a person in her intellectual, characterological, social aspects, in its interpersonal and social relations and connections.*

KEYWORDS: *conceptual metaphor; metaphoric model; the economy, political discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Balashova Lyubov Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, Saratov National Research State University n.a. N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.*

REFERENCES

1. Bezchastnaya M. SShA «podogreyut» ekonomiku Rossii // Svobodnaya pressa. 2017a. 24 yanv. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/164835/>.

2. Bezchastnaya M. Antikrizisnyy plan uzhal vchetvero // Svobodnaya pressa. 2017b. 16 yanv. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/164362/>.

ЛИТЕРАТУРА

32. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Архетипы и инновации в диахронической динамике метафорических систем в политической коммуникации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 5—12.

33. Балашова Л. В. Идиомы со значением «Власть» в современном российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 4 (58). С. 12—21.

34. Балашова Л. В. Концептуализация власти в социоморфной литературной и сленговой метафоре (сопоставительный аспект) // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 2 (32). С. 9—14.

35. Балашова Л. В. Образ России в зеркале концептуальной метафоры (на материале политического телешоу «К барьеру») // Современная политическая коммуникация. — Екатеринбург, 2009. С. 53—56.

36. Балашова Л. В. Общественно-политическая лексика как источник метафоризации внеполитического дискурса // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 21—43.

37. Балашова Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2013. Вып. 2 (44). С. 11—22.

38. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. — М.: Языки славянской культуры, 2014а. 496 с.

39. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI—XXI вв. — М.: Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014б. 632 с.

40. Будаев Э. В., Курейко В. В. Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 4 (58). С. 93—99.

41. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 252 с.

42. Кондратьева О. Н., Ковалева К. А. Динамика метафорических моделей в политической коммуникации (на примере выступлений Ю. Тимошенко) // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 4 (58). С. 34—48.

43. Коцобинская Л. В. Метафора «информационная атака» как объект лингвистического исследования // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 5 (59). С. 77—82.

44. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.

svpressa.ru/economy/article/164621/.

6. Vesti. Ekonomika. 2016. 14 apr. URL: <http://www.ane.ws.com/p/44804449/>.

7. Demura S. Nikakikh sanktsiy ne nuzhno, nasha ekonomika rukhnet sama // Youtube. 2015. 22 okt. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qGJxAP5xJI>.

8. Isaev N. Menyaem avtoprom na mikroelektroniku // Svoobodnaya pressa. 2017. 28 yanv. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/165192/?cbt=1>.

9. Kas'yanov: Rossiyskaya ekonomika rukhnet v techenie goda // Ino.tv. 2014. 29 sent. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2014-09-29/Kas'yanov-Rossiyskaya-ekonomika-rukhnet-v>.

10. Kolebakina E. Nataliya Orlova: «Poboyatsya povysit' nalogi srazu – budut otrubat' khvost po chastyam» // BIZNES Online. 2017. 14 fevr. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/337186>.

11. Makeev N. Prelesti neftyanoy igly: pochemu Rossii ne nado ot nee otkazyvat'sya // MK.ru. 2016. 13 dek. URL: <http://www.mk.ru/economics/2016/12/13/prelesti-neftyanoy-igly-pochemu-rossii-ne-nado-ot-nee-otkazyvatsya.html>.

12. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka = NKRYa. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

13. Peterburgskiy Mezhdunarodnyy ekonomicheskij forum. URL: <http://www.forumspb.com/ru/2016/sections/62/materials/309>.

14. Politicheskij desant v Normandii, ili Pervaya vstrecha Putina i Poroshenko // RIA «Novosti». 2014. 6 iyunya. URL: <https://ria.ru/world/20140606/1011045518.html>.

15. Pochemu rossiyskiy rubl' privyazan k dollaru? // Novosti onlayn.info. 2016. 16. noyab. URL: <http://novosti-online.info/493-pochemu-rossiyskiy-rubl-privyazan-k-dollaru.html>.

16. «Prezident ne imeet ryuchagov upravleniya ekonomikoju». Ekonomist Valentin Katasonov o tom, pochemu Vladimir Putin vyzhden ugovarivat' biznes-soobshchestvo zanyat'sya diversifikatsiyey // Russkaya narodnaya liniya : informatsionno-analiticheskaya sluzhba. 2014. 23 dek. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2014/12/23/prezident_ne_imeet_ryuchagov_upravleniya_e_konomikoj/.

17. Prognoz ekonomiki Rossii na 2017 god. Mneniya // Institut sprosa i predlozheniya. 2016. 8 okt. URL: <http://www.sprospredlozhenie.com/prognoz-ekonomiki-rossii-v-2017-godu/>.

18. Putin prizval biznes diversifitsirovat' ekonomiku // RIA «Novosti». 2014. 19 dek. URL: <https://ria.ru/economy/20141219/1039260750.html>.

19. Rossiyskaya ekonomika poydet v rost? // Vestnik Kavkaza. 2017. 10 fevr. URL: <http://vestnikavkaza.ru/material/188471>.

20. Samofalova O. Rossiya slezaet s neftyanoy igly // Vzglyad. 2016. 15 apr. URL: <http://vz.ru/economy/2016/4/15/805670.html>.

21. Sitnikov A. Kak «rasplit'» trillion kazennykh rubley // Svoobodnaya pressa. 2017. 22 yanv. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/164741/>.

22. Sozaev-Gur'ev E. «Sam po sebe ekonomicheskij rost ne vozobnovitsya» // Izvestiya. 2016. 25 maya. URL: <http://izvestia.ru/news/615390#ixzz4XzALY2og> (data obrashcheniya: 7.02.2017).

23. Sokolov I. Kak Putin podnimet ekonomiku Rossii v 2018—2024 godakh? // New Inform : informatsionnyy portal. 2016. 23 maya. URL: <https://newinform.com/13817-finansovyy-geniy-putina-cto-vzorvet-ekonomiku-rossii-v-2018-2024-godah>.

24. Solov'eva O. Pravitel'stvo gotovit produktovye kartochki dlya grazhdan // Nezavisimaya. 2017. 8 fevr. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-02-08/4_6923_karts.html.

25. Sukhova S. Obzhivaya dno // Kommersant. 2017. 6 fevr. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3205837>.

26. Tegin M. Ekonomika poydet na vzlet // Izvestiya. 2017. 3 fevr. URL: <http://izvestia.ru/news/661634#ixzz4XbelGCI>.

27. Trushin A. «Rukovodstvo strany opiraetsya na oshibochnye dannye ob ekonomike» // Kommersant. 2017. 13 fevr. URL: <http://kommersant.ru/doc/3211937>.

28. Falyakhov R. Biznes podvyazhut k kivi // Gazeta.ru. 2014. 26 yanv. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/02/24/5925625.shtml>.

29. Tsvetkova R. Gennadiy Zyuganov: Sovetu bezopasnosti i Putinu est' nad chem zadumat'sya // Nezavisimaya. 2017. 7 fevr. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2017-02-07/9_6922_zuga_nov.html.

30. Shirokorad A. B. Rossiya postoyanno byut nozhom v spinu // Nezavisimoe voennoe obozrenie. 2017. 3 fevr. URL: http://nvo.ng.ru/history/2017-02-03/14_935_russia.html.

31. Ekonomika Rossii ruzhitsya ugrozhayushchimi tempami // Euroua.com. Novosti Ukrainy i mira. 2015. 20 apr. URL: <https://euroua.com/world/russia/3981-ekonomika-rossii-ruzhitsya-ugrozhayushchimi-tempami>.

32. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Arkhetipy i innovatsii v diakhronicheskoy dinamike metaforycheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2015. № 1. S. 5—12.

33. Balashova L. V. Idiomy so znacheniem «Vlast'» v sovremennom rossiyskom politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2016. Vyp. 4 (58). S. 12—21.

34. Balashova L. V. Kontseptualizatsiya vlasti v sotsiomorfnoy literaturnoy i slengovoy metafore (sopostavitel'nyy aspekt) // Politicheskaya lingvistika. 2010. Vyp. 2 (32). S. 9—14.

35. Balashova L. V. Obraz Rossii v zerkale kontseptual'noy metafory (na materiale politicheskogo teleshou «K bar'eru») // Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya. — Ekaterinburg, 2009. C. 53—56.

36. Balashova L. V. Obschestvenno-politicheskaya leksika kak istochnik metaforyzatsii vnepoliticheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2006. Vyp. 20. S. 21—43.

37. Balashova L. V. Politicheskij 2012 god v zerkale kontseptual'noy metafory // Politicheskaya lingvistika. 2013. Vyp. 2 (44). S. 11—22.

38. Balashova L. V. Russkaya metafora: proshloe, nastoyashee, budushchee. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014a. 496 s.

39. Balashova L. V. Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitii: XI—XXI vv. — M. : Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi : Znak, 2014b. 632 s.

40. Budaev E. V., Kureyko V. V. Metaforicheskaya reprezentatsiya krizisa na Ukraine v russkoyazychnykh komentariyakh novostnykh portalov // Politicheskaya lingvistika. 2016. Vyp. 4 (58). S. 93—99.

41. Budaev E. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2006. 252 s.

42. Kondrat'eva O. N., Kovaleva K. A. Dinamika metaforycheskikh modeley v politicheskoy kommunikatsii (na primere vystupleniy Yu. Timoshenko) // Politicheskaya lingvistika. 2016. Vyp. 4 (58). S. 34—48.

43. Kotsyubinskaya L. V. Metafora «informatsionnaya ataka» kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya // Politicheskaya lingvistika. 2016. Vyp. 5 (59). S. 77—82.

44. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — Volgograd : Peremena, 2000. 367 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Е. В. Дзюба
Екатеринбург, Россия

«БАРХАТНЫЕ» МЕТАФОРЫ ЧЕШСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению метафорических образов, представляющих современную политическую ситуацию в Чешской Республике. Материалом для анализа послужили публикации современных изданий «Dnes», «iDnes», «České noviny», «Liberěcký deník», «Parlamentní listy», «Týden» и политические плакаты, посвященные празднованию двадцать седьмой годовщины «Бархатной революции» в Чешской Республике, состоявшейся 17 ноября 1989 года. Исследование позволило выделить следующие виды метафор, представляющих современную политическую ситуацию в Чехии: антропоморфная (метафора сна и пробуждения, образ Спящей красавицы, образ рулевого корабля), морбиальная (метафора летаргического сна), природоморфная (метафора огня и света), экономическая (метафора политического маркетинга и политической продукции), зооморфная (метафора русского медведя и китайской панды), криминальная (метафора «банда президента»), милитарная (метафора защиты и нападения), квискилярная (метафора мусора и навоза). В ходе исследования подчеркивается идея обусловленности выбора стратегии воздействия на массовое сознание спецификой политического устройства государства: в ситуации конституционных изменений, связанных с установлением прямых выборов президента, актуализируется коммуникативная стратегия дискредитации личности и действий президента. Делается замечание о формировании устойчивых национальных языковых стереотипов и клишированных конструкций, трансформирующихся в угоду конкретной политической ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политическая метафорология; политические метафоры; метафорическое моделирование; «Бархатная революция».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: elenacz@mail.ru.

В области изучения политической лингвистики существуют разные методологические подходы к описанию языкового материала. Одним из параметров, определяющих специфику подхода, является наличие или отсутствие тематических ограничений. Одни исследования нацелены на изучение лингвистического инструментария политической коммуникации вообще; другие определяют объектом своих исследований изучение языковых средств, участвующих в моделировании конкретной политической ситуации: военной кампании в той или иной стране, политических выборов, политических дебатов по конкретным вопросам и т. п. (см. подробнее об актуальных направлениях отечественной политической коммуникации: [Дзюба, Чудинов 2016]).

Данное исследование нацелено на анализ лингвистических средств, представляющих современную политическую ситуацию в Чешской Республике, и тематически ограничено материалами чешских СМИ, освещающих празднование двадцать седьмой годовщины «Бархатной революции» (Sametová revoluce).

Анализ лингвистических средств, описывающих указанное политическое событие и отражающих политические мнения в чешском обществе, следует предварить некоторыми замечаниями об исторических фактах, которые связаны с указанной датой, ставшей весьма знаменательной в чешской истории XX в.

28 октября 1939 г., в годовщину создания независимого Чехословацкого государства, в Праге прошли антинацистские демонстрации, в которых против оккупационной власти выступило сто тысяч демонстрантов [Geb-

hart, Kulík 1996]. Во время одной из таких демонстраций был смертельно ранен студент медицинского факультета Карлова университета Ян Оплетал. Его похороны, состоявшиеся 15 ноября 1939 года, переросли в новые демонстрации, приведшие к закрытию имперским протектором Константином фон Нейратом всех чешских университетов и колледжей. Более 1200 студентов были отправлены в концентрационный лагерь Заксенхаузен, девять студентов и активистов студенческих организаций 17 ноября 1939 г. были казнены [Gebhart, Hájková 1980].

Спустя 50 лет, в октябре 1989 г., независимая студенческая ассоциация «STUNA» начала подготовку мероприятия в память о событиях 1939 г. Данная акция должна была пройти в Праге, на Альбертове. Это улица и целый квартал в Праге-2, названный в честь известного чешского доктора медицины Эдварда Альберта, в конце XIX в. преподававшего в университете в этой части города. С тех пор здесь расположены здания разных факультетов Карлова университета, в том числе и медицинского.

Официальной целью студенческой акции 1989 г. было сохранение памяти о Яне Оплетале, но более радикальная часть студентов решила связать с данной акцией выражение недовольства сложившейся под влиянием коммунистического режима социально-политической ситуацией и призвать к переменам [Závěrečná zpráva vyšetřovací komise Federálního shromáždění pro objasnění událostí 17. listopadu 1989, část III. 1]. В пятницу, 17 ноября 1989 г., Альбертов собрал студентов Пражского университета. В сере-

дине дня в этом квартале было приблизительно от 500 до 600 человек, скандирующих антикоммунистические лозунги, к вечеру число демонстрантов, продвигавшихся к центру города, выросло до 5000 человек. С натиском толпы не справлялись полицейские оцепления, а число демонстрантов все росло [см. подробнее: Totalita.cz]. Начавшиеся 17 ноября 1989 г. демонстрации продолжались до конца ноября: 27 ноября проходящие по всей стране антикоммунистические акции охватили более 75 % граждан; 28 ноября премьер-министр Чехословакии Ладислав Адамец пообещал масштабные изменения в составе правительства; 29 ноября Федеральным собранием была отмена конституционная статья о руководящей роли Коммунистической партии в обществе; на следующий день Министерство образования отменило преподавание марксизма-ленинизма в университетах. Таким образом, были созданы основные условия для отстранения коммунистов от власти [см. подробнее: Kapavík [http](http://)].

17 ноября как день, символизирующий борьбу против нацистской оккупации в 1939 г. и коммунистического режима в 1989 г., стал также символом независимости чешского народа. В 2000 г. этот день был объявлен в Чехии государственным праздником, который, в соответствии с законом о государственных праздниках Чешской Республики (§ 1 *Zákona č. 245/2000 Sb. ze dne 29. června 2000, o státních svátcích, o ostatních svátcích, o významných dnech a o dnech pracovního klidu (změna 101/2004 Sb.)* [*Закон о государственных праздниках... http*], носит официальное название *Den boje za svobodu a demokracii* (*День борьбы за свободу и демократию*).

Празднование Дня борьбы за свободу и демократию в 2016 г. позволило выразить разные мнения о сложившейся политической ситуации в Чехии: в Летенских садах прошла акция «Na podrogu Miloše Zemana a na podrogu vlastenců» (*В поддержку Милоша Земана и патриотов*), на площади Яна Палаха выступил политический «Blok proti islámu» (*Блок против ислама*), по площадям и центральным улицам прошла демонстрация сатирических масок «Sametový masopust» (*«Бархатный» маскарад*).

Однако значительной частью чешской общественности данное событие было использовано для резкой критики действующего президента Милоша Земана, что отразилось в скандировании критических лозунгов, в появлении на центральных площадях города плакатов с надписями, нередко дискредитирующими действия и личность президента, и в самом костюмированном шоу,

сатирически изображающем политических и иных общественных деятелей.

Критика в адрес действующей власти выразилась в ярких метафорических образах. Протестные выступления начались со ставшей уже традиционной акции пробуждения общественности: участники включили будильники, принесенные с собой или заведенные в мобильных телефонах, для пробуждения сознательности и гражданской ответственности.

Лексически это действие было поддержано **антропоморфной метафорой** сна и пробуждения, а также **морбиальной метафорой** летаргического сна, ср.: *„My jsme se rozhodli, že rozeznáme budíky v symbolický čas v 19:30, což je zhruba čas, kdy policejní kordon na Národní třídě před 27 lety přehradil cestu studentům, kteří šli z Albertova“*, řekl shromážděným filosof Václav Němec z iniciativy Kroměřížská výzva, která hledá kandidáta do příští prezidentské volby v roce 2018 (Тýden. 17.11.2016) [ČTK 2016b]. — *„Мы решили, что включим будильники в символический час в 19.30, то есть примерно в тот час, когда 27 лет назад полицейский кордон на улице Národní třída преградил путь студентам, которые шли из Альбертова“*, — заявил собравшимся философ Вацлав Немец, представитель инициативной группы „Kroměřížská výzva“, целью которой является поиск кандидата для предстоящих в 2018 году президентских выборов; Organizátoři návštěvníky vybízejí, aby si na náměstí po celé zemi přinesli budík a v půl osmé ho rozezněli. „Stačí budík na mobilu. Ale jde o to **probudit se z letargie** a něco dělat“, — uvědla Nikol Klevcová, mluvčí spolku Podhradí, známého svými červenými kartami (Dnes. 14.11.2016. S. 1, 4). — *Организаторы призывают приглашенных принести будильники, чтобы на площадях по всей стране включить их в полвосьмого. „Достаточно и будильника мобильного телефона. Речь идет о пробуждении от летаргии и необходимости что-либо делать“*, — указала Николь Клевцова, пресс-секретарь организации Podhradí, известной своими красными картами (акция выражения протеста против президента Милоша Земана в виде принесенных на центральные площади красных карт была проведена 17 ноября 2014 г. [см. подробнее: ČTK 2014]).

Антропоморфные метафоры также запечатлены в образах нежелаемого погребения демократии, вызванного крепким сном общества, сравнимым со сном Спящей красавицы, ср.: *Zahájení zásahu proti student-skému průvodu 17. listopadu 1989 se pořadatelé happeningu rozhodli oslavit nikoli minutou*

ticha — protože, jak uvedl Němec, se ještě ne-jedná o **pohřeb demokracie**, ale minutou hluku. „Protože chceme **probudit občanskou společnost**, aby se nechovala jako **Šípková Růženka**, která svým **spánkem** a svoji lhostejností umožňuje, aby byly pošlapávány demokratické principy a hodnoty,“ zdůraznil Němec (Týden. 17.11.2016) [ČTK 2016 b]. — Начало противодействия студенческому движению 17 ноября 1989 года организаторы митинга решили торжественно отметить отнюдь не минутой тишины, потому что, как уведомил Немец, речь еще не идет о похоронах демократии, но минутой шума. „Потому что мы хотим пробудить гражданскую общественность, чтобы она не вела себя как Спящая красавица, которая своим сном и своим равнодушием позволила бы растоптать демократические принципы и ценности“, — подчеркнул Немец.

Актуальной в данной ситуации оказалась **природоморфная метафора** света, подразумевающая необходимость осветить демократию, чтобы вновь привлечь к ней внимание широкой общественности: *Svíčky poskládané do slova demokracie se dnes podvečer rozsvítily na českobudějovickém náměstí Přemysla Otakara II. K bustě prvního československého prezidenta T. G. Masaryka ... je přinesly stovky lidí. Zúčastnily se akce s názvem **Rozsvíťme demokracii...*** (České noviny. 17.11.2016) [ČTK 2016d]. — Свечи, сложенные в виде слова „демократия“, загорелись этим вечером на площади Пржемысла Отакара II в Чешских Будейовицах. К бюсту первого чехословацкого президента Т. Г. Масарика их принесли сотни людей, которые приняли участие в акции под названием „**Разожжем демократию**“.

Нередко в политическом дискурсе демократия метафорически **выступает в роли объекта**, о котором мечтают, за который борются, который защищают, который можно утратить, потерять или даже распродать, ср.: „*To shromáždění je hlavně uctěním státního svátku Dne boje za svobodu a demokracii,*“ řekl Daniel Zach, který se sám v roce 1989 zúčastnil protestních pochodů studentů v Liberci. „*Mám pocit, že demokracii ztrácíme, je něco nehorázného, když čtyři ústavní činitelé pošlou dopis Číně. Když se nemůže ministr kultury sejít s dalajámou, s duchovním, tak já tomu nerozumím. To podle mě není demokracie,*“ řekl (Liberecký deník. 17.11.2016) [Pavličková 2016]. — „*Это скопление людей является главным образом данью уважения празднику — Дню борьбы за свободу и демократию*“, — отметил Даниэль Зах, который сам в 1989 году был участником протестного шествия студентов в Либереце. „*У меня есть*

ощущение, что мы утрачиваем демократию. Есть в этом нечто нелепое, когда четыре высших представителя государства посылают письмо Китаю (речь идет о совместном заявлении Президента Чехии, председателей верхней и нижней палат парламента, премьер-министра об уважении к суверенитету и территориальной целостности КНР, составной частью которой является Тибет. — Е. Д.). Когда министр культуры не может встретиться с далай-ламой, с духовным лицом, так я этого не понимаю. Это, по моему мнению, не демократия“ — сказал он; *Zvonění budíků mělo ... připomenout politikům, aby tyto hodnoty hájili a aby je nepošlapávali a nevyprodávali je za pochybné zájmy...* [České noviny. 17.11.2016] [ČTK 2016c]. — *Звон будильников должен был напомнить политикам, чтобы они защищали эти ценности, чтобы их не вытоптали и не распродали бы за сомнительные выгоды...*

Как видно из предыдущего контекста, **экономическая метафора** оказывается весьма востребованной в чешском политическом дискурсе. Ян Немец, один из оппонентов действующего президента, представляет сложившуюся политическую систему, структуру власти и борьбу за власть в таких экономических терминах, как *политический маркетинг*, *политический продукт* и под., например: *Může se ale někdo jako Masaryk v dnešním politickém marketingu prosadit oproti těm, kteří to — jako například Babiš — vedou jako mohutný politický „produkt“, do jehož propagace mohou dát celé jmění? Má šanci uspět někdo, kdo nepřistoupí na tu „produktivost“ podání...? Andreji Babišovi se daří jeho produkt zpropagovat, nabídnout a uspět s ním...* (Parlamentní Listy. 28.10.2016) [Bartoš 2016]. — *Может ли кто-либо, как когда-то Масарик, пробиться в нынешнем политическом маркетинге, противопоставив себя тем, кто, подобно Бабишу, использует это как мощный политический продукт, пропагандой которого можно сделать целое состояние? Есть ли шансы на успех у кого-либо, кто не ступит на путь предъявления этой „продукции“?.. Андрею Бабишу удалось свой „продукт“ предложить, распропагандировать и стать с ним успешным...*

Акция 17 ноября 2016 г. в Праге имела одной из своих целей выражение протеста против политического курса, который избрал Президент Чехии Милош Земан. Это позволило актуализировать в чешских СМИ традиционную для европейского политического дискурса **антропоморфную метафору** капитана, или рулевого корабля [см. подробнее об этом: Будаев 2010: 19; Будаев, Чуди-

нов 2006: 82]. Критика действий Милоша Земана заключается в том, что, по мнению его политических оппонентов, он избрал неверный курс, ориентированный на Восток, в частности Россию и Китай: *Projevy se ale nesly i ve znamení kritiky prezidenta Miloše Zemana. „Svobodně zvolený prezident se stal ... bezpečnostním rizikem pro tento stát. Lidé kolem něho zrazují ideály 17. listopadu a obrací kormidlo k východu,“ uvedl kněz a sociolog Tomáš Halík. Zřejmě v narážce na pročínské prohlášení čtyř nejvyšších ústavních činitelů řekl, že čeští představitelé „stahují kalhoty dřívě, než čínský mocnár pohrozí svou rákoskou“. Režisér Břetislav Rychlík označil prezidenta za muže minulosti, protože nemá zemi co nabídnout (Lidovky. 17.11.2016) [Kabatova 2016]. — Произносились критические речи в адрес президента Милоша Земана. „Свободно избранный президент стал... угрозой безопасности для этого государства. Люди вокруг него (президента) предают идеалы 17 ноября и обращают штурвал к Востоку“, — указал священник и социолог Томаш Галик. Очевидно, намекая на „прокитайское“ обращение четырех наивысших конституционных чиновников, он отметил, что чешские представители „снимают штаны раньше, нежели китайский монарх погрозит им своей розгой“. Режиссер Бржетислав Рыхлик назвал президента человеком прошлого, потому что ему нечего предложить своей стране.*

Наиболее выразительно критика политического курса президента реализовалась в **зооморфной и криминальной метафорах**, которые были представлены в следующем плакате (см. рис. 1): *...BRAN' SE ZEMAN A JEHO BANDA RUSKÝ MADVĚD A ČÍNSKÁ PANDA OBSADILI HRAD A CHTĚJÍ ŽRÁT...* (...Защищайся, Земан и его банда: русский медведь и китайская панда. Они осадили Град и хотят жрать). Градом здесь сокращенно именуется Пражский Град, резиденция Президента Чешской Республики.

Криминальная метафора, выраженная словом *банда*, репрезентирует значение 'действовать сообща, находясь в сговоре' и соседствует здесь с метафорами зооморфными, которые стереотипно представляют русских в образе медведя, а китайцев — в образе панды. Конечно, эффект данного выражения достигается не только образностью, но также особой ритмикой текста и рифмой: *banda — panda*.

Помимо указанных метафор, в данном плакате обращает на себя внимание **метафора милитарная** (ср.: *bran' se* — защищайся; *obsadit Hrad* — занять Град; показательно, что глагол *obsadit* в первом значении

имеет семантику 'занять какое-либо место, пространство', а в пятом значении предполагает военный захват, ср.: 5. 'vojensky, silou se zmocnit' — военным способом, силой захватить [Slovník současné češtiny http]. Соседство милитарной метафоры дает воспринимающему определенную волю в интерпретации **гастрономической метафоры** *CHTĚJÍ ŽRÁT* (*хотят жрать*), которая едва ли носит исключительно «продовольственный» характер.



Рис. 1. ...BRAN' SE ZEMAN A JEHO BANDA RUSKÝ MADVĚD A ČÍNSKÁ PANDA OBSADILI HRAD A CHTĚJÍ ŽRÁT...

Авторство криминальной метафоры *банда Земановых друзей в толстовках* принадлежит оппоненту президенту Яну Немцу, ср.: *Máme-li prezidenta křupana, jak říká protivemanovský topkař Jan Němec, co čekáme, že ze svého národa vychová? Je to prý jako v rodině. Na Masaryka nemá ani Havel. Je to tu jak za Husáka. A kdo přijde na udělování státních vyznamenání? Asi zase „banda Zemanových kamarádů v mikinách“, dodává pardubický politik, který stál za manifestační peticí za odstoupení prezidenta Miloše Zemana. V rozhovoru pro ParlamentníListy.cz padne také pár slov k Andreji Babišovi a „lepším zítřkům“, které už nastaly (Parlamentní Listy. 28.10.2016) [Bartoš 2016].*

Критика политического курса президента настойчиво актуализирует в чешском политическом дискурсе категорию «СВОИ — ЧУЖИЕ»: *Po cestě skandovali hesla „Česko patří na západ“, „Na Hradě je Rusák“ nebo „My nejsme Čína“. Průvod doprovázeli policisté... Žádný incident podle dostupných informací nenastal (České noviny. 17.11.2016) [ČTK 2016a]. — По пути следования скандировали лозунги: „Чехия принадлежит Западу“, „На Граде русак“ или „Мы не Китай“. Шествие сопровождали полицейские... По доступным сведениям, никаких инцидентов не произошло. Некоторые из этих лозунгов были представлены в виде плакатов, см. плакат на рис. 2 с изображением флагов Евросоюза и НАТО и надписью *Vím kam patřím, netahej nás na východ! (Знаем, кому принадлежим, не тяни нас на Восток!)*.*



Рис. 2. *Vím kam patřím, netahej nás na východ!*

В представленных выше лозунгах определенной частью современного чешского общества заявлена его геополитическая самоидентичность. В этом смысле интересно заметить следующее.

Б. Ю. Норман и А. М. Плотникова в одной из статей описывают пять моделей с конструкциями, включающими местоимение *мы*, которые употребляются в речи с целью идентификации себя с группой лиц, направленной на конструирование лично значимых целей, ценностей, убеждений [Норман, Плотникова 2016: 126]. Среди прочих исследователи отмечают модели с указанием на социальный индекс (профессиональную, религиозную, политическую принадлежность, ср.: *мы писатели, мы ученые, мы православные, мы коммунисты*) [Там же: 130] и конструкции, включающие характеристику этнической или региональной принадлежности (ср.: *мы — Сибирь, мы — русский народ* и под.) [Там же 2016: 132]. Вероятно, существуют подобные образования некоего макроуровня, в рамках которых названные модели способны пересекаться, как в случае с подчеркиванием геополитической принадлежности. Выражение *Vím kam patřím, netahej nás na východ!* (*Мы знаем, кому принадлежим, не тяни нас на Восток!*), снабженное изображением флагов ЕС и НАТО, акцентирует внимание одновременно и на географическом (западном) расположении страны, о которой идет речь, и на расстановке политических приоритетов (предпочтение интересов Евросоюза), и на готовности плодотворного сотрудничества с крупным международным военно-политическим альянсом (НАТО).

Исследователи указывают также, что в рамках статьи рассматриваются только конструкции с местоимением *мы* в разных падежных формах. В отношении изучения самоидентификации или, наоборот, противопоставления себя какому-либо сообществу с использованием категории «СВОИ — ЧУ-

ЖИЕ» не менее привлекательными для исследователя являются выражения с глагольными конструкциями, репрезентирующими идею идентификации (ср.: *принадлежать к..., относиться к..., быть частью чего..., входить в состав чего...* и под.), а также конструкции с отрицанием *не* (ср.: *мы не Китай*) и метафорические конструкции (их авторы цитируемой работы относят к пятой модели). Иллюстрацией последнего пункта может служить нижеприведенный контекст.

Плакат, актуализирующий идею четкого разделения на СВОИХ и ЧУЖИХ, также появившийся на центральных площадях Праги 17 ноября 2016 г., гласил: *K EU čelem k Ivanovi zády* (*К Евросоюзу лицом, к Ивану спиной*) (см. рис. 3).



Рис. 3. *K EU čelem k Ivanovi zády.*

Следовало бы заметить, что в отношении надлежащего курса государства (обращение на Запад или на Восток) в чешском обществе нет единого мнения. Так, на страницах газеты «DNES. Mladá fronta» от 31 октября 2016 г. в рубрике *Fórum čtenářů* представлено письмо одного из читателей газеты под заголовком «Připomeňme si Jana Masařku» (*Вспомните Яна Масарика*). Автор письма приводит высказывание весьма авторитетного в чешском обществе государственного деятеля, сына первого президента Чехословакии Т. Г. Масарика, Яна Масарика, занимавшего в сороковые годы пост министра иностранных дел: «Československo neleží mezi východem a západem, ale mezi Ruskem a Německem. Chceme-li jako malý narod v tomto prostoru žít, musíme být zadobře s oběma» (*Чехословакия находится не между Востоком и Западом, но между Россией и Германией. Если мы хотим как малый народ жить в этом пространстве, мы должны ладить с обеими*). Автор письма Jan Lejšek подчеркнул, что «путь взаимопонима-

ния с Германией» уже проложен, что подобный путь нужно искать и к России [DNES. Mladá fronta. 31.10.2016, s. 12]. Однако во время пражских акций 17 ноября 2016 г. выражение подобного мнения не было заметно.

Критика сложившейся политической ситуации в Чешской Республике актуализировала важнейший для политического дискурса концепт *лжи*, который был выражен в лозунгах, представленных в виде политических плакатов на площадях Праги и затем в СМИ: *Nechci prezidenta lháře* (*Не хотим президента-лжеца*), *Lžeman* (языковая игра — контаминация слов *Земан* и *ложь*) и под. (České noviny. 17.11.2016) [ČTK 2016a].

Социоморфная метафора построенного в Чехии королевства *лжи* была представлена в виде высказывания Карла Чапека на плакате одного из участников демонстрации 17 ноября 2016 г. на Альбертове (см. рис. 4): *Království lhářství není tam, kde se lže, ale kde se lhářství akceptuje* (К. Чапек) [Metro Praha. 18.11.2016, s. 4]. — *Королевство лжи не там, где лгут, но где с ложью соглашаются* (К. Чапек).



Рис. 4. *Království lhářství není tam, kde se lže, ale kde se lhářství akceptuje* (К. Чапек)

Одной из наиболее востребованных для критики действий и личности президента метафор в чешском политическом дискурсе оказалась так называемая мусорная, или квисквилиарная, метафора (термин образован от

латинского слова *quisquiliae, arum f* — 1) отбросы, сор, мусор; 2) донки, сброд (в первом значении встречается в произведениях древнеримского комедиографа Цецилия Стация и древнеримского писателя Апулея; во втором значении — в трудах Марка Туллия Цицерона [Большой латинско-русский словарь [http](http://)]).

Квисквилиарная метафора традиционно используется в политическом дискурсе для дискредитации политических оппонентов. Она весьма популярна в русскоязычном политическом дискурсе, что подробно в одной из своих работ изложил Д. Вайс [Вайс 2008]. Исследователь подчеркнул, что образы мусора, грязи, нечистот и нечисти использовались в разные периоды существования советского государства. Д. Вайс заметил, что образы нечисти, которую следует удалить метлой, активно использовались в советских политических плакатах, ср.: «...на плакате 1920 г., сюжет которого заимствован из газеты „Беднота“ от 10 октября 1918 г., можно увидеть Ленина, который выметает метлой легко узнаваемые по их знакам отличия пережитки феодализма, а именно царя, духовенство, буржуазию. Надпись на плакате гласит: „Товарищ Ленин очищает землю от нечисти“» [Вайс 2008: 19]. При этом функцию справедливо воздействующей силы могла выполнять не только метла, но также сапог красноармейца или винтовка, которыми удалялась всякого рода «органическая нечисть» [см. подробнее: Вайс 2008, 19—20]. При этом нечистью, «живым мусором» в разные годы выступали разные политические враги: буржуазия и духовенство, цари и короли, мошенники и богачи в послереволюционный период; бюрократы и лодыри в период становления советской государственности; нацисты во время Великой Отечественной войны; шпионы, агенты и диверсанты в сталинскую эпоху; художники и режиссеры-диссиденты во время правления Н. С. Хрущева; зарубежные капиталисты, монополисты и империалисты — с одной стороны, вредители, лентяи, саботажники, враги народа — с другой стороны, в советском дискурсе [см. подробнее: Вайс 2008: 20—22].

И. В. Култышева, анализируя тексты анекдотов о современной политической ситуации на Украине, выделяет группу анекдотов о мусорной люстрации [Култышева 2016], изображающих квисквилиарную метафору в действии. Исследователь поясняет: «Явление люстрации существует на Украине с 2005 г., но активно распространилось в 2014 г. как одно из требований участников Евромайдана. Люстрация — это запрет на занятие определенных должностей в органах

государственной власти для отдельных физических лиц. Закон, согласно которому должны быть в судебном порядке установлены государственные деятели или чиновники, подвергающиеся люстрации, был принят в сентябре 2014 г. и фактически имел целью отстранение от государственной службы лиц, занимавших руководящие должности при президенте Викторе Януковиче, а также тех, кто от лица государства пытался противодействовать Евромайдану. При этом радикально настроенные активисты решили провести собственную люстрацию, которая в СМИ получила название „мусорная“. Государственных деятелей, которые не угодили активистам Евромайдана, публично оскорбляли и унижали, сажая их в мусорные баки» [Култышева 2016: 77]. Эти факты породили многочисленные анекдоты о «мусорной» люстрации, ср.: *Мусорные баки в Украине начали массово вступать в „Правый сектор“; Новая украинская забава — проглотить за депутата, а потом его затолкать в мусорный бак* и под. [Култышева 2016: 77].

В Чехии «мусорная» метафора не обрачивается физическим насилием, но приобретает отчетливые натуралистические формы. Так, на страницах издания «Parlamentní Listy» от 28 октября 2016 г. описывается акция, проведенная в день государственного праздника (28 октября в Чехии отмечается годовщина создания независимой Чехословацкой Республики, президентом которой стал Томаш Гарриг Масарик), ср. фрагмент публикации об этом: ***Poté, co v osm hodin večer skončila akce na Staroměstském náměstí, se lidé vydali na pochod na Hradčanské náměstí k soše T. G. Masaryka. V čele průvodu lidé nesou plastiku prezidenta republiky, tedy ona to byla jen hlava prezidenta, místo těla byl k soše připojen exkrement. Tato plastika budila pozornost turistů*** (Parlamentní Listy. 28.10.2016) [Mr 2016]. — *После того, как в восемь часов вечера закончилась акция на Староместской площади, люди отправились маршем в сторону Градчанской площади к статуе Т. Г. Масарика. Впереди процессии люди несли пластиковое изображение президента республики, представлявшее голову президента, вместо тела к скульптуре были присоединены экскременты.* В публикации указано также, что шествие сопровождалось скандированием лозунгов *Miloši, už jdeme. Miloše do koše* (*do koše* означает «отправить в мусорную корзину»), для наибольшего эффекта текст снабжен фотографией скульптуры. Квисвиллиарная метафора также была востребована 17 ноября

2016 г., когда на центральных площадях Праги проносили плакаты с надписями: *Miloše do koše, Hradní hnůj páchně i v naší vesnické hospodě* (*Навоз из Града пахнет и в нашей деревенской пивнушке*) и под.

Показательно, что за последние десятилетия в чешском политическом дискурсе сформировались своеобразные языковые клише дискредитирующего характера, которые с некоторыми изменениями, касающимися имен политических оппонентов, оказываются востребованными в разных политических ситуациях. Это в первую очередь касается лозунгового клише, построенного по схеме «имя собственное + *do koše* (в мусорную корзину)». Трудно точно установить, когда впервые появилось данное выражение, но оно воспроизводилось в 1989 г., собственно в период «Бархатной революции», в виде лозунга ***Jakeše do koše***. Речь шла о Милоше (Милоуше) Якеше, занимавшем с 1987 по 1989 г. пост генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Чехословакии (после «Бархатной революции» ушел в отставку) (см. подробнее: *Závěrečná zpráva vyšetřovací komise Federálního shromáždění pro objasnění událostí 17. listopadu 1989, část III. 3) b) — Úloha mocenských orgánů*) [Společna československá digitální...].

Новую вариацию клише получило в 2012 г., в период студенческих манифестаций, проведенных в защиту академических свобод, против экономической реформы в образовании. Молодежь собралась на площади Яна Палаха, с негодованием обрушилась на Йозефа Добеша, который в тот период был министром образования, молодежи и спорта, и скандировала лозунги: ***Naši univerzitu nedáme! Univerzity jsou naše! Nechceme patřit bankám! Vydejte nám Dobeše! Dobeše do koše!*** (*Наш университет не отдадим! Университеты наши! Не хотим принадлежать банкам! Выдайте нам Добеша! Добеша в мусорную корзину!*) (Deník Referendum. 29.02.2010) [Eichler 2012] электронная версия: <http://denikreferendum.cz/clanek/12678-deset-tisic-lidi-v-praze-skandovalo-dobese-do-kose>. (Идею о воспроизводимости выражения *Dobeše do koše, Miloše do koše* и под. высказал на заседании членов городской ассоциации чешских лингвистов в г. Градец-Кралове (Чешская Республика) Лукаш Забранский (PhDr. Lukáš Zábranský, Ph.D., odborný asistent, Katedra českého jazyka a literatury, Pedagogická fakulta, Univerzita Hradec Králové) во время лекции Е. В. Дзюбы «Основные направления современной политической лингвистики».)

В День борьбы за свободу и демократию

в 2014 и 2016 гг. это клише в вариации **Miloše do koše** использовалось оппозицией для дискредитации личности действующего президента.

Как показало исследование, общественные политические акции, проводимые в настоящее время на площадях чешских городов и освещенные в СМИ, нередко носят характер жесточайшей критики, часто граничащей с оскорблениями личности. Использование приемов дискредитации личности и действий президента обусловлено не только собственно несогласием с политикой и политическим курсом чешского президента и его окружения. В первую очередь это связано с ожесточенной борьбой за власть, с предстоящими в 2018 г. президентскими выборами.

В настоящее время Президент Чешской Республики избирается путем прямых выборов, ср.: *Prezident republiky je volen v přímých volbách* (глава третья, п. 54 Конституции; см. действующую редакцию Конституции ЧР [Ústava České Republiky 2013]). Ранее Президент, согласно Конституции Чешской Республики, избирался парламентом на совместном заседании обеих палат — нижней (Poslanecká sněmovna) и верхней (Senát): *Prezidenta republiky volí Parlament na společné schůzi obou komor* (глава третья, п. 54 Конституции; см. прежнюю редакцию документа, сохранившуюся, например, в интернет-архиве [Ústava České Republiky 1993]). Милош Земан является первым всенародно избранным президентом. Это обуславливает выбор объекта политической дискредитации, которая заключается в разносторонней критике политической персоны, а не какой-либо политической партии.

В заключение следует подвести некоторые итоги. Сложившаяся в современной Чехии политическая ситуация весьма неоднозначна: сторонники президента Чехии и критически настроенная по отношению к действующей власти часть чешского общества выразили свои взгляды посредством участия в акциях, состоявшихся в крупных городах Чехии по случаю празднования двадцать седьмой годовщины «Бархатной революции» в Чешской Республике. Эти мероприятия были подробно освещены в чешской прессе. Изучение материалов, опубликованных в СМИ, и политических плакатов, демонстрировавшихся на центральных площадях Праги, позволило выделить ряд метафор, представляющих современную политическую ситуацию в Чехии. Популярны такие метафоры, как антропоморфная (метафора сна и пробуждения, образ Спящей красавицы, образ рулевого корабля), морбиальная (метафора летаргического сна), природо-

морфная (метафора огня и света), экономическая (метафора политического маркетинга и политической продукции), зооморфная (метафора русского медведя и китайской панды), криминальная (метафора *банда президента*), милитарная (метафора защиты и нападения), квисквилиарная (метафора мусора и навоза).

Исследование показало также, что значительная часть метафорических выражений, используемых оппонентами президента, нацелена на дискредитацию его личности и его деятельности, что может объясняться конституционными изменениями в части выборов Президента Чешской Республики. Особенностью чешского политического дискурса является наличие сформировавшихся языковых стереотипов, клишированных конструкций, незначительно трансформирующихся в зависимости от сложившейся политической ситуации и от появления новых персоналий на политической арене.

ИСТОЧНИКИ

1. Bartoš Lucie. Banda Zemanových kamarádů v mikínách! "Křupan" Zeman teď nevylézá, bojí se. Aktivista Němec páli do Hradu // Parlamentní listy.cz. 2016. 18.10. URL: <http://www.parlamentnilisty.cz/arena/rozhovory/Banda-Zemanovych-kamara-du-v-mikinach-Krupan-Zeman-ved-nevyleza-boji-se-Aktivista-Nemec-pali-do-Hradu-460360>.
2. ČTK. Tisíce lidí vystavily Zemanovi na Národní třídě červenou kartu // iDNES.cz. 2014. 17 list. URL: http://zpravy.idnes.cz/cervena-karta-pro-milose-zemana-d35-/domaci.aspx?c=A141117_115629_domaci_cen.
3. ČTK. Na akci proti Zemanově politice se u Hradu sešly stovky lidí - sledovali jsme živě // České noviny. 2016a. 17.11. URL: <http://www.ceskenoviny.cz/zpravy/na-akci-proti-zemanove-politice-se-u-hradu-sesly-stovky-lidi-sledovali-j sme-zive/1416941>.
4. ČTK. Státní svátek. Lidé budíky burcovali společnost. Ten klasický si přinesl málokdo // Týden. 2016b. 17.11. URL: http://www.tyden.cz/rubriky/domaci/lide-budiky-burcovali-spolecnost-ten-klasicky-si-prinesl-malokdo_406141.html.
5. ČTK. V centru Prahy zvonily budíky k probuzení občanské společnosti // České noviny. 2016c. 17.11. URL: <http://www.ceskenoviny.cz/zpravy/v-centru-prahy-zvonily-budiky-k-probuze-ni-obcanske-spolecnosti/1416974>.
6. ČTK. Výročí 17. listopadu si lidé připomněli na řadě míst Česka // České noviny. 2016d. 17.11. URL: <http://www.ceskenoviny.cz/zpravy/vyroci-17-listopadu-si-lide-pripomneli-na-rade-mi-st-ceska/1417017>.
7. Eichler Patrik. Deset tisíc lidí v Praze skandovalo: Dobeše do koše // Deník Referendum Domov. 2012. 29.02. URL: <http://denikreferendum.cz/clanek/12678-deset-tisic-lidi-v-praze-skandovalo-dobese-do-kose>.
8. Kabátová Šárka. Píseň „Agresivní děda“ věnovali Zemanovi. Pražské centrum patřilo svíčkám a Havlovi // Lidovky.cz. 2016. 16 list. URL: http://www.lidovky.cz/pisen-agresivni-deda-venovali-zemanovi-centrum-patrilo-svickam-a-havlovi-zpravy-domov.aspx?c=A161117_182117_in_domov_mpr&galerie.
9. Mp. "Miloši, už jdeme. Miloše do koše." Hlasitý pochod z podhradí míří k Hradu. Nesou si exkrement // Parlamentní listy.cz. 2016. 28.10. URL: <http://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/-Milosi-uz-jdeme-Milose-do-kose-Hlasity-pochod-z-podhradi-miri-k-Hradu-Nesou-si-exkrement-460433>.
10. Pavličková Jana. Liberec si připomínal 17. listopad, zájem veřejnosti byl ale malý // Liberecký deník. 2016. 18.11. URL: http://liberecky.denik.cz/zpravy_region/liberec-si-pripominal-17-listopad-zajem-verejnosti-byl-ale-maly-20161118.html.
11. Společná česko-slovenská digitální parlamentní knihovna // Poslanecká Sněmovna Parlamentu České Republiky. URL: <http://>

www.psp.cz/eknih/1990fs/tisky/t1236_05.htm.

12. Ústava České republiky // Poslanecká Sněmovna Parlamentu České Republiky. 2013. URL: <http://psp.cz/docs/laws/constitution.html>.

13. Ústava České republiky // Sbírka zákonů České Republiky. 1993. URL: <http://web.archive.org/web/20110522061947/http://aplikace.mvcr.cz/archiv2008/sbirka/1993/sb01-93.pdf>.

ЛИТЕРАТУРА

14. Будаев Э. В. Междисциплинарные истоки политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 15—25.

15. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. 215 с.

16. Большой латинско-русский словарь. URL: <http://lingua.eterna.com>.

17. Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 16—22.

18. Дзюба Е. В., Чудинов А. П. Актуальные направления отечественной политической коммуникации (по материалам журнала «Политическая лингвистика» за 2006—2016 гг.) // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 77—83.

19. Култышева И. В. Категория комического в репрезентации образа политического врага (на примере политического анекдота)

та) // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 74—79.

20. Норман Б. Ю., Плотникова А. М. Конструкции с местоимением мы: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности // Вестн. Новосибир. гос. пед. ун-та. 2016. № 6 (34). С. 126—138.

21. Gebhart J., Kulík J. Dramatické i všední dny protektorátu. — Praha : [s.n.], 1996. 284 s.

22. Gebhart J., Hájková A. 2245 dnů odporu. Podíl spojů a spojářů na národně osvobozeném zápasu českého lidu v letech 1939—1945. — Praha : [s.n.], 1980. 248 s.

23. Zákon č. 245/2000 Sb. ze dne 29. června 2000, o státních svátcích, o ostatních svátcích, o významných dnech a o dnech pracovního klidu (změna 101/2004 Sb.), [cit. 2016-11-16]. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2000-245>.

24. Závěrečná zpráva vyšetřovací komise Federálního shromáždění pro objasnění událostí 17. listopadu 1989, část III. 1) — Obecný popis událostí 17.11.1989 — 19.11.1989. URL: http://www.psp.cz/eknih/1990fs/tisky/t1236_02.htm.

25. Závěrečná zpráva vyšetřovací komise Federálního shromáždění pro objasnění událostí 17. listopadu 1989, část III. 3) b) — Úloha mocenských orgánů. URL: http://www.psp.cz/eknih/1990fs/tisky/t1236_05.htm.

26. Kapavík R. Sametivá revoluce '89 — 17.18. listopad 1989. URL: <http://www.revoluce89.wz.cz/hlavni.htm#listopad>.

27. Slovník současné češtiny. Lingea s.r.o., 2016. URL: <http://www.nechybujete.cz/slovník-soucasne-cestiny>.

28. Totalita.cz — pátek 17. listopadu 1989 — průběh demonstrace. URL: http://www.totalita.cz/1989/1989_1117_dem_03.php.

E. V. Dziuba

Ekaterinburg, Russia

«VELVET» METAPHORS IN CZECH POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The paper studies metaphorical images that represent contemporary political situation in Czech Republic. The material for this research are the papers «Dnes», «iDnes», «České noviny», «Liberecký deník», «Parlamentní Listy», «Týden» and political posters devoted to the 27th anniversary of “The Velvet Revolution” in the Czech Republic (that happened on November 17, 1989). The research revealed the following types of metaphors representing contemporary political reality in the Czech Republic: anthropomorphic (metaphor of sleeping and waking up, the image of the Sleeping Beauty, the image of a quartermaster on board a ship), naturemorphic (metaphors of fire and light), economic (metaphor of political marketing and political products), zoomorphic (metaphors of the Russian bear and the Chinese panda), criminal (metaphor “President’s gang”), military (metaphor of defense and attack), metaphors of garbage and dung. The research argues that the choice of mass consciousness influence strategy depends on the political structure of the state: when amendments are made in the constitution connected with the introduction of direct elections of the president, the communicative strategy of discrediting the president and his work becomes frequent. It is argued that national stereotypes and set-expressions are accommodated to a certain political situation.*

KEYWORDS: *political discourse; political metaphorology; political metaphor; metaphoric modeling; velvet revolution.*

ABOUT THE AUTHOR: *Dziuba Elena Vyacheslavovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Bartoš Lucie. Banda Zemanových kamarádů v mikinách! “Křupan” Zeman ted’ nevylezá, bojí se. Aktivista Němec páli do Hradu // Parlamentní listy.cz. 2016. 18.10. URL: <http://www.parlamentnilisty.cz/arena/rozhovory/Banda-Zemanovych-kamaradu-v-mikinach-Krupan-Zeman-ted-nevyleza-boji-se-Aktivista-Nemec-pali-do-Hradu-460360>.

2. ČTK. Tisíce lidí vystavily Zemanovi na Národní třídě červenou kartu // iDNES.cz. 2014. 17 list. URL: http://zpravy.idnes.cz/cervena-karta-pro-milose-zemana-d35-/domaci.aspx?c=A141117_115629_domaci_cen.

3. ČTK. Na akci proti Zemanově politice se u Hradu sešly stovky lidí - sledovali jsme živě // České noviny. 2016a. 17.11. URL: <http://www.ceskenoviny.cz/zpravy/na-akci-proti-zemanov-e-politice-se-u-hradu-sesly-stovky-lidi-sledovali-j sme-zive/1416941>.

4. ČTK. Státní svátek. Lidé budíky burcovali společnost. Ten klasický si přinesl málokdo // Týden. 2016b. 17.11. URL: http://www.tyden.cz/rubriky/domaci/lide-budiky-burcovali-spolecnost-ten-klasicky-si-prinesl-malokdo_406141.html.

5. ČTK. V centru Prahy zvonily budíky k probuzení občanské společnosti // České noviny. 2016c. 17.11. URL: <http://www.ceskenoviny.cz/zpravy/v-centru-prahy-zvonily-budiky-k-probuzeni-obcanske-spolecnosti/1416974>.

6. ČTK. Výročí 17. listopadu si lidé připomněli na řadě míst Česka // České noviny. 2016d. 17.11. URL: <http://www.ceskenoviny.cz/zpravy/vyroci-17-listopadu-si-lide-pripomneli-na-rade-mist-ceska/1417017>.

7. Eichler Patrik. Deset tisíc lidí v Praze skandovalo: Dobeše do koše // Deník Referendum Domov. 2012. 29.02. URL: <http://denikreferendum.cz/clanek/12678-deset-tisic-lidi-v-praze-skandovalo-dobese-do-kose>.

8. Kabátová Šárka. Píseň ‘Agresivní děda’ věnovali Zemanovi. Pražské centrum patřilo svíčkám a Havlovi // Lidovky.cz. 2016. 16 list. URL: http://www.lidovky.cz/pisen-agresivni-deda-venova-li-zemanovi-centrum-patrilo-svickam-a-plackam-s-havlem-giq-/zpravy-domov.aspx?c=A161117_182117_in_domov_mpr&galerie.

9. Mp. “Miloši, už jdeme. Miloše do koše.” Hlasitý pochod z podhradí míří k Hradu. Nesou si exkrement // Parlamentní listy.cz. 2016. 28.10. URL: <http://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Milosi-uz-jdeme-Milose-do-kose-Hlasity-pochod-z-podhradi-miri-k-Hradu-Nesou-si-exkrement-460433>.

10. Pavličková Jana. Liberec si připomínal 17. listopad, zájem veřejnosti byl ale malý // Liberecký deník. 2016. 18.11. URL: http://liberecky.denik.cz/zpravy_region/liberec-si-pripominal-17-listopad-zajem-verejnosti-byl-ale-maly-20161118.html.

11. Společná česko-slovenská digitální parlamentní knihovna // Poslanecká Sněmovna Parlamentu České Republiky. URL: http://www.psp.cz/eknih/1990fs/tisky/t1236_05.htm.

12. Ústava České republiky // Poslanecká Sněmovna Parlamentu České Republiky. 2013. URL: <http://psp.cz/docs/laws/constitution.html>.

13. Ústava České republiky // Sbírka zákonů České Republiky. 1993. URL: <http://web.archive.org/web/20110522061947/http://aplikace.mvcr.cz/archiv2008/sbirka/1993/sb01-93.pdf>.

14. Budaev E. V. Mezhdistsiplinarnye istoki politicheskoy metaforologii // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 2 (32). S. 15—25.
15. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2006. 215 s.
16. Bol'shoy latinsko-russkiy slovar'. URL: <http://linguaetema.com>.
17. Vays D. Parazity, padal', musor. Obraz vraga v sovetskoy propagande // Politicheskaya lingvistika. 2008. № 1 (24). S. 16—22.
18. Dzyuba E. V., Chudinov A. P. Aktual'nye napravleniya otechestvennoy politicheskoy kommunikatsii (po materialam zhurnala «Politicheskaya lingvistika» za 2006—2016 gg.) // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 26—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 77—83.
19. Kultysheva I. V. Kategoriya komicheskogo v reprezentatsii obraza politicheskogo vraga (na primere politicheskogo anekdota) // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 74—79.
20. Norman B. Yu., Plotnikova A. M. Konstruktsii s mestoimением my: formirovanie aktual'noy ili okkazional'noy kollektivnoy identichnosti // Vestn. Novosibir. gos. ped. un-ta. 2016. № 6 (34). S. 126—138.
21. Gebhart J., Kulík J. Dramatické i všední dny protektorátu. — Praha : [s.n.], 1996. 284 s.
22. Gebhart J., Hájková A. 2245 dnů odporu. Podíl spojů a spojářů na národně osvobozenckém zápasy českého lidu v letech 1939—1945. — Praha : [s.n.], 1980. 248 s.
23. Zákon č. 245/2000 Sb. ze dne 29. června 2000, o státních svátcích, o ostatních svátcích, o významných dnech a o dnech pracovního klidu (změna 101/2004 Sb.), [cit. 2016-11-16]. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2000-245>.
24. Závěrečná zpráva vyšetřovací komise Federálního shromáždění pro objasnění událostí 17. listopadu 1989, část III. 1) — Obecný popis událostí 17.11.1989 — 19.11.1989. URL: http://www.psp.cz/eknih/1990fs/tisky/t1236_02.htm.
25. Závěrečná zpráva vyšetřovací komise Federálního shromáždění pro objasnění událostí 17. listopadu 1989, část III. 3) b) — Úloha mocenských orgánů. URL: http://www.psp.cz/eknih/1990fs/tisky/t1236_05.htm.
26. Kapavík R. Sametivá revoluce '89 — 17.18. listopad 1989. URL: <http://www.revoluce89.wz.cz/hlavni.htm#listopad>.
27. Slovník současné češtiny. Lingea s.r.o., 2016. URL: <http://www.nechybujete.cz/slovník-soucasne-cestiny>.
28. Totalita.cz — pátek 17. listopadu 1989 — průběh demonstrace. URL: http://www.totalita.cz/1989/1989_1117_dem_03.php.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

С. В. Иванова
Санкт-Петербург, Россия

ДИСКУРСИВНАЯ АДАПТАЦИЯ КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США)

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена процессам функционирования языковых знаков с культурно детерминированным содержанием в дискурсе политически ангажированных СМИ. Использование культурологически маркированных единиц языка в политическом дискурсе имеет ряд особенностей и преследует совершенно определенные цели, которые соответствуют целям политической коммуникации. Тот факт, что культурологически маркированные единицы оказываются активно и эффективно задействованными в политическом дискурсе, с одной стороны, объясняется задачами и целями политической коммуникации, а с другой — эти задачи и цели находят соответствие в онтологических особенностях данного вида знаков. К таковым относятся аксиогенность культурологически маркированных культурно-языковых знаков, их ингерентная способность к номинации, идентификации, кодификации ценностей лингвокультурного сообщества, их способность делать к ним отсылку в дискурсе, служить средством оценочности и экспрессии. Информация культурно-ценностного плана, которая заложена в культурно детерминированных языковых знаках, обуславливает их главную особенность — потенциальную возможность создания модального контекста за счет референции к ценностному пространству того или иного социума. При дискурсивной адаптации культуронимы становятся источником культурологической модальности, которая предполагает оценку с точки зрения ценностных ориентиров данного лингвокультурного сообщества, то есть отвечает за передачу поощрения или порицания. В политическом медиатексте культурологическая модальность тесно переплетается с модальностью идеологической. Данный процесс способствует наращиванию персуазивности и воздейственности данного типа дискурса, а также его агональности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; медиадискурс; медиалингвистика; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые знаки; американские СМИ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10, к. 207; e-mail: svet_victoria@mail.ru.

Вводные замечания: цель, задачи и методологическая база

Отличительной особенностью политической коммуникации, по справедливому замечанию исследователей, является ее обращенность к эмоциям адресной аудитории [Руженцева 2004: 12; Чудинов 2013: 9—10]. Одним из средств, характеризующимся высоким экспрессивно-эмоциональным зарядом, а потому представляющим собой чрезвычайно эффективный инструмент для передачи экспрессии и эмоциональности, являются культурноносные языковые единицы. Культурноносные языковые единицы — это единицы, корреспондирующие с культурным семиотическим пространством того или иного лингвокультурного сообщества и передающие информацию культурно-ценностного плана, совмещенную с основным значением языковой единицы. Экспрессивно-эмоциональный потенциал данной группы языковых единиц связан с их обращенностью к ценностным ориентирам общества, которые, собственно, создают ценностный континуум, обеспечивающий наличие последовательных границ между ценностями и антиценностями социума, т. е. то, что позволяет поместить описываемое действие или объект в некое прокрустово ложе, заданное плюсом и минусом на ценностной оси в рамках того или иного культурного пространства. Именно благодаря культурноносным языковым единицам продуценту текста удается передать оценку имплицитно, т. е. не эксплицируя ее на поверхностном уровне

текста посредством общеоценочной лексики. Данного рода языковые единицы представляет собой неисчерпаемый ресурс для успешного решения коммуникативных задач, которые стоят перед политиком-оратором. Именно эта группа языковых знаков, функционирующих в рамках политического дискурса СМИ, подвергается анализу в рамках данной публикации.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей дискурсивной адаптации культурологически маркированных знаков в политическом дискурсе СМИ. Соответственно, в задачи работы входит (1) экспликация принципа, по которому языковые единицы объединяются в группу культурологически маркированных, что подразумевает определение лингвистического механизма культурологической маркированности; (2) выявление дискурсивно-прагматических функций такого рода языковых единиц, что позволяет раскрыть особенности их функционирования в медиатексте политической ориентации. В качестве материала исследования используются публикации из текущей прессы Великобритании и США.

При анализе материала задействованы общенаучные методы анализа и синтеза, наблюдения, обобщения, а также частнонаучные методы дискурсивного анализа, концептуального анализа, прагматического анализа, контекстуального анализа, дефинитивного анализа, анализ фактуальной, концептуальной и подтекстовой информации текста, а также лингвокультурный комментарий.

Теоретическая база

В центре рассмотрения данной статьи — культуронимы, т. е. культурологически маркированные языковые единицы или, иначе, культурно обусловленные языковые знаки. Определяющей, а потому релевантной для понимания культуронимов, т. е. единиц, «закрепленных за элементами разных культур» [Кабакчи 2004: 12], является генетическая локализация данных единиц: эти языковые знаки находятся на перекрещении семиотических пространств языка и культуры. При этом их культурная «привязка» может осуществляться через три аспекта языкового знака: семантику, синтактику или прагматику [Иванова 2003: 89—95]. Именно таким образом реализуется культурологическая маркированность языкового знака любой природы вне зависимости от его ярусной принадлежности.

С точки зрения семантики, информация культурно-ценностного плана может составлять денотативное значение лексической единицы. Так, уникальность прерии как географического явления, свойственного Северо-Американскому континенту, выражено в самой дефиниции лексической единицы *prairie* (a seemingly endless sea of grass as high as a person's head, teeming with flowers and bugs and other critters. And not a tree in sight [Barnhart, Metcalf 1997: 78]), а вот экспрессивный компонент, который передан посредством стилистического приема выдвигания, что вообще-то нехарактерно для словаря, потенцирует выражение эмоциональности и оценочности.

Культурологическая детерминированность может быть связана и с сигнификативным компонентом лексического значения слова. Такими единицами, к примеру, являются ставшие частотными для политического и массмедийного дискурса США лексемы *leadership*, *empowerment*, *independence*. Сами понятия, которые выражают данные лексические единицы, весьма характерны для американского языкового сознания и отражают современную американскую картину мира. Так, концептуальное содержание лексемы *leadership* для американца, очень наглядно сформулированное как *leadership as a rival form of power / лидерство как одна из форм власти* [Burns 1978: 15], «предполагает ментальную структуру, отражающую идею лидерства как первенства, граничащего с исключительностью (в смысле избранности); руководства, которое переходит в контроль, доминирование и господство; миссионерства наряду с ответственностью, инициативностью, решимостью и целеустремленностью, готовностью к воплощению пла-

нов; влияния, подкрепленного, в том числе, властью и силой» [Иванова 2014: 66]. По существу, данная лексическая единица сблизилась в американском политическом сознании, если в целом не в коллективном сознании американцев, с понятием американской исключительности, *American exceptionalism*. Весьма показательна в этом отношении выдержка из речи Хиллари Клинтон (избирательная кампания 2016 г.), в которой она поясняет, что такое американская исключительность, напрямую связывая ее с понятием лидерства в его американском толковании: *The United States is an exceptional nation. I believe we are still Lincoln's last, best hope of Earth. We're still Reagan's shining city on a hill. We're still Robert Kennedy's great, unselfish, compassionate country. And it's not just that we have the greatest military or that our economy is larger than any on Earth. It's also the strength of our values, the strength of the American people. Everyone who works harder, dreams bigger and never, ever stops trying to make our country and the world a better place. And part of what makes America an exceptional nation, is that we are also an indispensable nation. In fact, we are the indispensable nation. People all over the world look to us and follow our lead. My friends, we are so lucky to be Americans. It is an extraordinary blessing. It's why so many people, from so many places, want to be Americans too. / Соединенные Штаты — исключительная нация. И я верю в то, что мы заветная и лучшая Линкольнова надежда на Земле. Мы остаемся сияющим городом Рейгана на холме. Мы все еще остаемся великой, бескорыстной, полной сочувствия страной Роберта Кеннеди. И далеко не только потому, что у нас лучшая армия или наша экономика самая большая на земле. А из-за силы наших ценностей, силы американского народа. Все, кто неустанно работает, мечтает по большому счету, никогда не бросает попыток сделать нашу страну и наш мир лучшим местом на земле. И еще, почему Америка — исключительная нация, так это потому, что мы незаменимы. Взоры людей всего мира устремлены на нас, люди всего мира следуют за нами. Друзья, нам повезло родиться американцами. Это благословение Господне. Именно поэтому так много людей на земле тоже хотят быть американцами [Read Hillary Clinton 2016]. Не зря доктрину американской исключительности объясняют как идею морального превосходства нации, которой уготовано самой судьбой вести мир за собой (*The idea of a morally superior and unique civilization destined to guide the world* [Tyrrell 2016]). Поле, созда-*

ваемое единицами *lead*, *leadership*, *guide*, *American exceptionalism*, представляет идею, которая и легла в свое время в основу доктрины явленной судьбы.

Столь же интересно проявляется и культурологическая маркированность лексемы *empowerment*, имеющей сугубо «американское» прочтение. Частотность данной «американизированной» единицы особенно заметна в феминистском дискурсе — с ним она и ассоциируется: *Empower women. Christopher Hitchens advocates for “the only known cure for poverty, which is the empowerment of women and emancipation of them from a livestock version of compulsory reproduction. / Продвигайте женщин. Кристофер Хитченс выступает за единственное средство от нищеты — им является продвижение женщин и их освобождение от животной версии принудительного воспроизводства* [Al Mutar 2016: 7]. Любопытный материал для размышлений об источнике культурно-ценностной информации, локализованной в сигнификативном значении этой лексемы, дает работа со словарями. Так, в словаре *Oxford* значится глагол *empower* (1. Give (someone) the authority or power to do something: ‘nobody was empowered to sign checks on her behalf’; 2. [with object] Make (someone) stronger and more confident, especially in controlling their life and claiming their rights: ‘movements to empower the poor’ [Oxford Dictionary]; ср. рус. *уполномочивать, вселять моральную стойкость и уверенность в себя, особенно в том, что касается осознания своих прав*), который служит отправной точкой для образования вышеуказанного существительного. Совершенно очевидно, что как исходная единица общенационального языка в своей глагольной форме данная лексема вряд ли может претендовать на статус культуронима. Дефиниция в словаре американского варианта английского языка *Merriam Webster* уже заставляет лингвокультуролога задуматься, поскольку фиксирует то значение глагола *empower*, которое легло в основание однокоренного культурологически маркированного существительного. Согласно названному словарю, *empower* трактуется как (1) to give official authority or legal power to <*empowered her attorney to act on her behalf*> (ср. рус. *уполномочивать*); (2) enable (ср. рус. *позволять*); (3) to promote the self-actualization or influence of (ср. рус. *служить самореализации и расширению влияния кого-л.*) <*women’s movement has been inspiring and empowering women — Ron Hansen*> (ср. рус. *женское движение вдохновляет женщин и вселяет в них уверенность в свои силы*) [Merriam Webster]. Характерно, что ни

тот, ни другой лексикографический источник не дает существительного *empowerment*, довольно частотного в массмедийном дискурсе политической направленности. Между тем любопытно, что словарь *Collins* выделяет одно специфическое значение *empowerment*, сопровождая его пометой: (*Government, Politics & Diplomacy*) (*in South Africa*) *a policy of providing special opportunities in employment, training, etc. for Black people and others disadvantaged under apartheid* / (государственное управление, политика и дипломатия) (в Южной Африке) политика предоставления особых возможностей для черного населения и других менее привилегированных групп при приеме на работу, в учебные заведения и т. п. [Collins], но, как видно из словарной пометы, данное значение актуально для варианта английского языка в Южной Африке. Вместе с тем в настоящее время именно американское феминистское движение определяет значение слова *empowerment*. Его использование в феминистском дискурсе США настолько частотно, что данный факт стал служить источником раздражения части общественности. Неумеренное употребление указанного слова журналист Ружь Випман (Ruth Whippman) называет *frenzy* (ср. рус. *сумасшествие*). Подобная реакция автора статьи обусловлена тем, что в результате злоупотребления этим словом оно оказалось полностью или почти полностью семантически выхолощенным, о чем иронически, если не саркастически, пишет журналистка: *The word empowerment has become the rallying cry of mainstream feminism, with virtually any act performed enthusiastically by a woman — from washing her hair or posting her bikini photos — now designated as “empowering”.* / Слово *empowerment* стало возгласом протестующего феминизма: любое действие, которое воодушевленно делает женщина — от помывки головы до выставления своих постов в бикини — сейчас же нарекается этим словом [Whippman 2016: 21].

Примером еще одной «американизированной» лексемы является слово *independence*. В силу всем известных исторических причин это слово приобрело и удерживает уже несколько столетий особую значимость для граждан Северо-Американских Штатов. Денотативное значение данной лексемы по словарю *Merriam Webster* подразумевает *the quality or state of being independent* [Merriam Webster]. Вместе с тем уже *Learner’s Dictionary* выделяет несколько значений: (1) freedom from outside control or support: the state of being independent [noncount] *They are fighting for independence from colonial rule.*

[=fighting because they want to stop being a colony ruled by another country] *Her ambition is to achieve financial independence.* [=to earn all the money she needs; to not depend on money given by anyone else] *She asserted her independence from her parents by getting her own apartment. The country declared (its) independence.* [=said that it would no longer accept the rule of another country] *a war of independence* [=a war that is fought to gain independence] [singular] *He has shown a fierce independence of spirit/thought.* (2) [noncount] : the time when a country or region gains political freedom from outside control *A month after independence, elections were held* [Learner's Dictionary]. Как явствует из данных дефиниций, сигнификат лексической единицы *independence* включает особое понимание независимости по-американски. Оно сводится к обозначению состояния свободы (от чужих мнений, контроля извне, чужой воли и т. п.), как индивидуальной, так и государственной, и представляет собой одну из базовых американских ценностей (см. [Weaver 1997: 10—11]).

Наряду с этим, культурологическая маркированность может локализоваться и в коннотативном значении слова: примером такого рода является лексема *communist*. Для американского языкового сознания данная единица эксплицирует следующие значения: (1) an adherent or advocate of communism; (2) *communard*; (3) **a** capitalized: a member of a Communist party or movement; **b** often capitalized: an adherent or advocate of a Communist government, party, or movement; (4) *often capitalized*: one held to engage in left-wing, subversive, or revolutionary activities [Merriam Webster], то есть *приверженец идей коммунизма, коммунары, член коммунистической партии, человек, занимающийся революционной подрывной деятельностью*. Сема, переданная при помощи атрибута *subversive* (в значении (4): человек, поддерживающий политические движения левого толка, занимающиеся тайной или революционной деятельностью), то есть «направленный на изменение или слом существующего законного правительства» (Intending or intended to subvert an established order, especially to undermine or overthrow an established government: *subversive groups; subversive publications* [American Heritage]), предполагает выражение отрицательной оценки денотата лексемы *communist*.

Вслед за В. В. Кабакчи можно с уверенностью утверждать, что культурноносная лексика выступает маркером культурной адаптации, т. е. указывает в прямой или косвенной форме на то, какая культура имеется в виду автором [Кабакчи 1993: 71], ведь дале-

ко не в каждой лингвокультуре эквивалентное слово будет отмечено отрицательной коннотацией. В таком же духе высказывается и Д. Б. Гудков, когда отмечает, что, оперируя одними и теми же знаками, представители разных культур оперируют представлениями, различия в структуре которых не всегда осознаются ими и оценочность которых может быть прямо противоположной [Гудков 1997: 119]. Так, знакомство с эквивалентным английскому *communist* словом русского языка *коммунист* позволяет выделить в нем сходные значения, такие как (1) приверженец коммунизма, (2) член Коммунистической партии, (3) человек, характеризующийся стремлением к социальной справедливости, высоким чувством долга, самопожертвованием ради идеи или конкретного дела [Общий толковый словарь]. Однако, как явствует из значения (3), русская лексема *коммунист* отмечена положительной коннотацией (необходимо отметить, что в связи со сменой социальной парадигмы и русское слово *коммунист* претерпело изменения, которые еще не отражены в общетолковых словарях). Таким образом, парольная, или, иначе, идентифицирующая функция культуронимов выступает в данном случае довольно ярко.

Культурологическая компонента может скрываться также в синтактике языкового знака. Так, известная словообразовательная модель, когда имя собственное присоединяется к корню *-gate*, восходящая к *Watergate*, названию гостиницы, в стенах которой в штабе Демократической партии были установлены прослушивающие устройства во время избирательной кампании 1972 г., несет в себе широкий спектр отрицательных коннотаций [Иванова, Чанышева 2014: 163]. Модель активно используется в политическом дискурсе: не зря журналист Карл Вик пишет, что любой скандал может получить наименование очередного Уотергейта: *Over the decades since, there have been efforts, never quite right, to dub this or that scandal the next Watergate* [Vick 2016: 34].

Прагматика языкового знака также может быть источником культурологической маркированности. К примеру, в колонке «Opinion» газеты *New York Times* Чарльз Сайкс пишет: *The conservative media ecosystem — like the rest of us — has to recognize how critical, but also how fragile, credibility is in the Orwellian age of Donald Trump. / Консервативная экосистема массмедиа, как и все мы, должна признать, насколько критически мала степень и без того хрупкого доверия в Оруэллову эпоху Дональда Трампа* [Sykes 2017]. Журналист использует прилагательное *Or-*

wellian, которое не имеет дефиниции ни в словаре *Мерриам Вебстер (Merriam Webster)*, ни в *Оксфорде (Oxford)*, несмотря на широкое хождение данного культуронима. Словарь *American Heritage* дефинирует эту единицу как *Of, relating to, or evocative of the works of George Orwell, especially the satirical novel 1984, which depicts a futuristic totalitarian state* [American Heritage]. Выбор этой культурно детерминированной единицы в данном контексте обусловлен прагматическими причинами. Избранная единица несет в себе гораздо больше смыслов, чем любое другое однозначно обличающее именование. Не используя эксплицитно оценочные слова типа *totalitarian, dictatorial, false* и т. п., автор элегантно вешает многослойный ярлык на вновь избранного президента и его политику.

Таким образом, культурологически маркированным (или культурно обусловленным, или культурно детерминированным, или культурно обусловленным, или культурно обусловленным) может выступать языковой знак любой ярусной принадлежности. Интерес представляет то, каким образом осуществляется дискурсивная адаптация такого рода языковых знаков в рамках политического дискурса массмедиа.

Исследование функционирования подобного рода языковых единиц убеждает, что в основе дискурсивной адаптации культурологически маркированных знаков в политическом дискурсе массмедиа лежат две характерные особенности, связанные с генезисом, природой и онтологией единиц данной группы. Прежде всего изучаемые единицы характеризуются таким свойством, как макрометафоричность. На данное качество указывают многие отечественные лингвокультурологи [Зыкова 2014; Слышкин 2000]. Так, например, И. В. Зыкова объясняет макрометафоричность культурно обусловленных фразеологических единиц тем, что они были образованы как метафоры [Зыкова 2014]. В дальнейшем же изначальная метафора приумножилась за счет еще одной понятийной области, к которой была произведена отсылка. Исследованный для данной работы эмпирический материал свидетельствует о том, что указанное свойство можно экстраполировать на довольно большой сегмент культурологически маркированных единиц. Представляется, что это связано с природой их образования, когда имеющиеся в лексиконе слова переосмыслились для обозначения новых понятий, о чем убедительно и красноречиво пишут Давид Барнхарт и Алан Меткаф [Barnhart, Metcalf 1997: VI].

Кроме этого, И. В. Зыкова отмечает еще одно свойство культурно обусловленных

фразеологических единиц. Таковым является выражение ими оценки — этической или эстетической, рациональной или чувственной. «Этическая и эстетическая информация — это то, что определяет культурную ценность (в том числе высшую) описываемого в образе объекта, его культурную значимость; дает культурную установку на определенное к нему отношение, формируя „сердцевину“ коннотативного потенциала фразеологизма» [Зыкова 2014: 320]. Как справедливо отмечает И. В. Зыкова, оценочность содержится в номинативной свертке данных единиц. Есть все основания для вывода о том, что данное свойство распространяется на большой сегмент культурно обусловленных единиц не только фразеологического яруса. Ценностность онтологически присуща культурно обусловленным единицам. Это связано с характером передаваемой ими информации: заложенная в языковых знаках культурная информация ценностна, поскольку ценностна сама культура. В результате культурологически маркированные языковые единицы легко порождают модальность как таковую, поскольку сами являются средствами создания культурологической модальности, т. е. модальности, передающей субъективное отношение, основанное на ценностных ориентирах лингвокультурного сообщества создателя текста.

Характерной особенностью культурно обусловленных знаков является возможность использования одних и тех же единиц как с положительной, так и с отрицательной оценкой. Знак оценки зависит от коммуникативного намерения говорящего. Как известно, энантиосемия, способность генерировать и положительный, и отрицательный контекст, заложена в природе оценочного значения.

Подытоживая сказанное, можно с уверенностью констатировать, что, обладая свойствами макрометафоричности и оценочности, культурологически маркированные единицы многократно воспроизводятся и тем самым способствуют постоянному реконструированию культурно-ценностного пространства того или иного лингвокультурного сообщества.

Результаты исследования

Анализ эмпирического материала убеждает в том, что дискурсивная адаптация культурно обусловленных знаков обеспечивает реализацию нескольких функций данных единиц в рамках массмедийного дискурса политической направленности: номинативной, кодифицирующей, коммуникативной, эвалюативной (оценочной), экспрессивной,

идентифицирующей / парольной (экспликация лингвокультурологической категории «свой — чужой»), референтивной (отсылка к культурно-ценностным ориентирам).

Номинативная функция реализуется в тех контекстах, в рамках которых культуроним служит прямому именованию предмета речи. Примером номинативной функции может служить следующий отрывок из колонки в *New York Times: At an event marking Black History Month last week, the president took a detour from a discussion of Frederick Douglass — he described the abolitionist as “an example of somebody who’s done an amazing job and is being recognized more and more” — to talk about the press. / На мероприятии, которое проводилась в рамках Месяца черной истории на прошлой неделе, президент отвлекся от Фредерика Дугласа — он описал аболициониста как пример человека, прекрасно справлявшегося со своим делом и в настоящее время получающего все большее признание, лишь для того, чтобы говорить о прессе* [Sykes 2017]. *Black History Month*, проводимый ежегодно в феврале Месяц черной истории — месячник, посвященный истории чернокожего населения США, — номинация, которая в данном контексте не несет никаких дополнительных коннотаций или смыслов. Как правило, культуроним в номинативной функции важен для понимания фактуальной информации текста: в данном случае колумнист рассказывает о последних событиях в Белом доме и за его пределами и использует культуроним по его прямому назначению — для того, чтобы дать имя предмету речи. Необходимо отметить, что для политически ангажированного текста использование культурологически маркированных единиц в их номинативной функции действительно ограничено и связано исключительно с теми случаями, когда их использование обусловлено особенностями передачи фактуальной информации. Однако обращает на себя внимание тот факт, что номинативная функция обнаруживает тенденцию конвергировать в политическом дискурсе с другими функциями, и, соответственно, роль культурно детерминированной единицы становится значимой для передачи подтекстовой и концептуальной информации. Именно это происходит со вторым культуронимом в приведенном выше контексте — именем одного из борцов за отмену рабства Фредерика Дугласа. Концептуальная информация данной колонки состоит в выражении мнения журналиста относительно того, что президент США не дает свободы прессе, и вот это отношение к прессе противоречит принципу свободы, который декла-

рировал и доказывал всей своей жизнью известный аболиционист. Данный вывод не относится к фактуальной информации текста, но является частью информации подтекстовой.

Кодифицирующая функция реализуется в тех случаях, когда при помощи культуронима воспроизводится «свернутый» культурный текст. При этом культурный текст понимается в семиотическом смысле, по Ю. М. Лотману, как то, что порождает смысл [Лотман]. Кроме этого, для объяснения функционирования культурно обусловленных единиц в кодифицирующей функции не лишне вспомнить трактовку прецедентных феноменов В. В. Красных. С ее точки зрения, значение прецедентного феномена, т. е. явления, имеющего особую культурно-ценностную значимость для представителей той или иной лингвокультуры, можно описать как фрейм-структуру сознания, которая понимается как «когнитивная единица, формируемая клише/штампами сознания и представляющая собой „лучок“ предсказуемых валентных связей (слов), векторов направленных ассоциаций» [Красных 1999: 39]. Одним из примеров такого рода является довольно популярное обращение американских политиков к тексту американской конституции посредством использования ее первых слов *We the people*. *We the people* имеет достаточно жесткое прочтение в американском политическом дискурсе: эти слова означают репрезентативность власти, т. е. верховенство власти народа, и напоминают политикам о том, кому последние служат. Использование этих слов предполагает незыблемость верховного закона страны, напоминание об избранности власти и ее долге служить своему народу. Не удержался от данного цитирования и вновь избранный американский президент Д. Трамп, начав свою инаугурационную речь со слов: *We, the citizens of America, are now joined in a great national effort to rebuild our country and restore its promise for all of our people. / Мы, граждане Америки, объединились сейчас в едином порыве перестроить свою страну и реставрировать то, что она обещала своему народу* [Trump 2017], лишь немного трансформируя три первых слова конституции США (в силу известных обстоятельств — стремления различать граждан и эмигрантов). Чуть ниже за счет усеченной цитаты *the people* он опять эксплицирует незыблемость принципа, зафиксированного конституцией, принципа, согласно которому власть служит народу: *Because today we are not merely transferring power from one administration to another or from one party to another,*

but we are transferring power from Washington, D.C. and giving it back to you, the people. / Потому что сегодня мы не только передаем власть от одной администрации другой или от одной партии другой, но передаем власть из Вашингтона и возвращаем ее вам, тому самому народу. И вновь и вновь в речи слышится свернутый в два слова *the people* текст конституции: *What truly matters is not which party controls our government, but whether our government is controlled by the people. Jan. 20, 2017, will be remembered as the day the people became the rulers of this nation again. / Что на самом деле имеет значение, так это не то, какая партия контролирует правительство, а контролируется ли правительство тем самым народом. 20-е января запомнится как день, когда тот самый народ вновь стал у руля страны.* Таким образом, представив в свернутом виде (*we, the people* или, еще короче, *the people*) главный документ страны, президент еще раз заверил своих избирателей, каких принципов он собирается придерживаться.

Коммуникативная функция подразумевает использование культуросной единицы для достижения той коммуникативной цели, которую ставит перед собой продуцент текста, т. е. в широком смысле для целей аргументации. Так, в инаугурационной речи Д. Трампа многочисленные использования одного из ключевых понятий американской культуры *dream* нацелены на убеждение страны в том, что с новым руководством каждый американец обретет свою мечту, ибо мечты каждого рядового американца воплощены в мечтах президента, надо только мечтать по-крупному, наполнять свои сердца мечтой, и тогда эта общая мечта определит великую американскую явленную судьбу: *Their dreams are our dreams, and their success will be our success; Finally, we must think big and dream even bigger; They fill their heart with the same dreams; Your voice, your hopes and your dreams will define our American destiny* [Donald Trump]. Как известно, жанр инаугурационной речи не предполагает весомых логических аргументов. Инаугурационная речь *per definitionem* представляет собой многократно повторенные лозунговые фразы, которые посредством в том числе и искусного использования культурно детерминированных единиц, хорошо понятных собеседнику, находят короткий путь к его сердцу и служат, таким образом, для достижения коммуникативной цели оратора.

Эвалюативная, или оценивающая функция актуализируется при использовании культуронима для того, чтобы эксплици-

ровать оценку, избегая при этом обще- или частнооценочных прилагательных, а делая это за счет самой семантической структуры культуронима. Так, в статье о Трампе и его электоральной базе автор, воспроизводя риторику Демократической партии, использует синонимичные культуросные единицы *redneck* и *hillbilly*: *To assert your identity as part of the enlightened America, you need to disassociate yourself from the racist hillbillies, rednecks, and suburban dolts supporting Trump* [Cassidy]. И тот и другой культуроним содержат оценочность в их семантической структуре. Но если *hillbilly* предваряется негативным атрибутом, то *redneck* в нем даже не нуждается. Так, *redneck* определяется в учебном словаре как *a white person who lives in a small town or in the country especially in the southern U.S., who typically has a working-class job, and who is seen by others as being uneducated and having opinions and attitudes that are offensive / белый американец, который живет в маленьком городке или в деревне, особенно на юге США, имеет рабочую специальность, не имеет образования и характеризуется ограниченными и агрессивными взглядами* [Learner's Dictionary]. В словаре «Merriam Webster» *redneck* сопровождается словарной пометой «sometimes/often disparaging (часто / иногда уничижительное): (1) *sometimes disparaging*: a white member of the Southern rural laboring class; (2) *often disparaging*: a person whose behavior and opinions are similar to those attributed to» [Merriam Webster].

Таким образом, используя данную лексику, автор статьи автоматически производит оценку, не прибегая к эксплицитно отрицательной лексике. Выраженная посредством культурологически маркированного слова субъективная оценка, в свою очередь, выступает триггером культурологической модальности. Культурологическая модальность предполагает выражение субъективного отношения на основе векторов культурно-ценностного пространства того или иного лингвокультурного сообщества. В свою очередь, культурологическая модальность усиливает свойственную политически ангажированному тексту СМИ модальность идеологическую. Множественная модализация, имеющая источником субъективное отношение [Дускаева, Краснова 2014; Краснова 2002], и порождает такое свойство массмедийного политического текста, как агональность. Действительно, персуазивный эффект подобного текста очевиден.

Идентифицирующая, или, иначе, парольная функция (в терминах Г. Г. Слышкина, парольно-идентифицирующая функция

[Слышкин 2000]) предполагает, что культуроним помогает говорящему обнаружить свою идентичность, позволяет отличить «своих» от «чужих», и именно с этой целью он используется. Читая пассаж из *Wall Street Journal*, адресат текста моментально понимает, на какой стороне баррикады находится автор статьи: *I believe Putin considers himself a modern-day Czar, and he's intent on reassembling the territories that were historically part of the Russian Empire* [Brown 2014]. Использование культуронима *Czar* (см. дефиницию: (1) an emperor or king, (2) the former emperor of Russia, (3) an autocratic ruler or leader или (4) any person exercising great authority or power [Random House 2010]) не оставляет и тени сомнений, что политический эксперт настроен враждебно по отношению к президенту России, ведь тот, как новоявленный царь, настроен вернуть территории, исторически принадлежавшие Российской империи. Таким образом, разделение на *своих* и *чужих* является одним из важных аспектов дискурсивной адаптации культуронимов в политическом дискурсе с характерным для последнего свойством агональности.

Референтивная функция, суть которой состоит в отсылке к фактуальной информации, которая в свернутом виде представлена в культурониме, достаточно хорошо иллюстрируется в отрывке из статьи о том, как была одета Меланья Трамп на инаугурации: *Mrs. Trump has said that she looks to Mrs. Kennedy as a role model, and at least as far as her image goes, it seems she is taking that literally. / Г-жа Трамп сказала, что она смотрит на г-жу Кеннеди как на образец для себя, и в том, что касается ее имиджа, представляется, что она делает это в прямом смысле слова* [Friedman]. Автор старается воздержаться от комментариев и не эксплицитировать своего отношения к новой хозяйке Белого дома. При этом имя легендарной первой леди, признанной до сих пор иконой стиля, казалось бы, на уровне фактуальной информации используется лишь в референтивной функции, т. е. для того, чтобы сделать отсылку к ее имени. Однако на уровне подтекстовой информации в осязаемое противоречие приходят некоторые из выбранных автором средств. Действительно, текст практически лишен каких-либо очевидных знаков субъективной модальности, кроме данного комментария о слишком буквальном понимании значимости ролевой модели г-жой Трамп и несколько двусмысленного заголовка: *Ralph Lauren has dressed his fifth first lady / Ральф Лорен одел свою пятую первую леди*. Амбивалентность данного за-

головка состоит в соседстве понятия «first lady» и номера ее очередности. Результатом становится невольной возникающая мысль о том, что дама-то совсем не первая. Разложение устойчивого выражения *first lady* (букв. *первая леди*) за счет сочетания с числительным *пятая*, слишком широкое понимание новоиспеченной первой дамой государства того, кто является для нее образцом для подражания, создает триггеры модализации, на основе которых ссылка на Жаклин Кеннеди оттеняет то, чего не хватает, с точки зрения автора статьи, новой обитательнице Белого дома.

Нередко культуронимы используются в **экспрессивной функции**, которая, на первый взгляд, служит повышению образности текста. Прежде всего, в силу их метафоричности и заложенной в них экспрессивности культурологически маркированные единицы могут употребляться для повышения образности создаваемого текста. Культурно обусловленными являются единицы, восходящие к прецедентным явлениям: *The worry is whether, in this hot summer of disequilibrium, her country is adequate to the task. / Озабоченность вызывает то, может ли ее страна выполнить эту задачу в это жаркое лето дисбаланса* [Coll 2016: 20]. Благодаря своей структуре (*season of...*) и лексическому наполнению (использование антонимов *summer — winter* плюс морфологически сходные контекстуально синонимические наименования отрицательных эмоциональных состояний: *disequilibrium* и *discontent*), данное высказывание сразу же вызывает в памяти название известной книги Р. Олдингтона *The winter of our discontent (Зима тревоги нашей)*. Употребленное, с одной стороны, для большей экспрессивности, данное культурологически маркированное образование эксплицитирует содержащуюся в нем в свернутом виде отрицательную оценку.

Еще одним достаточно ярким примером экспрессивной функции является небольшой отрывок из статьи Дж. Кассиди из «Нью-Йоркера», в которой он размышляет о популярности Трампа во время предвыборной кампании. Несмотря на то, что на будущего президента был опубликован компромат, причем, на взгляд автора статьи, компромат предельно серьезный: *the other two stories were as copper-bottomed as the hull of the Cutty Sark / две другие истории (о Трампе и его неблагоприятных делах — С. И.) были столь же внушительны, как корпус клипера Катти Сарк* [Cassidy 2016], кандидат от Республиканской партии выбился в лидеры президентской гонки и уверенно набирал популярность. Экспрессия, которой достигает

автор статьи, генерируется на нескольких уровнях формирования информации текста: на уровне значения и смысла. *Catty Sark* — это единственный сохранившийся британский чайный клипер, известный своей надежностью и быстротой. В настоящее время это памятник истории, а потому стоит на вечном причале, поднятый из воды, чтобы любители истории могли оценить его надежное днище. Выражение *copper-bottomed* как нельзя лучше сочетается именно с морским судном. И в первом своем значении оно употреблялось только по отношению к днищу корабля, которое для надежности обшивалось медью (см. *Webster's Dictionary* 1828 г. [*Webster's Dictionary*]). Однако благодаря метафорическому расширению данное выражение стало употребляться в значении *thoroughly sound, genuine, authentic, reliable* (ср. рус. *надежный*). Так, *Merriam Webster* дает два значения этой единицы: (1) *having a copper coating on the bottom <a copper-bottomed pan>*; (2) *British, informal: deserving to be trusted <a copper-bottomed guarantee>*; *certain to succeed <The film is a copper-bottomed hit.>* [*Merriam Webster*]. В настоящее время выражение употребляется в положительном (ср. рус. *надежный*) и отрицательном (ср. рус. *100%-я ерунда*) контекстах [*Wordorigins*]. Соответственно, авторская ремарка относительно собранных против Трампа сведений на уровне значения читается как «100%-но надежные сведения». Однако на уровне смысла в контекст вторгается ирония, и читатель остается один на один со следствиями энантиосемии: возможно, это 100%-я ерунда. Данный пример доказывает обоснованность вывода о том, что «на уровне дискурс-анализа важен не столько даже фактор значения слова, сколько его иллокутивная сила — эффект значимости, выделенности образованного смысла» [Дускаева, Краснова 2014: 56]. И эта выделенность, возникающая на основе авторской субъективной подачи информации, неизбежно ведет к модализации текста. Следует подчеркнуть, что создаваемая в политическом дискурсе СМИ образность и экспрессия не создаются ради них самих, а имеют более важную цель — повысить накал риторики и таким образом добиться своей коммуникативной цели.

Нельзя не отметить, что использование культуроносных языковых единиц преимущественно служит реализации нескольких функций. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что они являются довольно сильными «раздражителями», т. е. источниками модализации. Чрезвычайно показательным в плане актуализации не-

скольких функций, благодаря которым производится дискурсивная адаптация культуронима, выступает следующий отрывок из статьи в статусном американском журнале *The New Yorker*. Посвященная съездам Демократической и Республиканской партий США статья называется *The War and the Roses* [Lepore 2016: 24]. Привлекающее внимание своей нарочитой аллюзией название в трансформированном виде восходит к известному историческому событию — Войне Алой и Белой розы (ср. *the War of the Roses*). В данном случае дискурсивизация культуронима служит кодифицирующей функции: в названии заложена глубокая мысль о том, что между демократами и республиканцами разгорелась война, война до последнего, что, собственно, и передает данная культурно обусловленная номинация. При описании съезда Республиканской партии автор обращает внимание на цвет одежды и окружающих участников конвенции предметов. В глаза бросается доминирующий красный цвет и другие цвета этого спектра: *the women in sleeveless dresses the color of flowers or fruit (marigold, tangerine), the men in fitted suits the color of embers (charcoal, ash); T-shirts stating the significance of life came in black or blue or pink (for fetuses); Don King stood astride its bow, dressed like a Reagan-era Bruce Springsteen (graded jean jacket; swatches of red, white, and blue); she'd affixed a pair of pink plastic doll hands, clutching a miniature American flag, I went to see a ten-foot-tall American bald eagle, made entirely of red-white-and-blue Duck Brand duct tape; She was wearing a sleeveless dress the color of a grapefruit, the pinkest of peonies; Trump took the stage in a suit as black as cinder; His face turned as red hot as the last glowing ember of a fire, dying*. В противоположность этому, на съезде демократов доминирует белый цвет — и это подчеркивается в завершающей фразе, касающейся Хиллари Клинтон: *Hillary Clinton took the stage in a suit of paper white*. Опять же везде присутствуют три цвета американского флага — и в зале, и среди участников мероприятия: *He was wearing a hat decorated with red-white-and-blue tinsel*. Кроме цветовой гаммы, отсылающей к цветам американского флага, автор использует на протяжении всей статьи отрывки из Геттисбергской речи Линкольна (*Gettysburg Address*) и постоянно напоминает о президенте, покончившем с рабством в США. Разделение страны перед президентскими выборами 2016 г. напоминают журналисту Войну Севера и Юга 1861—1865 гг. Постоянные вкрапления из Геттисбергского обращения (выделены полужирным) пере-

межаются с зарисовками автора о съезде Республиканской партии (хотя нельзя не напомнить об ироничности ситуации: Линкольн был первым президентом-республиканцем): *We have to dedicate a portion of that field, as a final resting place for those who here gave their lives that that nation might live. But this wasn't Gettysburg. This battle isn't over. "Our own city streets have become the battlefield", the Homeland Security Committee chair, Mike McCaul, said* [Lepore 2016: 24]. Таких отсылок в тексте довольно много. И они сочетаются с основной идеей статьи: страна разделена, она должна вспомнить свои истоки. Свернутая оценка, которая сопрягается с концептуальным для американской истории и американского государства текстом, разделяет демократов и республиканцев. Автор не скрывает своей позиции — она на стороне демократов, считая, что они проповедуют любовь. И доказательством этого является уже само место проведения съезда — Филадельфия, Город братской любви. Именно с указания на это автор и начинает вторую часть своей статьи: *Welcome to the city of love*. И уже при описании съезда демократов нет укоряющих отрывков из Геттисбергского обращения, поскольку *Philadelphia was to Cleveland the zig to its zag / Филадельфия оказалась загогом по отношению к Кливленду* [Lepore 2016: 24].

Характерно, что в процессе дискурсивизации культурологически маркированных языковых знаков реализуется эффект модализации, поскольку в силу самой природы культурологически маркированных языковых знаков схема оценивания «вписана в язык» [Бурдые 2007: 77] за счет ценностного маркера, который имплицирован, а порою и эксплицирован в культурониме. Материал убеждает, что эта главная особенность дискурсивной адаптации культурно обусловленных знаков состоит в том, чтобы выступать триггерами создания модалного контекста за счет референции к ценностным ориентирам того или иного лингвокультурного сообщества, т. е. генерировать культурологическую модалность. В политическом медиатексте культурологическая модалность тесно переплетается с модалностью идеологической. Этот процесс способствует наращиванию персуазивности и воздейственности данного типа дискурса, а также его агнальности.

Заключение

Эмпирический материал свидетельствует, что появление культуронимов в политическом дискурсе массмедиа не случайно. Культурно обусловленные языковые знаки

проходят процесс дискурсивной адаптации посредством реализации нескольких функций: номинативной, кодифицирующей, коммуникативной, оценочной (эвалюативной), идентифицирующей (парольной), референтивной и экспрессивной. Как показывает материал, чаще всего культуронимы актуализируют несколько функций. При этом, благодаря заложенной в них оценочности, они становятся сильными источниками модализации дискурса, поскольку позволяют дать субъективную оценку (поощрение или порицание) предмету обсуждения. Прежде всего они создают культурологическую модалность, которая затем, сочетаясь с присущей политическому дискурсу модалностью идеологической, превращает политический текст в риторическое оружие, заряженное сильными эмоциями и признающее только крайние оценки каждой из оппозиций «хорошо — плохо» и «свой — чужой».

ИСТОЧНИКИ

1. Al Mutar F. S. From Lahore to Brussels to Baghdad: A Plan to Fight Back // Free Inquiry. 2016. Vol. 36, № 5. Aug./Sept. P. 6—7.
2. Brown F. Czar Putin Wants a Russian Empire // Wall Street Journal. 2014. 30.10. URL: <https://www.wallstreetdaily.com/2014/10/30/putin-russian-empire/>.
3. Cassidy J. Two Americas: Why Donald Trump Still Has a Lot of Support // New Yorker. 2016. 2.11. URL: <http://www.newyorker.com/news/john-cassidy/two-americas-why-donald-trump-still-has-a-lot-of-support>.
4. Coll Steve. Defying Conventions // New Yorker. 2016. 8—15 Aug. P. 19—20.
5. Friedman V. Ralph Lauren has dressed his fifth first lady // New York Times. 2017. 20.01. URL: <https://www.nytimes.com/2017/01/20/fashion/melania-trump-wearing-ralph-lauren-channels-a-predecessor-jacqueline-kennedy.html?smid=fb-nytimes&smtyp=cur&r=0>.
6. Donald Trump's Inaugural Speech, Annotated // New York Times. 2017. 20 Jan. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2017/01/20/us/politics/donald-trump-inauguration-speech-transcript.html?smid=fb-nytimes&smtyp=cur>.
7. Lepore J. The War and the Roses // New Yorker. 2016. 8—15 Aug. P. 24—32.
8. Read Hillary Clinton's Speech Touting 'American Exceptionalism' // Time. 2016. 31.08. URL: <http://time.com/4474619/read-hillary-clinton-american-legend-speech/>.
9. Sykes C. J. Why Nobody Cares the President Is Lying // New York Times. 2017. 4 Febr. URL: <https://www.nytimes.com/2017/02/04/opinion/sunday/why-nobody-cares-the-president-is-lying.html>.
10. Vick K. Is Putin Taking Sides? // Time. 2016. 8.08. P. 34—37.
11. Whippman R. Women's 'empowerment' is not real power // Time. 2016. 8.08. P. 21.

ЛИТЕРАТУРА

12. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. 288 с.
13. Гудков Д. Б. Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация // Язык. Сознание. Коммуникация. — М., 1997. Вып. 1. С. 114—127.
14. Дускаева Л. П., Краснова Т. И. Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры (опыт обобщения) // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 51—57.
15. Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2014. 510 с.

16. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 2003. 364 с.
17. Иванова С. В. Хитрое слово leadership, или Еще раз о национально-культурной специфике // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 58—68.
18. Иванова С. В., Чанышева З. З. Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культурноносности // Вестн. РУДН. Серия: Лингвистика. 2014. № 4. С. 154—166.
19. Кабакчи В. В. Английский язык межкультурного общения // Cross-Cultural English : учеб.-справ. пособие. — СПб. : Образование, 1993. 200 с.
20. Кабакчи В. В. Практикум англоязычной межкультурной коммуникации. — СПб. : Союз, 2004. 480 с.
21. Краснова Т. И. Субъективность — Модальность (материалы активной грамматики). — СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002. 189 с.
22. Красных В. В. «Маски» и «роли» фрейм-структур сознания (к вопросу о клише и штампах сознания, эталоне и каноне) // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей.— М. : Диалог-МГУ, 1999. Вып. 8. С. 39—43.
23. Лотман Ю. М. Текст // Словарь лингвистических терминов. URL: http://slovar.lib.ru/terminologies/lotman_ju_m.htm#txt.
24. Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolslovar.ru/k7170.html>.
25. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004. 294 с.
26. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М. : Academia, 2000. 128 с.
27. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.
28. The American Heritage® Dictionary of the English Language, Fifth Edition ©2016 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.
29. Barnhart D. K., Metcalf A. A. America in So Many Words. Words That Have Shaped America. — Boston, New York : Houghton Mifflin Company, 1997. [XII], 308 p.
30. Burns J. M. Transforming Leadership: A New Portrait of Happiness. — New York : Atlantic Monthly Pr., 1978. [IX], 319 p.
31. Collins English Dictionary. Complete and Unabridged. 12th Ed. 2014 ©HarperCollins Publishers, 2014.
32. Learner's Dictionary. URL: <http://www.learnersdictionary.com>.
33. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.
34. Oxford Online Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>.
35. Random House Kemerman Webster's Dictionary. ©2010 K Dictionaries Ltd.
36. Tyrrell I. What, exactly, is 'American exceptionalism'? // The Week. 2016. 21.10. URL: <http://theweek.com/articles/654508/what-exactly-american-exceptionalism>.
37. Weaver G. American Cultural Values // Kokusai Bunka Kenshu (Intercultural Training). 1997. Vol. 14, Winter. P. 14—20. URL: <http://trends.gmfus.org/doc/mm/f/American%20Cultural%20Values.pdf>.
38. Webster's Dictionary 1828. Online Ed. American Dictionary of the English Language URL: <http://webstersdictionary1828.com>.
39. Wordorigins.com. URL:<http://www.wordorigins.org/index.php>.

S. V. Ivanova
Saint Petersburg, Russia

FUNCTIONAL PECULIARITIES OF CULTURALLY RELATED LEXIS IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

ABSTRACT. *The article discloses the processes of functioning of culturally determined linguistic signs within political mass media. There are certain peculiarities in the use of culturally marked linguistic signs in political discourse which make it possible for them to reach the goals that political communication sets. The fact that culturologically marked units are actively involved in political discourse is determined by the tasks of political communication, on the one hand. On the other hand, these aims and tasks comply with the ontological properties of these signs. These properties include axiogeneity of culturologically marked linguistic signs, their inherent ability to nominate, identify and encode the values of cultural and linguistic community, their ability to make references to the latter and to serve the purposes of evaluation and expressivity. Information related to cultural values, which is conveyed in these signs, constitutes their major peculiarity, i.e. their ability to build a modal context due to the reference to value vectors of the society. In the process of discursive adaptation cultural names turn into sources of cultural modality which is understood as the evaluation from the point of view of societal cultural values, i.e. it is responsible for rendering appraisal or reproof based on a certain cultural tradition. In a political media text culturological modality is intertwined with ideological modality. This process makes this type of discourse even more persuasive as well as its agonal.*

KEYWORDS: *political mass media discourse; media discourse; media linguistics; media texts; mass media; language of mass media; linguistic signs; American mass media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Department of English Philology, Pushkin Leningrad State University, Pushkin, St. Petersburg, Russia.*

REFERENCES

- Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva / per. s frants. ; otv. red. perevoda N. A. Shmatko. — M. : Institut eksperimental'noy sotsiologii ; SPb. : Aleteyya, 2007. 288 s.
- Gudkov D. B. Algoritm vospriyatiya teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya // Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya. — M., 1997. Vyp.1. S. 114—127.
- Duskaeva L. R., Krasnova T. I. Intentsional'nost' i modalizatsiya mediateksta v kontekste kul'tury (opyt obobshcheniya) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 51—57.
- Zykova I. V. Rol' kontseptosfery kul'tury v formirovaniy frazeologizmov kak kul'turno-yazykovykh znakov : dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2014. 510 s.
- Ivanova S. V. Lingvokul'turologicheskiy aspekt issledovaniya yazykovykh edinit: dis. ... d-ra filol. nauk. — Ufa, 2003. 364 s.
- Ivanova S. V. Khitroe slovo leadership, ili Eshche raz o natsional'no-kul'turnoy spetsifike // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3. S. 58—68.
- Ivanova S. V., Chanyшева Z. Z. Semantika i pragmatika yazykovogo znaka kak drayvery kul'turonosnosti // Vestn. RUDN. Seriya: Lingvistika. 2014. № 4. S. 154—166.
- Kabakchi V. V. Angliyskiy yazyk mezhkul'turnogo obshcheniya // Cross-Cultural English : ucheb.-sprav. posobie. — SPb. : Obrazovanie, 1993. 200 s.
- Kabakchi V. V. Praktikum angloyazychnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii. — SPb. : Soyuz, 2004. 480 s.
- Krasnova T. I. Sub'ektivnost' — Modal'nost' (materialy aktivnoy grammatiki). — SPb. : Izd-vo SPbGUEF, 2002. 189 s.
- Krasnykh V. V. «Maski» i «roli» freym-struktur soznaniya (k voprosu o klishе i shtampakh soznaniya, etaloni i kanoni) // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya : sb. statey.— M. : Dialog-MGU, 1999. Vyp. 8. S. 39—43.
- Lotman Yu. M. Tekst // Slovar' literaturovedcheskikh terminov. URL: http://slovar.lib.ru/terminologies/lotman_ju_m.htm#txt.
- Obshchiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. URL: <http://tolslovar.ru/k7170.html>.
- Ruzhentseva N. B. Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2004. 294 s.
- Slyshkin G. G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretседentnykh tekstov v soznanii i diskurse. — M. : Academia, 2000. 128 s.

16. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.
17. The American Heritage® Dictionary of the English Language, Fifth Edition ©2016 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.
18. Barnhart D. K., Metcalf A. A. America in So Many Words. Words That Have Shaped America. — Boston, New York : Houghton Mifflin Company, 1997. [XII], 308 p.
19. Burns J. M. Transforming Leadership: A New Portrait of Happiness. — New York : Atlantic Monthly Pr., 1978. [IX], 319 p.
20. Collins English Dictionary. Complete and Unabridged. 12th Ed. 2014 ©HarperCollins Publishers, 2014.
21. Learner's Dictionary. URL: <http://www.learnersdictionary.com>.
22. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.
23. Oxford Online Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>.
24. Random House Kemerman Webster's Dictionary. ©2010 K Dictionaries Ltd.
25. Tyrrell I. What, exactly, is 'American exceptionalism'? // The Week. 2016. 21.10. URL: <http://theweek.com/articles/654508/what-exactly-american-exceptionalism>.
26. Weaver G. American Cultural Values // Kokusai Bunka Kenshu (Intercultural Training). 1997. Vol. 14, Winter. P. 14—20. URL: <http://trends.gmfus.org/doc/mmf/American%20Cultural%20Values.pdf>.
27. Webster's Dictionary 1828. Online Ed. American Dictionary of the English Language URL: <http://webstersdictionary1828.com>.
28. Wordorigins.com URL: <http://www.wordorigins.org/index.php>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.

Л. В. Куликова
Красноярск, Россия

МИССИЯ УЧЕБНИКА ПО РКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЗИТИВНОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА О РОССИИ

АННОТАЦИЯ. В статье проблематизируется вопрос содержательного наполнения современных учебных пособий по РКИ (русскому языку как иностранному). В контексте лингвокультурологических теорий общего языкознания анализируются тематика, текстовые фрагменты, семантика лексических единиц, художественные источники, формирующие на основе изучаемого языка и культуры образ русского мира. Подчеркивается важная роль учебного пособия по РКИ как мультимодального канала в постижении актуальной привлекательной картины мира о России; отмечается, что при подборе языкового материала для пособия необходимо коррелировать информацию, ориентированную на инофонов, с ее релевантностью для самих носителей языка и адекватностью современной российской действительности. Автор фокусирует внимание на аспектах концептуальной, коммуникативной и ценностной значимости контента пособий, осуществляющих определенного рода интеллектуальное посредничество в позитивной аккультурации иноязычного слушателя; аргументирует необходимость учета не только лингводидактических подходов при разработке РКИ-пособий (формирование и развитие языковых и речевых навыков, современные методики преподавания и стратегии обучения), но и научных лингвистических теорий (языковая картина мира, концепции языкового сознания и языковой личности, теории культурной прецедентности, лингвопрагматики, концептологии). Мысль о том, что разрабатываемые современными авторами и используемые для зарубежных слушателей пособия по русскому языку как иностранному должны «работать» на преодоление отрицательных стереотипов о русскоязычном мире, а не поддерживать и усиливать их, является одним из основных выводов предлагаемой статьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: учебные пособия; языковая картина мира; лингвокультурология; языковые навыки; русский язык; русский язык как иностранный; методика преподавания русского языка.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Куликова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, директор института филологии и языковой коммуникации федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск); 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный, 82, стр. 1, оф. 2-60; e-mail: info_ifyak@sfu-kras.ru.

...система культурных стереотипов всякой цивилизации упорядочивается с помощью языка, выражающего данную цивилизацию.

Эдвард Сепир

Свою статью я бы соотнесла с жанром эссе-наблюдения, поскольку она отражает мои индивидуальные впечатления и размышления по поводу содержательного наполнения современных учебных пособий по русскому языку как иностранному (РКИ), безусловно, без претензии на исчерпывающее научное описание и безальтернативную оценку. Прежде всего, потому, что с данными учебниками судьба свела меня недавно, однако, в течение многих лет преподавая иностранный язык нашим российским студентам, работая в сфере университетского образования и образовательного менеджмента, я достаточно часто сталкивалась и сталкиваюсь с проблемой обучения и социокультурной адаптации зарубежных слушателей.

Чтобы придать интерактивный характер нашему общению с читателем в рамках предложенной статьи, хочу попросить потенциального собеседника ответить максимально кратко самому себе, возможно в формате одного слова или словосочетания, на такой вопрос: «Какой бы вы хотели представить Россию иностранным обучающимся?»

Именно на этот вопрос я попыталась себе ответить, когда один мой зарубежный знакомый попросил подобрать ему интересное, актуальное учебное пособие по РКИ. Просмотрев несколько имеющихся в универ-

ситетской библиотеке учебников, я поняла неожиданно, что меня вдруг «зацепила» проблема содержания многих из них. Зацепила как равнодушного лингвиста, который с момента своего профессионального и научного «отрочества» уяснил, что язык — это один из основных ключей к культуре и пониманию любого общества.

В качестве примера привожу далее фрагмент наполнения одного из дидактических источников в разделе «Значения трудных слов и выражений» (перечисляю выборочно только слова, без имеющегося при каждом из них пояснения о значении данной лексической единицы): *перевернуть вверх дном, по-вурдалацки, проштрафиться, разогнать, рука занесена, срывать зло, сука, тварь дрожащая, хлюпик, хренов, чекист, чушь собачья, шмотки, эсерка, бабетта, белое движение, блядь, буржуин, военкомат, враг трудового народа, говно, Каплан Фаина, марксизм-ленинизм, партком, НКВД...* [Окно в Россию 2003: 176—180].

На фоне этого своеобразного мини толкового словаря, предложенного в одном из учебников по РКИ, кратко остановлюсь на знаниевом тезаурусе любого лингвиста, на тех пресуппозиционных основаниях, которые составляют профессиональный фон дея-

тельности преподавателя языка. Начиная с В. фон Гумбольдта неоднократно подчеркивалось, что мы во многом видим мир так, как нам его преподносит язык: например, в работах Б. Л. Уорфа, отмечавшего, что язык автоматически навязывает нам формы восприятия реальности; в рамках семантической точки зрения на культуру А. Вежбицкой; в авторитетных отечественных теориях, в том числе, например, тезисе Ю. Апресяна о концептуализации мира в языковом знаке; показательно и выделение научного концепта «языковая картина мира» авторами известной монографии «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира». В перспективе сказанного отмечу, что зафиксированная в семантике вышеприведенных языковых единиц специфическая этнокультурная картина мира определяет мировосприятие тех, кто ее познает (в нашем случае обучающихся РКИ, и наверняка надолго).

Пытаясь все-таки ответить себе на вопрос, какова миссия (напомним, что миссия чего-либо понимается как «ответственное задание, поручение, роль» [Современный словарь иностранных слов]) учебника / учебного пособия по РКИ для зарубежных обучающихся, хочу подчеркнуть, что фокусирую свое внимание исключительно на контенте подобных материалов. Как правило, при оценке качества учебных пособий по РКИ в расчет принимаются в основном дидактические аспекты: формирование и развитие языковых и речевых навыков, современные методики преподавания и стратегии обучения, инновационность форм контроля и т. д.

Итак, цель данной статьи — привлечь внимание именно к содержанию учебника по РКИ: к тем темам, концептам, коммуникативным паттернам, которые создают концептуальную рамку пособия и формируют мировоззренческие установки, отношение к русскому миру потребителя предлагаемого учебного продукта. (При этом я адресуюсь как к тем, кто данные дидактические артефакты/пособия разрабатывает, так и к тем, кто выбирает их для процесса обучения иностранных учащихся.)

Очевидно, на мой взгляд, что преферирующая роль пособия по РКИ в фокусе того подхода, о котором сейчас идет речь, — это посредничество в позитивной аккультурации иноязычного слушателя на основе создания объективного, но привлекательного образа России (независимо от того, проходит ли процесс обучения в стране или за ее пределами). По сути, контент учебника для изучающего русский язык (особенно для началь-

ного уровня, в условиях почти полного отсутствия содержательного бэкграунда) — это часто единственный источник информации о стране, ее вербальных и невербальных правилах, ценностях, нормах, истории, традициях, праздниках и т. д. В этом смысле, прибегая к услуге метафор, можно сказать, что пособие — это и «окно», и мультимодальный канал, и ментальный мост и посредник в постижении русского мира.

А теперь позволю себе привести несколько примеров из разных учебных пособий по РКИ последних лет, чтобы попытаться проанализировать, как такой канал представлен/наполнен конкретным языковым материалом.

Начну свою рефлексию с фрагментов юмористического дискурса, пронизывающего так или иначе все просмотренные мною пособия (временной диапазон 2003—2014 гг.).

Например, встречаются тексты в жанре анекдота, который требует дополнительной, достаточно объемной историко-культурной интерпретации, а ее, разумеется, нет в учебнике (и вряд ли ограниченный объем пособия оставляет для этого возможность):

К юбилею Ильича партия дала наказ всем заводам и фабрикам страны подготовить подарок.

Сплотились советские люди, думали-думали, чем ответить на задание партии, и наконец придумали:

– завод алкогольных напитков выпустил новую марку портвейна «Ленин в разливе»,

– парфюмерная фабрика — новые духи «Запах Ильича»,

– мебельная фабрика — трехспальную кровать «Ленин с нами»,

а фабрика гигиенических принадлежностей — мочалку «По ленинским местам».

Ленин терпеть не мог герань. Как увидит — вырвет и давай топтать ногами, а потом в окошко выбрасывает. А землю Ленин не выкидывал. Землю Ленин отдавал крестьянам [Окно в Россию 2003: 84, 85].

Текстовые фрагменты визуализируются, кроме того, картинками-образами (см. рис. 1, 2). В продолжение еще один подобный пример:

1917-ЫЙ ГОД. Стáрый аристокрáт сидит в гостíной и слýшит шум на úлице. Он спрашивает, что это. Ему отвечáют:

— Это революция. Онú хотя́т, чтóбы не было богáтых.

— Стрáнно! А я всегдá хотёл, чтóбы не было бédных [Там же].



Рис. 1



Рис. 2

На мой взгляд, зарубежным студентам предлагаются для знакомства с нашей страной несколько маргинальные шутки и скорее не очень позитивные визуальные образы. Небольшой опрос среди моих коллег и студентов показал, что мало кто из нас знает или помнит такие анекдоты. Представляется, что при подборе содержания текстовых вкраплений необходимо коррелировать информацию, ориентированную на инофонов, с ее релевантностью для самих носителей языка и адекватностью современной российской действительности. Вряд ли наши соотечественники сегодня воспринимают такие анекдоты как актуальный юмор.

Следующий ряд примеров-фрагментов предлагает шутки из другой сферы.

Задание: Какая шутка вам больше нравится?

Какая шутка вам больше нравится? Выучите ее и запишите по памяти в записную книжку в конце рабочей тетради.

Вечером во время ужина отец спрашивает у дочери:

— Леночка, а почему ты не пригласила на ужин своего жениха?

— Знаешь, папа, он сказал, что уже видел моих родителей и все равно меня любит.

— Папа, я замуж выходить не буду, я с вами жить буду!

— Не угрожай отцу! [Приглашение в Россию 2006: 110]

Видимо, акцентируются такие вот своеобразные ценностные понятия о русской семье.

О пользе.

— Скажите, доктор, ваши рецепты на лекарство приносят какую-нибудь пользу?

— А как же! Недавно я купил сыну дом, а дочери — машину.

О гонораре.

Врач недоволен маленьким гонораром. Поэтому он спрашивает пациента с иронией:

— Это мне или моему помощнику?

— Это вам на двоих, — отвечает пациент [Приглашение в Россию: 136].

На первый взгляд кажется, что приведенные шутки, может быть, просто не очень умны, в принципе нейтральны и вряд ли сразу вызовут у самих носителей языка системные обобщения. Однако языковое осмысление действительности через призму таких шуток или анекдотов у инофонов кумулятивно ведет к формированию представлений о ценностях новой изучаемой культуры. И тогда карикатурность описанных ситуаций трансформируется у иностранца в осознание того, что в среде русских стабильно отрицательно относятся к семейным ценностям, а отношения между родителями и детьми скорее конфликтные и неуважительные, при этом стереотипно возводится в абсолют тема коррупции.

Тематическое пространство многих учебников также часто вызывает недоумение, если рассматривать его как фактор актуализации важной страноведческой информации для иностранных обучающихся и тех инференций (т. е. выводного знания), которые сформируются у них на основе предлагаемых учебных материалов.

При этом в предисловии авторы одного из учебных пособий декларируют, что *отбор тематики, проблематики, коммуникативных ситуаций, языкового материала обусловлен ориентацией на модель усредненной русской языковой личности современного студента вуза дневного отделения в крупном российском городе.*

Выборочно называю заголовки и подзаголовки текстов, претендующих, видимо, по

мнению авторов, на широкую представленность данных концептов в русском языковом сознании:

Вегетарианская диета
Простые секреты доктора Углова
Казино
Анорексия: история болезни
Транжиры поневоле
Скорость шопинга: 200 долларов/час
Маша Распутина
Русская баня [Поехали: 161, 84, 65; Россия день за днем: 61, 71]

Не знаю, как вам, а мне данные темы (кроме традиционно присутствующей в наивном сознании многих «русской бани») представляются абсолютно не прецедентными для культурного восприятия россиян (вряд ли кто-то из русскоязычных реципиентов может точно и сразу сказать, кто такой доктор Углов; а на вопрос о наших известных деятелях культуры, скорее, назовут имена М. Плисецкой, Д. Мацуева, В. Гергиева и т. д.) и уж отнюдь не отражающими доминирующие концепты в русскоязычной среде.

Анализирую дальше. Индивидуальный тезаурус как система знаний о русском языке и русском мире у студентов по дисциплине РКИ формируется и на основе таких тематических акцентов.

Тема: Не то забота, что много работы, а то забота, когда ее нет (подрабатывать, резюме, профессия, собеседование, должность, работа)

Трудности произношения:

ФСБ — произносится (фээсбе') или (эфэсбэ')

Роман: Таким бы дамочкам в ФСБ служить — расспросила обо всём, разве что мой размер обуви ее не заинтересовал.

Задание (Дискуссия):

Почему Роман сравнивает собеседование с допросом, а девушку-кадровика с ра-

ботником ФСБ? [Окно в Россию 2003: 87, 88, 123]

Вряд ли можно предположить, что лексемы «ФСБ», «допрос» вызовут у читателей-обучающихся положительные эмоции или так называемую аттрактивность восприятия русского мира. Почему именно на них нужно делать акцент и включать их в дидактическую обработку, понять сложно.

Следующие задания в какой-то мере напоминают мне суггестивный прием:

Тема: Кому на Руси жить хорошо? (Раздел Грамматика)

- *Месяцами зарплату не получают.*
- *В СССР люди порою по несколько десятилетий ждали получения новой квартиры.*
- *Машеньке удалось довести Юру до дверей ЗАГСа, да жених ее сбежал в последнюю минуту.*
- *Медсестра не задула свечу, хотя сначала решила не мешать спящим солдатам* [Там же: 18, 19].

Задание: Вы бы, наверное, тоже, как и Филипп, были многим удивлены в России. Так что попробуйте высказать свое удивление в ответ на реплики собеседника, читающего газету и сообщающего вам то, что кажется ему интересным (в моих ожиданиях при этом были Большой театр, огромная территория России, ее реки, холодные зимы и т. д. — Л. К.):

По данным МВД, в Москве этническая мафия, легализируясь, контролирует всю розничную торговлю города.*

Фермеры окрестных областей, протестуя против диктата мафии в сфере ценообразования, устраивают акции бесплатной раздачи москвичам своих продуктов [Окно в Россию 2003:104].

— ... [Окно в Россию 2004: 165]



Рис. 3 [Поехали 2014: 115]

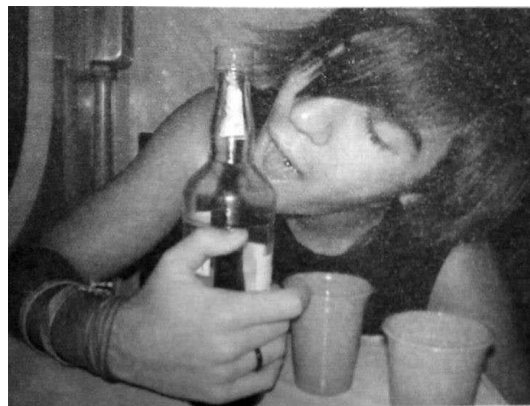


Рис. 4 [Поехали 2014: 115]

При ознакомлении с таким отрицательно коннотированным содержанием и подобными «русскими картинками», которые наполняют разделы грамматики, лексики, речевой практики, словообразования, фразеологии некоторых современных пособий по РКИ, у меня константно возникал вопрос: какая конфигурация смыслов здесь формируется? В принципе, осознанно или безграмотно иницируется формирование исключительно негативных импликатур в отношении российской повседневности.

Отдельно хотела бы остановиться на содержании учебного пособия с прекрасным многообещающим названием «Окно в Россию», сквозным материалом, как бы дидактической осью которого являются подобные текстовые фрагменты:

4-я сцена

На пляже *Надя*, глядя на пионеров, делится своими мечтами с *Митей*.

Надя: Как я хочу стать пионеркой, да поскорей!

Митя: Почему?

Надя: Как почему? По горну вставать, по свистку купаться.

Митя: Да. Под оркестр в гробу лежать. Кто сказал?

Надя: Почему?

Митя: Ну как, почему? По горну — вставать, по свистку — купаться, под барабан — шагать, под баян — обедать, и если хорошо всё это делаешь, то в гробу, будешь лежать под оркестр.

Надя: Почему...

Митя промолчал. Ответьте вместо него.

6-я сцена

Учения гражданской обороны на пляже. Увидев приближающийся отряд, *Ольга Николаевна* и *Мохова* прячутся в высокой траве.

Ольга Николаевна и *Мохова*: ГРОБ*! ГРОБ! Гражд-дан-ская обо-ро-на. Опять учения проводят. Химическая атака. Уходите, уходите, заберут.

Маруся: Ещё далеко.

Ольга Николаевна: Заберут. Опять шланг наденут.

Мохова: *Ольга Николаевна*, я боюсь. Опять противогаз наденут.

Ольга Николаевна: Ничего, Катенька, мы успеем.

Мохова: Они нас поймали, они нас поймали, носильники какие-то они... гражданская оборона...

Ольга Николаевна: Катя! Носильщики.

Мохова: ...за грудь меня хватили...

Ольга Николаевна: ...ну, подумаешь...

Мохова: ...за коленки...

Ольга Николаевна: Другая бы рада была. Что ты говоришь?

Мохова: Я девушка, а они меня хватают.

Ольга Николаевна: Уже все в округе знают, что ты девушка...

Почему герои не хотят принимать участия в учениях ГРОБа? [Окно в Россию 2012: 155, 156]

1-я сцена

За завтраком *Всеволод Константинович* произносит такую фразу:

Всеволод Константинович: У нас снова была „чистка“. Полкафедры выгнали за недостаточное знание первоисточников марксизма-ленинизма*.

Ольга Николаевна: Полкафедры?

В. К.: Меня не тронули*.

О какой „чистке“ идет речь? Почему *Всеволода Константиновича* „не тронули“? [Окно в Россию 2012: 155]

Грамматика. Полкафедры выгнали

ЗАДАНИЕ: Вспомните и объясните, передаче какой идеи служат конструкции с выделенными глаголами. Почему таких конструкций оказалось в диалогах фильма довольно много? О чем идет речь, когда собеседники употребляют такие конструкции?

1. У нас снова была «чистка». Полкафедры **выгнали** (...). Меня не **тронули***.

2. Опять учения проводят (...). Уходите, уходите, **заберут**.

3. *Ольга Николаевна*, я боюсь. Опять шланг **наденут**.

4. С твоей помощью белогвардейских высших чинов **похищали**, **привозили** сюда и тут **расстреливали**... [Там же: 168].

Итак, художественные отрывки, использованные в основе разножанровых дидактических единиц, взяты, как вы уже, возможно, поняли, из известного в среде носителей русского языка фильма Никиты Михалкова «Утомленные солнцем». Фрагментарно цитаты, диалоги, фразы из фильма рассредоточены практически по всему учебному пособию и вольно или невольно создают определенную эмоциональную атмосферу, на мой взгляд, нагнетания негативного ассоциативного ряда в отношении русского мира. Фильм как прекрасное художественное произведение, конечно, известен большинству жителей России. При этом фон его эстетического восприятия на основе хорошего знания культурно-исторического контекста в среде «своих» — это одна сторона медали. Однако несколько бессистемное использование вне комплексного исторического обоснования текстовых элементов этого фильма для аудитории культурно чужеродной, предложение к усвоению очень своеобразной

лексики как образцов современного русскоязычного дискурса выглядят по меньшей мере странно.

Здесь представляется уместным кратко упомянуть о теории прецедентных феноменов, через призму которой логично было бы рассматривать выбор лингвокультурных фактов и явлений как учебных материалов по РКИ. С одной стороны, верификация на предмет актуальной культурно-коммуникативной распознаваемости в русскоязычном мире может как раз рассматриваться как критерий адекватности использования прецедентных текстов, прецедентных имен, прецедентных ситуаций и прецедентных высказываний в пособии для иностранцев. С другой стороны, фильтр прецедентности поможет определить, насколько те или иные ментальные артефакты уместны с точки зрения семиотического освоения русскоязычной реальности и формирования ценностной картины мира о России и ее людях.

Очевидно, что необходимость и выбор того или иного языкового материала для учебного пособия: текстов, диалогов, фрагментов из художественных источников и, прежде всего, лексических единиц — определяется мерой концептуальной, коммуникативной и ценностной, в конечном счете, значимости, с учетом как лингводидактической теории, так и позитивной привлекательной социальной практики по аккумуляции нового культурного опыта инофонами.

Более того, вопрос разработки современных учебников по РКИ должен явно осмысливаться не только в категориях и терминах лингводидактики, но и иметь научное обоснование, т. е. опираться на релевантные в этом смысле лингвистические теории, как минимум о значении языковой и концептуальной картин мира, концепций языкового сознания и языковой личности, психолингвистики, теории культурной прецедентности, лингвопрагматики, концептологии и, конечно, теории межкультурной коммуникации.

Завершая, хочу привести следующий пример. Несколько лет назад я встретила в немецком путеводителе по бизнесу с Россией *цитату*, которой один из предпринимателей Германии предостерегал немецких коллег, планирующих развивать деловые отношения с русскими, о возможных негативных последствиях [Denz 2001: 13]:

— Du gehst nach Russland um Geschäfte zu machen? Ich warne Dich: Du wirst bestohlen und betrogen werden, wirst mit großen Verlusten zurückkehren, Deine Frau wird vergewaltigt und Deine Kinder entführt werden!

Mit dieser Feststellung hat ein Redner an

einem internationalen Kongress vor westlichen Geschäftsleuten seinen Vortrag in Moskau begonnen.

— Ты отправляешься в Россию, чтобы заниматься бизнесом? Предупреждаю: тебя ограбят и обманут, ты вернешься назад с большими потерями, твою жену изнасилуют, а твоих детей похитят!

С таким утверждением обратился к западным предпринимателям на международном конгрессе в Москве один из выступающих, начиная свой доклад.

Безусловно, этот пример отражает существование достаточно жестких стереотипов по отношению к России, ее конвенциям и бизнес-реальности в «нулевые» годы. Стереотипы, как известно, очень устойчивые ментальные образования, которые медленно и сложно поддаются нивелированию. Поэтому наши учебные пособия, как представляется, должны «работать» на преодоление отрицательных стереотипов о русскоязычном мире, а не поддерживать и усиливать их. Учебник по РКИ уполномочен «продвигать бесприигрышную дипломатию». И именно в этом его миссия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира// Семиотика и информатика : сб. науч. статей. — М. : Наука, 1986.
2. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М. : Языки славянской культуры, 2011.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. — М. : Наука, 1984.
4. Корчагина Е. Л. Приглашение в Россию. Базовый практический курс русского языка. Рабочая тетрадь. 3-е изд., стер. — М. : Рус. яз. Курсы, 2006.
5. Родимкина А. М., Ландсман Н. Россия день за днем: тексты и упражнения. Вып. 1. 3-е изд., испр. — СПб. : Златоуст, 2013.
6. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира : кол. моногр. / отв. ред. Б. А. Серебренников. — М. : Наука, 1988.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М. : Прогресс, 2001. 261 с.
8. Скороходов Л. Ю., Хорохордина О. В. Окно в Россию : учеб. пособие по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа. В 2 ч. Ч. 1. — СПб. : Златоуст, 2003.
9. Скороходов Л. Ю., Хорохордина О. В. Окно в Россию : учеб. пособие по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа. В 2 ч. Ч. 2. — СПб. : Златоуст, 2004.
10. Скороходов Л. Ю., Хорохордина О. В. Окно в Россию : учеб. пособие по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа. В 2 ч. Ч. 1. 3-е изд. — СПб. : Златоуст, 2012.
11. Скороходов Л. Ю., Хорохордина О. В. Окно в Россию : учеб. пособие по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа. В 2 ч. Ч. 2. 4-е изд., перераб., доп., испр. — СПб. : Златоуст, 2010.
12. Современный словарь иностранных слов. 4-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 2001. 386 с.
13. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
14. Чернышов С. И., Чернышова А. В. Поехали!-2. Русский язык для взрослых. Базовый курс. В 2 т. Т. I. 6-е изд. — СПб. : Златоуст, 2014. — 168 с.
15. Denz W., Eckstein K. Business mit Russland: ein Ratgeber

für Einsteiger. — Bern ; Stuttgart ; Wien : Haupt, 2001.

L. V. Kulikova
Krasnoyarsk, Russia

MISSION OF THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE COURSE BOOK IN FORMING THE POSITIVE CONCEPTUAL PICTURE OF THE RUSSIAN-SPEAKING WORLD

ABSTRACT. *The paper raises the problem of the content of modern course books in Russian as a Foreign Language. The topics, text fragments, the semantics of lexical units and literary sources forming the image of the Russian world on the basis of the studied language and culture are analyzed in the context of linguocultural theories of general linguistics. The important role of Russian as a foreign language course book as a multimodal link in understanding the real and attractive picture of the world of Russia is emphasized. It is noted that while selecting the linguistic material for the course book, it is necessary to correlate the information aimed at foreigners with its relevance for the native speakers and its appropriateness to the modern Russian reality. The author focuses on the conceptual, communicative and value importance of the content of the course books providing to some extent the intellectual mediation in positive acculturation of the foreign language recipient; she argues the need to consider not only linguodidactic approaches in the development of Russian as a foreign language course books (formation and development of speech and language skills, modern methods of teaching and learning strategies), but also scientific linguistic theories (linguistic worldview, the concept of linguistic consciousness and linguistic identity, cultural precedent theory, linguopragmatics, conceptology). One of the main conclusions of the paper consists in the idea that the course books in Russian as a foreign language developed by modern authors and used for foreign students must "work" on overcoming the negative stereotypes about the Russian-speaking world and not on supporting and strengthening them. The main methods used in the present mini-research are the methods of linguistic observation and introspection.*

KEYWORDS: *textbook; linguistic worldview; linguoculturology; language skills; Russian language; Russian as a foreign language; methods of teaching Russian.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kulikova Liudmila Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguistics and Intercultural Communication, Director of the Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira// Semiotika i informatika : sb. nauch. statey. — M. : Nauka, 1986.
2. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov / per. s ang. A. D. Shmeleva. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2011.
3. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu : per. s nem. / pod red. i s predisl. G. V. Ramishvili. — M. : Nauka, 1984.
4. Korchagina E. L. Priglasenie v Rossiyu. Bazovyy prakticheskii kurs russkogo yazyka. Rabochaya tetrad'. 3-e izd., ster. — M. : Rus. yaz. Kursy, 2006.
5. Rodimkina A. M., Landsman N. Rossiya den' za dnem: teksty i uprazhneniya. Vyp. 1. 3-e izd., ispr. — SPb. : Zlatoust, 2013.
6. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira : kol. monogr. / otv. red. B. A. Serebrennikov. — M. : Nauka, 1988.
7. Sepir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii. — M. : Progress, 2001. 261 s.
8. Skorokhodov L. Yu., Khorokhordina O. V. Okno v Rossiyu : ucheb. posobie po russkomu yazyku kak inostrannomu dlya prodvinutogo etapa. V 2 ch. Ch. 1. — SPb. : Zlatoust, 2003.
9. Skorokhodov L. Yu., Khorokhordina O. V. Okno v Rossiyu : ucheb. posobie po russkomu yazyku kak inostrannomu dlya prodvinutogo etapa. V 2 ch. Ch. 2. — SPb. : Zlatoust, 2004.
10. Skorokhodov L. Yu., Khorokhordina O. V. Okno v Rossiyu : ucheb. posobie po russkomu yazyku kak inostrannomu dlya prodvinutogo etapa. V 2 ch. Ch. 1. 3-e izd. — SPb. : Zlatoust, 2012.
11. Skorokhodov L. Yu., Khorokhordina O. V. Okno v Rossiyu : ucheb. posobie po russkomu yazyku kak inostrannomu dlya prodvinutogo etapa. V 2 ch. Ch. 2. 4-e izd., pererab., dop., ispr. — SPb. : Zlatoust, 2010.
12. Sovremennyy slovar' inostrannykh slov. 4-e izd., ster. — M. : Rus. yaz., 2001. 386 s.
13. Uorf B. L. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku // Novoe v lingvistike. M., 1960. Vyp.1.
14. Chernyshov S. I., Chernyshova A. V. Poekhali!-2. Russkii yazyk dlya vzroslykh. Bazovyy kurs. V 2 t. T. I. 6-e izd. — SPb. : Zlatoust, 2014. — 168 s.
15. Denz W., Eckstein K. Business mit Russland: ein Ratgeber für Einsteiger. — Bern ; Stuttgart ; Wien : Haupt, 2001.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Сквородников.

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В СИСТЕМЕ РУССКОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
(на материале предвыборных программ 2016 г.)

АННОТАЦИЯ. В ракурсе отражения в политическом тексте черт русского коммуникативного поведения в статье анализируются две предвыборные программы партий — «Яблоко» и ЛДПР. Автор сделал попытку приложить формализованную параметрическую модель русского коммуникативного поведения, разработанную Ю. Е. Прохоровым и И. А. Стерниным и включающую 12 факторов, к партийным программам с целью выявления в тексте коммуникативного подобию адресанта и адресата. В результате были сделаны следующие выводы: тематика в тексте программы ЛДПР шире, чем в программе «Яблока», контактность и неформальность общения в программе ЛДПР выше, чем в программе ЯБЛОКА; вежливость программы «Яблока» выше, чем программы ЛДПР; результативность значительно выше в программе ЛДПР (преобладают «жесткие» речевые действия, категорические утверждения), чем в программе «Яблока» (преобладают «более „мягкие“» речевые действия); конфликтность в программе ЛДПР значительно выше, чем в программе «Яблока» (круг «чужих» значительно шире). Ориентация на собеседника более выражена в программе ЛДПР, текст которой рассчитан на более широкий круг избирателей, чем текст программы «Яблока»; коммуникативный эталон свидетельствует о том, что программа «Яблока» написана в соответствии с нормами кодифицированной книжной речи, а программа ЛДПР отражает и более свободные нормы разговорной речи, которая легче для восприятия и понимания, чем книжная; коммуникативный самоконтроль ниже в программе ЛДПР, чем в программе «Яблока»; коммуникативная реакция у адресата программы ЛДПР должна быть значительно более эмоциональной, чем у адресата программы «Яблока»; объем общения в программе ЛДПР проявляется в более высокой, чем у «Яблока», степени диалогизации монолога; коммуникативная самоподача явно выражена в программах обеих партий, которые активно реализуют стратегию «отстройки от конкурента».

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что текст программы ЛДПР эффективнее «вписывается» в систему ведущих черт русского коммуникативного поведения, чем текст программы «Яблока». В свою очередь, речеведческое подобие, отражающее «похожесть»/«непохожесть» адресанта и адресата, в значительной степени формирует поведенческую модель электората, о чем и свидетельствуют результаты выборов 2016 года.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические тексты; коммуникативное поведение; предвыборные кампании; политические партии; политические программы; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

Политические сообщения с точки зрения их эффективности/неэффективности рассматриваются с различных позиций. С одной стороны, исследователи политической коммуникации уделяют значительное внимание убедительности политического текста (видам аргументов, способам аргументации, способствующим или препятствующим достижению перлокутивного эффекта) [Култышева 2011]. С другой стороны, много работ посвящено стратегиям и тактикам политического текста [Миронова 2003; Руженцева 2004; Ярославцева 2007 и др.], а также метафоре и иронии в политическом тексте [Желтухина 2000; Чудинов 2006 и др.]. Это связано с тем, что одной из важнейших функций тактико-стратегической организации текста, как и его выразительных средств, является реализация воздействующего потенциала политического сообщения.

Со своей стороны, мы попытались охарактеризовать политический текст с национальных коммуникативных позиций, сопоставив программные тексты двух политических партий с точки зрения отражения в них специфики русского коммуникативного поведения. Мы отталкиваемся от мысли о том, что эффективность/неэффективность устного и письменного общения в политическом

дискурсе во многом обусловлена соответствием/несоответствием политического сообщения национальному коммуникативному стилю, т. е. «подобием» адресанта и адресата. «Национальный коммуникативный стиль представляет собой устойчивую совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтэкстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированного поведения носителей языка... Национальный коммуникативный стиль отражает существующие в лингвокультуре преференции (предпочтения) по выбору вербальных, невербальных и паравербальных средств в организации межличностного взаимодействия» [Куликова 2011: 149]. С нашей точки зрения, данную мысль можно с полным правом отнести не только к межличностному, но и к массовому общению, с которым соотносится политический дискурс.

Национальные преференции имеют прямую связь с доминантными чертами русского коммуникативного поведения. Под ними понимаются «некоторые черты, которые являются наиболее яркими для русского общения, наиболее заметны для представителей иных лингвокультурных общностей и в наибольшей степени характеризуют нацио-

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

© Руженцева Н. Б., 2017

нально-культурную специфику русского общения» [Прохоров, Стернин 2007: 300]. Эти черты, выявленные на большом экспериментальном материале, охарактеризованы в работах И. А. Стернина и Ю. А. Прохорова и ряда других исследователей [Прохоров 1996; Прохоров, Стернин 2007; Стернин 2000; Стернин 2001; Стернин, Шилихина 2001]. В дальнейшем мы будем отталкиваться от формальной характеристики ведущих черт русского коммуникативного поведения (по сравнению с западным стандартом), для которого характерны:

- «– Контактность — высокая
 - Неформальность — приоритетна
 - Коммуникативная самоподача — сдержанная
 - Вежливость — пониженная
 - Регулятивность — выраженная
 - Конфликтность — повышенная
 - Тематика общения — широкая
 - Невербальное поведение — средняя активность
 - Ориентация на собеседника — слабо выраженная
 - Коммуникативный эталон — выслушивание
 - Коммуникативный самоконтроль — ослабленный
 - Коммуникативная реакция — эмоционально выраженная
 - Объем общения — повышенный» [Прохоров, Стернин 2007: 242].

Попытаемся «наложить» эти коммуникативные параметры на тексты предвыборных программ политических партий ЛДПР [Программа ЛДПР] и «Яблоко» [Краткая программа партии «ЯБЛОКО»], опубликованных в связи с выборами в Государственную думу РФ 18 сентября 2016 г. (итоги выборов: ЛДПР — 8,67 % голосов, 5%-й барьер преодолен; «Яблоко» — 1,77 % голосов, 5%-й барьер не преодолен).

Сопоставление текстов предвыборных программ на основании отражения в них черт русского коммуникативного поведения дало следующие результаты (параметр «невербальное поведение» для письменной речи не учитывался).

1. ТЕМАТИКА ОБЩЕНИЯ (для русских — широкая)

Тематика общения включает в том числе такие параметры, как высокая широта обсуждаемой и сообщаемой информации, высокое стремление к широкой информативности и заметное — к получению новой информации [Прохоров, Стернин 2007: 240]. В программе ЛДПР широта информативности выше, чем в программе «Яблока» (13 тематических блоков у ЛДПР и 8 — у «Яблока»).

- «Яблоко».
- Уважение к человеку
 - Как затормозить рост цен
 - Как государство должно тратить народные деньги
 - Обустройство страны
 - Качество жизни и окружающая среда
 - Экономическое развитие, деловой климат и частная собственность
 - Правила жизни
 - Новое государство ЛДПР.
 - России пора строить русский дом
 - Россия для народа, а не для олигархов
 - Социальная политика
 - Будущее России — молодое поколение
 - Жилье без жульа
 - Промышленная политика
 - Земля и свое продовольствие
 - Укрепить обороноспособность
 - Национальный вопрос
 - Государственное строительство, управление страной и гражданское общество
 - Внешняя политика
 - Вопросы особого внимания
 - Внутренняя политика

2. КОНТАКТНОСТЬ (для русских — высокая)

«Яблоко». Умеренное число средств контакта адресанта и адресата, главным образом это **мы** со значением совместности «Яблока» и народа: *Мы — страна умных и талантливых людей; Мы объединились и идем на эти выборы.*

ЛДПР. Кроме **мы** совместного действия, в программе используются иные средства контакта между адресантом и адресатом, в частности обращения и другие средства привлечения внимания (акценты, так называемые ай-стопперы): *Мы считаем, что Единый государственный экзамен нужно отменить и принимать в вузы всех абитуриентов. А по результатам первой сессии произойдет естественный отбор. Представьте, как это будет здорово!; ЛДПР берет под особый контроль пять направлений политической работы; Когда американцы предложили японцам на продажу свой рис, те отказались. Они сказали: „Да, ваш рис хорошего качества и нам выгоднее покупать у вас, чем производить самим. Но тогда мы разорим собственных крестьян, а это недопустимо“. Вот что значит забота о своем народе!* — и т. д.

3. НЕФОРМАЛЬНОСТЬ (для русских — приоритетна)

«Яблоко». Стремление к неформальному общению отсутствует: текст программы создан в достаточно строгих рамках публи-

цистического стиля с элементами стиля научного (разговорно-просторечная лексика не употребляется, признаков разговорного стиля почти нет, однако много абстрактной лексики и терминов, синтаксические конструкции осложненные, порядок слов — прямой): *Мы также выступаем за восстановление государственной экологической экспертизы, за возможность строительства объектов ядерной энергетики, крупных гидротехнических и других сооружений только с согласия населения на региональном референдуме, за рост штрафов в случае превышения допустимого уровня загрязнения и обязательную компенсацию нарушителем всего причиненного ущерба, за развитие экологического образования.*

ЛДПР. Стремление к неформальному общению прослеживается в свободной, непринужденной манере изложения мысли, имитирующей устную речь: *И построить наконец-то к жилью и работе граждан хорошие дороги; Тогда и дураков станет меньше. И Россия спокойно решит обе извечные проблемы, ставшие притчей во языцех; Ребята совершенно не знают, где государству понадобятся их умы и руки. Вроде бы все твердят о модернизации, мол, требуются инженеры, нужны квалифицированные рабочие, а поди получи профессию — и ты никому не нужен. Работы по специальности все равно не найдешь.*

4. ВЕЖЛИВОСТЬ

(для русских — пониженная)

«Яблоко». Текст программы написан корректно, соответствует требованиям категории вежливости.

ЛДПР. В тексте программы есть отступления от постулатов категории вежливости, в частности наклеивание ярлыков, жесткая ирония по отношению к политическим оппонентам: *Нельзя допустить образование широкого слоя паразитов-владельцев, которым, кроме спекуляции землей, ничего не нужно; Если не работает система ЕГЭ, ее нужно отменить и вообще принимать в вуз без вступительных экзаменов. А после первых двух сессий решать, может ли тот или иной студент иметь право учиться дальше. Возможно, именно тогда исчезнут липовые олимпиадники и льготники; ЛДПР не разделяет «помпу» партии власти, с которой она «презентует» повышения пенсий участникам Великой Отечественной войны; ЛДПР считает, что меры дополнительной поддержки и социальной защиты должны быть безотлагательными. Ждать, пока они уйдут из жизни, чтобы потом «отрапортовать» об очередном*

повышении пенсий тем единицам, что еще живы, — недопустимо и аморально; Сейчас же ответственные должности во власти и бизнесе зачастую занимают случайные люди или дочери-сыночки высокопоставленных родителей.

5. РЕГУЛЯТИВНОСТЬ

(для русских — выраженная)

Под регулятивностью понимается «возможность модификации поведения собеседника» [Прохоров, Стернин 2006: 239], репрезентируемая посредством ряда речевых действий.

«Яблоко». Преобладают сравнительно мягкие речевые действия необходимости, возможности, предложения, долженствования, обещания, намерения, готовности, а также манифестация позиции и перспектив (прогнозов): *Партия Яблоко предлагает сменить приоритеты; Помимо тарифов и цен, мы намерены сдержать рост цен в таких сферах, как затраты россиян на отдых; Мы можем быть одной из ведущих держав мира; Мы перейдем от создания искусственных проектов типа Сколково, требующих многомиллиардных затрат, — к поддержке и развитию уже существующих наукоградов; Мы выступаем за реальную федерализацию страны и обеспечение финансовой самостоятельности региональных и местных бюджетов; Реализация программы позволит в течение 5—7 лет кардинально решить жилищную проблему в России; Мы готовы всячески поддерживать экологически чистые отрасли экономики, такие как туризм и курортное дело; Яблоко обеспечит качественное улучшение делового климата.*

ЛДПР. Преобладают речевые действия предложения, настоятельной рекомендации, а также категорического утверждения, манифестации позиции, долженствования, констатации факта. Кроме того, в тексте программы во множестве присутствуют обвинения, апелляции, запреты и требования (доминируют тональность уверенности и императивность). Текст отличается высокой степенью конвергентности (схождения данных речевых действий в небольшом фрагменте текста):

Чтобы построить Русский дом, мы должны прежде всего отказаться содержать так называемые „братские народы“; ЛДПР предлагает: законодательно запретить или существенно ограничить размещение свободных средств бюджета на счетах и в иностранных банках; ЛДПР категорически против политизации общественных организаций; Акцент сделать на выдаче беспроцентных ссуд для строительства жилья; Для нас неприемлем „ну-

левой вариант“ с полной ликвидацией всех ядерных вооружений; ЛДПР знает, каким должно быть будущее России после периода волнений; Особое внимание — борьбе с коррупцией, которая пропитала все поры нашего общества и легла тяжелым бременем на экономику и социальную сферу. Коррупционерам от власти и бизнеса пора предъявить особый счет — пожизненный!; Прекратить въезд мигрантов в страну; Так быть не должно!; Запретить не только выращивание генно-модифицированных культур, но их ввоз в нашу страну!; Следует максимально сохранить все бесплатные формы медицинских услуг; ЛДПР требует личной ответственности губернаторов за то, что живущие на их территории пенсионеры и семьи с инвалидами лишены социального жилья; Социальная защита населения должна быть эффективной, борьба с преступностью — жесткой; вывоз детей за рубеж под видом усыновления — запретить; Пора ужесточить наказания за сбыт и распространение наркотических средств; ЛДПР констатирует, что строительство жилья и проблемы ЖКХ — болевые точки всей социальной сферы России; ЛДПР настаивает на том, что повышение тарифов ЖКХ должно жестко контролироваться, а их необоснованный рост должен преследоваться по закону; Потребовать от США одностороннего сокращения обычных вооружений, в первую очередь авиации и флота; Сформировать „список последнего предупреждения“ — перечень тех недобросовестных монополистов, которые оказались не в состоянии эффективно вести свой бизнес.

6. КОНФЛИКТНОСТЬ

(для русских — повышенная)

Конфликтность общения проявляется в субъектной организации программ, и прежде всего в корпусе «чужих», которым противостоит партия.

«Яблоко». Оппозиция («чужие») — это президент и руководство страны, «виновные», с точки зрения партии, в российских бедах (корпус «чужих» достаточно узкий): С момента прихода к власти нынешнего президента число школ сократилось с 68 до 44 тысяч. Было закрыто свыше 5 тысяч больниц и 4,8 тысяч поликлиник, 10 тысяч библиотек. Количество книжных магазинов в России за два десятилетия уменьшилось в 8 раз; Яблоко навсегда остановит массовое закрытие школ, больниц, роддомов, фельдшерских пунктов, библиотек, домов культуры, проводимое сегодня президентом и правительством для сокращения

социальных расходов бюджета и направления дополнительных средств на вооружение.

ЛДПР. Оппозиция — это гораздо более широкий круг «чужих» (следует отметить, что президент РФ для ЛДПР «чужим» не является). Высокая степень оппозитивности проявляется уже во вступительной части программы и красной нитью проходит через весь текст, субъектная организация которого более сложная, чем в программе «Яблока»:

- ЛДПР констатирует, что в России сложилась однопартийная политическая система — **одна партия** „побеждает“ с большим отрывом на всех выборах всех уровней. **Одна партия** обладает реальной законодательной властью.

- Нефтегазовые сверхдоходы дают **партии власти** повод для ложных экономических иллюзий.

- ЛДПР неоднократно критиковала **партию власти** за политику социального подкупа избирателей в масштабах страны.

- Вот и застраиваются бывшие пашни дворцами разжиревшей на казнокрадстве **российской элиты, нынешние «хозяева жизни»** получают гигантские прибыли, купаются в роскоши.

- **Коррупционные кланы** сделали своими вотчинами целые регионы России.

- **«Крестные отцы»** коррупционных кланов остаются неназванными, уходя от ответственности.

- В стране сформировался особый класс **чиновников-коррупционеров**, чьи доходы сопоставимы с размерами национального бюджета.

- Лишать **чиновников**, осужденных за коррупционные преступления, пенсий, обязательного медицинского страхования и других социальных гарантий со стороны государства.

- До тех пор, пока **российские политики, бизнесмены, деятели науки и культуры ощущают себя „гражданами мира“**, они не в состоянии понять сути антирусских процессов в российском государстве.

- ЛДПР считает, что провальная ситуация в отечественной культуре вызвана не столько недостатком финансирования отрасли, сколько **предательством культурной элиты нашей страны**.

- Жилье без **жулья**.

- Мы считаем, что реальная угроза миру исходит не из Афганистана, Ирака или Северной Кореи, а из США.

- 1991—2011 годы стали периодом экономических ошибок, главная причина которых — бездумное подчинение российского бизнеса тем экономическим схемам,

которые навязаны нам из США.

- **Войска НАТО** активно выдвигают на границы с Россией свои штурмовые бригады.

- **Сегодня угроза военного конфликта с самой боеспособной армией мира — натовской** — велика, как никогда, даже если сам этот **военный блок** планирует лишь **натравить на нас батальоны украинских нацистов**.

- **Приезжие гости** становятся хозяевами на нашей земле.

7. ОРИЕНТАЦИЯ НА СОБЕСЕДНИКА

(для русских — слабо выраженная)

«Яблоко». Текст программы ориентирован на сравнительно немногочисленную группу адресатов (людей образованных и интеллигентных), о чем свидетельствует известная усложненность текста, требующая достаточного уровня понимания и интерпретации смысла: *Яблоко обеспечит качественное улучшение делового климата, защиту собственности и инвесторов от рейдерских захватов. С этой целью будет принят специальный пакет законов, обеспечивающих разделение власти и бизнеса, законность и прозрачность, переход государства в конкурентных сферах экономики от роли игрока к функции арбитра, обеспечивающего равенство условий и соблюдение правил. Путь к этому — запрет на сосредоточение всей власти в одном центре, разделение властных функций, образование системы сдержек и противовесов.*

ЛДПР. Текст программы рассчитан на более широкий, чем у «Яблока», круг избирателей — массового адресата. Отсюда более простая структура текста, способствующая ясности и понятности речи (более короткие предложения, простые конструкции, меньшая терминологичность, более конкретный характер лексики и отдельных высказываний): *Инфляция в России создается не профицитным бюджетом, а импортом иностранных товаров. На полках российских магазинов почти не остается отечественных товаров. Спекулятивный рост цен в США и в Европе „ввозится“ в Россию вместе с иностранной продукцией; Молодежь не получает системного внимания со стороны партии власти. О молодых людях, как правило, вспоминают лишь в формате мероприятий „для галочки“. ЛДПР считает, что работа с молодежью не должна быть ни избирательной, ни политизированной.*

8. КОММУНИКАТИВНЫЙ ЭТАЛОН

(для русских — выслушивание)

Коммуникативный эталон включает в се-

бя не только коммуникативный идеал, релевантный для устной речи (толерантного собеседника, хорошего слушателя), но и культурную речь [Прохоров, Стернин 2007: 241].

«Яблоко». Текстовая ткань программы отражает речевую культуру адресанта и соответствует нормам кодифицированной книжной речи на всех уровнях языковой системы русского языка.

ЛДПР. В тексте есть фрагменты, свидетельствующие о переходе адресанта на более свободные нормы разговорной речи. В скобках заметим, что «нормой в разговорной речи признается то, что постоянно употребляется в речи носителей литературного языка и не воспринимается при спонтанном восприятии речи как ошибка» [Ширяев 1998: 49]. К признакам разговорной речи, репрезентированным в программе ЛДПР, можно отнести не только лексические аппликации, но и элементы разговорного синтаксиса, интонационный строй текста, короткие неосложненные и неполные предложения, эллиптические конструкции и т. д.: *Люди, объединившись, сами нанимают строительную фирму, чтобы исключить обман дольщиков. Все прозрачно: вырыли котлован — заплатили деньги; первый этаж построили — заплатили деньги. И так до конца. Люди отдают последние деньги и въезжают в дом.*

9. КОММУНИКАТИВНЫЙ САМОКОНТРОЛЬ

(для русских — ослабленный, а утрата коммуникативного самоконтроля допустима, прощительна) связан с проявлениями речевой агрессии — словесном выражении «негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина 2004: 9] и несоблюдением принципов толерантности, исключающих «методы лобового противоборства» [«Толерантность» 2004: 36].

«Яблоко». Коммуникативный самоконтроль в тексте программы очень высокий, проявления речевой агрессии, выраженной интолерантности, даже по отношению к политическим оппонентам, отсутствуют.

ЛДПР. Коммуникативный самоконтроль сниженный, в тексте есть проявления речевой агрессии: *У нас вырастили отличные яблоки, а их везут из Венгрии. И такая же ситуация с другими продуктами. Это же идиотизм!; Нефть принадлежит не только сегодняшним временщикам, но и будущим поколениям, а также интолерантности, «лобового противоборства»: все партии равнодушно смотрят на происходящее, боясь высказать свое мнение против творящегося беспредела. И только ЛДПР со дня своего основания смело выступает в*

защиту крестьянства.

10. КОММУНИКАТИВНАЯ РЕАКЦИЯ (для русских — эмоционально выраженная). В связи с этим следует заметить, что «эмоционально нейтральная, бесстрастная речь не так часто встречается даже в научной среде» [Львов 2000: 17] и что степень эмоциональности речи говорящего или пишущего находится в прямой корреляции с уровнем эмоциональной реакции адресата.

«Яблоко». Эмоциональность текста невысокая и достигается скорее синтаксическими средствами. Экспрессивная лексика почти отсутствует, метафоры и иные выразительные средства русского языка употребляются в незначительной степени.

ЛДПР. Эмоциональность текста повышенная и репрезентируется различными способами. Это:

– **метафоричность, образность текста:** *На смену буре придет затишье, и люди, уставшие от радикалов, приведут к власти умеренные силы; В современном мире правит не тот, кто сильнее, — времена гусарской конницы прошли, — а тот, у кого новейшие технологии и научные разработки; Сейчас 90 % местных бюджетов стоят на коленях перед центром; Россия — страна регионов, и когда мы заставим власть это понять, страна начнет выздоравливать; Односторонность социальной политики дополняется еще одним более чем серьезным недугом, усугубляющим общее состояние Отечества и наотмашь бьющим по России; ЛДПР считает, что молодым специалистам негоже смотреть на мир сквозь розовые очки. Лучше знать горькую правду, чем тешить себя „мультиками“ с телеэкрана; На всех многостраничных документах Всемирной торговой организации, в которую столько лет стремилась вступить Россия, поставлен отпечаток ботинка американского Госдепа;*

– **эмоционально окрашенная, в том числе — просторечная и грубопросторечная лексика,** часто с негативно-оценочным значением: *Средства на строительство социального жилья нагло разворовываются; В результате варварского ведения сельского хозяйства в 5 раз уменьшилась площадь знаменитых российских черноземов; Не должны профессионалы слоняться без дела в поисках интересной работы месяцами, а то и годами!; Жилищный вопрос — один из самых важных в социальной политике. Из-за его нерешенности не создаются новые семьи, рушатся существующие, не рождаются дети. У большинства нет денег на покупку жилья даже*

по кабальной ипотеке. Другие десятилетиями стоят в очереди на получение квартиры, за это время заболевают, а иногда и умирают, так и не дождавшись жилья; Современный русский крестьянин обворован, запуган и нищ; Торгуем невосполнимыми ресурсами, а ввозим всякое дерьмо;

– **лексемы с общим значением «смерть», «гибель»:** *Преднамеренное убийство отечественного сельского хозяйства обернулось тем, что основные продукты питания в стране продолжают дорожать, а зарплата населения не может угнаться за ростом цен; Террористические организации на территории нашей страны ослаблены. Они уже не могут выполнять задачу отделения региона. Но они все еще убивают российских граждан;*

– **лозунги:** *„Достаток всем!“ — вот лозунг ЛДПР; Лозунг дня — „Назад в деревню!“; ЛДПР провозгласила лозунг: „Землю тем, кто ее обрабатывает!“;*

11. ОБЪЕМ ОБЩЕНИЯ

(для русских — повышенный)

С точки зрения объема общения можно оценить последний по степени диалогизации монолога.

«Яблоко». Степень диалогизации монологической речи низкая, приемы диалогизации, облегчающие восприятие монологической речи, в тексте почти не используются.

ЛДПР. Степень диалогизации монолога более высокая, в тексте монолога есть приемы диалогизации речи, в том числе вопросно-ответные конструкции: *Если у большинства честных тружеников нет достойных заработков, то откуда страна возьмет резервы для увеличения доходов бюджета? А на дефицитный бюджет не создать новой технологической базы экономики России; Мы против спекуляции полученными обманом землями сельскохозяйственного назначения. Как это так?; Наши крестьяне вырастили картошку, а им говорят, мол, идите лесом со своей картошкой, мы ее из Польши привезем.*

12. КОММУНИКАТИВНАЯ САМОПОДАЧА

(для русских — сдержанная)

Коммуникативная самоподача обеих партий имеет не столько сдержанный, сколько выраженный самопрезентационный характер — презентации подлежат как партии, так и их лидеры. В обеих программах активно реализуется стратегия позиционирования — «отстройки от конкурентов».

«Яблоко»: *У Яблока есть сильный ответ на вызов времени; Мы выведем Россию в чис-*

ло мировых лидеров XXI века. Команда экспертов во главе с Григорием Явлинским подготовила программа массового жилищного строительства „Земля — Дом — Дороги“.

ЛДПР: Наша партия — это та политическая сила, которая никогда не обманет и не предаст крестьян; ЛДПР — партия государственников; Лидер ЛДПР В. В. Жириновский разработал глубокую теоретическую базу новой национальной политики; ЛДПР — единственная партия, свободная от шор корпоративных политических интересов и способная к решению задач государственного управления, исходя из стратегических целей страны. ЛДПР — единственная партия, которая не на словах, а на деле намерена распутать сложный клубок бюджетных и экономических отношений и очистить страну от произвола коррумпированных кланов... Будущее за ЛДПР!

Кроме сказанного, в программе ЛДПР есть элементы самопрезентации ее лидера, В. Жириновского, посредством авторского «я»: *Все это оборачивается колоссальным кровопролитием. И, я уверен, местные народы очень скоро отрекутся от такой идеологии.*

Сказанное выше позволяет сделать следующие выводы.

Тематика общения (широкая для русских) в программе ЛДПР шире, чем в программе «Яблока».

Контактность (высокая для русских) в программе ЛДПР выше, чем в программе «Яблока».

Неформальность (приоритетная для русских) в тексте программы ЛДПР выше, чем в программе «Яблока».

Вежливость (пониженная для русских) в тексте программы «Яблока» выше, чем в тексте программы ЛДПР. Думается, что пониженная вежливость не воспринимается русским адресатом как существенный недостаток текста именно потому, что характерна для русского коммуникативного поведения.

Регулятивность (повышенная для русских) значительно выше в программе ЛДПР (преобладают «жесткие» речевые действия, категорические утверждения), чем в программе «Яблока» (преобладают «более мягкие» речевые действия).

Конфликтность (повышенная для русских) в программе ЛДПР значительно выше, чем в программе «Яблока» (круг «чужих», врагов, с которыми надо вести борьбу, у ЛДПР значительно шире).

Ориентация на собеседника (слабо выраженная для русских) более актуализирована в программе ЛДПР, текст которой рассчитан на более широкий круг избирателей,

чем текст программы «Яблока», и поэтому более легок для восприятия и понимания.

Ориентация на коммуникативный эталон (для русских — выслушивание, включающее оценку культуры речи) свидетельствует о том, что программа «Яблока» написана в соответствии с нормами кодифицированной книжной речи, а программа ЛДПР отражает и более свободные нормы разговорной речи, которая легче для восприятия и понимания, чем книжная речь.

Коммуникативный самоконтроль (для русских ослабленный, а утрата его допустима, простительна) ниже в программе ЛДПР (что адресатом не воспринимается как серьезный недостаток), чем в программе «Яблока».

Коммуникативная реакция (эмоционально выраженная для русских) связана с уровнем эмоциональности текста программ, предполагающим ответную реакцию. Организация текстов свидетельствует о том, что предполагаемая ответная реакция адресата программы ЛДПР значительно более эмоциональна, чем реакция адресата программы «Яблока».

Объем общения, повышенный для русских, в программе ЛДПР проявляется в более высокой, по сравнению с программой «Яблока», степени диалогизации монолога, что, в свою очередь, облегчает восприятие и понимание монологической речи.

Коммуникативная самоподача, сдержанная для русских, явно выражена в программах обеих партий, которые активно реализуют стратегию «отстройки от конкурента», типичную для ситуаций политической борьбы.

Таким образом, текст программы ЛДПР эффективнее «вписывается» в систему ведущих черт русского коммуникативного поведения, чем текст программы «Яблока», и в целом отражает общую стилистику публикаций ЛДПР и выступлений ее лидера — В. Жириновского, ср., например, повышенную степень эмоциональности речи, конфликтность, ярлыки, речевую агрессию, апеллятивы и иные приемы диалогизации монолога во фрагменте из «Краткого энциклопедического словаря ЛДПР», изданного в 2008 г.:

Сегодня мы в конструктивной оппозиции к „Единой России“ как проправительственной структуре.

Мы отвергаем радикализм вновь образованных партий и считаем их марионетками отдельных политических сил. Где были эти партии 10—20 лет назад? Чем занимались их лидеры? Сегодня они хотят вновь обмануть вас, примазаться к власти. Скажите им решительное „НЕТ!“

Чтобы вас запутать, вам предлагают много фальшивых партий. Думайте! Коммунисты и демократы обманули вас!

Сегодня есть улучшения, но медленно, слишком медленно! Вы умираете, не увидите счастливой жизни! Только ЛДПР борется за вас!

Мы не рискуем утверждать, что преодоление ЛДПР 5%-го барьера на выборах в Государственную думу и непреодоление его «Яблоком» зависит только от риторической специфики программных и иных выступлений. Играет свою роль известность партий, популярность их лидеров, избранный тип предвыборной стратегии и целый ряд иных факторов. Однако учет/неучет фактора адресата, а отсюда — соответствие/несоответствие политических текстов особенностям национального коммуникативного поведения, без сомнения, определили степень «похожести» адресанта и адресата, которая гораздо выше в программе ЛДПР, чем в программе «Яблока». Сказанное подразумевает важность такой коммуникативной характеристики, как **подобие**: «В целом нас привлекают люди, подобные нам. Данный принцип применим и к коммуникативным источникам. Мы находим источники, которые похожи на нас, более привлекательными, и есть большая вероятность того, что они будут более эффективно на нас воздействовать, чем если бы мы имели дело с источниками другого типа... Обладающие подобием коммуникаторы имеют большую вероятность рекомендовать аттитюды или поведенческие модели, которые ведут к материальному или психологическому вознаграждению... Мы в большей степени склонны вступать в отношения со сходными, чем с отличающимися от нас источниками» [Гавра 2006: 183—185]. Д. П. Гавра говорит о двух типах подобия — социально-демографическом и идеологическом [Там же]. Со своей стороны, мы считаем, что есть и третий вид подобия — речеведческое. Именно речевая организация политических (и особенно предвыборных) текстов, отражающая «похожесть»/ «непохожесть» адресанта и адресата, в значительной степени формирует поведенческую модель электората, о чем в известной степени свидетельствуют результаты выборов 2016 г.

N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

POLITICAL TEXT IN RUSSIAN COMMUNICATIVE BEHAVIOR (based on election programs of 2016)

ABSTRACT. *The paper studies two election programs belonging to the Russian United Democratic Party Yabloko and the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR) from the point of view of the elements of Russian communicative behavior in political texts. We use the model of parameters of Russian communicative behavior worked out by Yu.E. Prokhorov and I.A. Sternin, which includes 12 factors, to reveal addresser and addressee in the election program texts. The following conclusions were made: the topics in LDPR program texts are wider than in the programs of Yabloko; LDPR texts are less formal than those of Yabloko; Yabloko texts are more polite; LDPR texts are more regulative (there are a lot of categoric statements), Yabloko texts are characterized by the use of less categoric statements. LDPR texts are more conflictual than Yabloko texts (the number of "others" is greater). Focus on the interlocutor is more evident in LDPR program, its text appeals to a wide range of voters than Yabloko text; communicative model shows that Yabloko texts follow the standards of coded bookish style, while LDPR program includes some expressions typical of colloquial speech, which are easier to comprehend than bookish ones; communicative self-control is lower in LDPR program text, which stimulates emotional response of the voters; communication in LDPR*

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавра Д. П. Коммуникативные источники // Основы теории коммуникации. — СПб. : Роза мира, 2006. С. 178—198.
2. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики. — М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2000.
3. Краткая программа партии «ЯБЛОКО» // Яблоко : сайт. 2016. 25 авг. URL: http://www.yabloko.ru/2016/08/25_0.
4. Куликова Л. В. Коммуникация. Стилль. Интеркультура: прагматические и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению. — Красноярск : СФУ, 2011.
5. Култышева И. В. Убеждение и доказательство в современной предвыборной листовке как жанре агитационного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.
6. Львов М. Р. Основы теории речи. — М. : Академия, 2000.
7. Миронова П. О. Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: коммуникативно-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003.
8. Программа ЛДПР // Либерально-демократическая партия России. 2016. 28 июня. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/.
9. Прохоров Ю. А. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. — М., 1996.
10. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. — М. : Флинта : Наука, 2007.
11. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004.
12. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. — Воронеж : ВГУ, 2001.
13. Стернин И. А. Коммуникативное поведение. Модели описания коммуникативного поведения. — Воронеж : ВГУ, 2000.
14. Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативное поведение. Коммуникативные аспекты толерантности. — Воронеж : ВГУ, 2001.
15. Толерантность / общ. ред. М. П. Мчедлова. — М. : Республика, 2004.
16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006.
17. Ширяев Е. Н. Понятие разговорной речи и ее особенности // Культура русской речи. — М. : НОРМА-ИНФРА, 1998. С. 47—58.
18. Щербинина Ю. В. Русский язык: речевая агрессия и пути ее преодоления. — М. : Флинта : Наука, 2004.
19. Ярославцева А. Е. Репрезентация речевых стратегий и тактик в агитационном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2007.

program is characterized by dialogical nature of monological text; communicative self-presentation is explicitly expressed in the programs of both parties, that are actively using the strategy of "independence from the opponent".

Thus LDPR program text adopts the main features of the Russian communicative behavior more often than Yabloko program text. At the same time verbal behavior that reflects "similarity/difference" of addresser and addressee forms voters' behavioral model, which is proved by the election results.

KEYWORDS: political text; communicative behavior; election campaign; political parties; political program; political discourse.

ABOUT THE AUTHOR: Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Gavra D. P. Kommunikativnye istochniki // Osnovy teorii kommunikatsii. — SPb. : Roza mira, 2006. S. 178—198.
2. Zheltukhina M. R. Komicheskoe v politicheskom diskurse kontsa KhKh veka. Russkie i nemetskie politiki. — M. : In-t yazykoznaniya RAN ; Volgograd : Izd-vo VF MUPK, 2000.
3. Kratkaya programma partii «YaBLOKO» // Yabloko : sayt. 2016. 25 avg. URL: http://www.yabloko.ru/2016/08/25_0.
4. Kulikova L. V. Kommunikatsiya. Stil'. Interkul'tura: pragmaticheskie i kul'turno-antropologicheskie podkhody k mezhhkul'turnomu obshcheniyu. — Krasnoyarsk : SFU, 2011.
5. Kultysheva I. V. Ubezhdenie i dokazatel'stvo v sovremennoy predvybornoy listovke kak zhanre agitatsionnogo diskursa : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011.
6. L'vov M. R. Osnovy teorii rechi. — M. : Akademiya, 2000.
7. Mironova P. O. Strategiya reduktionizma v sovremennom politicheskom diskurse: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2003.
8. Programma LDPR // Liberal'no-demokraticeskaya partiya Rossii. 2016. 28 iyunya. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/.
9. Prokhorov Yu. A. Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev : avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. — M., 1996.
10. Prokhorov Yu. E., Stermin I. A. Russkie: kommunikativnoe povedenie. — M. : Flinta : Nauka, 2007.
11. Ruzhentseva N. B. Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2004.
12. Stermin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdeystvie. — Voronezh : VGU, 2001.
13. Stermin I. A. Kommunikativnoe povedenie. Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya. — Voronezh : VGU, 2000.
14. Stermin I. A., Shilikhina K. M. Kommunikativnoe povedenie. Kommunikativnye aspekty tolerantnosti. — Voronezh : VGU, 2001.
15. Tolerantnost' / obshch. red. M. P. Mchedlova. — M. : Respublika, 2004.
16. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2006.
17. Shiryayev E. N. Ponyatie razgovornoy rechi i ee osobennosti // Kul'tura russkoy rechi. — M. : NORMA-INFRA, 1998. S. 47—58.
18. Shcherbinina Yu. V. Russkiy yazyk: rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya. — M. : Flinta : Nauka, 2004.
19. Yaroslavtseva A. E. Reprezentatsiya rechevykh strategiy i taktik v agitatsionnom tekste : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Tomsk, 2007.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111'38:811.111'42
ББК ШП43.21-51+ШП43.21-55

ГСНТИ 16.41.21

Код ВАК 10.02.04

С. В. Канашина
Москва, Россия

ИНТЕРНЕТ-МЕМ И ПОЛИТИКА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению политического потенциала англоязычного интернет-мема, популярной единицы интернет-коммуникации. Интернет-мемы — сложные интернет-знаки, имеющие стандартизированную форму (картинка и сопроводительная надпись в квадратной рамке), которые можно рассматривать как полимодальный, или креолизованный текст, т. е. текст, в котором используются несколько каналов передачи информации (вербальный и визуальный). Актуальность статьи определяется массовостью феномена интернет-мемов и неизученностью данного вопроса. Цель статьи — проанализировать и описать политическую направленность интернет-мемов. Исследование показало, что интернет-мем обладает высокой политической направленностью, которая подтверждается высокой частотностью интернет-мемов на политическую тематику (метод случайной выборки показал, что на 100 англоязычных интернет-мемов приходится 17 политической тематики). Также интернет-мем имеет много общего с политической карикатурой на уровне жанровых признаков, а именно обладает юмористической направленностью, адресностью, завершенностью и лаконичностью. Как и в политической карикатуре, в интернет-меммах используются прецедентные феномены (например, аллюзии на события Второй мировой войны, упоминания о выборах в США). Однако политические карикатуры создаются профессиональными институтами в пропагандистских целях, в то время как интернет-мем на политическую тему представляет собой проявление своеобразного народного творчества, фольклора, который фиксируется и тиражируется в интернет-пространстве. Авторство мемов анонимно, а сами интернет-мемы могут рассматриваться как проявление коллективного мышления. Кроме того, интернет-мем выступает как средство выражения политического мнения и индикатор политического рейтинга. Политический потенциал мемов обусловлен такими их жанровыми характеристиками, как анонимность, экспрессивность, злободневность, возможность использования табуированной лексики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интернет-мемы; интернет-коммуникации; английский язык; креолизованные тексты; политический дискурс; политическая карикатура; юмор; сатира.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Канашина Светлана Валериевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка № 3, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76; e-mail: svetlanakanashina@yandex.ru.

Рассмотрение политического потенциала интернет-коммуникации является перспективным для современной лингвистики и попадает в орбиту интересов таких лингвистических направлений, как политическая лингвистика, интернет-лингвистика, социолингвистика.

Особый интерес с точки зрения политической окрашенности представляют такие единицы интернет-коммуникации, как интернет-мемы, сложные интернет-знаки, имеющие стандартизированную форму (картинка и сопроводительная надпись в квадратной рамке). В лингвистике под интернет-мемом понимается особый вид дискурса в интернет-коммуникации. Интернет-мем можно также рассматривать как полимодальный или креолизованный текст, т. е. текст, в котором используется несколько каналов передачи информации (вербальный и визуальный). Как креолизованный текст, интернет-мем стоит в одном ряду с жанрами карикатуры, плаката, рекламы и т. д.

Изучение политической окрашенности интернет-мемов является актуальным, во-первых, ввиду большой популярности этих единиц в Интернете, во-вторых, ввиду неизученности данной проблемы.

Анализ политического потенциала интернет-мемов выявил следующие особенности.

Во-первых, интернет-мемам свойственна высокая политическая окрашенность, что доказывается существованием большого

количества интернет-мемов на политическую тематику. Метод случайной выборки показал, что среди 100 англоязычных интернет-мемов насчитывается 17 интернет-мемов про политику.

Политическая окрашенность мемов объясняется их злободневностью и актуальностью. Так как интернет-пользователи мгновенно откликаются на различные события, в том числе на события из политической жизни, в Сети ежедневно появляются интернет-мемы на политические темы. Интернет-мемы на политические темы могут рассматриваться как реакция интернет-пользователей на политическую обстановку.

Кроме того, необходимо отметить, что использование в интернет-меммах вербальных (текстовых) и невербальных (визуальных, графических) средств существенно усиливает их политический потенциал, поскольку визуальная информация (картинка, фотография и т. д.) легче воспринимается и воздействует на подсознание реципиента. Именно благодаря огромной воздействующей силе текстов с визуальным компонентом они активно используются в политическом дискурсе, например, в политической карикатуре, агитационных листовках, политическом плакате [Ворошилова 2007].

Примером политически окрашенного интернет-мема может служить англоязычный интернет-мем на рисунке 1, на котором

изображен политик со скучающим видом; сопроводительная надпись гласит: «Политики: даже они устают слушать бред». Данный интернет-мем имеет развлекательный, юмористический характер и вызывает комический эффект, построенный на взаимодействии смешной сопроводительной надписи и выразительной картинке.



Рис. 1

Во-вторых, интернет-мем имеет много общего с политической карикатурой. Во многих интернет-мемах, как и в политической карикатуре, задействуется стратегия высмеивания и злободневности, нередко используются гипербола и другие сатирические приемы. Также в интернет-мемах наблюдается использование прецедентных феноменов (легко узнаваемых языковым сообществом феноменов, например, аллюзия на Вторую мировую войну, упоминание о выборах в США и т. д.). Одним словом, наблюдается родственность интернет-мема и политической карикатуры на уровне жанровых признаков.

Интернет-мему, как и политической карикатуре, свойственна ярко выраженная комическая направленность, при этом юмор в интернет-мемах зачастую легко декодируемый, простой, ориентируемый на среднестатистического интернет-пользователя.

Примечательно и то, что помимо юмора в интернет-мемах так же может наблюдаться настроение трагичности, как и в политической карикатуре. В политической карикатуре трагичность осмысливается не как эмоциональное переживание, а как конфликт идеального и реального [Середина 2012]; то же самое настроение неудовлетворенности, недовольства, разочарования в окружающей политической действительности свойственно интернет-мемам.

Как и политическая карикатура, интернет-мем на политическую тему имеет целью критику общественно-политических явлений с помощью художественных средств (сатиры, игры слов, гротеска и т. д.). Однако

необходимо отметить, что политическая карикатура, как правило, создается профессиональными художниками, часто в целях пропаганды (примером могут служить карикатуры времен Великой Отечественной войны, агитирующие против нацистов), т. е. является плодом института СМИ, в то время как интернет-мем на политическую тему представляет собой проявление своеобразного народного творчества, фольклора, который фиксируется и тиражируется в интернет-пространстве. Авторство мемов анонимно, а сами интернет-мемы могут рассматриваться как проявление коллективного мышления.

Интернет-мем также похож на политическую карикатуру своей адресностью, завершенностью, лаконичностью.

Кроме того, в интернет-мемах часто наблюдается гротеск, т. е. использование фантастических, причудливых мотивов, который может пониматься как своеобразная игра с реальностью, намеренное нарушение конвенций, разрушение стереотипов с целью вызвать эффект обманутого ожидания у интернет-пользователя.

На рисунке 2 изображен мем, похожий на политическую карикатуру. На данном меме изображена федеральный канцлер Германии Ангела Меркель, будто бы умоляющая: «М-р Президент, не прослушивай меня с помощью „жучков“, просто позвони мне в любое время». Этот интернет-мем стилизован под карикатуру: вместо фотографии Ангелы Меркель используется рисунок, также применяется выразительный шрифт *cheltenham*, тот самый, которым набираются заголовки американской газеты *The New York Times*, создающий эффект старины и декоративности.



Рис. 2

Юмористический эффект интернет-мема основан на прецедентном феномене: используется аллюзия на политический скандал 2013 г., когда выяснилось, что американские спецслужбы прослушивали телефонные разговоры Ангелы Меркель. На изображении Ангела Меркель будто бы об-

ращается к бывшему президенту США Барак-у Обаме, призывая его не шпионить.

В-третьих, интернет-мемы могут рассматриваться как способ выражения политического мнения, как некая трибуна, с которой можно свободно высказываться. Так как авторство интернет-мемов анонимно, политическое мнение в них выражается свободно, без стеснений, даже, возможно, с использованием табуированной лексики, в форме высмеивания, оскорблений. Нередко в интернет-мемах используются изобразительно-выразительные средства. При этом традиционное использование изобразительно-выразительных средств ради эстетического эффекта уступает место использованию в интернет-мемах различных образов, метафор, сравнений и прочего ради гротеска, эффекта абсурда, сатиры. Легко провести параллель между интернет-мемом на политическую тему и политическим анекдотом: их объединяет анонимность, комическая направленность, возможность выразить нечто запрещенное, неприличное и, наконец, некоторая фольклорность, т. е. принадлежность к народному творчеству.

Интернет-мем также может рассматриваться не только как средство выражения политического мнения, но и как своеобразная форма выражения политического протеста в современном обществе.

Возможность выразить политические убеждения с помощью интернет-мемов свидетельствует о том, что интернет-мемам свойственна идеологическая направленность, причем их авторы стремятся не только выразить свое политическое мнение, но и воздействовать на других интернет-пользователей с помощью художественных средств интернет-мема (выразительной картинки, метафоры, игры слов и т. д.).

На рисунке 3 приведен интернет-мем, автор которого выражает свое политическое мнение. На интернет-меме изображены слон (символ Республиканской партии США) и ослик (символ Демократической партии США). Синий и красный цвета, а также звезды на рисунках создают аллюзию на американский флаг. Сопроводительная надпись слева, под рисунком слона, гласит: «Республиканцы — идиоты», а справа, под рисунком ослика, написано: «Демократы — идиоты, которые думают, что они лучше, чем республиканцы (идиоты)». Автор этого мема намеренно нарушает нормы политкорректности, а также постулаты вежливости Джеффри Лича, а именно требование максимы такта (уважать чужие интересы). Комический эффект этого интернет-мема основан на стратегии «юмор без границ» и отражает об-

щую тенденцию развлекательного дискурса к «высокой степени психологического раскрепощения участников общения» [Чернова 2015: 127], позволяющей эпатажно шутить.

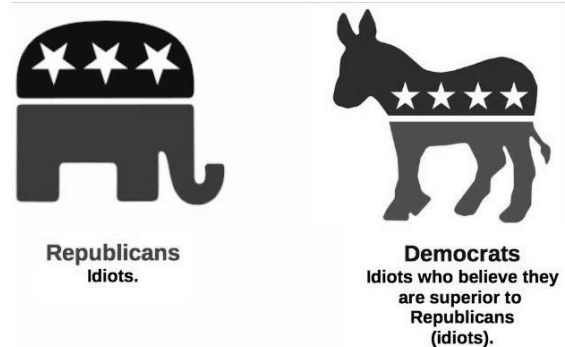


Рис. 3

Наконец, говоря о политическом потенциале интернет-мема, следует отметить еще одну важную особенность: интернет-мемы являются индикатором политического рейтинга, т. е. показывают, насколько популярен или непопулярен тот или иной политик. Способность интернет-мемов служить «барометром» политического мнения общества объясняется, с одной стороны, их злободневностью и привязанностью к общественно-политическому контексту, с другой — жанровыми характеристиками (анонимность, экспрессивность, возможность не соблюдать принципы политкорректности).

При этом следует отметить, что интернет-мемы про политиков с юмористической направленностью, имеющие цель выставить политика в смешном виде, свидетельствуют скорее об определенной популярности политика и отражают базовую потребность человека видеть смешное в окружающем мире. Как отмечает С. С. Мельников, современный человек имеет общественную потребность осмысливать социальные и политические отношения посредством юмора и «политический юмор стал своеобразной социально-психологической компенсацией» для индивида, чтобы справиться с недовольством [Мельников 2014: 219]. Если же интернет-мем исполнен язвительной сатиры, содержит негативную оценку политика, то это является отражением гневной реакции общества и показателем низкого рейтинга.

Примечательно то, что англоязычное интернет-пространство наполнено высмеивающими интернет-мемами про бывшего президента США Барака Обаму, что является прямым доказательством его непопулярности среди населения, подтвержденной данными многочисленных опросов общественного мнения. На рисунке 4 приведен интернет-мем с Барак-ом Обамой, сопроводительная надпись гласит: «Обама в совершенстве

владеет математикой. Он дробит страну, отнимает рабочие места, прибавляет долг и приумножает несчастья». Этот интернет-мем резко критикует политический курс Барака Обамы в форме развернутой метафоры. Примечательно, что образ Барака Обамы как обманщика, конструируемый в этом интернет-меме, является распространенным в политической карикатуре [Шустрова 2012].

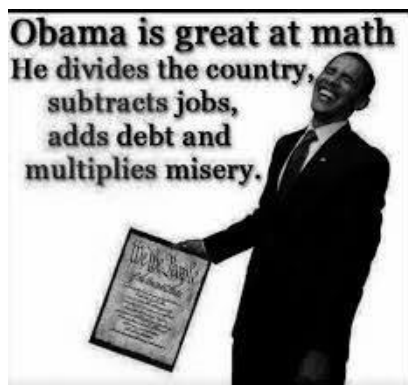


Рис. 4

Таким образом, интернет-мемы обладают мощным политическим потенциалом, обусловленным их жанровыми особенностями, такими как анонимность, экспрессивность, злободневность, возможность использования табуированной лексики. Многие интернет-мемы политически окрашены. Кроме того, наблюдается родственность интернет-мема и жанра политической карикатуры на уровне дискурсивных признаков. Наконец, интернет-мемы являются способом выражения политического мнения и индикатором политического рейтинга.

S. V. Kanashina
Moscow, Russia

INTERNET-MEME AND POLITICS

ABSTRACT. *The paper studies political potential of the English Internet-meme, which is wide spread in Internet communication. Internet-memes are complex Internet-signs having a standard form (picture and caption in a square box), which can be treated as poly-modal or creolized texts, i.e. texts that combine several channels of information transfer (verbal and visual). The urgency of this topic is determined by frequent usage of Internet-memes and lack of research in this area. The goal of this paper is to analyze and describe political focus of Internet-memes. The research revealed that Internet-meme is politically focused, which is proved by the fact of wide usage of Internet-memes on political topics (random sampling technique showed that 17 memes out of 100 are devoted to politics). On the one hand, Internet-meme has much in common with political cartoon on the genre level: it is humorous, targeted, complete and laconic. Internet-meme, as well as political cartoon, contains precedent phenomena (allusions to WWII and presidential elections in the USA). On the other hand, political cartoon is made by professionals with the purpose of propaganda, while Internet-meme on political topic is a product of ordinary people, it's a kind of folklore in the Internet. Memes are anonymous, they are a product of community. Besides, Internet-meme is a way of political view expression and the indicator of political rating. Political potential of memes is determined by such genre features as anonymity, expressiveness, urgency, taboo and vulgar words.*

KEYWORDS: *Internet-meme; Internet communication; English; creolized text; political discourse; political cartoon; humor; satire.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kanashina Svetlana Valerievna, Candidate of Philology, Lecturer at the Department of the English Language № 3, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2002. 175 с.
2. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 73—78.
3. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1996.
4. Енина Л. В., Зубова Л. В. Политические фигуры на поле комического в массмедиа: смешные и серьезные // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 77—81.
5. Канашина С. В. Детабузация в интернет-мемах на лингвистическом и тематическом уровнях // Вестн. МГЛУ. 2014. № 20 (706). С. 90—101.
6. Мельников С. С. Исторические предпосылки институционализации политического юмора // Вестн. МГИМО. 2014. № 6 (39). С. 219—227.
7. Середина Е. В. Визуальная метафора в политической карикатуре // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 3. С. 70—73.
8. Середина Е. В. Элементы трагизма и комизма в политической карикатуре // Науч. журн. КубГАУ = Scientific Journal of KubSAU. 2012. № 79. С. 606—618.
9. Чернова С. В. Развлекательный дискурс: понятие и основные характеристики // Меняющиеся коммуникации в меняющемся мире — 9 : сб. статей. — Волгоград : ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. С. 126—128.
10. Шустрова Е. В. Карикатурные образы Барака Обамы // Политическая лингвистика. 2012. № 1. С. 74—84.
11. Шустрова Е. В. Холодное лето 2014-го: Барак Обама в американской карикатуре // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 85—95.
12. Юмор и ирония в политическом дискурсе : моногр. / Н. Б. Руженцева, Е. В. Шустрова, М. Б. Ворошилова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. 253 с. ISBN 978-5-7186-0710-9.
13. Chadwick A. The Internet and politics in flux. — Routledge, 2009.
14. Oates S. et al. (ed.). The Internet and politics: citizens, voters and activists. — Routledge, 2006.
15. Szablewicz M. The 'losers' of China's Internet: Memes as 'structures of feeling' for disillusioned young netizens // China Information. 2014. Vol. 28. № 2. P. 259—275.

REFERENCES

1. Artemova E. A. Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa : dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2002. 175 s.
2. Voroshilova M. B. Kreolizovannyi tekst v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2007. № 23. S. 73—78.
3. Gridina T. A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 1996.
4. Enina L. V., Zubova L. V. Politicheskie figury na pole komicheskogo v massmedia: smeshnye i ser'eznye // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 77—81.
5. Kanashina S. V. Detabuizatsiya v internet-memakh na lingvisticheskom i tematicheskom urovnyakh // Vestn. MGLU. 2014. № 20 (706). S. 90—101.
6. Mel'nikov S. S. Istoricheskie predposylki institutsionalizatsii politicheskogo yumora // Vestn. MGIMO. 2014. № 6 (39). S. 219—227.
7. Seredina E. V. Vizual'naya metafora v politicheskoy karikature // Vestn. KGU im. N. A. Nekrasova. 2012. № 3. S. 70—73.
8. Seredina E. V. Elementy tragizma i komizma v politicheskoy karikature // Nauch. zhurn. KubGAU = Scientific Journal of KubSAU. 2012. № 79. S. 606—618.
9. Chernova S. V. Razvlekatel'nyy diskurs: ponyatie i osnovnye kharakteristiki // Menyayushchiesya kommunikatsii v menyayushchemsya mire — 9 : sb. statey. — Volgograd : FGBOU VPO RANKhiGS, 2015. S. 126—128.
10. Shustrova E. V. Karikaturnye obrazy Baraka Obamy // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 1. S. 74—84.
11. Shustrova E. V. Kholodnoe leto 2014-go: Barak Obama v amerikanskoj karikature // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 85—95.
12. Yumor i ironiya v politicheskom diskurse : monogr. / N. B. Ruzhentseva, E. V. Shustrova, M. B. Voroshilova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2015. 253 s. ISBN 978-5-7186-0710-9.
13. Chadwick A. The Internet and politics in flux. — Routledge, 2009.
14. Oates S. et al. (ed.). The Internet and politics: citizens, voters and activists. — Routledge, 2006.
15. Szablewicz M. The 'losers' of China's Internet: Memes as 'structures of feeling' for disillusioned young netizens // China Information. 2014. Vol. 28. №. 2. P. 259—275.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. Е. Голубкова.

Л. В. Коцюбинская
Санкт-Петербург, Россия

ЭФФЕКТИВНОСТЬ «ИНФОРМАЦИОННОЙ АТАКИ»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется вопрос эффективности информационной атаки во время Олимпиады-2016. «Эффективность» является междисциплинарным понятием и применяется при характеристике явлений в различных областях знаний и сферах деятельности человека, включая информационную атаку. Подходы к изучению эффективности продолжают обсуждаться и в значительной степени зависят от задач конкретного исследователя. В рамках настоящей работы эффективность информационной атаки определяется как соотношение запланированного результата и достигнутого. Показателем эффективности информационной атаки является степень достижения результата. Основанием для сравнения результатов выступает информация (данные), отраженная с помощью вербальных и невербальных средств коммуникации в информационном пространстве, в частности, сведения о применении допинга российскими спортсменами, изложенные в авторитетных британских средствах массовой информации за период с ноября 2015 года по октябрь 2016 года и названные министром спорта РФ «информационной атакой». Важно отметить, что соотнесение лингвистического и экстралингвистического знания открывает большие возможности и является необходимым условием изучения эффективности информационной атаки. Дальнейшие исследования в данном направлении представляются перспективными и актуальными, а их результаты являются существенными для обеспечения информационной безопасности человека и общества в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационные атаки; информационное пространство; средства массовой информации; СМИ; медиалингвистика; медиадискурс; Олимпийские игры; освещение событий.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Коцюбинская Любовь Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»; 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; e-mail: luba.74@mail.ru.

В современном мире информационным атакам подвергаются практически все сферы деятельности человека и общества: политика, культура, спорт, образование и др. С экранов телевизоров, со страниц средств массовой информации, в интернет-пространстве все чаще звучат заявления о проведении информационных атак. Так, например, пресс-секретарь президента России Д. Песков сообщает, что **информационным атакам могут подвергнуться президент и его семья** [Вильф 2016]; в свою очередь, президент РФ Владимир Путин называет **„информационные атаки“** на себя реакцией на укрепление России [Лейва 2016]; министр спорта В. Мутко анонсирует **информационные атаки на ЧМ-2018** [Мутко анонсировал информационные атаки на ЧМ-2018], утверждая, что **идет обычная информационная атака на Россию, и она будет продолжаться** [Михайлиди 2016]; академик РАН Александр Чубарьян заявляет о том, что **информационная атака на РФ сильнее, чем во времена холодной войны** [Субботина 2016].

Появление понятия «информационная атака», а также широкое его распространение в информационном пространстве связано с тем, что в настоящее время информационное противостояние выступает одним из основных способом борьбы за власть и реализацию геополитических интересов государств. Поэтому изучение разных аспектов такого феномена, как «информационная атака», в теоретическом и практическом плане является крайне важным и актуальным. Как справедливо замечают А. П. Сковоро

родников и Г. А. Копнина, для обеспечения информационной безопасности индивида и общества в целом необходимо развивать у людей компетенции, базирующиеся на знаниях основных технологий информационного воздействия, умении их распознавать, анализировать и интерпретировать [Сковородников, Копнина 2012: 42].

Следует сказать, что «информационная атака» уже оказывалась в фокусе нашего внимания. В научной статье «Метафора „информационная атака“ как объект лингвистического исследования» была разработана дефиниция метафорического словосочетания «информационная атака», изучены языковые средства реализации информационной атаки, соотнесенной с конкретной ситуацией (присутствие российских военных в Сирии), проанализировано метафорическое конструирование картины мира информационной атаки [Коцюбинская 2016]. При этом «информационная атака» определяется нами как **способ вербализации и внедрения отдельных политически и/или идеологически значимых смыслов с целью воздействовать на общественное сознание и побудить людей к определенным поступкам (действиям)** [Коцюбинская 2016: 79]. Настоящее исследование посвящено вопросу эффективности информационной атаки. Анализ научных трудов показывает, что эта проблема все еще не получила должного освещения.

Эффективность, как отмечают ученые, представляет собой универсальную, фундаментальную категорию, которая характеризует целенаправленную деятельность чело-

века по исследованию различных сторон, свойств, связей при изучении процессов, объектов, систем и явлений материального мира [Краснов 2007; Кондратов 2010]. Критерий эффективности может применяться при характеристике явлений в различных областях знаний и сферах деятельности человека, включая информационную атаку. Свидетельством тому являются результаты анализа лексикографических справочных источников, в том числе Национального корпуса русского языка. Среди используемых выражений встречаются следующие: *экономическая эффективность, энергоэффективность, относительная биологическая эффективность, эффективность санкций, эффективность интернет-рекламы, эффективность работы, эффективность медикаментозного лечения* и т. д. (по данным Национального корпуса русского языка, общее количество выражений с компонентом «эффективность» в настоящее время составляет 7337 единиц).

Эффективность относится к междисциплинарным, многоаспектным и контекстуальным явлениям [Лобова, Понькина 2014: 31], подходы к его изучению продолжают обсуждаться, совершенствоваться и значительно варьируются в зависимости от задач конкретного исследователя. При этом необходимо признать, что понятие «эффективность» в большей степени разработано и детализировано в экономической науке, чем в других областях знаний. Это объясняется тем, что «эффективность» является одним из основных категорий экономики и «фокусирует на себе постоянное внимание экономической теории и практики» [Там же]. В обобщенном представлении экономическая эффективность определяется как «соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами» [Лобова, Понькина 2014: 32]. Такое понимание термина пришло из английского языка и соответствует понятию *efficiency* (от лат. *efficientia*) — *ratio of useful work done to energy expended*. Выскажем предположение, что слово «эффективность» расширило свое значение в русском языке благодаря семантическому и фонетическому сходству с английской лексемой *efficiency*. В данном случае речь идет о семантическом типе лексического заимствования, когда слово приобретает новое значение из-за семантического и фонетического сходства с каким-либо словом иностранного языка [Хауген 1972: 354].

Что касается лингвистической науки, в рамках которой выполняется данное исследование, категория эффективности еще только входит в нее. Сегодня имеются отдельные работы, посвященные вопросу эф-

фективности использования метафор в политической коммуникации [Стрельников 2005], эффективности речевой коммуникации [Гончарук 2012, 2014; Непряхин 2012; Стернин 2012], эффективности речевого воздействия политической рекламы в интернет-пространстве [Морозова 2010, 2012]. Проблема эффективности информационной атаки до сих пор ждет своего рассмотрения.

Объективная трудность при исследовании эффективности связана с тем, что в толковых словарях русского языка отсутствует определение этого понятия. Обращение к этимологическому словарю [Фасмер 2008] показывает, что «эффективность» является производным словом от прилагательного «эффективный» — *дающий эффект, действенный*. «Эффективный», в свою очередь, образовано аффиксальным способом от существительного «эффект» (лат. *effectus*) — *действие, результат, следствие; сильное впечатление, производимое на кого-либо; приемы, создающие определенные впечатления*. Таким образом, «эффект», «эффективность», «эффективный» — единицы одного словообразовательного гнезда, вершиной которого является непроемная мотивирующая лексема «эффект», выступающая носителем общего для всех слов смыслового элемента. Основываясь на данных рассуждениях, полагаем нецелесообразным дифференцировать эти понятия.

В семантическом плане «эффективность» охватывает в совокупности процесс достижения определенного результата и сам результат. В таком случае показателем эффективности будет степень достижения результата. Другими словами, информационную атаку можно считать эффективной, если достигнутый результат максимально приближен к запланированному. Следует сказать, что такой подход к изучению эффективности был разработан и применен О. Н. Морозовой при исследовании эффективности речевого воздействия политической рекламы в Интернете; ученый определяет эффективность как **«отношение достигнутого результата к максимально возможному или заранее запланированному результату»** [Морозова 2010: 155].

При этом О. Н. Морозова вслед за И. А. Стерниным полагает, что обязательным условием эффективной коммуникации (эффективного речевого воздействия) является сохранение коммуникативного равновесия с собеседником. Как указывает И. А. Стернин, эффективное речевое воздействие — *это такое, которое позволяет говорящему достичь поставленной цели и сохранить баланс отношений с собеседником, то есть*

остаться с ним в нормальных отношениях, не поссориться [Стернин 2012: 51].

Принцип «не поссориться, сохранить коммуникативное равновесие» не является релевантным при изучении эффективности информационной атаки, поскольку в ее основе лежит механизм манипулирования — намеренного скрытого воздействия. Участники информационной атаки — это противостоящие стороны, которым важно любыми средствами, способами и методами добиться определенного запланированного результата, не заботясь о сохранении нормальных отношений. Наоборот, нарушение «баланса отношений с собеседником», доведение его до состояния аффекта, когда индивид оценивает текущую ситуацию бессознательно, импульсивно и, как результат, совершает необдуманные, опрометчивые поступки, является одной из специфических составляющих эффективности информационной атаки.

Если рассматривать эффективность как отношения достигнутого результата к запланированному, то необходимо выделить критерии как основания для сравнения результатов. В естественно-научных дисциплинах таким критерием (критериями) выступают, как правило, количественные (статистические) данные, рассчитываемые по определенным, специально составленным формулам и алгоритмам.

Однако, как отмечает В. П. Москвин, понятийная система речевого мышления, а значит и язык, в отличие от понятийных систем точных и естественных наук, не всегда поддается измерению, поскольку она «не представляет собой жестко структурированный объект: так, идея о том, что закон может иметь исключения, для ученого-естественника смешна либо неприемлема, а для филологической теории и практики вполне обычна» [Москвин 2017: 16].

Применительно к информационной атаке основанием для сравнения результатов может выступить информация (данные), отраженная с помощью вербальных и невербальных средств коммуникации в информационном пространстве, в частности, сведения/факты о каком-либо событии, изложенные в авторитетных британских средствах массовой информации. Важно отметить, что соотнесение лингвистического и экстралингвистического знания не только открывает большие возможности при изучении эффективности информационной войны, но и является обязательным условием. Любое высказывание, как писал философ, литературовед и культуролог М. М. Бахтин, приобретает смысл только в контексте, в конкретное время и в конкретном месте [Бахтин 1975].

Исследование изолированного высказывания, текста или его фрагмента без учета экстралингвистических данных не позволит получить полных и достоверных сведений.

Обратимся непосредственно к анализу эффективности информационной атаки, направленной на дискредитацию России в целом и российского спорта в частности в преддверии Олимпиады-2016. В центре исследования находится пласт информации об употреблении допинга спортсменами, изложенный в британских СМИ за период с ноября 2015 по октябрь 2016 г. Именно эти сведения были названы министром спорта России В. Мутко информационной атакой: *...только я не понимаю, почему именно сейчас, во время Олимпиады, публикуют имена российских спортсменов. Конечно, могу выразить только сожаление. Идет очень серьезная информационная атака* [Виталий Мутко: «Положительная допинг-проба Чермошанской... 2016].

Выбор указанного отрезка времени не является случайным, так же как и условное деление его на два периода:

1) ноябрь 2015 г. — август 2016 г. (до официального открытия Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро). Начало допингового скандала датируют ноябрем 2015 г., когда комиссия Всемирного антидопингового агентства (WADA) порекомендовала Международной ассоциации легкоатлетических федераций (IAAF) дисквалифицировать Всероссийскую федерацию легкой атлетики (ВФЛА) за систематические нарушения, связанные с применением допинга. Таким образом, сведения, изложенные в газетных публикациях с ноября 2015 по август 2016 г., позволяют «вскрыть» и проанализировать запланированный результат информационной атаки;

2) август 2016 — октябрь 2016 г. О достигнутом результате можно судить из публикаций, появившихся во время проведения Олимпиады, и событий, последовавших позже. Сопоставив одни данные с другими, представляется возможным сделать вывод об эффективности информационной атаки.

Анализ британских СМИ показывает, что запланированным результатом кампании по дискредитации России было отстранение страны от участия в Олимпиаде в Рио-де-Жанейро в 2016 г. Для достижения поставленной цели формировалось общественное мнение о существовании в России **государственной допинг-программы, «a state-controlled doping system / a state-run doping system»**, которая носит системный характер, имеет огромный масштаб, финансируется государством: *a vast, systematic and "state-sponsored" doping programme*. В настоящей

работе мы намеренно не останавливаемся на детальном анализе языковых средств реализации информационной атаки, поскольку данные, полученные в ходе его проведения, будут опубликованы в отдельном исследовании.

О достигнутых результатах информационной атаки свидетельствуют факты, относящиеся ко времени проведения Олимпиады и после ее завершения. Известно, что российская олимпийская команда была частично дисквалифицирована, министр спорта России В. Мутко в числе других официальных лиц Минспорта не получил аккредитацию на Игры-2016, а параолимпийская команда отстранена от участия в Играх в полном составе. Кроме того, во время проведения Олимпиады российские спортсмены подвергались психологическому давлению. Так, например, российская мужская команда по плаванию была освистана болельщиками, присутствующими на трибуне, что, в свою очередь, свидетельствует о сформированном негативном мнении, которое нашло выражение в определенном поведении.

Представляется важным еще раз подчеркнуть, что в ходе информационной атаки воздействие на адресата осуществляется незаметно, скрытно: индивид не осознает, что ему навязывают определенное мнение, выработанное за него, прогнозируют его поведение и управляют им. Именно поэтому результат такого скрытого манипулирования, как и сам процесс, не вызывает отторжения. Известно, что открытое выступление американской пловчихи Лилли Кинг против российской спортсменки Юлии Ефимовой с обвинениями в применении допинга вызвало осуждение и неприятие со стороны общества. Свидетельством тому являются публикации, появившиеся в США и за их пределами, в связи с недостойным поведением спортсменки, так же как комментарии к статьям британских СМИ. Приведем некоторые из них [Lord 2016]:

- Michael Fisher. Aug 10, 2016

Very bad behaviour by the American, and the spectators. If the governing bodies accept that someone can participate, then they should be accorded the same respect as any other athlete, whatever has happened in the past. If people have an issue with that, don't blame the athlete, blame the people making the decisions.

- Stafford Gordon. Aug 10, 2016

Let those without sin cast the first stone, eh? Whereupon, a rock was hurled from within the throng; and Jesus said, "Sometimes you really piss me off mother!"

- Roberhamilton. Aug 10, 2016

Cheating! I think the Americans should look at some of their athletes before acting like a spoilt child.

На основании изложенного, эту информационную атаку можно признать в какой-то степени эффективной, так как запланированный результат частично достигнут. В то же время следует отметить, что Россия нашла понимание в лице некоторых стран. Так, например, белорусские спортсмены в знак поддержки российских параолимпийцам пронесли на церемонии открытия Параолимпийских игр — 2016 в Рио-де-Жанейро флаг РФ. Однако, к сожалению, приходится констатировать: Россия на данный момент «чаще проигрывает в информационных баталиях», что объясняется недостатком знаний и кадров в этой области [Ульянова 2015: 8]. Следовательно, исследования в данном направлении представляется перспективными и актуальными, а их результаты необходимы «для совершенствования государственной политики противодействия информационно-психологической агрессии против России» [Сквородников 2016: 43].

ИСТОЧНИКИ

1. Вильф А. В Кремле рассказали о готовящемся «вбросе» против Путина // РИА «Новости». 2016. 28 марта. URL: <https://ria.ru/politics/20160328/1398647492.html#ixzz46vkk0TQK>.
2. Виталий Мутко: «Положительная допинг-проба Чермошанской — очень серьезная информационная атака» // Спорт Экспресс. 2016. 17 авг. URL: <http://www.sport-express.ru/olympics/rio2016/athletics/news/vitaliy-mutko-polozhitelnaya-doping-proba-chermoshanskoj-ochen-sereznyaya-informacionnaya-ataka-1034563/>.
3. Лейва М. Путин назвал «информационные атаки» на себя реакцией на укрепление России // РБК. 2016. 25 апр. URL: <http://www.rbc.ru/politics/25/04/2016/571e202c9a79471cf3ad6b1d>.
4. Михайлиди К. Мутко с юристами держит новый удар в информационной войне против России // Федеральное агентство новостей. 2016. 8 мая. URL: <https://riafan.ru/521423-mutko-s-yuristami-derzhit-novyi-udar-v-informacionnoi-voine-protiv-rossii>.
5. Мутко анонсировал информационные атаки на ЧМ-2018 // Новая газета. 2016. 1 окт. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2016/10/01/125366-mutko-anonsiroval-informatsionnye-ataki-na-chm-2018>.
6. Субботина С. Информационная атака на РФ сильнее, чем во времена холодной войны // Известия. 2016. 30 мая. URL: <http://izvestia.ru/news/615828>.
7. Lord C. Gold medal winner savages drugs cheat she beat to glory // The Times. 2016. 10 Aug. URL: <http://www.thetimes.co.uk/article/its-poison-in-the-pool-as-gold-medal-winner-sava-ges-russian-drugs-cheat-she-beat-to-glory-9pvhvpdnc> (date of access: 12.06.2016).

ЛИТЕРАТУРА

8. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. — М., 1975. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (дата обращения: 21.09.2016).
9. Гончарук Е. Ю. К вопросу об исследованиях эффективности речевой коммуникации (терминологический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18).
10. Гончарук Е. Ю. Анализ коммуникации по степени ее эффективности // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2014. № 26 (355).
11. Кондратов В. Т. Основы (мини-)теории метрологической эффективности // Законодательная и прикладная метрология. 2010. Т. 106. № 3.
12. Коцюбинская Л. В. Метафора «информационная атака» как объект лингвистического исследования // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59).
13. Краснов А. Н. Эффективность как фундаментальная экономическая категория // Экономика региона. 2007. № 18.

14. Лобова С. В., Понькина Е. В. Сущность эффективности в контексте актуальных парадигм экономики и менеджмента // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 4 (355).
15. Морозова О. Н. Соотношение понятий эффективности и результативности речевого воздействия политической рекламы в Интернете // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42).
16. Морозова О. Н. Политическая реклама в интернет-пространстве Великобритании (на материале персональных сайтов членов парламента Великобритании) : моногр. — СПб., 2010.
17. Москвин В. П. Методы и приемы лингвистического анализа : моногр. — М., 2017.
18. Непряхин Н. Ю. Основы эффективной коммуникации. URL: http://www.oratorica.com/news/articles/osnovy_effektivnoy_kommunikatsii (дата обращения: 21.10.2016).
19. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 36—42.

L. V. Kotsyubinskaya
Saint Petersburg, Russia

RAISING THE ISSUE OF THE EFFECTIVENESS OF “INFORMATION ATTACK”

ABSTRACT. *The article deals with the effectiveness of the information attack. “Effectiveness” is an interdisciplinary concept and is used in various fields of knowledge and spheres of human activity, including an information attack. Scientific approaches to the effectiveness are still debated and depend on the researcher’s view. The effectiveness of information attack is defined as the ratio of the planned and achieved results. The criteria of the effectiveness is the achievement of result. The basis for comparison of the results is the information (data), in particular, a piece of information on the use of doping Russian athletes mentioned in the authoritative British media for the period from November 2015 to October 2016, and called an “information attack” by the Minister of Sports of the Russian Federation. The correlation of linguistic and extralinguistic knowledge is essential. Further studies of information attack result in individual and society security.*

KEYWORDS: *information warfare; information space; mass media; media linguistics; media discourse; Olympic games; news coverage.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kotsyubinskaya Lyubov Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Translation Studies, Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia.*

REFERENCES

1. Vil’f A. V. Kreml’e rasskazali o gotovyashchemsya «vbrose» protiv Putina // RIA «Novosti». 2016. 28 marta. URL: <https://ria.ru/politics/20160328/1398647492.html#ixzz46vkk0TQK>.
2. Vitaliy Mutko: «Polozhitel'naya doping-proba Chermoshanskoy — ochen' ser'eznaya informatsionnaya ataka» // Sport Ekspres. 2016. 17 avg. URL: <http://www.sport-express.ru/olympics/rio2016/athletics/news/vitaliy-mutko-polozhitelnaya-doping-proba-cheremoshanskoy-ochen-sereznaya-informatsionnaya-ataka-1034563/>.
3. Leyva M. Putin nazval «informatsionnye ataki» na sebya reaktsiy na ukreplenie Rossii // RBK. 2016. 25 apr. URL: <http://www.rbc.ru/politics/25/04/2016/571e202c9a79471cf3ad6b1d>.
4. Mikhaylidi K. Mutko s yuristami derzhit novyy udar v informatsionnoy voyne protiv Rossii // Federal'noe agentstvo novostey. 2016. 8 maya. URL: <https://riafan.ru/521423-mutko-s-yuristami-derzhit-novyy-udar-v-informatsionnoy-voine-protiv-rossii>.
5. Mutko anonsiroval informatsionnye ataki na ChM-2018 // Novaya gazeta. 2016. 1 okt. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2016/10/01/125366-mutko-anonsiroval-informatsionnye-ataki-na-chm-2018>.
6. Subbotina S. Informatsionnaya ataka na RF sil'ney, chem vo vremena kholodnoy voyny // Izvestiya. 2016. 30 maya. URL: <http://izvestia.ru/news/615828>.
7. Lord C. Gold medal winner savages drugs cheat she beat to glory // The Times. 2016. 10 Aug. URL: <http://www.thetimes.co.uk/article/its-poison-in-the-pool-as-gold-medal-winner-savages-russian-drugs-cheat-she-beat-to-glory-9pvhvdpdc> (date of access: 12.06.2016).
8. Bakhtin M. M. Formy vremeni i khronotopa v romane. — M., 1975. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (data obrashcheniya: 21.09.2016).
9. Goncharuk E. Yu. K voprosu ob issledovaniyakh effektivnosti rechevoy kommunikatsii (terminologicheskii aspekt) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 7 (18).
10. Goncharuk E. Yu. Analiz kommunikatsii po stepeni ee effektivnosti // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2014. № 26 (355).
11. Kondratov V. T. Osnovy (mini-)teorii metrologicheskoy effektivnosti // Zakonodatel'naya i prikladnaya metrologiya. 2010. T. 106. № 3.
12. Kotsyubinskaya L. V. Metafora «informatsionnaya ataka»

20. Strel'nikov A. M. Metaforicheskaya otsenka politicheskogo lidera v diskurse kampanii po vyboram prezidenta v SSHA i Rossii : dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2005.
21. Sternin I. A. Osnovy rechevogo vozdeystviya. — Voronezh, 2012. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicatsii/Rechevoe_vozdejstvie/Osnovi_rechevogo_vozdejstviya2013.pdf (data obrashcheniya: 14.10.2016).
22. Ulyanova N. N. Informatsionnye voyny v pechatnykh SMI na primere Kosovskogo etnicheskogo konflikta (sravnitel'nyy analiz publikatsii «Rossiyskoy gazety» i «The Washington Post» 2008—2013 gg.) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2015.
23. Fasmer Maks. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. = Russisches etymologisches wörterbuch : v 4 t. / red. B. Larin. — M., 2008.
24. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. 1972. Вып. 6. С. 344—382.

kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5 (59).

13. Krasnov A. N. Effektivnost' kak fundamental'naya ekonomicheskaya kategoriya // Ekonomika regiona. 2007. № 18.
14. Lobova S. V., Pon'kina E. V. Sushchnost' effektivnosti v kontekste aktual'nykh paradigmi ekonomiki i menedzhmenta // Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika. 2014. № 4 (355).
15. Morozova O. N. Sootnoshenie ponyatiy effektivnosti i rezul'tativnosti rechevogo vozdeystviya politicheskoy reklamy v Internetne // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42).
16. Morozova O. N. Politicheskaya reklama v internet-prostranstve Velikobritanii (na materiale personal'nykh saytov chlenov parlamenta Velikobritanii) : monogr. — SPb., 2010.
17. Moskvin V. P. Metody i priemy lingvisticheskogo analiza : monogr. — M., 2017.
18. Nepriyakhin N. Yu. Osnovy effektivnoy kommunikatsii. URL: http://www.oratorica.com/news/articles/osnovy_effektivnoy_kommunikatsii (data obrashcheniya: 21.10.2016).
19. Skovorodnikov A. P., Koptina G. A. Spособы manipul'yativnogo rechevogo vozdeystviya v rossiyskoy presse / A. P. Skovorodnikov, G. A. Koptina // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 3 (41). S. 36—42.
20. Strel'nikov A. M. Metaforicheskaya otsenka politicheskogo lidera v diskurse kampanii po vyboram prezidenta v SSHA i Rossii : dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2005.
21. Sternin I. A. Osnovy rechevogo vozdeystviya. — Voronezh, 2012. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicatsii/Rechevoe_vozdejstvie/Osnovi_rechevogo_vozdejstviya2013.pdf (data obrashcheniya: 14.10.2016).
22. Ulyanova N. N. Informatsionnye voyny v pechatnykh SMI na primere Kosovskogo etnicheskogo konflikta (sravnitel'nyy analiz publikatsii «Rossiyskoy gazety» i «The Washington Post» 2008—2013 gg.) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2015.
23. Fasmer Maks. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. = Russisches etymologisches wörterbuch : v 4 t. / red. B. Larin. — M., 2008.
24. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. 1972. Вып. 6. С. 344—382.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. О. Н. Морозова.

Е. Ю. Мошанская, Н. Д. Волгина
Пермь, Россия

АСИММЕТРИЯ НАИМЕНОВАНИЙ СТРУКТУРНЫХ ЕДИНИЦ В ОРГАНИГРАММАХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию наименований структурных единиц и должностей в органиграммах государственной канцелярии Нижней Саксонии и администрации губернатора Пермского края. Целью работы является выявление межкультурной и межъязыковой асимметрии в органиграммах названных правительственных структур. Органиграмма является визуализацией организационно-кадровой структуры правительства, в ней отражена иерархия подразделений правительства, с указанием названия, должности и фамилии руководителя подразделения. Органиграмма рассматривается как подтип индицирующих ориентирующих текстов. Анализ показал, что межкультурная асимметрия проявляется на уровне иерархической организации ориентированных органов (несовпадение количества подразделений и их функциональной направленности), межъязыковая асимметрия — на уровне наименований функциональных подсистем, управленческих единиц и наименования руководящих должностей. Определены равные по статусу или функционалу должности в администрации губернатора Пермского края и государственной канцелярии Нижней Саксонии, например: губернатор — премьер-министр, директор департамента Пермского края — руководитель департамента в государственной канцелярии, руководитель Администрации губернатора Пермского края — руководитель государственной канцелярии. Полученные результаты могут быть использованы при обучении бакалавров и магистров направления «Лингвистика» профиля «Перевод и переводоведение», «Государственное и муниципальное управление» с целью расширения картины мира, обеспечения адекватного коммуникативного поведения в рамках визитов на высоком уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дипломатические протоколы; руководитель Администрации губернатора Пермского края — руководитель государственной канцелярии; полученные результаты могут быть использованы при обучении бакалавров и магистров направления «Лингвистика» профиля «Перевод и переводоведение», «Государственное и муниципальное управление» с целью расширения картины мира, обеспечения адекватного коммуникативного поведения в рамках визитов на высоком уровне.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Мошанская Елена Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет; 614900, Россия, г. Пермь, пр-т Комсомольский, д 29; e-mail: mosch@yandex.ru.

Волгина Наталья Дмитриевна, студентка гуманитарного факультета, Пермский национальный исследовательский политехнический университет; 614900, Россия, г. Пермь, пр-т Комсомольский, д 29; e-mail: natalya.volgina@yandex.ru.

Одной из важнейших сфер общения на государственном и региональном уровне является дипломатическая коммуникация, в качестве особой формы которой выступает дипломатический дискурс, понимаемый нами как разновидность институционального политического ритуального дискурса, осуществляемого в рамках международных отношений между государствами. Политический и институциональный характер дипломатического дискурса определяется спецификой цели коммуникации и взаимодействующих субъектов. В качестве цели выступает, с одной стороны, стремление к гармонизации отношений между взаимодействующими государствами, с другой — отстаивание интересов страны и ее граждан. Субъектами дипломатической коммуникации являются высшие государственные лица (профессиональные политики), представители дипломатического корпуса (профессиональные дипломаты) [Терентий 2010: 48], политические деятели регионального уровня, а на первый план выходят их статус и ранг, принадлежность к той или иной социальной группе (партии) [Карасик 2000]. Ритуальность дипломатического дискурса выражается в наличии «закрепленной традицией последовательности символически значимых действий», таких как ритуал, церемония, этикет [Карасик 2002], протокол.

Обратимся к определениям названных терминов. Дипломатический протокол трактуется в дипломатическом словаре как «со-

вокупность общепринятых правил, традиций и условностей, соблюдаемых руководителями государств и правительств, ведомствами иностранных дел, дипломатическими представительствами, официальными лицами в международном общении» [Дипломатический словарь 1986: 443]. Он основан на нормах международного права и, как справедливо отмечает А. В. Ксенофонов, «отступление от соблюдения этих норм рассматривается как нанесение ущерба чести и достоинству государства и может вызвать ухудшение отношений между государствами» [Ксенофонов 2007: 6].

Наряду с дипломатическим протоколом, к важнейшим максимами общения между представителями различных государств относится международная вежливость как «совокупность общепринятых в международном общении правил этикета, почтительного, уважительного отношения к государству и его официальным представителям» [Лядов 2012: 126]. Международная вежливость, в отличие от протокола, не регулируется правовыми нормами, но продиктована стремлением «упрочить добрососедские, дружеские отношения между государствами» [Черняк 2013: 137]. Выражением международной вежливости служит дипломатический этикет, понимаемый как «правила поведения дипломатов и других официальных лиц при контактах друг с другом на различных дипломатических приемах, визитах, переговорах» [Южин 2009]. Он включает пра-

вила обращения к официальным лицам, очередность упоминания этих лиц при приветствии, правила переписки, порядок нанесения визитов, проведения встреч, бесед, дипломатических приемов; требования к внешнему виду дипломатов, их одежде, манерам, поведению и так далее. Описывая различие между терминами «дипломатический протокол» и «дипломатический этикет», П. Ф. Лядов отмечает, что дипломатический протокол является выражением «хороших манер в отношениях между государствами», а дипломатический этикет направлен на «проявление хороших манер в отношениях между должностными лицами, политическими и общественными деятелями, представляющими свое государство» [Лядов 2005: 126].

Дипломатический этикет соблюдается как на федеральном, так и на региональном уровнях. На региональном уровне в Пермском крае протокольные вопросы регулируются положением о протоколе губернатора Пермского края. Переводчик, работающий на уровне правительства региона, призван знать основные правила дипломатического протокола, располагать информацией о протокольном старшинстве взаимодействующих лиц. Вместе с тем переводчику, как правило, предоставляют информацию лишь о должности лиц, принимающих участие в переговорах на высшем уровне. Где и как можно получить информацию о статусе должностных лиц? Источником такого рода информации являются организграммы правительственных организаций. Актуальность предлагаемого исследования состоит в том, что организграммы правительственных структур ранее не являлись предметом изучения, жанр организграммы не рассматривался с точки зрения категорий симметрии/асимметрии.

Обратимся к понятию организграммы. О. Н. Аллин и Н. И. Сальникова предлагают следующее определение: «организграмма — это визуализация организационно-кадровой структуры компании, представленная в виде схемы с указанием всех подразделений предприятия (управлений, отделов, служб, цехов, групп и т. п.) и руководящих должностей (руководителей подразделений)» [Аллин, Сальникова 2005: 28]. Организграмма в нашем случае является визуализацией организационно-кадровой структуры правительства, в ней отражена иерархия подразделений правительства, с указанием названия, должности и фамилии руководителя подразделения. Организграмму как текстовый жанр мы относим, согласно Э. Рольфу, к категории индицирующих ориентирующих текстов. Последние рассматриваются автором как упорядоченная, представленная в краткой форме си-

стема данных, основная функция которой заключается в предоставлении реципиенту возможности быстро найти интересующую его информацию. [Rolf 1993: 204—210].

Предметом нашего анализа выступили организграммы Государственной канцелярии (далее — ГК) Нижней Саксонии и Администрации губернатора (далее — АГ) Пермского края [Сайт Администрации губернатора Пермского края; Сайт Государственной канцелярии Нижней Саксонии]. Мы выдвинули гипотезу о том, что при сопоставлении организационных структур названных правительственных органов, а также наименований структурных единиц и должностей будет наблюдаться межкультурная и межъязыковая асимметрия. Последняя, по мнению Н. Г. Гончар, выражается в «несовпадении или лакуарности элементов системы одного языка и культуры при сопоставлении их с соответствующими элементами системы другого языка и культуры» [Гончар 2009: 10].

Мы проводили исследование названных организграмм в три этапа: 1) определяли тип организационной структуры организграммы; 2) сопоставляли иерархическую структуру правительственных органов; 3) сравнивали названия департаментов и отделов.

Анализ типа организационных структур Государственной канцелярии Нижней Саксонии и Администрации губернатора Пермского края показал, что они относятся к линейно-функциональным, ибо «основаны на определенной системе взаимодействия линейных (отраслевых) и функциональных структурных подразделений и принятия решений линейными подразделениями по согласованию с функциональными» [Процесс формирования организационной структуры местной администрации].

При сопоставлении иерархической организации структур правительственных органов мы отметили наличие межкультурной асимметрии, которая проявилась в несовпадении количества подразделений и их функциональной направленности. Так, в структуре ГК Нижней Саксонии наличествуют 5 департаментов, 27 отделов и 3 сектора, в то время как структура АГ Пермского края состоит из 12 департаментов, 30 отделов и 3 секторов. Не совпадает и линейная структура первого звена подчинения. Так, премьер-министру Нижней Саксонии подчиняются напрямую четыре подразделения: руководитель государственной канцелярии, пресс-служба, отдел «Европа и развитие региона» и уполномоченный земли Нижняя Саксония на федеральном уровне. В то же время первая линия подчинения губернатора Пермского края состоит из руководителя его Адми-

нистрации и советников. На уровне функциональных обязанностей асимметрия проявилась в том, что многие отделы ГК Нижней Саксонии исполняют множество не всегда коррелирующих между собой обязанностей. Так, например, отдел № 503 отвечает за правовые вопросы, взаимодействие с советом федераций Германии (бундесрат), работу согласительной комиссии, оборону, внутренние дела, строительство и градостроительство, землеустройство. Такое совмещение функций разного порядка не характерно для аппарата правительства Пермского края, где функции подчиненных департаментов и отделов соответствуют их основному направлению работы (назначению). Так, директору департамента общественной безопасности, например, подчиняются департамент общественной безопасности и департамент мобилизационной подготовки.

Для осуществления анализа наименований структурных подразделений мы разбили структурные единицы оргиграммы на три группы:

- наименования функциональных подсистем и управленческих единиц;
- наименования руководящих должностей;
- наименования функций подсистем и управленческих единиц.

Такое деление обусловлено тем, что данные единицы присутствуют одновременно в обеих правительственных структурах.

Анализ иерархической организации оргиграммы позволяет сделать вывод о наличии следующих отношений подчинения в Администрации губернатора: губернатор Пермского края — руководитель администрации — департамент — отдел. В государственной канцелярии Нижней Саксонии отношения подчинения выражены вертикалью власти: премьер-министр — глава государственной канцелярии — департамент — отдел (Ministerpräsident — Chef der Staatskanzlei — Abteilung — Referat). Очевидно, что названные иерархические единицы симметричны в обеих структурах. Однако в той и другой оргиграмме имеются единичные наименования отдельных структурных подразделений, связанные с этнокультурной спецификой их функционирования в рамках государства / высшего органа. К ним можно отнести, например, сектор — аппарат общественной палаты в структуре правительства Пермского края или отдел представительства земли Нижняя Саксония в Европейском союзе (Vertretung des Landes Niedersachsen bei der Europaeischen Union) в Государственной канцелярии. Сопоставление названий этих единичных подразделений показало, что явление межкультурной асимметрии наблюдается как в количественном,

так и в функциональном аспекте. Так, оргиграмма Государственной канцелярии Нижней Саксонии содержит большее количество единичных наименований структурных единиц, данные наименования не дублируют названия отделов в региональном правительстве России и отражают, как правило, специфику работы правительственных структур Германии (связь с федеральным уровнем, с органами Европейского союза, вопросы миграции). Целых две структурных вертикали занимаются координацией взаимодействия с Европейским союзом, например, департамент «Европа, международное сотрудничество» и департамент «Региональное развитие земли Нижняя Саксония и финансирование Европейского союза».

Сопоставление наименований должностей правительства Пермского края и Государственной канцелярии Нижней Саксонии показало, что в данной группе наблюдается полная и частичная межъязыковая асимметрия. Приведем названия равных по статусу должностей: губернатор (Gouverneur) — премьер-министр (Ministerpräsident), директор департамента Пермского края (Abteilungsdirektor) — руководитель департамента в Государственной канцелярии (Abteilungsleiter).

Среди наименований руководящих должностей в первых двух звеньях обеих структур нами выявлено три совпадения: так, например, должность руководителя Администрации губернатора Пермского края в АГ вполне сопоставима с должностью руководителя Государственной канцелярии (Chef der Staatskanzlei). Несовпадающих наименований в АГ Пермского края выявлено два: советники руководителя Администрации губернатора Пермского края и советники губернатора Пермского края. В ГК Нижней Саксонии несопадающих наименований найдено шесть, например, уполномоченный и руководитель представительства земли Нижняя Саксония на федеральном уровне (Bevollmächtigter und Leiter der Vertretung des Landes Niedersachsen beim Bund) или Земельный уполномоченный по делам миграции и интеграции лиц с ограниченными возможностями (Landesbeauftragte für Migration und Teilhabe).

При сопоставлении наименований сотрудников на уровнях функциональных подсистем (департаментов) была выявлена одна пара соответствий: в АГ Пермского края — директор департамента, а в ГК Нижней Саксонии ту же роль исполняет *министерияльдиргент* — (Ministerialdirigent/Ministerialdirigentin). Стоит отметить, что в отличие от ГК Нижней Саксонии в АГ Пермского существует больше наименований руководящих должностей, например, и. о. директора депар-

тамента и заместитель директора департамента. Подобных по функциям должностей в ГК мы не находим.

При сопоставлении наименований сотрудников на уровнях управленческих единиц (отделов) также было выявлено одно соответствие: идентичной по функциям начальника отдела в АГ Пермского края должностью в ГК Нижней Саксонии является должность министерского советника (Ministerialrat/ Ministerialrätin). На уровне отделов также была выявлена количественная асимметрия в наименованиях руководящих должностей. Так, например, в АГ Пермского края на уровне отделов существуют должности ведущего консультанта, специалист-эксперта, старшего специалиста первого разряда. Подобных по функциям должностей в ГК Нижней Саксонии мы не находим.

При сопоставительном анализе наименований функциональных подсистем (департаментов) АГ Пермского края и ГК Нижней Саксонии совпадений выявлено не было, но было выявлено два частичных совпадения: правовой департамент и департамент пресс-службы в АГ Пермского края и департамент права, управления и СМИ (Recht, Verwaltung, Medien) в ГК Нижней Саксонии. Несовпадающих по функциям департаментов в АГ Пермского края было найдено восемь, в ГК Нижней Саксонии — три. Например: департамент по взаимодействию с органами местного самоуправления в АГ Пермского края и департамент 4 — «Региональное развитие федеральной земли, поддержка Евросоюза» (Abteilung 4 Regionale Landesentwicklung, EU-Förderung).

Анализ показал, что по линии управленческих единиц (отделов) нет отделов с совпадающими функциями. Мы нашли лишь 8 пар частичных совпадений, например, название отдела экономики и отдела планово-экономической работы (АГ) частично совпадает с названием отдела 103 в ГК Нижней Саксонии, а именно, отдел называется «Координация и планирование работы министерства экономики, труда и транспорта» (ГК) (Referat 103 Ressortkoordinierung und planung des Ministeriums für Wirtschaft, Arbeit und Verkehr). Всего в АГ Пермского края нами выявлено 22 отдела, не имеющих аналога в ГК Нижней Саксонии. Это, например, такие отделы, как отдел религиозных отношений и отдел по профилактике коррупционных и иных правонарушений. В ГК Нижней Саксонии имеются 18 отделов, названия которых не совпадают с названиями отделов в АГ, например: отдел 102 «Взаимодействие с ландтагом, кабинетом, правительством федеральной земли, Советом премьер-министров федеральных земель, бундесратом,

бундестагом, Организацией северо-германского сотрудничества» (Referat 102 Landtag, Kabinett, MP-Konferenz, Bundesrat und Bundestag, Norddeutsche Zusammenarbeit) и отдел 2 «Контактный центр земельного уполномоченного по делам координирования миграционных процессов и интеграции лиц с ограниченными возможностями в общество» (Referat 2 Verbindung büro zur Landesbeauftragten für Migration und Teilhabe).

В целом можно сделать вывод о том, что межкультурная асимметрия проявляется на уровне иерархической организации структур правительственных органов в несовпадении количества подразделений и их функциональной направленности, межъязыковая асимметрия — на уровне наименований функциональных подсистем, управленческих единиц и руководящих должностей. Межкультурная асимметрия объясняется среди прочего и различием выполняемых руководителями исследуемых правительственных структур функций: выполнение исполнительно-распорядительных функций, обеспечение деятельности территориальных органов власти, координация деятельности органов исполнительной и законодательной власти, представление края на федеральном уровне, руководство гражданской обороной и прочее (губернатор Пермского края) и определение основ государственной политики, а также осуществление внешнего представительства федеральной земли (премьер-министр Нижней Саксонии). Анализ позволил выявить небольшое количество симметричных наименований отделов и должностей.

Полученные результаты могут быть использованы при обучении бакалавров и магистров направления «Лингвистика» профиля «Перевод и переводоведение» [Мощанская, Маус 2012], бакалавров и магистров по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление». При обучении переводчиков необходимо разъяснять понятие протокольного старшинства, тренировать в переводе наименований структурных единиц и должностей правительств, указывать на необходимость соблюдения последовательности при именовании принимающих участие во встречах на высоком уровне лиц, предоставлять ссылки на достоверные интернет-источники, которыми может пользоваться переводчик во избежание недоразумений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллин О. Н., Сальникова Н. И. Кадры для эффективного бизнеса. Подбор и мотивация персонала. — М.: Генезис, 2005. 248 с. (Бизнес-психология).
2. Гончар Н. Г. Асимметрия в переводе художественного текста: этнолингвокультурный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2009. 21 с.
3. Дипломатический словарь / гл.ред.: А. А. Громыко и др. — М.: Наука, 1986. 498 с.

4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград : Перемена, 2000. С. 5—20.
5. Карасик В. И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс : моногр. — Волгоград : Перемена, 2002. 477с.
6. Ксенофонтов А. В. Роль дипломатического протокола в реализации норм международного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. 18 с.
7. Лядов П. Ф. Дипломатический протокол и протокольная служба // Право и управление. XXI век. 2012. № 2 (23). С. 126.
8. Лядов П. Ф. Дипломатический протокол и международное сотрудничество // Финансы, право, менеджмент. 2005. URL: http://www.flm.su/_elements/magazine/veiw_full.php?id=8&popup=no=8.
9. Мощанская Е. Ю., Маус Х. Вопросы протокола и этикета в работе устного переводчика // Индустрия перевода в инновационной, образовательной, исследовательской и профессиональной деятельности : мат. IV междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 8—10 февр.). 2012. Т. 1. С. 79—81.

10. Процесс формирования организационной структуры местной администрации. URL: http://studopedia.ru/2_22666_protseess-formirovaniya-organizatsionnoy-strukturi-mestnoy-administratsii.html (дата обращения: 17.12.2016).
11. Сайт Администрации губернатора Пермского края. Пермь, 2009—2015. URL: <http://www.admin.permkrai.ru> (дата обращения: 17.12.2016).
12. Сайт Государственной канцелярии Нижней Саксонии. URL: <http://www.stk.niedersachsen.de/startseite/> (дата обращения: 17.12.2016).
13. Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопр. когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 47—56.
14. Черняк Л. Ю. К вопросу о природе дипломатического этикета // Сибирский юридический вестник. 2013. Вып. 4. С. 136—143.
15. Южин В. И. Полная современная энциклопедия этикета. — М.: Рипол классик, 2009. 380 с. URL: <http://profilib.com/chtenie/20545/vladimir-yuzhin-polnaya-sovremennaya-entsiklopediya-etiketa.php> (дата обращения: 17.12.2016).
16. Rolf Eckard. Die Funktionen der Gebrauchstextsorten. — Berlin ; New York : de Gruyter, 1993. 335 s.

E. Yu. Moshchanskaya, N. D. Volgina
Perm, Russia

ASYMMETRY OF THE STRUCTURAL UNITS OF THE RUSSIAN AND GERMAN GOVERNMENTAL ORGANIGRAMS

ABSTRACT. *The paper studies the names of structural units in governmental organigrams of Lower Saxony State Chancellery and Perm Krai Governor's Administration. The goal of this research is to reveal intercultural and interlanguage asymmetry in the organigrams of these governmental bodies. Organigram is the visual presentation of the staffing structure of the government that shows the hierarchy of the governmental departments, positions and names of department heads. Organigram is a subtype of orientation texts. The analysis revealed that intercultural asymmetry is found in the hierarchy of the governmental departments (difference in the number of departments and their functions), while interlanguage asymmetry is found in the names of functional subsystems, management and names of positions. There are positions equal in rank and functions in Lower Saxony State Chancellery and Perm Krai Governor's Administration, for example Governor – Prime Minister, Director of Perm Krai Department – Head of Department of Lower Saxony State Chancellery, Head of Administration of Perm Krai Governor – Head of Chancellery. The research may be useful for Bachelor and Master's Degree students in Linguistics, Translation and State Management; it may help to enlarge background knowledge and teach proper communicative behavior during high-level visits.*

KEYWORDS: *diplomatic protocol; political discourse; regional authorities; diplomatic etiquette; organigram; intercultural asymmetry; interlanguage asymmetry.*

ABOUT THE AUTHORS: *Moshchanskaya Elena Yuryevna., Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia.*

Volgina Natalia Dmitrievna, Humanities Department Student, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia.

REFERENCES

1. Allin O. N., Sal'nikova N. I. Kadry dlya effektivnogo biznesa. Podbor i motivatsiya personala. — М.: Genezis, 2005. 248 s. (Biznes-psikhologiya).
2. Gonchar N. G. Asimmetriya v perevode khudozhestvennogo teksta: etnolingvokul'turnyy aspekt : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Tyumen', 2009. 21 s.
3. Diplomaticeskij slovar' / gl.red.: A. A. Gromyko i dr. — М.: Nauka, 1986. 498 s.
4. Karasik V. I. O tipakh diskursa // Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs : sb. nauch. tr. — Volgograd : Peremena, 2000. S. 5—20.
5. Karasik V. I. Yazykovoy krug. Lichnost', kontsepty, diskurs : monogr. — Volgograd : Peremena, 2002. 477s.
6. Ksenofontov A. V. Rol' diplomaticheskogo protokola v realizatsii norm mezhdunarodnogo prava : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — М., 2007. 18 s.
7. Lyadov P. F. Diplomaticeskij protokol i protokol'naya sluzhba // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2012. № 2 (23). S. 126.
8. Lyadov P. F. Diplomaticeskij protokol i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo // Finansy, pravo, menedzhment. 2005. URL: http://www.flm.su/_elements/magazine/veiw_full.php?id=8&popup=no=8.
9. Moshchanskaya E. Yu., Maus Kh. Voprosy protokola i etiketa v rabote ustnogo perevodchika // Industriya perevoda v inno-

- vatsionnoy, obrazovatel'noy, issledovatel'skoy i professional'noy deyatel'nosti : mat. IV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Perm', 8—10 fevr.). 2012. Т. 1. S. 79—81.
10. Protseess formirovaniya organizatsionnoy struktury mestnoy administratsii. URL: http://studopedia.ru/2_22666_protseess-formirovaniya-organizatsionnoy-strukturi-mestnoy-administratsii.html (дата obrashcheniya: 17.12.2016).
11. Sayt Administratsii gubernatora Permskogo kraja. Perm', 2009—2015. URL: <http://www.admin.permkrai.ru> (дата obrashcheniya: 17.12.2016).
12. Sayt Gosudarstvennoy kantselyarii Nizhney Saksonii. URL: <http://www.stk.niedersachsen.de/startseite/> (дата obrashcheniya: 17.12.2016).
13. Terentiy L. M. Diplomaticeskij diskurs kak osobaya forma politicheskoy kommunikatsii // Vopr. kognitivnoy lingvistiki. 2010. № 1. S. 47—56.
14. Chernyak L. Yu. K voprosu o prirode diplomaticheskogo etiketa // Sibirskiy yuridicheskij vestnik. 2013. Vyp. 4. С. 136—143.
15. Yuzhin V. I. Polnaya sovremennaya entsiklopediya etiketa. — М.: Ripol klassik, 2009. 380 s. URL: <http://profilib.com/chtenie/20545/vladimir-yuzhin-polnaya-sovremennaya-entsiklopediya-etiketa.php> (дата obrashcheniya: 17.12.2016).
16. Rolf Eckard. Die Funktionen der Gebrauchstextsorten. — Berlin ; New York : de Gruyter, 1993. 335 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. М. Нестерова.

М. В. Петров
Екатеринбург, Россия

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМ ПРЕДТЕРМИНАЛЬНОЙ ЧАСТИ МЕЛОДИЧЕСКОГО КОНТУРА В ДИСКУРСЕ ПУБЛИЧНЫХ ОБРАЩЕНИЙ Б. ОБАМЫ

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена анализу интонационной стороны дискурса Б. Обамы. В настоящей статье автор делает акцент на том, что при анализе интонационной группы следует обращать особое внимание на акустические характеристики шкал, так как они придают разное значение высказываниям президента. Далее в статье предлагается и описывается пошаговая методика анализа предтерминальной части мелодического контура, которая включает положения автосегментного направления в изучении интонации с целью более точного описания плана выражения (форм) шкал. Автор также рекомендует учитывать тематические и рематические элементы высказывания, так как традиционное автосегментное направление в интонации не учитывает центр и периферию коммуникативного динамизма. В работе указывается, что описание форм шкал в рамках автосегментного подхода имеет особую практическую ценность, так как, используя данную нотацию, в последнее время разрабатываются специальные транскрипционные системы, целью которых является обучение интонации того или иного языка. При описании функциональной стороны учитываются труды отечественных и зарубежных лингвистов. В конце статьи автор делает вывод, что шкалы $\downarrow H^*N+H^*N$, $\downarrow H^*L+H^*L$, $\uparrow H^*N+H^*N$, $\rightarrow H^*N+H^*N$ и $\downarrow L^*N+L^*N$ можно считать доминирующими в рассматриваемых выступлениях Б. Обамы, так как они выполняют ряд важных функций. В дальнейшем автор планирует анализ шкал в комплексе с ядерными тонами интонационной группы, что позволит более точно и комплексно интонационную составляющую дискурса Б. Обамы. Полученные в работе результаты вносят вклад в теорию политической коммуникации и могут быть полезны лингвистам, занимающимся анализом интонационных структур разных языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая риторика; политический дискурс; политические выступления; американские президенты; языковая личность; публичные речи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Петров Максим Вадимович, аспирант, кафедра английского языка, методики и переводоведения, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 459; e-mail: maxthestudent@yandex.ru.

На современном этапе своего развития политическая лингвистика уделяет пристальное внимание устной речевой деятельности политиков, которая обязательно имеет свое интонационное оформление. По мнению Л. Н. Попова, «в тоне, в живой интонации выражается все многообразие политического дискурса, что позволяет достаточно точно и объективно определить мотивы, цели, интересы, а также предсказать результаты речевой деятельности того или иного политика» [Попов 2010: 131]. Таким образом, анализ интонационных структур может дать более точную характеристику дискурса политического деятеля, поскольку интонация обладает рядом функций.

Прежде чем мы начнем рассматривать функциональные характеристики интонации, следует обратить внимание на основные подходы к описанию интонационной структуры. На данный момент в лингвистике можно выделить следующие направления: 1) просодическое, или контурное (Г. Суит, Д. Джоунз, Г. Пальмер, И. Уорд, Л. Армстронг, Р. Кингдон, Дж. О'Коннор, А. Гимсон и др.); 2) фонематическое, или уровневое (К. Пайк, Л. Блумфилд, Г. Глисон и др.); 3) автосегментно-метрическое (автосегментное), или генеративное (Р. Ладд, Дж. Пьерхумберт, К. Гуссенховен и др.). Рассмотрим более подробно предложенный Дж. Пьерхумберт автосегментный подход [Pierrhumbert 1980], при помощи которого мы далее будем описывать форму предтерминальной части мелодического

контура. Автосегментно-метрическая теория Дж. Пьерхумберт использует подходы автосегментной и метрической фонологий. Также она приняла от американского подхода методике описания мелодического контура, однако использует только два уровня, сопоставляя их по принципу «выше — ниже». Такая система описания интонации включает в себя:

- модели изображения основных мелодических контуров того или иного языка в виде последовательности уровней — Н (высокого) и L (низкого);
- правила наложения этих последовательностей на звучащий текст.

Мелодическая структура фразы состоит из ряда последовательных фонологически важных элементов. В английском языке это тональные акценты (pitch accents), или ударные слоги, и пограничные тоны (edge-tones), которые говорят о переходе от одной интонационной группы к другой.

При автосегментном описании интонации нисходяще-восходящий тон, например, реализуется в следующих сегментных последовательностях:

VToday

H^*LH (где звездочка указывает на позицию ударного слога).

Та же форма тона может быть представлена следующим образом:

VBeautiful

$H^*L\bar{H}\%$ (где звездочка означает ударный слог, « $\bar{\quad}$ » — заударный слог, а « $\%$ » — пограничный тон на последнем слоге).

Возможные комбинации перечисленных тональных единиц образуют грамматику интонационной структуры фразы, которая состоит из следующих четырех компонентов:

{%H, %L} (начальный тон); {H*, L*, H*+L, H+L*, L*+H, L+H*} (тональные акценты); {H-, L-} (фразовый тон); {H%, L%} (конечный тон)

Например, английская синтагма *I know* может получить следующее контурное описание.

I `know
%H H*+L L%

Такой подход позволяет совершать более детальное описание интонационного рисунка, но, к сожалению, он фокусируется на описании плана выражения тонов, игнорируя при этом их содержательный аспект. Однако следует отметить, что некоторые исследователи [Йокояма 2003; Янко 2008 и др.] пользуются данным подходом для верификации выделения и анализа тонов. Но несмотря на данный недостаток, результаты, полученные при помощи этого подхода, представляют большую практическую ценность, так как с использованием данной нотации в последнее время разрабатываются специальные транскрипционные системы, целью которых является обучение интонационной стороне того или иного языка. В качестве примера таких систем можно привести ToBI (английский язык и его варианты и некоторые другие языки) и ToRI (русский язык). Поэтому в данной работе форма (план выражения) ядерных тонов будет описываться в рамках автосегментно-метрического подхода с перспективой внедрения результатов в преподавание практической и теоретической фонетики.

Переходя к рассмотрению функционального (содержательного) аспекта интонации, следует признать, что количество и характер функций варьируются. Так, например, Н. Д. Светозарова выделяет следующие функции:

- 1) организации и членения речевого потока;
- 2) выражения степени связи между единицами членения;
- 3) оформления и противопоставления типов высказываний (во взаимодействии с синтаксисом и лексикой);
- 4) выражения отношений между элементами интонационных единиц (актуальность для речевых отрезков и смысловых отношений, определение интонационного центра ударением);
- 5) выражения эмоциональных значений и оттенков [Светозарова 1982].

Н. В. Черемисина-Ениколопова утверждает, что в различных языках интонация

выполняет следующий ряд функций:

- 1) коммуникативную;
- 2) смысловозначительную (фонологическую);
- 3) кульминативную (выделительную);
- 4) синтезирующую (объединительную);
- 5) делимитативную (разграничительную);
- 6) эмоциональную;
- 7) экспрессивную [Черемисина-Ениколопова 2013: 19].

Также автор выделяет у интонации такие дополнительные функции, как апеллятивную, обладающую прагматическим потенциалом, и эстетическую.

Как показывает обзор зарубежной литературы, лингвистами выделяются следующие основные функции интонации:

- 1) грамматическая (grammatical) [Blum 2001; Chun 2002; Couper-Kuhlen 1986; Crystal 1985; Halliday 1967; Lind 2008; Wells 2006 и др.];
- 2) модальная (attitudinal) [O'Connor, Arnold 1973; Chun 2002; Couper-Kuhlen 1986; Fry 1974; Lind 2008; Taylor 1993; Wells 2006; Wichmann 2002 и др.];
- 3) дискурсивная (discursive) [Chun 2002; Couper-Kuhlen 1986; Levis 1999; Lind 2008; Ranalli 2002; Wells 2006 и др.];
- 4) прагматическая (pragmatic) [Couper-Kuhlen 1986; Wells 2006; Lind 2008 и др.].

Также некоторыми из них выделяются следующие функции:

- 5) психологическая (psychological) [Wells 2006];
- 6) индексальная, или социолингвистическая (indexical) [Chun 2002; Couper-Kuhlen 1986; Wells 2006 и др.];
- 7) когнитивная (cognitive) [Wells 2006].

Все вышесказанное приводит к постановке ряда вопросов:

1. При помощи каких средств интонации выполняются данные функции?
2. Какие средства являются наиболее частотными и важными?
3. Осуществление каких функций ставит целью Б. Обама в своих выступлениях?

Отвечая на эти вопросы, можно сказать, что выполнение данных функций становится возможным при использовании темпа, тембра [Черемисина-Ениколопова 2014: 24], акцента [Кодзасов, Кривнова 2001: 382] и др. Как отмечают С. В. Кодзасов и О. Ф. Кривнова, наиболее важные функции интонации выполняются акцентами, главным признаком которых является изменение тона [Там же: 382]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что при описании интонации следует обращать особое внимание на тон и его акустические характеристики, поскольку он является одним из главных способов осуществления той или иной функции. В данной

работе мы фокусируем внимание на предтерминальной части интонационной группы, которая включает предтакт и шкалу. На данном этапе семантические характеристики предтакта пока не рассматриваются.

В английском языке лингвисты выделяют следующий инвентарь интонационных шкал:

- ступенчатая нисходящая;
- ступенчатая восходящая;
- ступенчатая ровная;
- скользящая нисходящая;
- скользящая восходящая;
- скользящая ровная;
- скандентная нисходящая;
- скандентная восходящая;
- скандентная ровная.

В нашем исследовании мы рассматриваем вышеперечисленные шкалы с позиции автосегментной фонетики, поэтому следующим акустическим рисункам мы будем сопоставлять определенные названия (см. ниже). Следует отметить, что далее мы будем рассматривать те шкалы, которые были найдены в материале исследования.

1. $\downarrow H^*N+H^*N$ (ступенчатая нисходящая; рис. 1)
2. $\uparrow H^*N+H^*N$ (ступенчатая восходящая; рис. 2)
3. $\rightarrow H^*N+H^*N$ (ступенчатая ровная; рис. 3)
4. $\downarrow H^*L+H^*L$ (скользящая нисходящая; рис. 4)
5. $\downarrow L^*N +L^*N$ (скандентная нисходящая; рис. 5)

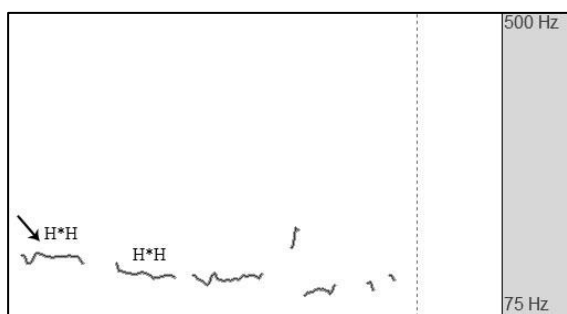


Рис. 1

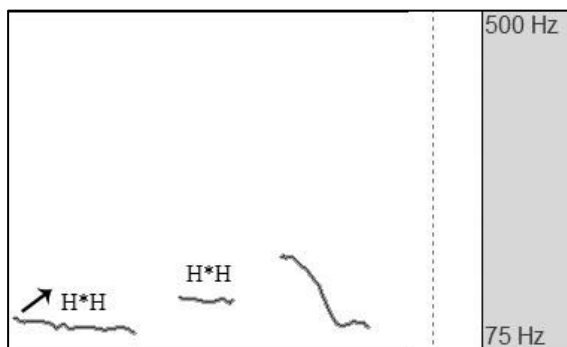


Рис. 2

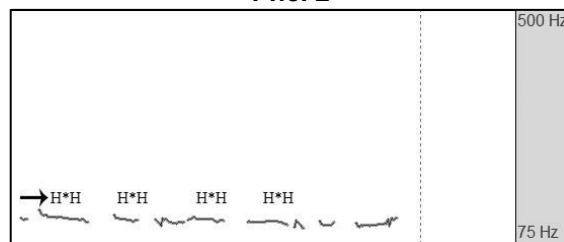


Рис. 3

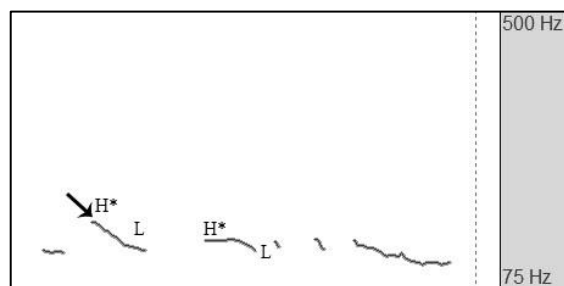


Рис. 4

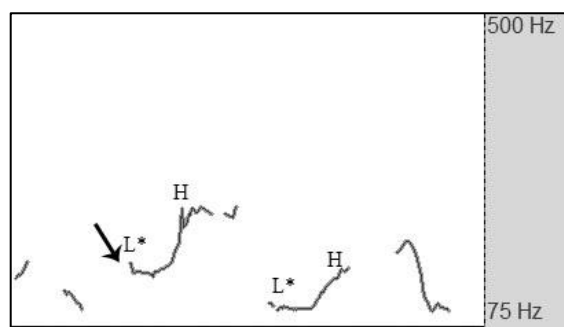


Рис. 5

При анализе материала нами была разработана пошаговая методика, при помощи которой нами описывались формы и функции шкал в дискурсе президента США Б. Обамы. Данная методика включает в себя следующие шаги.

Шаг 1. Целиком прослушать звучащий текст. Составить скрипт текста (если он отсутствует изначально). Прослушивая аудиоисточник, исследователь должен разделить письменный текст на интонационные группы (синтагмы). Проверить правильность деления на синтагмы в компьютерной программе анализа интонации *Praat* или *Speech Analyzer*. Каждую звучащую синтагму сохранить отдельным файлом для того, чтобы в дальнейшем было удобнее анализировать форму шкал.

Шаг 2. В каждой отдельной синтагме выделить шкалу и при помощи фонем или графем подписать часть предложения, на которой она актуализируется, либо выделить в тексте жирным шрифтом ту часть тек-

ста, где наблюдается та или иная шкала.

Шаг 3. Используя нотацию Дж. Пьерхумберт, определить форму тонов в шкале и ее направление.

Шаг 4. Проинтерпретировать функцию, которую выполняет та или иная шкала. Сравнить полученные функции с теми, которые выделяют лингвисты. При наличии расхождений необходимо дать объяснение.

Шаг 5. Сгруппировать шкалы по формам и функциям. Произвести подсчет шкал в каждой группе. Определить частотность шкал (от наиболее частотных к наименее). Объяснить причины высокой и низкой частотности употребления.

Рассмотрим данную методику на материале публичных выступлений Б. Обамы. Длительность аудиоматериала составляет 22 часа 32 минуты 45 секунд. Проанализировав выступления президента США, мы выявили следующие ключевые шкалы и их функции (шкалы расположены в порядке частотности, которая указывается в скобках):

1) ↓Н*Н + Н*Н (642):

a) *Last week, I authorized **two limited** missions: protecting our people and facilities inside of Iraq, and a humanitarian operation to help save thousands of Iraqi civilians stranded on a mountain. — На прошлой неделе мною были санкционированы **две ограниченные миссии**...* [Statement on the Situations in Northern Iraq and Ferguson, Missouri 2014];

b) *It's a reminder that what makes this country special is the incredible talent that we draw from all around the world and somehow it **all merges** into **something** unique: America — ...это **все сливается во что-то уникальное: Америку** [Federal Trade Commission Address 2015];*

c) *Seven years ago, our **businesses** were **losing** 800,000 jobs a month. They've now created jobs for 69 straight months, driving the unemployment rate from a high of 10% down to 5%. — Несколько лет назад наши **предприятия теряли** 800,000 рабочих мест в месяц [Weekly Address: Making America Safer for Our Children 2016].*

Как показывает наш материал, данная шкала является наиболее частотной, так как с помощью такого оформления предтерминальной части президенту удается ввести новую информацию для аудитории, т. е. функция данной шкалы заключается во введении рематических элементов в сообщение, без которых невозможно построение убедительных высказываний. Так, в примере а используется шкала типа ↓Н*Н+Н*Н (ступенчатая нисходящая). Б. Обама при помощи данной шкалы вводит новую информацию в своем дискурсе, т. е. президент

утверждает, что на прошлой неделе он санкционировал две ограниченные миссии. Модально-прагматическая функция данной шкалы в вышеприведенном примере состоит в констатации факта и во введении рематических элементов «*two limited*», которые становятся центром коммуникации и внимания публики;

2) ↓Н*L + Н*L (537):

d) *Fellow delegates, we come together as united nations with a choice to make. We can renew the international system that has enabled so much progress, or we can allow ourselves to be pulled back by an undertow of instability. We can reaffirm our collective responsibility to **confront global** problems, or be swamped by more and more outbreaks of instability. — ...Мы можем вновь подтвердить свою коллективную ответственность с целью **решения глобальных проблем**...* [69th Session of the United Nations General Assembly Address 2014];

e) *And that's why I've said that protecting our digital infrastructure is a **national security** priority and a national economic priority. — И поэтому я сказал, что защита нашей цифровой инфраструктуры является приоритетом в области **национальной безопасности**...* [National Cybersecurity Communications Integration Center 2015].

Данная шкала является второй по частотности употребления в дискурсе президента. Ее основная функция в публичных обращениях заключается в том, чтобы придать ударным компонентам (словам/лексемам) определенную эмфазу. Фрагменты текста, произнесенные с такой шкалой, придают всему высказыванию особую мелодичность, что, несомненно, оказывает определенное влияние на публику;

3) ↑Н*Н + Н*Н (487):

f) *Our job is to **reverse these** trends. — Наша задача заключается в том, чтобы **обратить эти тенденции** вспять [Fifth Presidential State of the Union 2014];*

g) *That's why we're **working** to **raise** standards and invest more in our elementary and middle and high schools, so that every young person is prepared for a competitive world. And this work is not easy. Sometimes it's controversial. — Поэтому мы **работаем** для того, чтобы **повысить стандарты** и инвестировать в сферы начального и среднего образования...* [Free Community College Plan Speech 2015].

Функция вышеприведенной шкалы также заключается в создании эмфазы/акцента, но следует отметить, что президент использует такую шкалу, когда говорит о важности и необходимости действий со стороны народа

с целью улучшения жизни в стране. Предложения, произнесенные в соответствии с такой шкалой, придают высказыванию напряженный характер;

4)→**H*H + H*H (265):**

h) *And today, with your **cutting-edge research** programs and your **new cyber initiatives**, you're helping us navigate some of the most complicated cyber challenges that we face as a nation. — И сегодня, благодаря вашим **передовым исследовательским программам** и **новым киберинициативам**... [Cybersecurity and Consumer Protection Summit Address 2015];*

i) *But this is one of those rare issues -- because of its magnitude, because of its scope — that if we **don't get it right** we may not be able to reverse, and we may not be able to adapt sufficiently. There is such a thing as being too late when it comes to climate change. — ...если мы **не решим** эту проблему, мы не сможем обратить вспять ее последствия... [Clean Power Plan Announcement 2015].*

Данная шкала является четвертой по частотности в дискурсе президента. На данном этапе исследования нам удалось выяснить, что такая шкала является, так сказать, эмоционально нейтральной либо используется в тех случаях, когда президент хочет, чтобы его сообщение звучало серьезно. Также необходимо заметить, что тематические элементы часто произносятся в соответствии с такой шкалой;

5)↓**L*H + L*H (194):**

j) *Yet, even in these tough fiscal times, Marty has made sure we maintain our military superiority. And **no one can match** our services because no one can match our service members - - our sons and daughters who he's cared for like his own. — И **никто не может сравниться** с нашими вооруженными силами... [Address at the Military Retirement Ceremony for Gen. Martin Dempsey 2015];*

k) *To be a rookie in the minority party, as I was, is not much fun in any legislature. We were called "mushrooms" — because we were kept in the dark and fed a lot of manure. But one benefit of being in such a position — not being invited into the meetings where the big deals were being made — is that I had a lot of time to get to know my colleagues. And many of us were away from our families, and **so we became friends**. — ...и **поэтому мы стали друзьями** [Illinois General Assembly Address 2016].*

Данная шкала обладает низкой частотностью употребления. Как показывают контексты выше, президент предпочитает использовать такую шкалу, когда говорит о положительных моментах либо о том, что вы-

зывает у него чувство гордости. Наше исследование показывает, что данная шкала характерна для тех случаев, когда Б. Обама необходимо создать непринужденную или дружескую атмосферу.

Подводя итоги, мы можем сказать, что первые три шкалы следует считать ключевыми в дискурсе публичных обращений Б. Обамы, так как они выполняют ряд важных функций: введения темо-рематических элементов в высказывание, акцентуации или эмфазы важных слов/лексем в сообщении, создания эмоционального напряжения, причем эмоциональность может быть как положительной, так и отрицательной.

В дальнейшем планируется анализ шкал, образующих друг с другом более сложные структуры, и рассмотрение их в комплексе с ядерными тонами интонационной группы, что позволит более точно и комплексно охарактеризовать интонационную составляющую дискурса Б. Обамы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурая Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс : учеб. для студ. лингв. вузов и фак. 3-е изд., стер. — М. : Академия, 2009. 272 с.
2. Карневская Е. Б., Мисуно Е. А., Раковская Л. Д. Практическая фонетика английского языка. Для продвинутого этапа обучения. 3-е изд., испр. и доп. — М. : Эксмо, 2009. 416 с. + 1 CD. (Иностранный язык: шаг за шагом).
3. Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. — М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2001. 592 с.
4. Попов Л. Н. Интонация политика: власть и оппозиция // Политическая лингвистика. 2010. № 1. С. 131—134.
5. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 175 с.
6. Черемисина-Ениколопова Н. В. Законы и правила русской интонации : учеб. пособие. 2-е изд., стер. — М. : Флинта, 2013. 520 с.
7. Blum R. V. Intonation and Interrogation in English: It's All a Matter of Defaults / Université de Nice Sophia Antipolis. URL: <http://www.univpau.fr/ANGLAIS/alaes/blum.htm> (date of access: 02.03.2014).
8. Chun D. M. Discourse Intonation in L2: From Theory and Research to Practice. — Library of Congress Cataloging-in-Publication Data, 2002.
9. Cooper-Kuhlen E. An Introduction to English Prosody. — Tübingen, 1986.
10. Crystal D. Prosodic Systems and Intonation in English. — Cambridge Univ. Pr., 1985.
11. Halliday M. A. K. Intonation and Grammar in British English. — The Hague, 1967.
12. Levis J. M. The Intonation and Meaning of Yes/No Questions. World Englishes, 18, 3+. Retrieved May 14, 2004, from Academic Search Premier database, 1999.
13. O'Connor J. D., Arnold G. F. The Intonation of Colloquial English. — Longman, 1973.
14. Pierrehumbert J. B. The Phonology and Phonetics of English Intonation : PhD thesis. — MIT, 1980.
15. Ranalli J. M. Discourse Intonation: To Teach or not to Teach? — Birmingham : Univ. of Birmingham. URL: <http://http://www.cels.bham.ac.uk/resources/essays/Rannali4.pdf> (date of access: 02.03.2014).
16. Taylor D. S. Intonation and Accent in English: What Teachers Need to Know // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. 1993. № 31, 1-21. (Communication & Mass Media Complete database).
17. Wells J. C. English Intonation: An Introduction. — Cam-

bridge Univ. Pr., 2006.

M. V. Petrov
Ekaterinburg, Russia

**THE AUTOSEGMENTAL-FUNCTIONAL METHOD OF ANALYSING PRE-NUCLEAR INTONATION FEATURES
(AS EXEMPLIFIED BY BARACK OBAMA'S DISCOURSE OF PUBLIC SPEECHES)**

ABSTRACT. *The article deals with the intonational aspect of B. Obama's discourse. The author of the paper emphasizes the fact that in analyzing a particular intonation group one should pay special attention to its pre-nuclear melodic features, since they are considered to be meaningful elements of the intonation group. Then the author proposes and describes a step-by-step method of analyzing pre-nuclear tones, which is based upon the autosegmental approach to intonation. The author also recommends to take into account the register and the range, which are not considered by the autosegmental approach, and introduces a set of special diacritics for their representation. Furthermore, the article highlights that the practical value of the mentioned above approach is of great importance, as it is used to create different transcription systems in order to teach intonation of this or that language. In describing the functional aspect of pre-nuclear tones the author takes into consideration some works by Russian and foreign linguists. At the end of the article the author concludes that the scales $\downarrow H^*H+H^*H$, $\downarrow H^*L+H^*L$, $\uparrow H^*H+H^*H$, $\rightarrow H^*H+H^*H$ and $\downarrow L^*H+L^*H$ may be regarded as the most frequent in the analyzed speeches by B. Obama, since they carry out a number of significant functions. The paper also emphasizes the fact that the maximum effect is achieved when these pre-nuclear tones are used together with each other. In the future the author is planning on analyzing pre-nuclear tones together with the nuclear part of the intonation group, which will enable him to give a more in-depth analysis concerning B. Obama's intonation. The results of the given research contribute to the theory of political communication, and they may be of use to linguists investigating intonation.*

KEYWORDS: *political rhetoric; political discourse; political address; American Presidents; language persona; public speech.*

ABOUT THE AUTHOR: *Petrov Maxim Vadimovich, Assistant Lecturer of Department of the English Language, Methods of Teaching and Translation Theory, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Buraya E. A., Galochkina I. E., Shevchenko T. I. Fonetika sovremennogo angliyskogo yazyka. Teoreticheskiy kurs : ucheb. dlya stud. lingv. vuzov i fak. 3-e izd., ster. — M. : Akademiya, 2009. 272 s.
2. Karnevskaia E. B., Misuno E. A., Rakovskaya L. D. Prakticheskaia fonetika angliyskogo yazyka. Dlya prodvinitogo etapa obucheniia. 3-e izd., ispr. i dop. — M. : Eksmo, 2009. 416 s. + 1 SD. (Inostrannyi yazyk: shag za shagom).
3. Kodzasov S. V., Krivnova O. F. Obschaya fonetika. — M.: Izd-vo Ros. gos. gumanitar. un-ta, 2001. 592 s.
4. Popov L. N. Intonatsiia politika: vlast' i oppozitsiia // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1. S. 131—134.
5. Svetozarova N. D. Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka. — L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1982. 175 s.
6. Cheremisina-Enikolopova N. V. Zakony i pravila russkoy intonatsii : ucheb. posobie. 2-e izd., ster. — M. : Flinta, 2013. 520 s.
7. Blum R. V. Intonation and Interrogation in English: It's All a Matter of Defaults / Université de Nice Sophia Antipolis. URL: <http://www.univpau.fr/ANGLAIS/alaes/blum.htm> (date of access: 02.03.2014).
8. Chun D. M. Discourse Intonation in L2: From Theory and Research to Practice. — Library of Congress Cataloging-in-Publication Data, 2002.
9. Cooper-Kuhlen E. An Introduction to English Prosody. — Tübingen, 1986.
10. Crystal D. Prosodic Systems and Intonation in English. — Cambridge Univ. Pr., 1985.
11. Halliday M. A. K. Intonation and Grammar in British English. — The Hague, 1967.
12. Levis J. M. The Intonation and Meaning of Yes/No Questions. World Englishes, 18, 3+. Retrieved May 14, 2004, from Academic Search Premier database, 1999.
13. O'Connor J. D., Arnold G. F. The Intonation of Colloquial English. — Longman, 1973.
14. Pierrehumbert J. B. The Phonology and Phonetics of English Intonation : PhD thesis. — MIT, 1980.
15. Ranalli J. M. Discourse Intonation: To Teach or not to Teach? — Birmingham : Univ. of Birmingham. URL: <http://www.cels.bham.ac.uk/resources/essays/Rannali4.pdf> (date of access: 02.03.2014).
16. Taylor D. S. Intonation and Accent in English: What Teachers Need to Know // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. 1993. № 31, 1-21. (Communication & Mass Media Complete database).
17. Wells J. C. English Intonation: An Introduction. — Cambridge Univ. Pr., 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

И. С. Пирожкова
Екатеринбург, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ К. РАЙС И И. ХАКАМАДЫ

АННОТАЦИЯ. Лингвистическое исследование гендера предполагает изучение различий «мужского» и «женского» языка, типичных для мужчин и женщин стратегий и тактик речевого поведения, а также репрезентаций мужского и женского в номинативной системе языка, приписывание определенных оценок. В последние годы возрастает интерес к изучению гендерного аспекта политического дискурса, что связано, во-первых, с увеличением числа женщин на важных политических постах в государстве, а во-вторых, с интересом ученых к тому, как проявляются черты фемининности в языке политики — сфере, которая традиционно считалась мужской. В статье предлагается анализ прецедентных имен из дискурсов женщин-политиков К. Райс и И. Хакамады с целью выявления участия прецедентных имен в проявлении гендерных стереотипов (под которыми понимаются упрощенные, схематизированные, эмоционально окрашенные, устойчивые образы мужчин и женщин, распространяемые обычно на всех представителей той или иной гендерной общности). Прецедентные имена институционального дискурса американского политика-женщины не содержат ярко выраженных гендерных маркеров, стереотипы, создаваемые с их помощью, концептуализируют сферу политики как мужскую. И. Хакамада маскулинизирует собственный образ посредством апелляции к серьезным вопросам, проблемам внутренней и внешней политики, экономики, терроризма, но в то же время представляет себя как человека творческого, умеющего совмещать реальный и вымышленный миры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гендерные стереотипы; прецедентные феномены; прецедентные имена; политический дискурс; коммуникативно-дискурсивное исследование гендера; феминистская лингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Пирожкова Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: irene22@live.ru.

Расширение области лингвистических исследований привело в 70-е гг. XX в. к развитию гендерного направления в изучении языка, которое позволяет полнее учитывать человеческий фактор в языке [Lakoff 1975; Tannen 1990 и др.].

Основы данного направления были заложены в рамках феминистской лингвистики, постулирующей подчиненное положение женского языка в обществе. Термин «гендер» при этом использовался для описания социальных, культурных, психологических аспектов «женского» в сравнении с «мужским». Язык был обвинен в андроцентричности, проявляющейся в «преобладании мужских форм в языке, вторичности и объектности женщин, совпадении во многих языках понятий „человек“ и „мужчина“, преобладании в обозначениях женщин негативных оценок» [Кирилина, Томская <http>]. По мнению Р. Лакоффа, речевое поведение женщины отличается неуверенностью, меньшей агрессивностью по сравнению с мужским, большей гуманностью и ориентированностью на своего партнера по коммуникации [Tannen 1990].

Эмпирическая проверка предположений, выдвигаемых последователями феминистской лингвистики, поставила под сомнение многие из них и привела к возникновению новых направлений в исследовании гендера: социолингвистического, лингвокультурологического, психолингвистического, коммуникативно-дискурсивного. В рамках данных направлений приводятся доказательства социальной природы гендерных различий,

активно изучаются гендерные аспекты вербального поведения, характерного для определенных культур или субкультур, выявляются закономерности и нормы, регулирующих речевые события, выявляются стереотипы фемининности и маскулинности, проявляющиеся в разных типах дискурса. Под фемининностью в данном случае понимаются формы поведения, ожидаемые от женщин в данном обществе. Маскулинность представляет собой комплекс настроений, характеристик поведения, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику той или иной группы, объединенной по признаку пола. Другими словами, маскулинность — это то, что добавлено к анатомии для получения мужской гендерной роли [Словарь гендерных терминов <http>].

В отечественном языкознании термин «гендер» был введен в середине 90-х гг., после знакомства российских лингвистов с работами зарубежных исследователей. Значительный вклад в развитие гендерных лингвистических исследований внесли Е. С. Гриценко, Е. И. Здравомыслова, А. В. Кирилина, О. В. Рябов, Т. Б. Рябова и др.

Понятие «гендер» используется в современной науке, чтобы провести границу между понятием «биологический пол» и социальными и культурными характеристиками, которые отличают мужчин от женщин [Витлицкая 2005: 17].

А. В. Кирилина понимает гендер как феномен, который отражает одновременно процесс и результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную

модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на определенном историческом этапе. Гендер акцентирует социально-культурную, а не природную доминанту пола [Кирилина 1999: 27]. Сегодня речь идет не о том, как пол влияет на коммуникативное поведение и использование языка, а о том, какими средствами располагает язык для конструирования гендерной идентичности, в каких коммуникативных ситуациях и типах дискурса и с какой интенсивностью совершается конструирование, какие экстра- и интралингвистические факторы влияют на этот процесс [Кирилина 2003: 12].

Лингвистическое исследование гендера предполагает изучение того, «(1) как говорят женщины и мужчины (т. е. различия мужского и женского языка, стратегии и тактики речевого поведения, гендерно-специфичный выбор единиц лексикона / синтаксических конструкций) и (2) как говорят о женщинах и мужчинах (репрезентации мужского и женского в номинативной системе языка, приписывание определенных оценок)» [Гриценко 2005: 78].

Для современной отечественной и зарубежной лингвистики особый интерес представляют особенности конструирования гендера в разных типах дискурса: художественном [Бакулин 2009; Паланчук 2008], рекламном [Витлицкая 2005; Томская 2002], массмедийном [Двинянинова, Морозова 2002; Кирилина 2000], спортивном [Трубченинова 2003], политическом [Гриценко 2005; Рябова <http>]. Анализу подвергаются морфологические, лексические, семантические, синтаксические особенности женского и мужского дискурсов или дискурса определенного типа, адресованного мужчинам или женщинам.

Для нашего исследования релевантными являются работы, связанные с выявлением гендерных особенностей прецедентных феноменов и, в частности, прецедентных имен. Под прецедентными феноменами понимают феномены, известные значительной части представителей национально-лингвокультурного сообщества; актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего национально-лингвокультурного сообщества. [Красных 2003; Нахимова 2007]. Прецедентные имена — индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к числу прецедентных (например, *Обломов*, *Тарас Бульба*), или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Иван Сусанин*, *Колумб*); имя-символ, указывающее на некоторую эталон-

ную совокупность определенных качеств (*Моцарт*, *Ломоносов*) [Гудков 2003: 108].

Наибольшее количество работ, в которых одним из аспектов изучения гендерных особенностей становится анализ ПФ, посвящено художественному дискурсу, что вполне закономерно, так как изучение феномена прецедентности началось именно с выявления типов и функций ПФ в художественных произведениях.

Н. В. Паланчук изучает гендерную концептосферу в дискурсе драматургов-елизаветинцев. Особая роль в репрезентации гендерных концептов отводится прецедентным именам. Анализ художественных произведений рассматриваемой эпохи выявил несколько гендерных особенностей использования прецедентных имен: апелляция посредством них к концепту «мужчина» более частотна и обладает большим метафорическим разнообразием; наиболее актуальными семантическими областями, актуализируемыми посредством мужского прецедентного имени, являются «черты характера», «род деятельности», «величие, высокое общественное положение», «внешность», «физическая сила», «подвиг, выполнение сложной работы»; женские прецедентные имена представлены в двух тематических группах: «красота» и «черты характера», мужские же представлены в тематических группах «война, военные действия», «клятвы», «неотвратимые события»; женские прецедентные имена представлены в группе «клятвы» [Паланчук 2008: 7—8].

М. А. Бакулин [Бакулин 2009] рассматривает использование феномена прецедентности для репрезентации гендерных стереотипов в современном «женском» детективном романе. Автор выявляет высокую гендерную стереотипизированность современной «женской» прозы, проявляющуюся в создании образов героев, обосновании мотивов их поведения, в построении сюжета. ПФ сферы-источника «Литература» оказались наиболее востребованными для создания женского образа в романе и отражают представления о женской глупости, увлечении модой, стремлении найти обеспеченного спутника жизни, о необычайной силе женской любви и др. В данной работе автор рассматривает ПФ не изолированно, а в контексте, так как, по справедливому замечанию Л. И. Гришаевой, «минимальной единицей анализа того, как дискурсивный фактор „гендер“ влияет на выбор языковых средств, должна быть не лексема, не группа слов, <...> не изолированный речевой акт, а дискурс и/или текст» [Гришаева 2004: 69].

Гендерные особенности ПФ выделяют также в дискурсе СМИ. Н. А. Шебалина вы-

являет различия в арсенале прецедентности в глянцевого журналах, ориентированных на мужскую и женскую аудиторию. В использовании прецедентных имен гендерно детерминированные особенности проявляются следующим образом: в материалах мужских журналов преобладают реальные прецедентные имена сферы-источника «Литература», в женских журналах более частотны вымышленные единицы той же сферы. В данном случае можно говорить о репрезентации гендерных стереотипов: женщина склонна к романтизации реальности, мужчина же реально воспринимает действительность [Шебалина 2006].

В рамках концептуального подхода к изучению произведений смеховых жанров Г. Г. Слышкин анализирует гендерные особенности анекдота путем количественного анализа концептов прецедентных личностей. В итоге имена политиков-мужчин оказались наиболее востребованными, что, по мнению автора, «отражает положение дел в общественной жизни: преобладание мужчин среды общественно-значимых фигур вызывает их значительное превалирование в анекдотах» [Слышкин 2004: 197]. В результате детального анализа прецедентных антропонимов и имен нарицательных с позиции их гендерной соотношенности автор констатирует андроцентризм (т. е. ориентированность на мужчину) в русском анекдоте [Там же: 207].

В последние годы возрастает интерес к изучению гендерного аспекта политического дискурса, что связано, во-первых, с увеличением числа женщин на важных политических постах в государстве, а во-вторых, с интересом ученых к тому, как проявляются черты фемининности в языке политики — сфере, которая традиционно считалась мужской.

Исследование прецедентности с учетом гендерных факторов в политическом дискурсе проводится редко. Интересным является сопоставительное исследование ПФ в предвыборном дискурсе Б. Обамы и Х. Клинтон, предпринятое О. А. Ворожцовой [Ворожцова 2009]. Автор проводит анализ ПФ по трем параметрам: сфере культурного знания, к которым принадлежат прецедентные феномены; национально-культурным основам происхождения прецедентных феноменов; трансформации прецедентных феноменов. Значительных отличий в использовании ПФ кандидатом — мужчиной и женщиной зафиксировано не было, что подтверждает тезис о слабо выраженной гендерной маркированности в жанре институционально организованного политического дискурса [Куницына 2011].

В данном исследовании мы проанализи-

руем прецедентные имена, принадлежащие дискурсам К. Райс и И. Хакамады, с целью выявления участия данных лингвистических единиц в проявлении гендерных стереотипов. В этой связи необходимо дать определение гендерным стереотипам.

Под гендерными стереотипами понимают упрощенные, схематизированные, эмоционально окрашенные, устойчивые образы мужчин и женщин, распространяемые обычно на всех представителей той или иной гендерной общности, независимо от личных особенностей тех или иных представителей [Кирова 2009: 139]. Гендерные стереотипы — «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [Слышкин 2002: 66]. Гендерные стереотипы редко поддаются коррекции, так как основаны на предубеждении, а не на рациональном знании [Словарь гендерных терминов [http](http://)], поэтому политикам особенно важно учитывать сложившиеся представления о фемининности и маскулинности при создании собственного образа.

Исследования содержания гендерных стереотипов в разных лингвокультурах проводились неоднократно и позволили составить ряд оппозиций, характеризующих мужественность и женственность. Женщине приписываются прежде всего качества, ассоциируемые с теплотой и экспрессивностью, а мужчине — с компетентностью и рациональностью. Гендерные стереотипы оказывают большое влияние на политический дискурс. «Власть коррелирует с такими атрибутами маскулинности, как сила, разум, воля, ответственность, активность. Женское же начало трактуется как бесформенная материя, природа, хаос, как необъятная, необузданная стихия, несущая опасность» [цит. по: Рябова [http](http://)].

Т. Б. Рябова приводит следующие гендерные стереотипы, задействованные в политическом дискурсе:

1. Политическая борьба часто представляется как состязание, «мужской разговор», поле битвы, что традиционно считается мужской прерогативой.

2. Корреляция маскулинности и фемининности соответственно с публичной и приватной сферами имеет следствием то, что мужчинам и женщинам отводятся альтернативные области экспертиз (первым — экономика, международная политика, сельское хозяйство, армия, в то время как вторым — образование, здравоохранение, социальные вопросы, охрана окружающей среды) [Рябова [http](http://)].

3. Качества, характеризующие когнитивную

сферу мужчины и женщины, полярны как по содержанию, так и по оценке. Логичность, рациональность, склонность к размышлению, быстрый ум, объективность, находчивость приписываются мужчине; иррациональность, нелогичность и даже глупость — женщине.

4. В эмоциональной сфере «мужскими» качествами считаются рациональность и хладнокровие; «женскими» — эмоциональность, восприимчивость, внушаемость, чувствительность, ранимость, истеричность, капризность [Рябова 2003].

Гендерный фактор активно проявляется в политическом дискурсе, гендерные символы, метафоры и ПФ позволяют политикам нужным образом позиционировать себя и своих противников. Маскулинизация «своих» и феминизация «чужих» — распространенный прием в политическом дискурсе, важное значение в котором имеет оперирование гендерными стереотипами, сложившимися в обществе.

Анализ прецедентных имен в дискурсе К. Райс подтвердил мнение Д. Таннен о том, что «женщины в политике находятся в двойственном положении. Они, с одной стороны, должны сохранять женственность в языке и поведении, чего требует их гендерная идентичность, а с другой — проявлять качества сильного руководителя, то есть принимать те модели поведения, которые неизбежно вступают в конфликт с представлениями о женственности» [Таннен 1990: 241].

Прецедентные имена, зафиксированные в дискурсе американского политика-женщины, структурируют политику как мужскую сферу и актуализируют следующие гендерные стереотипы.

1. Портрет идеального политика составляется преимущественно из маскулинных черт, таких как отвага, решительность, смелость и др. Большая часть прецедентных имен в дискурсе К. Райс принадлежит сферам-источникам «Политика», «Война», «Терроризм», «Экономика», «Спорт», которые традиционно считаются мужскими и создают образ сильного, активного и бескомпромиссного лидера.

The President has been very clear that the United States has a job to do in Iraq... (Interview of the National Security Advisor by KXAS-TV, Dallas, Texas, November 11, 2003)

But it is time to come to a conclusion that says to Saddam Hussein, it's time for you to disarm or to be disarmed (Remarks by National Security Advisor C. Rice in Press Availability, March 14, 2003).

Well, I knew nothing good would come of the Red Sox winning again and of the Patriots' near perfect season, though it's not over

yet, Nick (Announcement of Departure of Under Secretary of State for Political Affairs R. N. Burns, January 18, 2008).

2. Большую часть прецедентных имен сферы «Политика» составляют имена мужчин, что актуализирует стереотип о большей значимости мужчин в общественно-политической сфере. Отождествляя себя с ними или противопоставляя себя им, К. Райс подчеркивает свой профессионализм, причисляет себя к «своим парням».

We need the help of international community. One of the things I really agreed with is what Gordon England said, "This isn't an American problem. This is an international problem" (Press Roundtable, March 23, 2007).

I want to thank too those who have been so active in keeping the Marshall story alive (Remarks at the Dedication Ceremony of the George C. Marshall Conference Centre, October 26, 2007).

3. Все прецедентные имена сфер-источников «Литература», «Музыка» и «Кино» являются реальными: это имена писателей, композиторов и музыкантов, актеров и режиссеров. Считается, что апелляция к рациональному и реальному является типично мужским качеством.

You know, I'm tempted to say about the transatlantic relationship what I think Mark Twain apparently said about Wagner's music: "it's better than it sounds" (Dr. Rice Addresses War on Terror, Washington, August 19, 2004).

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что прецедентные имена институционального дискурса американского политика — женщины не содержат ярко выраженных гендерных маркеров, стереотипы, создаваемые с их помощью, концептуализируют сферу политики как мужскую; женщина-политик при этом следует сложившейся традиции и действует в первую очередь как профессионал.

Корпус прецедентных имен из дискурса И. Хакамады позволил выделить следующие актуализируемые ими гендерные стереотипы политического дискурса.

1. Большая часть прецедентных имен в институциональном дискурсе российского политика — женщины принадлежит сферам-источникам «Политика», «Война», «Терроризм», «Экономика», «Спорт», что можно рассматривать как попытку маскулинизации собственного образа посредством апелляции к сложившемуся стереотипу, что данные области относятся к типично мужской сфере деятельности.

Руками Рогозина Кремль убивал других оппонентов — руками „Родины“ убивалось много демократических партий, включая

СПС (Интервью Yoki.ru. 07.09.2007).

Да, был Гайдар, да, был Черномырдин, даже был Примаков при согласии с коммунистами. Был Кириенко. И ничего не поменялось. Поэтому вопрос не кто виноват, а что делать (Телеканал НТВ. «Свобода слова». 28.11.2003).

2. В дискурсе И. Хакамады зафиксированы прецедентные имена, принадлежащие сфере «Мода», что, на наш взгляд, является проявлением гендерных особенностей языка политика. При этом актуализируется стереотип о том, что мода относится к сфере интересов женщины. В приведенном ниже примере фемининность усиливается личной ориентацией высказывания на себя:

В свое время я купила в Вене вещь от Jean Paul Gaultier за 100 американских долларов (И. Хакамада о футболе, Тарантино, сексуальности и двух дорогах в большой политике. 01.12.2007).

3. В сфере «Литература», наряду с упоминанием реальных прецедентных имен, появляется значительное количество вымышленных прецедентных имен, что может говорить о проявлении стереотипа относительно увлечения женщин миром фантазий, далекий от реальности.

Я могу сказать, что в бизнесе работала, предприятия создавала реальные, в отличие от Хлестакова, в политике работала, преподавала, кандидат экономических наук... во всяком случае, все умею сама (Радиостанция «Эхо Москвы». 20.01.2004).

Фактически это книга о похождениях женщины в большой политике среди огромного количества мужчин, вроде как „Алиса в Стране чудес“ (Стенограмма пресс-конференции И. Хакамады в Екатеринбурге. 04.03.2006).

4. Упоминание собственного имени И. Хакамадой может быть квалифицировано как акцентированное, в определенной степени кокетливое выделение своей собственной персоны, свойственное женскому типу поведения.

Касьянова поддерживают потому, что он бывший премьер-министр, мужчина и так далее, а Хакамаду нет, никак («Я ушла не потому, что мне мешал Кремль». 24.01.2008).

Не нужны никакие Викторы Похмелкины и никакие Ирины Хакамады, и никакой политики. Вот пусть гражданское общество выйдет и заявит, как заявили пенсионеры, когда у них забрали льготы (После первая. Демократы вместе и врозь. Радио «Свобода». 03.05.2005).

5. Частое оперирование именами женщин-политиков подчеркивает важность «женского» голоса в сфере, которая традиционно

принадлежит мужчинам.

Но я ведь хотела бы заметить, что Тимошенко не является президентом на Украине, а президентом является добрый, пушистый, мягкий Ющенко (Может ли президентом России быть женщина? 21.11.2007).

И я даже в свое время сказала, что в Думе есть единственный мужчина — Галина Старовойтова (Первый канал. «Доброе утро». 20.11.2003).

Я готова стать русской Кондолизой Райс (74.ru. 19.01.2004).

Соответствие гендерным нормам и ожиданиям — важный аспект языкового конструирования имиджа политического лидера. Политику-женщине важно создать образ сильного руководителя, но при этом сохранить те женские черты, которые высоко ценятся в обществе. Как показал анализ прецедентных имен, принадлежащих дискурсу политика, с одной стороны, И. Хакамада маскулинизирует собственный образ посредством апелляции к серьезным вопросам, проблемам внутренней и внешней политики, экономики, терроризма, с другой — представляет себя как человека творческого, умеющего совмещать реальный и вымышленный миры.

Итак, исследователи признают гендер «плавающим» параметром, проявляющимся с неодинаковой интенсивностью вплоть до полного его исчезновения в ряде коммуникативных ситуаций [Кирилина 1999]. Представления о мужественности и женственности в социальной практике закрепляются в языке в виде стереотипов. Анализ прецедентных имен в институциональном дискурсе политических лидеров — женщин показал, что К. Райс и И. Хакамада склонны маскулинизировать собственный образ, используя ПИ традиционно мужских сфер деятельности «Политика», «Война», «Терроризм», «Экономика». Женские черты активнее проявляются в дискурсе И. Хакамады, политик оперирует ПИ женщин-политиков, акцентируя тем самым увеличение женского влияния в политике. Востребованными являются ПИ вымышленных литературных персонажей, модельеров, названия глянцевого журналов. Более активное проявление фемининных черт в дискурсе российского политика можно объяснить относительной свободой политического статуса И. Хакамады по сравнению с К. Райс. Пост госсекретаря США предполагает четкое следование установившимся традициям в политике, где главная роль по-прежнему принадлежит мужчинам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакулин М. А. Прецедентность как средство репрезентации гендерных стереотипов в современном «женском»

детективном романе // Университетская филология — образованию: регулятивная природа коммуникации : материалы Второй междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации» (Барнаул, 14—18 апр. 2009 г.) / под ред. Т. В. Чернышовой. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. Ч. 1. С. 14—19.

2. Витлицкая Е. В. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе (на материале англоязычных и русскоязычных текстов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Тамбов, 2005. 145 с.

3. Ворожцова О. А. Гендерные особенности предвыборного дискурса (на материале президентских выборов США 2008 года) // Политическая коммуникация : материалы Всерос. науч. школы для молодежи (Екатеринбург, 25 авг. — 8 окт. 2009) / Урал. гос. пед. ун-т ; гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2009. С. 22—24.

4. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — Н. Новгород, 2005. 404 с.

5. Гришаева Л. И. Гендерные стереотипы как текстообразующий фактор // Studies about languages. 2004. № 6. С. 62—71.

6. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.

7. Гуссейнова И. А. О некоторых формах представления гендерного аспекта в коммерческих дескриптивных рекламных текстах // Гендер как интрига познания : альманах. — М. : Рудомино, 2002. Пилотный вып. : Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. С. 57—66.

8. Двинянинова Г. С., Морозова И. С. Комплимент как коммуникативная стратегия и прагматическая тактика в англоязычном дискурсе (гендерный аспект) // Гендер: язык. Культура. Коммуникация : докл. Второй междунар. конф., Москва, 22—23 нояб. 2001 г. — М., 2002. С. 118—126.

9. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. — М. : Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. 189 с.

10. Кирилина А. В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания : сб. статей / сост. А. В. Кирилина. — М., 2000. С. 47—80.

11. Кирилина А. В. Некоторые итоги гендерных исследований в российской лингвистике // Гендер: язык, культура, коммуникация : материалы Третьей междунар. конф. (27—28 нояб. 2003, МГЛУ). — 2003. С. 12—13.

12. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования. URL: <http://www.strana-oz.ru/?article=1038&numid=23>.

13. Кирова А. Г. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Вестн. ТГПУ. 2009. Вып 8 (86). С. 138—140.

14. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М. : Гнозис, 2003. 375 с.

15. Куницына Е. В. Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты (на материале предвыборных речей Х. Клинтон и Б. Обамы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Ставрополь, 2011. 24 с.

16. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : моногр. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2007. 207 с.

17. Паланчук Н. В. Гендерная концептосфера в дискурсе драматургов-елизаветинцев : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Волгоград, 2008. 15 с.

18. Рябова Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. V, вып. 1—2 (15—16). С. 120—139. URL: <http://cens.iyanovo.ac.ru/publications/riabova-stereotipy.htm>.

19. Рябова Т. Б. Мужественность и женственность в политическом дискурсе современного российского общества. URL: <http://www.genderstudies.info/politol/5.php>.

20. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. URL: <http://www.owl.ru/gender/index.htm>.

21. Слышкин Г. Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации : альманах. — М., 2002. С. 66—73.

22. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — Волгоград, 2004. 327 с.

23. Томская М. В. Гендерная характеристика социальной рекламы (вербальные и невербальные компоненты) // Гендер: язык, культура, коммуникация : докл. Второй междунар. конф., Москва, 22—23 нояб. 2001 г. — М., 2002. С. 294—300.

24. Трубоченинова А. А. Механизмы актуализации гендерных стереотипов в газетном спортивном дискурсе (на материале немецкой прессы) // Гендер: язык, культура, коммуникация : материалы Третьей междунар. конф., Москва, 27—28 нояб. 2003 г. — М., 2003. С. 110—112.

25. Шебалина Н. А. Прецедентные феномены в материалах гендерно ориентированных изданий России // Вестн. ЮУрГУ. 2006. № 8 (63). С. 85—89.

26. Coates J. Women, Men and Language: A sociolinguistic account of gender differences in communication. — Harlow England ; New York : Longman, 2004. 254 p.

27. Lakoff R. Language and Women's Place. — New York : Harper and Row, 1975. 83 p.

28. Tannen D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. — New York : William Morrow, 1990. 319 p.

I. S. Pirozhkova
Ekaterinburg, Russia

PRECEDENT NAME AS A MEANS OF GENDER STEREOTYPES REPRESENTATION IN POLITICAL DISCOURSE OF C. RICE AND I. KHAKAMADA

ABSTRACT. *Linguistic study of gender implies the analysis of “male” and “female” features of language, typically male or female strategies and tactics of verbal behavior, representation of male and female features in nominative system of language and evaluation of certain phenomena by men and women. Gender aspect of political discourse is in the focus of many linguistic research works today. Such interest is caused by the growing number of women in politics and the linguists' interest to revealing feminine features of political language, the sphere which was traditionally associated with men. The paper analyzes precedent names found in political discourse of women-politicians C. Rice and I. Khakamada to reveal the role of precedent phenomena in gender stereotypes representation. Gender stereotypes are simplified, conceptualized and emotionally colored fixed images of all men and women in a certain gender community. Precedent names do not have vivid gender markers in the institutional political discourse of American politician; the stereotypes built with precedent names represent the political sphere as belonging to men. I. Khakamada appeals to serious questions of foreign and domestic policy, economy, terrorism, and thus builds masculine image. At the same time her image is that of a creative person capable of combining both real and imaginary worlds.*

KEYWORDS: *gender stereotypes; precedent phenomena; precedent name; political discourse; communicative-discursive study of gender; feminist linguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Pirozhkova Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Bakulin M. A. Precedentnost' kak sredstvo reprezentatsii gendernykh stereotipov v sovremennom «zhenskom» detektivnom romane // Universitetskaya filologiya — obrazovaniyu: regulativnaya priroda kommunikatsii : materialy Vtoroy mezhduнар. науч.-практ.

конф. «Kommunikativistika v sovremennom mire: regulativnaya priroda kommunikatsii» (Barnaul, 14—18 apr. 2009 g.) / pod red. T. V. Chernyshovoy. — Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. Ch. 1. S. 14—19.

2. Vitlitskaya E. V. Lingvisticheskaya reprezentatsiya gendernykh stereotipov v reklame (na materiale angloyazychnykh i rus-

- skoyazychnykh tekstov) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. — Tambov, 2005. 145 s.
3. Vorozhtsova O. A. Gendernye osobennosti predvybornogo diskursa (na materiale prezidentskikh vyborov SShA 2008 goda) // Politicheskaya kommunikatsiya : materialy Vseros. nauch. shkoly dlya molodezhi (Ekaterinburg, 25 avg. — 8 okt. 2009) / Ural. gos. ped. un-t ; gl. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2009. S. 22—24.
 4. Gritsenko E. S. Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. — N. Novgorod, 2005. 404 s.
 5. Grishaeva L. I. Gendernye stereotipy kak tekstoobrazuyushchiy faktor // Studies about languages. 2004. № 6. S. 62—71.
 6. Gudkov D. B. Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii. — M. : ITDGK «Gnozis», 2003. 288 s.
 7. Gusseyanova I. A. O nekotorykh formakh predstavleniya gendernogo aspekta v kommercheskikh deskriptivnykh reklamnykh tekstakh // Gender kak intriga poznaniya : al'manakh. — M. : Rudomino, 2002. Pilotnyy vyp. : Gendernye issledovaniya v lingvistike, literaturovedenii i teorii kommunikatsii. S. 57—66.
 8. Dvinyaninova G. S., Morozova I. S. Kompliment kak komunikativnaya strategiya i pragmaticheskaya taktika v angloyazychnom diskurse (gendernyy aspekt) // Gender: yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya : dokl. Vtoroy mezhdunar. konf., Moskva, 22—23 noyab. 2001 g. — M., 2002. S. 118—126.
 9. Kirilina A. V. Gender: lingvisticheskie aspekty. — M. : Izd-vo «Institut sotsiologii RAN», 1999. 189 s.
 10. Kirilina A. V. Gendernye aspekty massovoy kommunikatsii // Gender kak intriga poznaniya : sb. statey / sost. A. V. Kirilina. — M., 2000. S. 47—80.
 11. Kirilina A. V. Nekotorye itogi gendernykh issledovaniy v rossiyskoy lingvistike // Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya : materialy Tret'ey mezhdunar. konf. (27—28 noyab. 2003, MGLU). — 2003. S. 12—13.
 12. Kirilina A. V., Tomskaya M. V. Lingvisticheskie gendernye issledovaniya. URL: <http://www.strana-oz.ru/?article=1038&numid=23>.
 13. Kirova A. G. Razvitie gendernykh issledovaniy v lingvistike // Vestn. TGPU. 2009. Vyp 8 (86). S. 138—140.
 14. Krasnykh V. V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? — M. : Gnozis, 2003. 375 s.
 15. Kunitsyna E. V. Gendernaya markirovannost' politicheskogo diskursa: yazykovoy i rechevoy aspekty (na materiale predvybornykh rechey Kh. Klinton i B. Obamy) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. — Stavropol', 2011. 24 s.
 16. Nakhimova E. A. Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii : monogr. / GOU VPO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2007. 207 s.
 17. Palanchuk N. V. Gendernaya kontseptosfera v disurse dramaturgov-elizavetintsev : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. — Volgograd, 2008. 15 s.
 18. Ryabova T. B. Stereotipy i stereotipizatsiya kak problema gendernykh issledovaniy // Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo. 2003. T. V, vyp. 1—2 (15—16). S. 120—139. URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova-stereotipy.htm>.
 19. Ryabova T. B. Muzhestvennost' i zhenstvennost' v politicheskom diskurse sovremennogo rossiyskogo obshchestva. URL: <http://www.genderstudies.info/politol/5.php>.
 20. Slovar' gendernykh terminov / pod red. A. A. Denisovoy. URL: <http://www.owl.ru/gender/index.htm>.
 21. Slyshkin G. G. Gendernaya kontseptosfera sovremennogo russkogo anekdota // Gender kak intriga poznaniya: gendernye issledovaniya v lingvistike, literaturovedenii i teorii kommunikatsii : al'manakh. — M., 2002. S. 66—73.
 22. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. — Volgograd, 2004. 327 s.
 23. Tomskaya M. V. Gendernaya kharakteristika sotsial'noy reklamy (verbal'nye i neverbal'nye komponenty) // Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya : dokl. Vtoroy mezhdunar. konf., Moskva, 22—23 noyab. 2001 g. — M., 2002. S. 294—300.
 24. Trubcheninova A. A. Mekhanizmy aktualizatsii gendernykh stereotipov v gazetnom sportivnom diskurse (na materiale nemetskoj pressy) // Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya : materialy Tret'ey mezhdunar. konf., Moskva, 27—28 noyab. 2003 g. — M., 2003. S. 110—112.
 25. Shebalina N. A. Pretsedentnye fenomeny v materialakh genderno orientirovannykh izdaniy Rossii // Vestn. YuUrGU. 2006. № 8 (63). S. 85—89.
 26. Coates J. Women, Men and Language: A sociolinguistic account of gender differences in communication. — Harlow England ; New York : Longman, 2004. 254 p.
 27. Lakoff R. Language and Women's Place. — New York : Harper and Row, 1975. 83 p.
 28. Tannen D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. — New York : William Morrow, 1990. 319 p.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Н. А. Сегал, Ю. С. Коротких
Симферополь, Россия

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ОРОНИМА ОЛИМП
В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМИ**

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются языковые особенности реализации прецедентного оронима «Олимп» в массмедийных политических текстах. Источником анализируемого материала послужили русскоязычные тексты, отражающие разные политические взгляды и идеологические установки, дающие возможность представить объективную картину мира политических событий. С целью описания коммуникативно-прагматического содержания политического текста в данном исследовании предлагается семантико-грамматическая классификация конструкций с ключевым компонентом «Олимп», выявляются особенности языковой реализации данной единицы с учетом прагматических установок авторов текстов. В политических текстах Олимп является локусом, где происходят различные события. В контекстах выявляется организация так называемого «политического праздника». Ряд контекстов организуется с помощью адъективов с локативной семантикой, которые относят Олимп к определенному региону или государству. Достаточно объемный глагольный ряд, вербализующий динамические отношения в политическом тексте, причем более частотна лексика, описывающая продвижение вверх. Нередко подъем вверх характеризуется сложностью, низкой скоростью, возможным преодолением препятствий. Передвижение вверх характеризуется положительно, передвижение вниз — отрицательно. В статье утверждается, что изменение семантики языковой единицы «Олимп» происходит не только на денотативном, но и на коннотативном, прагматическом уровне, где прецедентный ороним «Олимп» приобретает новые семантические признаки. Комплексное описание данной единицы позволяет конструировать фрагмент политической картины мира, представленный прецедентной единицей «Олимп».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прецедентные оронимы; политические тексты; СМИ; язык СМИ; средства массовой информации; медиадискурс; политический дискурс; прецедентные феномены; политическая метафорология, политические метафоры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Сегал Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Вернадского, 2; e-mail: natasha-segal@mail.ru.

Коротких Юлия Сергеевна, студентка 3-го курса факультета славянской филологии и журналистики, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Вернадского, 2; e-mail: juliakorotkih23@gmail.com.

Современная политическая лингвистика характеризуется возникновением новых объектов исследования, участвующих в формировании политической картины мира. Так, изучение общественно-политической лексики, привлекавшее внимание лингвистов в конце XX — начале XXI в., уступает место изучению политических метафор и других единиц, реализующихся на уровне вторичной номинации.

Целью данной статьи является описание языковых особенностей реализации прецедентного оронима **Олимп** в текстах политических СМИ.

Прецедентные единицы со сферой-источником «Мифология» активно функционируют в текстах политических СМИ. Обращаясь к аудитории посредством подобных единиц, авторы воздействуют на сознание читателя, апеллируя к культурно значимой информации, которая эксплицирует как систему ценностей современного общества, так и индивидуальную систему ценностей отдельных политических субъектов.

Исследование показало, что одним из наиболее активных аксиологически ориентированных феноменов является образ *горы*, представленный как языковой единицей *гора*, так и частными ее вербализаторами — национально ориентированными собственными именами, несущими в политических текстах культурный и прагматический потенциал.

Особенность вертикального членения мира в древней мифопоэтической традиции состоит в том, что в результате наложения оппозиции *верх/низ* возникает трехчленная структура мира: верхний мир (небо, где живут боги), средний мир (земля, где живут люди) и inferнальный мир (ад). Мифопоэтическая традиция изображает мир преимущественно по вертикали. Как правило, мироздание предстает членимым на несколько уровней; в этой связи оппозиция верхнего и нижнего является универсальной. Отмечается, что данная оппозиция трактуется как противопоставление неба и земли, вершины и корней мирового древа [Колесов 2006].

В славянской мифопоэтической традиции оппозиция *верх/низ* является важной для описания структуры Вселенной. Более высокий уровень наделяется характеристикой доминирования по отношению к нижестоящему. Так, *верх* всегда сакрален, он связан с такими понятиями, как Мировая Гора, Мировой Столп, Мировое Древо; олицетворяет защиту, рождение, единство пространства и времени. *Низ* является мирской стороной, связанной со злом, болезнями, женским (слабым) началом и другими отрицательными качествами. Кроме вертикальной асимметрии человеческого тела и мифопоэтических представлений, в основе вертикального членения мира, по убеждению Э. Кассирера, лежит направление гра-

витации, чувственно воспринимаемое человеком организмом (предметы падают вниз и т. д.) [Cassirer 1996: 207]. Символика вертикальной структуры *пространства* наиболее наглядно выявляется в образе мирового древа, функцией которого является соединение различных уровней мироздания.

По мнению ученых, особая значимость вертикальной оси обусловлена вертикальным строением человека, поскольку именно его тело становится основой структуризации пространства (Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, О. П. Ермакова, А. А. Зализняк, И. М. Кобозева, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, Е. А. Селиванова, Ю. С. Степанов, А. Д. Шмелев, Г. М. Яворская и др.).

Чувственное и рациональное в пространстве человека необходимо рассматривать в их сложном взаимодействии, что определяет глубину содержания ключевых понятийных категорий, особенности их чувственно-образного восприятия и когнитивной интерпретации. Образный компонент в семантике языковых единиц вертикального вектора является более сложным по степени восприятия вторичных пространственных ориентиров. На наш взгляд, это обусловлено тем, что горизонталь представляет собой рациональный уровень: человек передвигается, ориентируясь именно в горизонтальной плоскости. Перемещение в горизонтальном пространстве связано с выбором верного направления, четким ориентированием, изменением маршрута при наличии препятствий. Категоризация пространства в вертикальной плоскости строится при помощи оппозиции *верх/низ* на чувственном уровне, с выявлением образных компонентов. В славянской мифопоэтической картине мира *гора* играла важную роль и интерпретировалась неоднозначно. По наблюдениям Е. В. Левкиевской, *гора* представляет собой вертикаль, связывающую *верх* и *низ*. Именно отнесение горы одновременно кверху (сакральному миру) и низу (мирской стороне) определяет двойственность представлений о горе, с одной стороны, как о чистом, с другой — как о демоническом локусе [Левкиевская 1999].

Обратимся к этимологическому описанию. Связь *горы* с небом отражена в лексике (ц.-слав. *гора* — «верх», горний — «небесный») и ритуальной практике. В славянской языковой картине мира «переселиться в горня» означало «умереть, отойти к Богу» [Афанасьев 1995]. У славян существовало предание о том, что души умерших должны взбираться на крутую, неприступную гору, что еще раз подчеркивает значимость гор для наивной картины мира.

Горы — предпочтительные места для отправления культовых обрядов; в горах часто располагаются алтари, святилища, храмы, религиозные символы. В горах проповедниками обретается откровение. В христианской традиции наиболее известным в этом контексте является библейский сюжет о получении Моисеем скрижалей Завета на горе Синай. Русские летописи сообщают о поклонении славян языческим божествам на горах. На чествование холмов и гор указывают сохранившиеся эпитеты «святые» и «поклонные» горы. В русских заговорах *гора*, с одной стороны, место, где находятся Бог, Христос, Богородица, а с другой — место, связанное с нечистью.

Священная гора в различных традициях рассматривается как центр мира и представляет мировую ось. *Гора* становится местом, где сходятся небо и земля. Так, согласно индийской мифологии, в центре мира стоит гора Меру, окруженная мировым океаном; вокруг нее вращаются солнце, луна и звезды. В китайской традиции существовали представления о горе Куньлунь, соединявшей небо и землю, на которой располагался нижний дворец повелителя Неба Шанди. Название горы Табор в Палестине происходит от слова со значением «пуп». У восточных христиан Голгофа считается расположенной в центре мира.

Значимость образа мировой горы в религиозной традиции обусловила его использование в качестве модели в жилом и храмовом строительстве. Так, остроконечные шатры различных кочевых народов, буддийский и месопотамские храмы имеют своим прообразом очертания горы. По замечанию В. Н. Топорова, мифологические функции *горы* многообразны: *гора* выступает в качестве наиболее распространенного варианта трансформации мирового древа; часто воспринимается как образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства. *Гора* находится в центре мира — там, где проходит его ось. Продолжение мировой оси вверх (через вершину горы) указывает положение Полярной звезды, а ее продолжение вниз показывает место, где находится вход в нижний мир, в преисподнюю [Топоров 1980: 311—315].

Две связанные друг с другом мифологемы — *гора — небо* и *гора — нижний мир* — объясняют многие мифологические параллели и большое количество мифов различных культур. Так, например, *гора* как местопребывание богов издревле является одним из устойчивых мифологических мотивов. В. Н. Топоров подчеркивает еще одну сим-

волическую особенность *горы*: «...если божественные персонажи связаны с вершиной горы, то отрицательные персонажи (злые духи, разного рода подземные гномы, поверженные чудовища, змеи, драконы, титаны, принадлежащие к поколению, которое старше богов) обычно связаны с низом горы и даже с ее внутренностью, уходящей в подземное царство» [Топоров 1980: 311—315]. Для воссоздания образа *горы* на материале фольклорных текстов важными являются сказочные образы. В. Я. Пропп отмечает, что, исследуя сказку, мы ищем основы сказочных образов и сюжетов в реальной действительности прошлого. Мы устанавливаем связь с явлениями, описанными в сказке, и представлениями народа о реальности, окружавшей его. Композиция сказки всегда строится на пространственном перемещении героя. Данный тезис подтверждает тот факт, что во всех типах сказок либо злодей уносит персонажа «за высокие горы», либо герой самостоятельно мчится «по горам, по долам». Так подчеркивается большая скорость перемещения в пространстве и огромные расстояния, которые приходится преодолевать герою [Пропп 2000].

Гора в сказках — это граница, преграда, «другое» царство. В волшебных сказках горы могут быть отдельным царством или же царство может стоять на горах. Такие сюжеты, по замечанию исследователей, являются отражением славянской традиции возводить города на холмах и возвышенностях, удобных для обзора местности, неприступных для врагов. Крутые горы, в которых находятся пленники, по представлениям славян, являются почти потусторонним миром, вход в который отыскать непросто. Если же горы в сказке являются царством, то владеет им злая сила. Как правило, в таких горах герой находит богатства или источники с живой и мертвой водой. Когда горы выступают в роли преграды, герой должен либо подняться на гору, либо пройти сквозь нее. Иногда же наоборот, спасаясь от преследования, герой бросает какой-то предмет, из которого возникают горы.

В культурных традициях западнославянских народов в горах находится дракон, который вредит людям, и спящее войско, готовое выйти на бой при наступающей опасности. Гора является пространством любви и смерти, домом солнца и его матери [Bartmińska, Ważkowska, Czyży 1999: 86].

Глубокая мифологическая основа ключевой единицы *гора*, разноплановость ее интерпретаций в различных культурных традициях определяет возможность создания новых символических значений. Значимость

данного образа в политическом дискурсе является бесспорной, поскольку человеку свойственно метафорически ассоциировать власть с верхом, а негативные аспекты политической жизни с низом, что соответствует теории ориентационных метафор Дж. Лаккоффа и М. Джонсона [Lakoff 1993].

Как показал анализ политических текстов, метафорический образ *горы* реализуется в следующих сферах-источниках: *мифология* (Олимп, Парнас), *Библия* (Афон, Голгофа), *реальная действительность* (Эверест, Эльбрус, Говерла). В данной статье представлено описание одного из наиболее ярких экспликаторов образа горы — прецедентного оронима *Олимп*.

Олимп как гора является реалией не только античной, но и современной Греции. Однако в языковое сознание современного носителя русской культуры данный феномен входит именно как мифологический образ, что подтверждается широким рядом примеров, рассмотренных ниже.

В «Словаре греческой мифологии» *Олимп* (греч. Ολύμπτος [ˈolimbɔs], Олимбос) определяется как «самый высокий горный массив в Греции (2917 м). Гора расположена в Фессалии. В древнегреческой мифологии *Олимп* — священная гора, место пребывания богов во главе с Зевсом. Греческих богов именуют „олимпийцами“. На Олимпе находился город-святилище македонян — Дион, город Зевса» [Пигулевская 2008: 167; Кун 1998: 13—15]. Опираясь на этимологические источники, А. В. Хмара выделяет различные точки зрения относительно происхождения номинации *Олимп*: 1. Считается, что лексема *Олимп* произошла от греческого слова *Лампа* (λάμπω), потому что в нем прослеживается определенная фонетическая и смысловая взаимосвязь со словом *Олимп*. В греческом языке данным словом обозначается предмет, основное назначение которого светить, освещать. Поскольку гора *Олимп* характеризовалась как место пребывания богов, она являлась священной. 2. Вторым языком-источником слова *Олимп* является санскрит, где также есть ряд слов, имеющих определенную фонетическую и смысловую связь с данным словом. Среди прочих А. В. Хмара выделяет следующие: *ālamb* (висеть, держаться за что-либо, опираться на что-либо; держать, основываться на чем-л.) и *ālamba* (свисающий; поддержка, опора). Данные слова, по убеждению исследователя, не только созвучны слову *Олимп*, но и сходны с ним по семантике (согласно верованиям древних греков, *Олимп* — это опора, на которой держится огромное пространство, заполненное миром божеств).

3. Вполне вероятной исследователю представляется связь этимологии лексемы *Олимп* с названием горной системы — Гималаи. В номинации греческой горы может содержаться та же основа, что и в топониме *Гималаи*. В санскритском языке есть слово *himaalaya*, образованное от слияния двух слов: *hima* + *aalaya*. Первое из них (*hima*) на русский язык переводится как «зима» (холод), а второе (*aalaya*) — дом, жилище, местожительство. В целом же словосочетание *himaalaya* переводится как «обитель холода» или «обитель зимы». Именно этим словом, *himaalaya*, обозначается высочайшая горная система мира — Гималаи. Не случайно одной из ее характеристик является эпитет «Властитель гор» [Хмара 2010].

В «Толковом словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой выделяются два значения лексемы *Олимп*: «1. В древнегреческой мифологии: гора, на которой обитали боги, а также собрание богов. 2. Перен. Избранная верхушка какого-нибудь общества (книжн.)» [Ожегов, Шведова 2006: 452]. В политических текстах, как показал анализ, словарное значение расширяется и насыщается новыми коннотативными смыслами.

В ходе проведения контекстного анализа прецедентного оронима *Олимп* нами была построена семантико-грамматическая классификация, которая в соответствии с частеречной принадлежностью стержневого компонента включает именные и глагольные группы. Обратимся к их характеристике.

Компонентами именных сочетаний, как правило, являются языковые единицы, номинирующие субъектов. Такие субъекты могут быть эксплицированы как именами собственными (*Политический Олимп Путина* (arminfo.info. 15.04.2015)), так и именами нарицательными, имеющими конкретное или собирательное значение. В текстах политических СМИ реализация данного типа языковых единиц происходит посредством следующих лексем: *жители, долгожители, деятели, персоны* и др.

При реализации в политических текстах ядерным компонентом лексемы *долгожители* является не сема 'возраст', выделяемая в денотативном значении, а сема 'опыт': *...по результатам опроса достаточно молодая Партия местного самоуправления обошла таких долгожителей политического Олимпа Украины, как „Оппозиционный блок“, „Демальянс“, „Правый сектор“, „УДАР“, „Народный фронт“* (news.meta.ua. 24.07.2015). Лексема *властитель*, имеющая в словарной интерпретации нейтральную окраску, в политических

контекстах приобретает резко негативную коннотацию и иронический оттенок: *Для простых смертных властители закарпатского политического Олимпа — сплошная загадка* (news.meta.ua. 09.12.2015).

Ряд контекстов обращает внимание на гендерную принадлежность субъектов-политиков, характеризуя как любых политиков женского пола (*Женский путь на политический Олимп* (idelo.ru. 15.02.2015)), так и конкретных политических деятелей. Образ Ангелы Меркель (одного из наиболее видных мировых политиков) эксплицируется через расширенную метафору, включающую гендерные маркеры: *Железный канцлер в юбке, похоже, ржавеет. То, как западные журналисты называют положение в Старом Свете после терактов в Бельгии, Франции и Германии, заметно пошатнуло позиции Ангелы Меркель на политическом Олимпе* (ren.tv. 26.07.2016).

Контекстный анализ показал, что атрибутика женщины-политика является неким символом, закрепленным в сознании граждан того или иного государства: *Спецкор „КП“ Галина Сапожникова побывала в Киевском суде, где идет процесс над Юлией Тимошенко, и поняла: „женщина с косой“ сама захотела в камеру, чтобы вернуться на политический Олимп* (www.nnov.kp.ru. 10.08.2011).

Интересно отметить тот факт, что в текстах политических СМИ не были выявлены мужские характеристики. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что женщина-политик на сегодняшний день в политическом мире является нечастым явлением и привлекает большое внимание участников политической коммуникации.

В политических текстах *Олимп* является локусом, где происходят различные события. В контекстах выявляется организация так называемого «политического праздника». В лексикографической интерпретации лексема «праздник» в первом значении имеет следующую интерпретацию: «1. День торжества, установленный в честь или в память кого-чего-н.» [Ожегов, Шведова 2006: 578]. Сочетаясь с адъективом «политический», данная единица актуализирует компоненты 'проблемы', 'сложности', не свойственные денотативной интерпретации: *Юлия Тимошенко обеспечит праздник на политическом Олимпе* (news.meta.ua. 01.04.2016). В контекстах отмечается, что праздник на политическом Олимпе характеризуется непродолжительностью: *Недолгий праздник на Олимпе местного значения* (www.ng.ru. 25.10.2011).

Весьма активно в политическом тексте реализуется конструкция «игра на политиче-

ском Олимпе». Лексема *игра*, определяемая в словарных источниках в первых двух значениях как «действие по глаголу 'играть'» и «занятие, служащее для развлечения, отдыха, спортивного соревнования» [Ожегов, Шведова 2006: 235], в политических контекстах интерпретируется как с мейоративной, так и с пейоративной коннотацией и приобретает новые компоненты значения. Так, при реализации в мейоративном значении наблюдается расширение синтагматического ряда посредством адъективов с конструктивной семантикой. Лексема «умелый» (в словарной дефиниции — «обладающий умением, обнаруживающий умение, искусный» [Ожегов, Шведова: 832]) определяет позитивный коннотативный фон и указывает на успешный результат: *Грядущий успех — лишь начало в созвездии побед днепропетровского магната: умелая игра на политическом Олимпе может повлечь за собой неприлично затяжную серию успехов* (www.imperyanews.ru. 12.06.2016). Пейоративное значение актуализируется указанием как на невозможность вести политическую игру, так и на заведомый проигрыш: *Для самостоятельной политической игры у зеленых по-прежнему нет ни ресурсов, ни повестки* (mkset.ru. 25.05.2015). Образ политической игры в контекстах может быть реализован и через участвующих в ней игроков — субъектов политики: *Как опытный игрок и долгожитель российского политического Олимпа, он [А. Чубайс] должен прекрасно понимать, что кресло председателя правления РАО „ЕЭС России“ не отвечает ни по устойчивости, ни по профессиональным требованиям его амбициям* (www.ng.ru. 15.09.2012).

Политический текст эмоционально насыщен, что подтверждается высокой частотностью лексем, имеющих негативную оценку уже на уровне лексикографического описания: *на собственном европейском Олимпе все больше зреет раздражение Украиной* (politrussia.com. 12.11.2014); *Кризис на политическом Олимпе* (news.meta.ua. 05.04.2016).

Ряд контекстов организуется с помощью адъективов с локативной семантикой, которые относят *Олимп* к определенному региону или государству: *Российский политический Олимп!* (www.ard-center.ru. 05.10.2011); *все бывшие и нынешние ставленники политика встретились на крымском Олимпе* (24daily.net. 08.03.2014). Другим типом адъективов являются лексемы, относящиеся к сфере «политика»: *Ни для кого не секрет, что многие граждане США не поддерживают деятельность и не разделяют взгляды Клинтон, что, однако, не мешает*

ей двигаться дальше к своей цели, штурмом брать президентский Олимп и претендовать на кресло главы правительства на следующих выборах (КП. 05.03.2014).

Глагольные сочетания, эксплицирующие в политических текстах образ *Олимпа*, являются сложными по структуре и характеризуются наличием коннотации. Наиболее активно в контекстах используются статические и динамические глаголы, апеллирующие к нахождению на вершине *Олимпа* или движению к его вершине.

Статические глаголы представлены прежде всего лексемами с ключевым локативным компонентом. Так, при функционировании глаголов *быть*, *находиться* реализуется сема *место*, а вершина *Олимпа* определяется как цель, достижение которой сопряжено с получением власти и широких полномочий: *Сейчас под люстрацию попали те, кто как раз и отстаивал для него и его команды право находиться на вершине украинского политического Олимпа, откуда беспрепятственно можно управлять страной на свой лад* (set-info.ru. 22.10.2014). Как показывают контексты, большие возможности, которые получает субъект, находящийся на вершине *Олимпа*, характеризуют его как пассивного созерцателя, далекого от реальных проблем общества: *Одно дело — сидеть где-то там на Олимпе и сверху поглядывать, чего происходит, а другое дело — непосредственно, напрямую работать с людьми, чувствовать, что происходит, и нести, самое главное, ответственность за свои слова и дела* (oko-planet.su. 08.04.2016).

Глагольный ряд, вербализующий динамические отношения в политическом тексте, представлен конструкциями *идти в ...*, *подниматься на ...*, *добираться до ...*, *двигаться к ... / по ...*, *лезть на ...*, *карабкаться на ...*, *ползти в/на ...*, *тащиться в/на ...*, *тянуться ...*, *мчаться ...*, *нестись с ...*, *катиться с ...* и др. — всего более 20 единиц. Показательно, что глагольная лексика, описывающая продвижение вверх, в политическом тексте является более частотной. Нередко подъем вверх характеризуется сложностью, низкой скоростью, возможным преодолением препятствий. Данные характеристики очевидны при анализе словарных определений некоторых из рассматриваемых лексем (*карабкаться* — 'взлезть, взобраться с трудом, цепляясь руками и ногами'; *лезть* — 'разг.-сниж. Карабкаясь, цепляясь, проникать внутрь чего-л.'; *ползти* — 'разг. Медленно передвигаться, перемещаться'; *тащиться* — 'перен. разг. Идти медленно, с

трудом, еле переставляя ноги, плестись'; *тянуться* — 'перен. Волочиться, тащиться, двигаться вслед за кем-л., чем-л.').

Отметим, что при интерпретации пространственной семантики языковой единицы *Олимп* возможными являются лишь два направления: вверх и вниз. Как показал анализ, реализация семы *место* в политическом тексте не имеет закрепленной коннотации: грамматические формы не определяют оценку той или иной ситуации. С другой стороны, наличие активного субъекта при динамическом глаголе всегда предполагает оценочность: передвижение вверх характеризуется положительно, передвижение вниз — отрицательно.

Наведенные семы способствуют реализации метафорических значений в коммуникативном пространстве текста. В ядре языковой единицы *гора* в политическом тексте находятся денотативные семы 'направление', 'движение', 'место', 'цель'.

Периферия неоднородна и представляет собой ближнюю периферию, состоящую из семантических компонентов 'интенсивность', 'сложность', 'расстояние', 'настойчивость', 'власть', 'результат', 'воля', и дальнюю, в которую входят семы 'улучшение', 'ситуации', 'ухудшение', 'ситуации', 'препятствие', 'опасность', 'доступность'.

В соответствии с современными лингвистическими теориями разграничение ядра, ближней и дальней периферии лексического значения проводится в работе на основе следующих критериев: 1) ядро составляют семантические признаки с высокой частотностью, стилистически нейтральные, без эмоционально-экспрессивных и временных ограничений, в минимальной степени зависящие от контекста; 2) семантические компоненты, относящиеся к ближней периферии, характеризующиеся низкой частотностью и факультативностью реализации; 3) в дальнюю периферию входят семантические компоненты, обладающие низкой частотностью, факультативностью реализации и, как правило, характеризующиеся стилистическими и эмоционально-экспрессивными ограничениями (см. работы И. В. Арнольд, Ю. Н. Караулова, Л. А. Новикова, З. Д. Поповой, И. А. Стернина). Семантические компоненты, входящие в ближнюю и дальнюю периферию, несомненно, участвуют в формировании образа *Олимпа* в политическом тексте. Важно отметить, что в политических контекстах с ключевым словом *гора* семантические компоненты 'направление' и 'движение' всегда реализуются одновременно. Данный факт, на наш взгляд, обуславливается тем, что в ядре языковой единицы *Олимп*,

объективирующей *верх* пространственной вертикали, при ее реализации в политическом тексте актуализируется семантический компонент 'цель'. *Эксперты: достичь финансового Олимпа с „Пантеон-Финанс“ возможно* (www.vinnitsa.info. 07.02.2014).

Восхождение на политический *Олимп* сопряжено с трудностями, что реализуется в контекстах коннотативно маркированными глаголами *карабкаться*, *взбираться* и их контекстным окружением: *В силу политической ситуации конца 90-х годов только в сегодняшней Украине XXI века, обдирая ногти, многие политики могут вскарабкаться на политический Олимп* (news.meta.ua. 22.10.2015); *...те из политиков, кто сумел взобраться на Олимп, вызывают у коллег зависть и раздражение* (politrussia.com. 28.04.2015). Не менее ярко образность проявляется в конструкциях, построенных на основе фразеологизмов. Фразеологизм *тащить за уши*, имеющий значение «всеми возможными средствами, способами помогать, обычно малоспособному, ленивому человеку» [Фразеологический словарь русского языка 2007: 305], указывает на трудный путь к *Олимпу*, пройти который можно только с помощью более сильных субъектов: *...многих политиков буквально за уши тянули и тащили на вершину политического Олимпа Веймарской республики* (ruskline.ru. 30.07.2015).

Ключевая единица *Олимп* не только функционирует в политическом тексте с семантикой *верха*, но и организует политические контексты с семантикой *низа*. Реализация данного образа происходит с помощью однонаправленных глаголов несовершенного вида *спускаться*, *катиться*, *скатываться*, *падать*, зафиксированных в свободных и связанных конструкциях.

При экспликации семантики *низа* характерна устойчивая пейоративная коннотация, что обусловлено отдалением от цели (вершины *Олимпа*): *Для США настало время спуститься с Олимпа* (inosmi.ru. 27.06.2008). Движение вниз происходит, как правило, более интенсивно: словосочетание *спускаться с Олимпа* имеет пейоративную коннотацию слабой степени интенсивности и характеризует целенаправленное движение вниз активного субъекта; в словосочетаниях *катиться с Олимпа / скатываться с Олимпа* наблюдается более интенсивная пейоративная коннотация, связанная с актуализацией семантических компонентов *безысходность*, *бесперспективность*. На наш взгляд, актуализация данных компонентов характеризуется отсутствием четко обозначенной цели и несогласованностью действий со стороны

политических субъектов: **США начал ка-
таться с вершины Олимпа. Китай пой-
дет и дальше, ибо у него огромные воз-
можности развития, у США их нет!**
(kuban.ru. 07.12.2014).

Таким образом, в современном полити-
ческом дискурсе происходит актуализация
вторичной номинации, благодаря чему в
языковой картине мира формируются новые
образы, значения, знаки. Одним из наиболее
значимых феноменов, реализующим в поли-
тическом тексте образные значения, являет-
ся прецедентная единица. Исследование
показало, что в контекстах прецедентные
единицы со сферой-источником «Мифоло-
гия» являются весьма активными и могут
быть реализованы как текстовыми фрагмен-
тами, так и отдельными номинациями. Об-
зор массмедийных текстов позволяет сде-
лать вывод, что в политической коммуника-
ции ороним *Олимп* характеризуется слож-
ностью семантической структуры и особен-
ностями семного варьирования. В контекстах
данная единица расширяет свой синтагма-
тический потенциал, закрепленный в лекси-
кографических источниках, и приобретает
новые коннотативные смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на при-
роду: опыт сравнительного изучения славянских преданий и
верований в связи с мифическими сказаниями других род-
ственных народов : в 3 т. — М. : Современный писатель,
1995. Т. 1. 414 с.

N. A. Segal, Y. S. Korotkih
Simferopol, Russia

LINGUISTIC FEATURES OF THE USE OF PRECEDENT ORONYM *OLYMPUS* IN POLITICAL MEDIA TEXTS

ABSTRACT. *The paper discusses the linguistic features of the use of precedent oronym "Olympus" in mass media political texts. The material for this research are texts in Russian that express different political views, opinions and ideological beliefs, which allow presenting the real picture of political events in the world. To describe and classify communicative-pragmatic features of political texts, the research employs semantic and grammatical classification of the phrases with the key component "Olympus". The features of the use of such phrases with regard to pragmatic focus of the text's author are revealed. In political texts Olympus is a locus where different events take place. The contexts include organization of the so-called "political festival". Some contexts include adjectives with locative semantics, which refer Olympus to a certain region or state. There are a lot of verbs in political texts, which verbalize dynamic relations, and describe movement upwards or promotion. Going up often faces difficulties; it is characterized by low speed and abundance of challenges. Going up is positive, going down is negative. The paper argues that the change of the semantics of "Olympus" involves both denotative and connotative pragmatic levels, and precedent oronym "Olympus" acquires new semantic features. Detailed description of this unit allows reconstructing a fragment of political worldview represented by the precedent oronym "Olympus".*

KEYWORDS: precedent oronym; political text; mass media; mass media language; media discourse; political discourse; precedent phenomena; political metaphorology; political metaphors.

ABOUT THE AUTHORS: Segal Natalia Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian, Slavic and General Linguistics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Republic of Crimea, Simferopol, Russia.

Korotkih Yuliya Sergeevna, Student of Faculty of Slavic Philology and Journalism, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Republic of Crimea, Simferopol, Russia.

REFERENCES

1. Afanas'ev A. N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov : v 3 t. — M. : Sovremennyy pisatel', 1995. T. 1. 414 s.
2. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste : monogr. — SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 624 s.
3. Kun N. A. Legendy i mify Drevney Gretsii. — Simferopol' :

2. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste : monogr. — SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 624 s.

3. Kun N. A. Legendy i mify Drevney Gretsii. — Simferopol' : Renome, 1998. 480 s. S. 13—15.

4. Levkivskaya E. E. Gora // Slavjanskije drevnosti : etnolingvist. slovar' : v 5 t. / pod red. N. I. Tolstogo. — M. : Institut slavyanovedeniya RAN, 1999. T. 1. S. 520—521.

5. Nahimova E. A. Precedentnye onimy v sovremennoj rossijskoj massovoj kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011. 276 s.

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. — М. : А ТЕМП, 2006. 944 с.

7. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — М. : Лабиринт, 2000. 336 с.

8. Словарь греческой мифологии / сост. И. С. Пигулевская. — М. : Центрполиграф, 2008. 255 с.

9. Топоров В. Н. Гора // Мифы народов мира: Энциклопедия : в 2 т. — М., 1980. Т. 1. С. 311—315.

10. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 3-е изд., стер. — М. : Рус. яз. — Медиа, 2007. 334 с.

11. Хмара А. В. Олимп: этимология названия обители богов. URL: http://www.rusnauka.com/8_NPE_2007/Istoria/20959.doc.htm (дата обращения: 23.10.2016).

12. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: моногр. // Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.

13. Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 4 : The Metaphysics of Symbolic Forms / ed. by John Michael Krois and Donald Phillip Verene. — New Haven ; London : Yale Univ. Pr., 1996. 237 p.

14. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1993. — P. 202—251.

15. Słownik stereotypów i symboli ludowych / [zesp. red. : Izabela Bartmińska, Grażyna Bączkowska, Feliks Czyży]. — Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. 481 s.

Renome, 1998. 480 s. S. 13—15.

4. Levkivskaya E. E. Gora // Slavjanskije drevnosti : etnolingvist. slovar' : v 5 t. / pod red. N. I. Tolstogo. — M. : Institut slavyanovedeniya RAN, 1999. T. 1. S. 520—521.

5. Nakhimova E. A. Precedentnye onimy v sovremennoj rossijskoj massovoj kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011. 276 s.

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь

russkogo yazyka : 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy / Rossiyskaya akademiya nauk ; In-t rus. yaz. im. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. — M. : A TEMP, 2006. 944 s.

7. Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoy skazki. — M. : Labirint, 2000. 336 s.

8. Slovar' grecheskoy mifologii / sost. I. S. Pigulevskaya. — M. : Tsentrpoligraf, 2008. 255 s.

9. Toporov V. N. Gora // Mify narodov mira: Entsiklopediya : v 2 t. — M., 1980. T. 1. S. 311—315.

10. Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka / sost. A. N. Tikhonov (ruk. avt. kol.), A. G. Lomov, L. A. Lomova. 3-e izd., ster. — M. : Rus. yaz. — Media, 2007. 334 s.

11. Khmara A. V. Olimp: etimologiya nazvaniya obiteli bogov. URL: http://www.rusnauka.com/8_NPE_2007/Istoria/20959.doc.htm (data obrashcheniya: 23.10.2016).

12. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii: monogr. // Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.

13. Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 4 : The Metaphysics of Symbolic Forms / ed. by John Michael Krois and Donald Phillip Verene. — New Haven ; London : Yale Univ. Pr., 1996. 237 p.

14. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1993. — P. 202—251.

15. Słownik stereotypów i symboli ludowych / [zesp. red. : Izabela Bartmińska, Grażyna Bączkowska, Feliks Czyży]. — Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. 481 s.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Д. А. Скулимовская
Иркутск, Россия

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ Б. ОБАМЫ)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются стратегии и тактики политического дискурса на материале международных выступлений 44-го президента США Барака Обамы (выступления на 68-й, 69-й и 70-й сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, обращение к Конгрессу США 2015 года). В статье приводятся результаты исследований российских и зарубежных лингвистов в сфере изучения коммуникативных стратегий и тактик, а также их различных классификаций. Под коммуникативной стратегией понимается коммуникативная макроинтенция, которая обуславливает речевое поведение коммуниканта. Коммуникативная тактика определяется как интенция, которая детерминирует конкретный речевой акт в соответствии с протекающей речевой ситуацией. В статье отмечается, что политический дискурс политического деятеля в вопросах внешней политики отличается технологизацией и учетом определенной заданной программой курса внешней политики государства, а не субъективных стратегий политика. Анализ стратегий и тактик на конкретном материале показал, что продемонстрированный подход с использованием трех основных стратегий (стратегия на понижение, стратегия на повышение и стратегия театральности), в каждой из которых выделяется ряд тактик, может быть успешно применен для исследования политического дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политическая риторика; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; языковая личность; американские президенты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Скулимовская Дарья Анатольевна, старший преподаватель, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет; 664025, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 8; e-mail: darya_irk@mail.ru.

Целью речевой деятельности является реализация собственных интенций и достижение перлокутивного эффекта от коммуникативного взаимодействия с адресатами. Главным мотивом политического дискурса является убеждение и побуждение адресата к действию, в котором заинтересован адресант-политик [Демьянков 2002: 32]. Данный факт требует от говорящего использования определенного плана речевого поведения. Таким планом для достижения поставленной цели принято номинировать стратегию, а инструментом ее осуществления — тактику.

Термины «стратегия» и «тактика» обычно рассматривают взаимосвязанно, так как воплощение стратегии без конкретных «шагов» (тактик) невозможно, так же как необходима единая направленность производимых тактик. Коммуникативной стратегией является коммуникативная макроинтенция, которая обуславливает речевое поведение коммуниканта, а коммуникативная тактика — интенция, обуславливающая конкретный речевой акт в соответствии с протекающей ситуацией [Чернявская 2006: 45—46].

С другим синонимичным термином, «технологии», стратегия различается в области референции: использование понятия «стратегия» предпочтительнее, когда речь идет об отдельном человеке как свободном субъекте действия, а «технология» — о группе людей, действующей в рамках жестко детерминированной системы [Плотникова 2011: 12—18]. При исследовании политического дискурса каждого видного политического деятеля мы должны принимать во внимание тот факт, что в его аппарате работает целая команда специалистов, таких как спичрайтеры, имиджмейкеры, специалисты по PR-технологиям, секретари, полит-социологи и

др. Следовательно, несмотря на то, что автором дискурса является непосредственно сам политик, тексты его официальных выступлений подготавливаются данными специалистами (естественно, с учетом политических взглядов, позиций этого политика и политической ситуации государства в целом), из чего можно сделать вывод, что, когда исследуется прагматическая составляющая политического дискурса международного политика, рассматриваются не его субъективные стратегии, а скорее политические технологии его команды и правительства государства.

Исследования, посвященные стратегиям и тактикам, часто были связаны с их классификацией и обобщением. Так, например, Ч. Ларсон, анализируя способы речевого воздействия, пришел к выводу, что их можно свести к двум основным когнитивным стратегиям: интенсификации/усиления (акцентирование на чужих недостатках и своих достоинствах) и преуменьшения/понижения (сглаживание своих недостатков и принижение чужих достоинств) [Larson 1995: 15—22]. Разрабатывая данный вопрос применительно к политическому дискурсу, Т. А. ван Дейк по такому же принципу выделяет две основные стратегии: положительной самооценки и негативной репрезентации оппонента [Дейк ван 2013: 238—246].

В номенклатуре стратегий политического дискурса, предложенной О. Л. Михалевой, стратегии, используемые политическими деятелями, выделены по схожим параметрам и делятся на три типа: стратегия на понижение, стратегия на повышение и стратегия театральности [Михалева 2009: 57]. Несмотря на универсальность применения предложенной классификации, важно отме-

тительны, поэтому возможно выдвигание других стратегий и тактик и распределение их по другим группам. Первая стратегия, на понижение (1), применяется для дискредитации политического противника, следовательно, тактики, используемые в данной стратегии, эксплицитно или имплицитно формируют отрицательное мнение о предмете коммуникации и направлены на то, чтобы дестабилизировать конкурента. Данная стратегия осуществляется при помощи шести тактик:

- 1.1. Тактика «анализ-„минус“».
- 1.2. Тактика обвинения.
- 1.3. Тактика безличного обвинения.
- 1.4. Тактика обличения.
- 1.5. Тактика оскорбления.
- 1.6. Тактика угрозы [Михалева 2009].

Следующая стратегия политического дискурса, на повышение (2), выражает желание адресанта возвысить себя над противником, тем самым придать большую значимость собственному статусу. Реализуется данная стратегия благодаря использованию следующих тактик:

- 2.1. Тактика анализ-«плюс».
- 2.2. Тактика презентации.
- 2.3. Тактика неявной самопрезентации.
- 2.4. Тактика самооправдания.
- 2.5. Тактика отвода критики.

Стратегия театральности (3) политического дискурса формируется на основе учета говорящим аудитории (адресата-наблюдателя), т. е. потенциального избирателя. По мнению Е. И. Шейгал, театральность политического дискурса связана с тем, что народ (непрямой адресат дискурса) воспринимает политические события как некое зрелищное представление, которое специально для него разыгрывают [Шейгал 2000: 92]. Данная стратегия представлена девятью тактиками:

- 3.1. Тактика предупреждения.
- 3.2. Тактика побуждения.
- 3.3. Тактика кооперации.
- 3.4. Тактика размежевания.
- 3.5. Тактика информирования.
- 3.6. Тактика обещания.
- 3.7. Тактика прогнозирования.
- 3.8. Тактика иронизирования.
- 3.9. Тактика провокации.

Рассмотрим применение перечисленных выше стратегий и тактик на примере политического дискурса президента США Барака Обамы. 28 сентября 2015 г. на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Б. Обама говорил о многих мировых проблемах, особое внимание уделяя кризису на Ближнем Востоке. Президент высказал свое отношение к действиям руководства Сирии следующим

образом:

Assad reacted to peaceful protests by escalating repression and killing that, in turn, created the environment for the current strife. And so Assad and his allies cannot simply pacify the broad majority of a population who have been brutalized by chemical weapons and indiscriminate bombing. Yes, realism dictates that compromise will be required to end the fighting and ultimately stamp out ISIL. But realism also requires a managed transition away from Assad and to a new leader, and an inclusive government that recognizes there must be an end to this chaos so that the Syrian people can begin to rebuild [American Rhetoric]. — *Асад ответил на мирные протесты эскалацией репрессий и убийств, что, в свою очередь, послужило созданием условий для нынешней войны. Таким образом, Асад и его союзники не в состоянии восстановить порядок среди большинства людей, буквально озверевшего от химического оружия и беспорядочных бомбардировок. Да, реализм диктует компромисс, который призывает закончить борьбу и искоренить ИГИЛ (организация запрещена в РФ. — ред.). Но реализм также требует смены лидера и правительства, признающих, что этому хаосу нужно положить конец для того, чтобы сирийский народ мог начать путь к восстановлению.*

В данном высказывании явно прослеживается дискредитация политического оппонента при помощи стратегии на понижение, а именно тактики «анализ-„минус“» (1.1), которая представляет собой изображение какой-либо ситуации и ее участников в негативном свете.

В частности, отрицательный образ политического соперника (правительство Сирии во главе с Башаром Асадом) создается при помощи использования следующих лексем:

- *repression* — the action of subduing someone or something by force [OWDLE];
- *killing* — an act of causing death, especially deliberately [OWDLE];
- *brutalize* — to treat someone in a cruel or violent way [LDCE];
- *chemical weapon* — a weapon that depends for its effect on the release of toxic or noxious chemicals [OWDLE];
- *bombing* — an act or instance of dropping or detonating a bomb somewhere [OWDLE].

В своем обращении к Конгрессу США 2015 г. президент США Б. Обама сделал основными две стратегии политического дискурса: первая — на повышение, которая выражает стремление говорящего возвысить и увеличить значимость собственного статуса при помощи тактики презентации (2.2) кого-

либо или чего-либо в красивом образе; вторая — стратегия театральности, направленная на потенциального избирателя и реализуемая при помощи тактики кооперации (3.3), согласно которой говорящий обращается к каждому адресату и вызывает к важным для себя ценностям.

Tonight, after a breakthrough year for America, our economy is growing and creating jobs at the fastest pace since 1999. Our unemployment rate is now lower than it was before the financial crisis. More of our kids are graduating than ever before; more of our people are insured than ever before; we are as free from the grip of foreign oil as we've been in almost 30 years. Tonight, for the first time since 9/11, our combat mission in Afghanistan is over. Six years ago, nearly 180,000 American troops served in Iraq and Afghanistan. Today, fewer than 15,000 remain. And we salute the courage and sacrifice of every man and woman in this 9/11 Generation who has served to keep us safe. We are humbled and grateful for your service [The Telegraph]. — Этот год был впечатляющим для Америки, наша экономика растет и создает рабочие места в самом быстром темпе с 1999 года. Уровень безработицы в нашей стране снизился по сравнению с его состоянием до финансового кризиса. Все больше наших детей получает высшее образование; все больше наших граждан застрахованы, чем когда-либо; мы также больше не находимся в кабале из-за импортной нефти, в которой были почти 30 лет. Впервые после событий 11 сентября 2001 года наша боевая миссия в Афганистане закончена. Шесть лет назад почти 180 000 американских солдат служили в Ираке и Афганистане. На сегодняшний день их количество меньше 15 000. И мы приветствуем храбрость и жертвенность каждого мужчины и женщины поколения 11 сентября, которые оберегали нас. Мы преклоняемся и благодарны вам за службу.

Привлекательный имидж собственной страны создается благодаря использованию следующих сочетаний лексических единиц: *economy is growing, creating jobs, unemployment rate is lower, kids are graduating, people are insured, we are free from the grip of foreign oil*. Созданию позитивного образа также способствует решение вопроса о выводе солдат из опасных регионов: *our combat mission in Afghanistan is over* и др.

Призыв к ценностям потенциального электората осуществляется при помощи следующих высказываний: *we salute the courage and sacrifice of every man and woman*

in this 9/11 Generation who has served to keep us safe; we are humbled and grateful for your service. А употребленные в этих высказываниях лексемы создают образ почтительности/признательности за служение стране, ср.:

– *salute* — to salute a person or their achievements means to publicly show or state your admiration for them [CAED];

– *courage* — the power or quality of dealing with or facing danger, fear, pain, etc. [CAED];

– *sacrifice* — an act of giving up something valued for the sake of something else regarded as more important or worthy [OWDLE];

– *served* — perform duties or services for (another person or an organization) [LDCE];

– *be humbled* — to be lower in condition, rank, or position; abase [OWDLE];

– *be grateful* — to feel that you want to thank someone because of something kind that they have done [LDCE].

В том же выступлении применены одновременно две стратегии политического дискурса — на понижение и на повышение:

Second, we are demonstrating the power of American strength and diplomacy. We are upholding the principle that bigger nations can't bully the small — by opposing Russian aggression, supporting Ukraine's democracy, and reassuring our NATO allies. Last year, as we were doing the hard work of imposing sanctions along with our allies, some suggested that Mr. Putin's aggression was a masterful display of strategy and strength. Well, today, it is America that stands strong and united with our allies, while Russia is isolated, with its economy in tatters [The Telegraph]. — Во-вторых, мы демонстрируем власть американской силы и дипломатии. Противостоя российской агрессии, оказывая помощь демократии Украины и убеждая наших союзников в НАТО, мы поддерживаем принцип, согласно которому крупные страны не могут притеснять меньшие. В прошлом году из-за того, что мы сотрудничали с нашими союзниками, налагая санкции, некоторые посчитали, что агрессия г-на Путина была мастерским проявлением стратегичности и могущественности. Но сегодня Америка — это сильная страна, имеющая союзников, в то время как Россия изолирована, а ее экономика разрушена.

Первая стратегия на понижение дискредитирует политического оппонента при помощи тактики обвинения (1.2): обличаются негативные качества противника и ему приписывается вина за совершенные им действия, при этом предъявляемые претензии часто бездоказательны. Руководство России обвиняется в агрессивной демонстрации

силы на территории Украины: *opposing Russian aggression; Mr. Putin's aggression was a masterful display of strategy and strength.*

Вторая стратегия выражает стремление говорящего возвысить себя над соперником и поднять значимость собственного статуса. Применяемая в данном примере тактика презентации (2.2) заключается в представлении себя в красивом, выигрышном образе. Говорящий превозносит успехи руководства США в международной дипломатии: *we are demonstrating the power of American strength and diplomacy; we are upholding the principle that bigger nations can't bully the small; supporting Ukraine's democracy.*

Однако, как говорилось выше, выделенные тактики весьма условны, поэтому данный пример допускает иную трактовку: в нем можно усмотреть тактику сравнения себя и оппонента в свою пользу, т. е. Америка представляется как экономически и дипломатически сильная страна, поддерживаемая другими государствами, а Россия — экономически и политически изолированная.

На 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2013 года 26 сентября Барак Обама выступил с речью, в которой прослеживаются несколько стратегий политического дискурса, например стратегия на повышение, в которой можно отметить тактику самооправдания (2.5):

*I believe America must remain engaged for our own security. But I also believe **the world is better for it.** Some may disagree, but I believe America is exceptional — in part because **we have shown a willingness through the sacrifice of blood and treasure to stand up not only for our own narrow self-interests, but for the interests of all** [The New York Times]. — По моему мнению, Америка должна и дальше принимать участие <в военных действиях> ради собственной безопасности. Я также считаю, что в мире от этого станет только лучше. Кто-то может не согласиться, но я уверен, что Америка — исключительная страна. Поэтому что, помимо всего прочего, мы показали свою готовность проливать кровь и не жалеть средств, отстаивая не только собственные интересы, но также и интересы всего мира.*

При помощи использованных автором высказывания лексем создается семантическое поле, которое представляет США как исключительную «страну-добродетель»:

– *exceptional* — unusually good; outstanding [OWDLE];

– *willingness* — the quality or state of being prepared to do something; readiness [OWDLE];

– *sacrifice* — if you sacrifice something that

is valuable or important, you give it up, usually to obtain something else for yourself or for other people [CAED];

– *treasure* — a group of valuable things such as gold, silver, jewels etc. [LDCE].

Тактика самооправдания состоит в отрицании негативных представлений: так, в данном примере идет оправдание военных действий США на территории других стран тем, что они проводятся не ради своих интересов, а ради интересов всего мира, а потери военнослужащих и денежные затраты оправдываются высокими целями.

На 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2015 г. в выступлении Барака Обамы относительно России прослеживается стратегия на понижение и избрана тактика «анализ-„минус“» (1.1), которая представляет собой описание ситуации в целом и ее участников при негативном к ней отношении:

*Now, within Russia, state-controlled media may describe these events as an example of a resurgent Russia — a view shared, by the way, by a number of U.S. politicians and commentators who have always been deeply skeptical of Russia, and seem to be convinced a new Cold War is, in fact, upon us. And yet, look at the results. **The Ukrainian people are more interested than ever in aligning with Europe instead of Russia. Sanctions have led to capital flight, a contracting economy, a fallen ruble, and the emigration of more educated Russians** [American Rhetoric]. — Итак, российские СМИ, контролируемые государством, могут охарактеризовать эти события как пример возродившейся России. С точки зрения многих американских политиков и экспертов, всегда довольно скептически относившихся к России, эти события по своей сути могут быть признаны для нас новой холодной войной. Но все же взгляните на результаты. Украинцы больше, чем когда-либо, заинтересованы в союзе с Европой, а не с Россией. Санкции привели к оттоку капитала, уменьшению заключенных контрактов, падению рубля и эмиграции более образованных русских.*

Ситуация в России, описанная Б. Обамой, представляется как политическая и экономическая блокада с тяжелыми условиями работы и жизни. Для создания данного имиджа страны использованы следующие лексические сочетания: *been deeply skeptical of Russia; a new Cold War; capital flight; a contracting economy; a fallen ruble; the emigration of more educated Russians.*

В продолжение своей речи президент США использует стратегию на повышение с тактикой отвода критики (2.4) и стратегию

театральности с тактикой побуждения (3.2):

Imagine if, instead, Russia had engaged in true diplomacy, and worked with Ukraine and the international community to ensure its interests were protected. That would be better for Ukraine, but also better for Russia, and better for the world — which is why we continue to press for this crisis to be resolved in a way that allows a sovereign and democratic Ukraine to determine its future and control its territory. Not because we want to isolate Russia — we don't — but because we want a strong Russia that's invested in working with us to strengthen the international system as a whole [American Rhetoric]. — Представьте, если бы вместо этого Россия действовала в рамках истинной дипломатии, сотрудничала с Украиной и международным сообществом, обеспечивая защиту интересов страны. Это было бы лучше как для Украины, так и для России, и лучше для всего мира. Вот почему мы продолжаем требовать, чтобы этот кризис был разрешен таким образом, что суверенная и демократическая Украина сама бы определяла свое будущее и контролировала свою территорию. Не потому, что мы хотим изолировать Россию, мы этого не хотим, а потому, что мы хотим сильную Россию, которая внесет свой вклад в усиление международной системы в целом.

Тактика отвода критики (2.4) применяется для оправдания США из-за пролонгирования санкций в отношении России, которой вменяется вина за политический и экономический кризис.

Тактика побуждения (3.2) заключается в стремлении призвать руководство России пойти на дипломатическое сотрудничество, при этом удовлетворить всем требованиям США: *we want a strong Russia that's invested in working with us to strengthen the international system as a whole*.

Заканчивая свою речь, Б. Обама прибегает к другим стратегиям политического дискурса: стратегии на повышение с тактикой презентации (2.2) и стратегии театральности с тактикой кооперации (3.3). Первая заключается в представлении кого-либо или чего-либо в привлекательном образе, а при помощи второй говорящий обращается к слушающему, апеллируя к его идеям и ценностям:

That is what I believe is America's greatest strength. Not everybody in America agrees with me. That is part of democracy. I believe that the fact that you can walk the streets of this city right now and pass churches and synagogues and temples and mosques, where people worship freely; the fact that our nation of immigrants mirrors the diversity of

the world — you can find everybody from everywhere here in New York City — the fact that, in this country, everybody can contribute, everybody can participate no matter who they are, or what they look like, or who they love — that's what makes us strong [American Rhetoric]. — Именно в этом (т. е. в демократии. — прим. пер.), я считаю, заключается самая большая сила Америки. Не все в Америке согласятся со мной. И это и есть демократия. Я верю, что вы можете гулять по улицам этого города прямо сейчас и проходить мимо церквей, синагог, храмов и мечетей, где люди молятся свободно. Я верю, что наша страна иммигрантов отражает разнообразие мира, так как вы можете найти людей здесь в Нью-Йорке отовсюду. Я верю, что в этой стране каждый может вносить свой вклад, каждый может участвовать в жизни страны независимо от того, кто он, или как он выглядит, или кого он любит. Эти факты и делают нас сильными.

Используя тактику (2.2), Б. Обама представляет Америку в привлекательном образе великой демократической страны (*America's greatest strength; democracy; the diversity of the world*) с равными правами и возможностями для всех ее граждан (*everybody can contribute; everybody can participate; no matter who they are*). Также говорящий особо акцентирует внимание слушающих на равноправии и разнообразии людей при помощи перечисления различных религиозных конфессий, к которым могут относиться жители США: *churches; synagogues; temples; mosques*.

Разделяя ценности демократии, равенства, поддерживая их и обращаясь к ним, говорящий сам предстает в выигрышном образе перед слушающими, при этом призывает их к дальнейшему сотрудничеству.

Итак, рассматривая политический дискурс политика, который выступает в рамках государственной программы, особенно в вопросах внешней политики, мы можем говорить о технологизации политического дискурса, где используется ряд стратегий и тактик. Анализ стратегий и тактик на конкретном материале показал, что данный подход к исследованию может быть применен для изучения политического дискурса, так как позволяет выявлять как эксплицитные, так и имплицитные интенции политического адресанта. Проанализированный материал показал, что в международных выступлениях Барака Обамы активно используется как стратегия на понижение, на повышение, так и тактика стратегии театральности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования / ИНИОН РАН. 2002. № 3. С. 32—43.
2. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Либроком, 2013. 344 с.
3. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. — М.: Либроком, 2009. 256 с.
4. Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи // Технологизация дискурса в современном обществе: кол. моногр. — Иркутск: ИГЛУ, 2011. С. 6—45.
5. Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса // Единицы языка в их функционировании: межвуз. сб. науч. тр. — Саратов: СГАП, 2000. С. 92—96.

6. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. — М.: Флинта: Наука, 2006. 134 с.
7. American Rhetoric. URL: <http://www.americanrhetoric.com> (date of access: 17.01.2016).
8. CAED = Cobuild Advanced English Dictionary, 5th ed. — London: HarperCollins Publishers, 2006. 1344 p.
9. Larson C. U. Persuasion: reception and responsibility. — Belmont: Wadsworth Publ. Company, 1995. 449 p.
10. LDCE = Longman Dictionary of Contemporary English. — Harlow: Longman Group UK Limited, 2000. 1610 p.
11. OWDLE = Oxford Wordpower Dictionary for Learners of English / ed. by Miranda Steel. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 2003. 794 p.
12. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com> (date of access: 17.12. 2016).
13. The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk> (date of access: 20.12. 2016).

D. A. Skulimovskaya
Irkutsk, Russia

STRATEGIES AND TACTICS IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON B. OBAMA'S SPEECHES)

ABSTRACT. *This article examines the strategies and tactics of political discourse on the material of international speeches by the 44th U.S. President Barack Obama (68th, 69th and 70th UN General Assembly session speeches and the appeal to the Congress of the USA in 2015). The article presents the results of the studies of Russian and foreign linguists in the field of communicative strategies and tactics analysis and classifications. Communicative strategy is understood as a macrointention, which determines speech behavior of the communicator. Communicative tactic is defined as the intention, which determines the particular speech act according to the proceeding situation. The article notes that the political discourse of the politician in matters of foreign policy differs in technologization and adherence to a certain predetermined program of foreign policy of the state, and it doesn't depend on subjective strategy of the politician. The analysis of strategies and tactics showed that the approach based on the analysis of three main strategies (downplay, intensification and theatrical strategy), each of them is allocated a number of tactics can be successfully applied to the study of political discourse.*

KEYWORDS: *political discourse; political rhetoric; political speech; communicative strategy; communicative tactics; language persona; American Presidents.*

ABOUT THE AUTHOR: *Skulimovskaya Daria Anatolyevna, Senior Lecturer, Institute of Philology, Foreign Languages and Media-communication, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.*

REFERENCES

1. Dem'yankov V. Z. Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya / INION RAN. 2002. № 3. S. 32—43.
2. Deyk T. A. van. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — М.: Librokom, 2013. 344 s.
3. Mikhaleva O. L. Politicheskij diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya. — М.: Librokom, 2009. 256 s.
4. Plotnikova S. N. Diskursivnye tekhnologii i diskursivnoe oruzhie kak realii sovremennoy informatsionnoy epokhi // Tekhnologizatsiya diskursa v sovremennom obshchestve: kol. monogr. — Irkutsk: IGLU, 2011. S. 6—45.
5. Sheygal E. I. Teatral'nost' politicheskogo diskursa // Edinitsy yazyka v ikh funktsionirovaniy: mezhvuz. sb. nauch. tr. — Saratov: SGAP, 2000. S. 92—96.

6. Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problema rechevogo vozdeystviya. — М.: Flinta: Nauka, 2006. 134 s.
7. American Rhetoric. URL: <http://www.americanrhetoric.com> (date of access: 17.01.2016).
8. CAED = Cobuild Advanced English Dictionary, 5th ed. — London: HarperCollins Publishers, 2006. 1344 p.
9. Larson C. U. Persuasion: reception and responsibility. — Belmont: Wadsworth Publ. Company, 1995. 449 p.
10. LDCE = Longman Dictionary of Contemporary English. — Harlow: Longman Group UK Limited, 2000. 1610 p.
11. OWDLE = Oxford Wordpower Dictionary for Learners of English / ed. by Miranda Steel. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 2003. 794 p.
12. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com> (date of access: 17.12. 2016).
13. The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk> (date of access: 20.12. 2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. И. Семёнова.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42:39
ББК ШП41.12-55+ШП41.12-003

ГСНТИ 16.21.29

Код ВАК 10.02.19

И. Т. Вепрева, Т. В. Мальцева
Екатеринбург, Россия

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЯН В ОТРАЖЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ

АННОТАЦИЯ. Статья продолжает серию эмпирических исследований ученых Уральского федерального университета, посвященных динамике национальных базовых ценностей на рубеже веков. В качестве методологической базы данного этапа работы выбрана метаязыковая диагностика, определяющая поведение обыденного сознания при интенсивном обновлении концептуальной сферы. При переходе от одной исторической парадигмы к другой обыденное сознание проявляет себя как важнейшая составляющая языкового сознания, участвующая в ментально-вербальном процессе обновления системы ценностных предпочтений. Корпус метаязыковых высказываний, выявленный на базе данных «Интегрума» (Integrum.ru), включающего 3569 источников СМИ, образует особый рода дискурс, отражающий оценочное отношение россиян к базовым ценностям. В ходе анализа удалось установить векторы развития ценностных предпочтений, сформировавшихся на базе национальных культурно-исторических традиций.

Рефлексивное обсуждение фиксирует прежде всего динамические процессы в осмыслении традиционных ценностных установок. Метавысказывания закрепляют ценностно-смысловые изменения в аксиосфере россиян. В статье делается вывод о формировании прагматического взгляда на область традиционно духовных ценностей — дружбу, семью, благополучие, счастье — по мере адаптации носителя языка к новым общественно-политическим условиям. Сдвиг в сторону материального начала свидетельствует о конкретной навигации человека в условиях экономических, политических и социальных преобразований в стране. Тенденция формирования отрицательно-оценочных коннотаций у ключевых концептов русской культуры создает ситуацию конфликта разных ценностных систем. Ситуация смысловой амбивалентности ключевых концептов носит дезинтегрирующий характер. Но в то же время обсуждение важных в жизни каждого человека гуманистических ценностей семьи, дружбы, благополучия, счастья в качестве актуального и переживаемого опыта говорит об интегральной функции базовых для русской культуры понятий, о потребности современного человека опереться на незыблемый фундамент культурного кода нации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая рефлексия; метаязыковые высказывания; обыденная аксиология; концепт; базовые ценности, динамика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Вепрева Ирина Трофимовна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312; e-mail: irina_veprevva@mail.ru.

Мальцева Татьяна Вячеславовна, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312; e-mail: tania_m_26@mail.ru.

Период коренных преобразований в России характеризуется рассогласованностью ценностной картины мира, формирующей основу мировоззрения людей. Российские социологи отмечают «противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов» в России [Тощенко 2016: 5952], которые сопровождаются существенными изменениями в массовом сознании. Так, последние социологические исследования не подтверждают приписываемую россиянам особую «склонность к бескорыстному альтруизму, коллективизму, “соборности”» [Магун и др. 2015: 93]. Современное российское общество называют обществом, утратившим единые ценностные, идеологические и мировоззренческие основания [Волков 2003: 80—101]. На фоне сложившейся ситуации возникает необходимость поиска лингвокультурологических оснований идеологического строительства. В связи с этим целесообразна систематизация базовых ценностей, актуальных смыслов и речевых практик, направленных на сохранение социоцентризма русской культуры.

В рамках проекта «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика (2015—2016 гг.)»

проведено изучение коммуникативно-речевых традиций русского провинциального города с целью выявления интегрирующего потенциала базовых ценностей и ценностных установок [Национальные базовые ценности... 2015]. Мы отталкивались от следующей гипотезы: инновациям в большей степени подвержена столица, «впитывающая» западный образ мышления и перенимающая инोकультурные образцы. Провинция, будучи более консервативной, сохраняет ментально-специфические модели поведения, конвенции коммуникативного взаимодействия, традиционные аксиологические ориентиры. В серии эмпирических исследований мы задались целью проверить гипотезу и проследить, как меняются базовые ценности уральцев на рубеже веков [Шалина, Пикулева 2016; Вепрева, Купина 2016].

Опытным путем на основе оригинальной процедуры выявления ключевых концептов русского менталитета был сконструирован перечень 59 базовых ценностей. Группой ученых исследовательского проекта осуществлен социолингвистический мониторинг по выявлению ментально-ценностных предпочтений студенческой молодежи. Целью проведения анкетирования — выявление степени укорененности в сознании молодежи

жи ценностных констант русской языковой картины мира.

Лингвокогнитивная и социопсихологическая интерпретация полученных результатов показала, что становление мировоззрения современной студенческой молодежи обусловлено противоречивыми социокультурными факторами влияния. Поколение, родившееся в постсоветской России, становится носителем новых ценностей. Отсутствие интереса к политическим институтам разного типа создает своеобразную асоциальность молодых людей, ориентированных прежде всего на безопасность и комфортность в пределах «ближнего круга» (семьи и друзей). Возрастает значимость дивергентного «я»-менталитета, субъектом которого становится носитель свободного сознания, ориентированный на самореализацию, устремленный к достижению личных целей. В то же время на эмотивном уровне молодые люди сохраняют приверженность социоцентрическим традициям русской культуры, относя семью, первичную ячейку коллективистского общества, к числу базовых ценностей [Вепрева и др. 2016]. В то же время предлагаемые для опроса ценности, составившие ядро концептуального поля (*Благополучие близких людей, Дружба, Семья, Счастье, Свобода, Любовь, Вера, Самореализация*), носят предельно абстрактный характер и требуют своей конкретизации в ходе дальнейшего исследования.

В данной работе в качестве методологической базы очередного этапа исследования выбрана метаязыковая диагностика, имеющая достаточную объяснительную силу применительно к поведению обыденного сознания при интенсивном обновлении концептуальной сферы. При переходе от одной исторической парадигмы к другой обыденное сознание проявляет себя как важнейшая составляющая языкового сознания, участвующая в ментально-вербальном процессе обновления системы ценностных предпочтений. Цель нашей работы — выявить степень актуализации базовых ценностей в сознании носителя языка, определить, какой смысл вкладывает языковая личность в те или иные ценностные единицы, установить векторы развития ценностных предпочтений и отталкиваний, сформировавшихся на базе национальных культурно-исторических традиций.

Корпус метаязыковых высказываний, выявленный на базе корпуса «Интегрум» (www.Integrum.ru), включающего 3569 источников современных СМИ, представляет собой естественно складывающуюся диагностическую базу данных, определенный набор речевых сигналов, которые фиксиру-

ют направление мыслительных процессов. Рефлексивные высказывания в изоляции от текстов, в которых они употребляются, образуют особого рода дискурс, отражающий оценочное отношение к базовым ценностям. Именно в этом видится вспомогательная методологическая роль метаязыковых оценок. Например: *Не люблю слово „патриотизм“, потому что его в последнее время затаскали, но при этом любовь к Родине, живой интерес к истории, в том числе и своей семье, сохранение живой памяти — ценности непреходящие, без них никуда* (Южно-Сахалинск сегодня. 26.07.2016);

— *А что хотите пожелать в наступившем году? // — Чтобы в государственной политике восторжествовал здравый смысл. И еще патриотизм — но в хорошем смысле слова. Это когда не бегаешь за кем-то с дубиной, а обустроиваешь жизнь — в своей деревне, области, стране. Патриот не прячет деньги в оффшоре, не строит замки на Лазурном Берегу. Он вкладывает свои средства и силы в свою землю, в детей и делает жизнь на родине лучше. Вот такие настроения должны быть во власти. Добиться бы такого — и тогда уж точно все будет хорошо!* (Труд. 19.02.2016).

Единицей анализа становятся рефлексивные высказывания, включающие тот или иной метаязыковой оператор (*не люблю слово; в хорошем смысле слова*) и оценочно интерпретирующие языковую единицу, вербализирующую концепт *патриотизм*. Приведенные выше контексты свидетельствуют о диссонансе «между официально проповедваемой ценностной системой и разнообразием частных, личностных ценностей и нравственных императивов» [Korzeniewska-Berczynska 2001: 29], ср. аксиологические установки, внедряемые на государственном уровне [Купина 2016а, 2016б].

Анализ рефлексивных высказываний по поводу базовых ценностей русской культуры, выделенных на предыдущих этапах исследовательской работы, показывает, что для обыденного сознания важным является факт сдвига в традиционном понимании ценностей, например: *Почти священные слова „дружба народов“, волновавшие чувства нескольких поколений, сегодня и вовсе затруднительно воспринимать иначе как прикол* (Знамя. 15.01.2001); *Сегодня существует много вызовов традиционному укладу, даже слово „семья“ стало пониматься иначе. Это тревожный сигнал* (Метро. 07.07.2008); *В 90-е годы слова „вера“, „держава“, „нация“ были неприличными для произнесения вслух, нынче они ста-*

ли своего рода паролем для правящего слоя (Литературная газета. 07.05.2008); Одновременно, к сожалению, у нас слово „патриотизм“ сегодня воспринимают как казенщину, и мало что шевелится в душе (Московский комсомолец. 07.04.2011). Мы видим типовую организацию высказывания, включающую цепочку раньше (а именно: чувства нескольких поколений, традиционный уклад, 90-е годы) — сегодня, нынче, которая указывает на динамичность ценностной картины мира.

Фиксируя смысловую динамику аксиосферы, носитель языка по-прежнему осознает значимость в своей жизни базовых национальных ценностей. В текстовых фрагментах позитивная оценочность, поддерживаемая использованием ментально одобряемых характеристик, выполняет интегрирующую функцию солидаризации лингвокультурных сообществ: *А он знал волшебные слова — семья, опора, домашний очаг* (Московский комсомолец. 11.06.2015); *Патриот — очень хорошее слово* (Вечерняя Москва. 11.10.2011); *В их жизнь теперь вернулось то великое счастье, что называется простым коротким словом „семья“* (Красная звезда. 07.11.2007); *Слово „работа“ для Надежды Евгеньевны почти святое* (Вечерняя Москва. 07.03.1998); *Любимое слово ветерана — надо* (Центр Азии. 04.11.2011); *„Вечер у пруда“ Ивана Рубана отзывается светлым и прекрасным словом — „любовь“* (Вечерняя Москва. 22.03.1996); *С тех пор я боготворю слово „мама“, содрогаюсь, когда обижают матерей, не почитают их* (Дружба народов. 15.01.2009).

Безусловно, носители языка пытаются определить причины изменения смыслового наполнения базовых ценностей. Покажем рефлексивную деятельность носителей языка на материале нескольких ценностных концептов, входящих в ядро, выявленное в ходе ранее проведенного социолингвистического исследования.

Концепт дружба, универсальное человеческое качество [Вежбицкая 2001: 63—200], для русского этноса является одной из важных ментальных сущностей: «...ключевыми оказываются потребность в интенсивном и душевном личном общении и помощь другу в случае необходимости» [Шмелев 2002: 181]. Русская «человеко-другоцентричность» находит свое отражение в рефлексивных высказываниях, например: *Для него смысл слов „Дружба понятие круглосуточное“ не просто светловский афоризм. Это суть его отношений со многими и многими своими земляками, однокашниками, телевизи-*

онными соратниками и даже друзьями друзей... По моему убеждению, эта благородная упость его характера помогает создавать то, что многим другим просто не под силу (Коммерсантъ. 03.10.2002). Главные когнитивные признаки — самопожертвование, бескорыстие, единение — отсылают это понятие к духовным национальным ценностям высокого уровня и позволяют обыденному сознанию выявить особое место подлинной дружбы, включающей признаки святости и готовности отдать жизнь за друга: *Штормовой употребил слово „дружба“ в каком-то его древнем, давно умершем значении. Сейчас „дружба“ значила кучу разных вещей и только в последнюю очередь готовность умереть за друга в застенках Лубянки* (Знамя. 15.04.2010); *Сегодня я хочу, но не могу назвать Зяму другом лишь потому, что не знаю, позволил бы он сам употребить столь высокое слово — дружба* (Искусство кино. 15.04.2005).

С другой стороны, современная жизнь формирует менее требовательный взгляд на тот же самый предмет, из него выветриваются семантические компоненты, относящиеся к концептам высшего порядка: *Интернет, мобильная связь пестрят дружескими цветочками, улыбками, поцелуйчиками, корпоративные вечеринки и тренинги нацелены на поголовное братание, электронные тусовщики именуют себя универсальным термином „френд“, даже наши вусмерть озабоченные цифирью парламентарии и чиновники не стесняются порой по-свойски обнять коллегу за плечи. Похоже, дружелюбие становится модным* (Трибуна. 05.06.2008).

Выявляя причины изменения национально-специфичного поведенческого модуля русского человека, носители языка винят в этом современные рыночные отношения: *В первую очередь в известном душевном оскудении людей сыграли свою роль отнюдь не тяготы, выпавшие на долю россиян после краха СССР, а подрастающее там и сям материальное благополучие как продукт рыночных отношений. Давным-давно сказано: легко дружить, коли нечего делить. А вот когда появляется денежный эквивалент житейского успеха, пусть скромного, не слишком устойчивого, то и бескорыстия, без которого дружба просто не существует, приходит конец. Хрупкое качество людских связей, основанных на взаимной и безотчетной симпатии, вряд ли способно выдержать натиск экономического эгоизма* (Трибуна. 05.06.2008).

Содержание концепта *семья* в обыденном сознании современных носителей языка обладает положительной эмоционально-оценочной коннотацией, сохраняет свою значимость: *Ведь именно с семьи все начинается — и кончается тоже здесь. Именно семейные ценности названы „базовыми“ — точное слово! На семье „завязаны“ все узловые, болевые проблемы нашего времени. Тут тебе и демография, и экономика, и экология, и политика тоже — в хорошем, „правильном“ смысле этого слова. И если возможна, если реальна сегодня у нас в стране „национальная идея“ — она тоже здесь. В этом всеобъемлющем и таком простом и привычном словепонятии: семья* (Москва. 14.05.2007); *Слово „семья“ греет. Греет потому, что, на мой взгляд, отношение в нашем отечестве к семье и есть одна из традиционных российских ценностей. Базовых ценностей. И не случайно именно по этой ценности пытаются бить сегодня наши старые и новые идеологические противники* (Московская правда. 10.07.2014).

Обсуждение ценностного концепта — раскрытие сущностного смысла, определение индивидуально-авторского понимания — часто осуществляется с опорой на народно-этимологическое толкование лексемы «семья», строится на актуализации ярких свойств, которые имплицитно присутствуют во внутренней форме слова: *Традиционно слово „семья“ расшифровывается как „семь я“ то есть мама, папа и пятеро детей* (Московская правда. 13.05.2013); *Есть такое поверье: если девушка долго не может найти себе избранника, то надо посадить каменную розу и дожидаться, когда у нее вырастут семь ответвлений, от слова „семья“* (Вечерняя Москва. 27.07.2015); *А знаете, слово „семья“ — индийского происхождения. В переводе с санскрита это означает „лежать вместе“, — просвещал он друзей* (Московский комсомолец. 30.07.2002).

Рефлексивная деятельность языковой личности позволяет наметить зоны напряжения, которые представляют собой осуществленную фиксацию произошедших изменений в структуре стоящего за лексическим репрезентантом ценностного концепта.

1. Редуцируется признак полной семьи, происходит смена семьеобразующего начала, расширяется содержание концепта *семья*: *Мне немножко странно, когда слово „семья“ применяется, когда живут лишь двое — он и она, только мужчина и женщина* (Вечерняя Москва. 18.02.2004); *При всем моем трепетном уважении к слову „се-*

мья“, моя семья всегда была немного недосемья. Я рос у мамы один, мама много ездила, я оставался дома или у тети с дядей (Труд-7. 06.08.2009).

2. Человек «предпочитает говорить не о том, что такое семья, а о том, что значит быть семьей» [Занегина 2011: 23], рассуждает о качестве семейных отношений: *Почему раньше со словом „семья“ я представляла любовь, счастливых супругов, помогающих друг другу, уважение и взаимопонимание... А теперь? Теперь я вижу лишь множество проблем, которых нет, когда нет семьи? Вижу обман и постоянное напряжение — изменил, бросил, ушел, оставил с двумя детьми...* (Комсомольская правда. 24.04.2010); *Заняты собственными проблемами, карьерой, вопросами заработка и благоустройства, интересы родители отодвигают на задний план. А что же получают дети взамен? Телевизор, компьютер, общение на улице. В таких семьях дети вырастают нацеленными на материальные блага. Они хорошо знают, что означает слово „благополучие“, и совершенно не понимают, как объяснить слово „бескорыстие“* (Белгородские известия. 04.12.2012).

3. Редуцируются общечеловеческие морально-этические представления о семье, утрачивается модальность необходимости семьи: *Пашка попросту боится самого слова „семья“. Потому что детдом — это где портфель с твоим именем, а семья — где папа убивает маму* (Известия. 13.01.2009); *Мне 22 года. Мое вероисповедание — христианство, и я отношусь к этому серьезно. По законам религии я должна, я обязана, желательно в ближайшие годы, создать семью. Но даже к самому слову „семья“ я испытываю глубочайшее отращение... Наверное, во всем виноват мой дурак отец, который, сколько я себя помню, всегда очень плохо относился к домашним, постоянно орал на нас, оскорблял, унижал... Кроме того, мне всегда казалось, что, когда человек начинает семейную жизнь, он „умирает“ для общества. Моя мечта — общественная деятельность, и я не хочу погубить свои таланты из-за быта. Особенный ужас начнется, когда появится ребенок. Я боюсь, что из-за пеленок и колясок у меня прекратится полноценная жизнь* (Комсомольская правда. 13.02.2009).

Концепт *благополучие* содержательно амбивалентен, поскольку ценностная доминанта концепта включается в сферу духовных ценностей, ассоциируясь с домом, состоянием покоя и удовлетворения жизнью, и

в то же время «идея материальной обеспеченности является пресуппозицией по отношению к концепту» [Карасик 2010: 40]. Эта двойственность отмечена в семантической структуре лексемы, номинации концепта, см.: *благополучие* — «1. Спокойное и счастливое состояние. 2. Жизнь в довольстве, полная обеспеченность» [Толковый словарь... 2008: 47].

Носитель языка осознает эту двуликость: *Хорошее слово — благополучие. Например, живет мужчина и получает от жизни благо, материальное, физическое, душевное. Все смотрят и видят: он — благополучный, что, естественно, привлекает девушек. Благо — то, что включает в себе определенный положительный смысл* (Вечерка (Томск). 24.07.2013); *Слово „добро“ рядом со словом „благополучие“, как мне кажется, приобретает какой-то нехороший имущественный оттенок. Хотя, может быть, я придираюсь* (Воронежский курьер (Воронеж). 05.02.2004); *Слово „благополучие“ — это получение благ, причем блага могут быть как материальные, так и духовные* (Наш Белгород. 04.08.2012).

Кроме общих метаязыковых рассуждений, отмечены высказывания, которые констатируют доминирование духовной составляющей концепта: *Он вложил в слово „благополучие“ особый смысл — обрести „благо“ — „чувство любви, братства, доброты“* (Наш город Тамбов. 03.04.2006); *Для меня слово благополучие означает здоровье, достаток, уверенность в завтрашнем дне* (Новая жизнь (Багратионовск). 15.01.2005); *Есть одно ёмкое слово, которое вмещает в себя и счастье, и здоровье, и удачу, и многое другое. Это слово — благополучие!* (Тихоокеанская звезда (Хабаровск). 30.12.2011).

В обыденном сознании актуализируется и смысловой компонент материального достатка: *Никто не мог себе представить, что Остяко-Вогульский национальный округ станет одной из самых высокоразвитых территорий страны, лидером по социально-экономическим показателям, синонимом слова „благополучие“* (Вестник (Сургут). 10.12.2010); *Обращаю внимание на слово „благополучие“. В других странах здоровье давно уже было неперенным условием благополучия. Если хочешь быть богатым или хотя бы просто хорошо обеспеченным человеком, будь любезен заботиться о своем здоровье, нравится тебе это или не нравится* (Физкультура и спорт. 01.10.2010).

Личностное интерпретационное поле концепта *благополучие* динамично. В рамках

одного концепта сталкиваются противоположные тенденции осмысления. С одной стороны, традиционным является неприятие богатства и материального благополучия: *Ю. Норштейн: Современный человек сходит с ума по части своего благополучия и комфорта. Для него не существует таких понятий, как „дорога“, „нагретая трава“, „запах осенней прели“. Есть только практическая целесообразность жизни. А слова „благополучие“ и „комфорт“ мне омерзительны* (Троицкий вариант. 19.06.2012).

С другой стороны, новым в обсуждении содержания концепта *благополучие* является актуализация признаков, не свойственных национальному мировосприятию. Осуществляется попытка реабилитировать значимость материальных ценностей в жизни человека, уравнивать материальное и духовное начало: *Но самое страшное, с моей точки зрения, заключается в том, что мы лицемерим. И в экономике, и в политике, и в морали... Надо научиться называть вещи своими именами. Надо научиться выговаривать слово „деньги“, слово „благополучие“, слова „материальный достаток“. Надо научиться считать моральным желание человека жить хорошо и иметь много денег. Если же мы оставим человека между старой системой морали и новыми условиями жизни, то его расплющит. Плюрализм в одной отдельной взятой голове — это шизофрения. Наиболее адаптивные будут приспособливаться, ловчить. Будут нарушать мораль* (Волжская коммуна (Самара). 16.11.2002); *А. Пугачева: Желая, чтобы не было гордостью жить бедно, а было бы гордостью жить в достатке. Хочу пожелать, чтобы сохранились три слова на всю оставшуюся жизнь: свобода, закон и достаток* (Телевидение. 28.12.2016).

Концепт *счастье*, являясь категорией этики, имеет мировоззренческий характер. Представления о счастье, являющемся безусловной жизненной ценностью для каждого человека, окрашены культурной спецификой и входят в русскую языковую картину мира [Воркачев 2004; Зализняк 2005: 153—174]. Счастье связывается с такими семантически близкими понятиями, как *радость, гармония, положительные эмоции* и частными проявлениями состояния — *любовью, здоровьем, искусством, дружбой, любимым делом*. Например: *Вот почему сегодня наша борьба за сохранение нравственного начала в жизни людей, за сохранение веры в человеческих сердцах — это борьба за то, чтобы любовь присутствовала в*

жизни человека, а через любовь и то, что мы называем простым словом счастье (Комсомольская правда. 29.08.2016). Все эти признаки могут быть обобщены и соотнесены с лексикографическим толкованием лексемы *счастье*: «Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения» [Толковый словарь... 2008: 963].

Смысловое поле концепта *счастье*, выстроенное на базе метаязыковых высказываний, оказалось динамически развивающимся «зонтичным» понятием, которое объединяет все сферы жизнедеятельности — профессиональную, семейную, общественную, духовную, — и каждое из этих осмыслений вносит в ценностный объект новые компоненты. Проиллюстрируем данное положение: 1) координация счастья с семейными ценностями: *Слово „счастье“ — это когда у меня есть дом, мои близкие, друзья, все здоровы и готовы понять тебя и поддержать в любую минуту* (Знамя труда (Сланцы). 02.09.2011); 2) координация с духовной жизнью: *Счастье — это быть в ладу с собой. Ведь как расшифровывается слово „счастье“: быть „с частью“, с частью Бога. А Бог есть истина, есть правда, есть любовь, и только с ним можно быть счастливым* (Труд. 18.01.2011); 3) координация с общественной сферой: *В духовном понимании слово „счастье“ — это доброта и сострадание, <...> в социальном смысле — счастье в труде на благо общества* (Информ-Полис. 17.08.2013); 4) координация с профессиональной сферой: *Слово „счастье“ — это когда занимаешься любимым делом, которое радует и вдохновляет не только тебя, но и тех, с кем работаешь* (Встреча (Дубна). 16.06.2011) и др.

Современная жизнь вносит коррективы в традиционное осмысление счастья. Метаязыковые высказывания фиксируют нарушение общепринятого табу на значимость богатства и денег в структуре национальных ценностей. Аксиологические весы ценностной категории *счастье* уравнивает положительное представление о богатстве, сформированное западным типом экономического мышления: *Сейчас настали другие времена, и многие стали понимать слово „счастье“ как свободу в денежном выражении: ты богат, ни от кого не зависишь, значит, счастлив. И чтобы мог сказать, устало вздохнув: „Не в деньгах счастье“* (Вечерняя Казань. 24.08.2011); *Что такое слово „счастье“? Я не верю в счастье без денег. Люди, которые имеют деньги, счастливы. Для каждого возраста есть разная потребность в деньгах* (НТВ. Принцип домино. 06.10.2002); *Слово „сча-*

стье“ — это когда все эти материальные ценности объединены в одном месте, когда из окна вашего жилища открывается прекрасный вид, когда у вас есть собственный дом, а рядом — пруд, лес, цветущий яблоневый сад (Смена (Белгород). 24.09.2011). Счастье в последних контекстах рассматривается как феномен, зависящий от самого человека и связанный с удовлетворением материальных потребностей.

Подведем итоги нашим наблюдениям. Метаязыковое сознание носителя языка аксиоцентрично: предмет обыденной аксиологии составляют рефлексивные высказывания, топиком которых является ценностное содержание слова, вербализующего концепт. При этом метавысказывания закрепляют ценностно-смысловые изменения, вербализуют то, что усваивается другими невербализованно.

Рефлексивное обсуждение переакцентуализации традиционных ценностных смыслов по мере вынужденного приспособления носителя языка к новой социальной среде позволяет сделать вывод о формировании прагматического взгляда на область традиционных духовных ценностей — дружбу, семью, благополучие, счастье. Сдвиг в сторону материального начала свидетельствует о реализации адаптационной деятельности носителя языка в связи с изменившимися условиями жизни, о конкретной навигации человека в условиях экономических, политических и социальных преобразований в стране. Тенденция формирования отрицательно-оценочных коннотаций у ключевых концептов русской культуры создает ситуацию конфликта разных ценностных систем. Ситуация смысловой амбивалентности ключевых концептов носит дезинтегрирующий характер. Но в то же время обсуждение важных в жизни каждого человека гуманистических ценностей семьи, дружбы, благополучия, счастья в качестве актуального, а значит «переживаемого фрагмента опыта» [Карасик 2013: 94] говорит об интегральной функции базовых для русской культуры понятий, о потребности современного человека опереться на незыблемый фундамент культурного кода нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
2. Вепрева И. Т., Ицкович М. М., Купина Н. А., Шалина И. В. Ценностные предпочтения современной студенческой молодежи в лингвокогнитивном и социопсихологическом освещении // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2. С. 62—73.
3. Вепрева И. Т., Купина Н. А. Языковая репрезентация ценностных предпочтений уральцев по данным местной прессы // Изв. Саратов. гос. ун-та. Новая сер. Сер.: Филоло-

гия. Журналистика. 2016. № 2. С. 125—129.

4. Волков Ю. Г. В поисках новой идеологической парадигмы // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2. С. 80—101.

5. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 236 с.

6. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.

7. Занегина Н. Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2011.

8. Карасик В. И. Эмблематический концепт «благополучие» // Политическая лингвистика. 2010. № 3 (33). С. 34—40.

9. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. — М.: Гнозис, 2013. 320 с.

10. Купина Н. А. Предвыборная агитационная кампания — 2016: аксиологический консерватизм и идеологический радикализм // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 38—44.

11. Купина Н. А. Аксиологическая доминанта в тексте программной статьи губернатора Свердловской области Евгения Куйвашева «Мобилизация на успех: год 2016» // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 20—25.

12. Магун В., Руднев М., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестн. общественного мнения. 2015. № 3—4 (121). С. 74—94.

13. Национальные базовые ценности и их динамика: результаты социолингвистического мониторинга / отв. ред. И. Т. Вепрева. — Екатеринбург: Ажур, 2015. 60 с.

14. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

15. Тощенко Ж. Т. Травма общества: между эволюцией и революцией (опыт социологического теоретизирования) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19—21 окт. 2016 г.): материалы V Всерос. социолог. конгр. / отв. ред. В. А. Мансуров. — М., 2016. С. 5952—5966.

16. Шалина И. В., Пиккулева Ю. Б. К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 121—132.

17. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. — М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

18. Korzeniewska-Berczynska J. Obraz człowieka w kontinuum publicystyki. = Образ человека в континууме публицистики. — Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2001. 150 с.

I. T. Vepreva, T. V. Maltseva
Ekaterinburg, Russia

BASIC VALUES OF RUSSIANS IN REFLECTION OF LANGUAGE SELF-CONSCIOUSNESS

ABSTRACT. *The article continues a series of empiric researches by the Ural State Federal University scientists, devoted to national basic value dynamics at the turn of the century. Metalinguistic diagnostics was chosen to serve as a methodological basis of this part of research, determining commonplace sense behavior within intensive renovation of conceptual sphere. When changing over a historical paradigm, a commonplace sense manifests itself as the most important part of language self-consciousness, participating in mental-verbal process of personal preference renovation. The corpus of metalinguistic utterances, identified in the database Integrum (Integrum.ru), which includes 3569 media world sources, forms a discourse of a particular type, that reflects an estimative attitude of Russians to basic values. In the course of analysis vectors of estimative preference development were identified, which were formed on the basis of national culture-historical traditions.*

In the first place reflexive discussion records dynamic processes in comprehension of traditional estimative precepts. Metautterances reveal axiological changes in axiosphere of Russians. The article gives a conclusion of formation of pragmatic view on the area of traditional spiritual values — friendship, family, wealth, happiness — in accordance with native speaker's adaptation to new social and political conditions. A move to unspiritual gives evidence of a person's navigation in conditions of economic, political and social changes in the country. A trend to formation of negative estimative connotation in key concepts of Russian culture creates a situation of different value system conflict. A situation of ambivalence in the meanings of key concepts has a disintegrating character. But at the same time a discussion of important humanistic values of family, friendship, wealth and happiness as a relevant and infelt experience proves an integral function of basic Russian culture notions, as well as the necessity of a contemporary person to rely on an unshakeable foundation of a cultural nation code.

KEYWORDS: *language reflection; metalinguistic utterances; everyday axiology; concept; basic values, dynamics.*

ABOUT THE AUTHORS: *Vepreva Irina Trofimovna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Chair The Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Maltseva Tatiana Vyacheslavovna, master of Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Linguistics, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov. — М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

2. Vepreva I. T., Itskovich M. M., Kupina N. A., Shalina I. V. Tsenostnye predpochteniya sovremennoy studencheskoy molodezhi v lingvokognitivnom i sotsiopsikhologicheskom osveshchenii // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2016. № 2. С. 62—73.

3. Vepreva I. T., Kupina N. A. Yazykovaya reprezentatsiya tsenostnykh predpochteniy ural'tsev po dannym mestnoy pressy // Izv. Saratov. gos. un-ta. Novaya ser. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika. 2016. № 2. С. 125—129.

4. Volkov Yu. G. V poiskakh novoy ideologicheskoy paradigmy // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2003. № 2. С. 80—101.

5. Vorkachev S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyy kontsept. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 236 с.

6. Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. — М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.

7. Zanegina N. N. Kontsept «sem'ya» v russkom literaturnom yazyke i printsipy ego opisaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — М., 2011.

8. Karasik V. I. Emblematiceskyy kontsept «blagopoluchie» // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 3 (33). С. 34—40.

9. Karasik V. I. Yazykovaya matritsa kul'tury. — М.: Gnozis, 2013. 320 с.

10. Kupina N. A. Predvybornaya agitatsionnaya kampaniya — 2016: aksiologicheskyy konservatizm i ideologicheskyy radikalizm // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5 (59). С. 38—44.

11. Kupina N. A. Aksiologicheskaya dominanta v tekste programnoy stat'i gubernatora Sverdlovskoy oblasti Evgeniya Kuyvasheva «Mobilizatsiya na uspekh: god 2016» // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). С. 20—25.

12. Magun V., Rudnev M., Shmidt P. Evropeyskaya tsenostnaya tipologiya i bazovye tsennosti rossiyan // Vestn. obshchestvennogo mneniya. 2015. № 3—4 (121). С. 74—94.

13. Natsional'nye bazovye tsennosti i ikh dinamika: rezultaty sotsiolingvisticheskogo monitoringa / отв. ред. I. T. Vepreva. — Ekaterinburg: Azhur, 2015. 60 с.

14. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy

o proiskhozhdenii slov / otv. red. N. Yu. Shvedova. — M. : Azbukovnik, 2008. 1175 s.

15. Toshchenko Zh. T. Travma obshchestva: mezhdru evolyutsii i revolyutsii (opyt sotsiologicheskogo teoretizirovaniya) // Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost' (Ekaterinburg, 19—21 okt. 2016 g.) : materialy V Vseros. sotsiolog. kongr / otv. red. V. A. Mansurov. — M., 2016. S. 5952—5966.

16. Shalina I. V., Pikuleva Yu. B. K probleme opisaniya

metodiki lingvoaksiologicheskogo analiza (na materiale dialogicheskogo obshcheniya nositeley prostorechnoy lingvokul'tury) // Nauchnyy dialog. 2016. № 11 (59). S. 121—132.

17. Shmelev A. D. Russkaya yazykovaya model' mira : materialy k slovaryu. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 224 s.

18. Korzeniewska-Berczynska J. Obraz czlowieka w kontinuum publicystyki. = Obraz cheloveka v kontinuumie publitsistiki. — Olsztyn : Wydawnictwo UWM, 2001. 150 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. В. Кубасов
Екатеринбург, Россия

СОЦЯЗ В ТЕКСТЕ М. М. ЖВАНЕЦКОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

АННОТАЦИЯ. Проблема советского человека, который являет собой определенный социально-культурный и социально-психологический тип (*homo soveticus*), находится в перекрестье различных научных отраслей — лингвистики, культурологии, литературоведения, социальной психологии. Понятие «соцяз» отличается от понятия «социалистический дискурс» культурологическими коннотациями, так как построено по модели известного термина «соц-арт». Соцяз присущ в первую очередь художественным произведениям, некоторые из которых по прошествии времени проявляют свой «диагностический характер», позволяя раскрыть ментальные особенности советского человека. Монолог М. М. Жванецкого «Алло, вы меня вызывали?» строится в форме разговора по телефону. Пропущенные ответные реплики легко восстанавливаются читателем/слушателем, так что монолог является фактически редуцированным диалогом. В монологе раскрываются такие ментальные особенности советского человека, как ответственность и страх, в их гипертрофированной форме. Серьезным аспектом смешного произведения является виктимизация обывателя и поддержка этого личностного самоощущения со стороны власти. Находят отражение в тексте некоторые черты советского коллективного бессознательного: убеждение, что власти нельзя лгать, что власть знает о человеке больше, чем он сам о себе. Скрытой движущей силой поступков героя является страх. Изживание страха человеком и, как следствие, неосознаваемого им сценарного поведения — одна из ключевых проблем монолога Жванецкого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: соцяз; советский менталитет; советский человек; монологи; сатира; литературное творчество, русские писатели; сценарное поведение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кубасов Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья Уральского государственного педагогического университета; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 2, к. 116; e-mail: kubas2002@mail.ru.

В 2011 г. в Принстонском университете прошла конференция «Соцяз: языковые режимы при социализме». Название конференции дало импульс к возникновению нового термина — «соцяз», который призван был «объединить все многообразие языковых режимов, появившихся в странах, прошедших через социалистический эксперимент» [Венявкин 2012: 371]. Понятие «соцяз» не стало пока ни общепризнанным, ни общепринятым. По сути, оно близко по смыслу понятию «социалистический дискурс», однако обладает несколькими отличными от него добавочными значениями. Ассоциативно и по словообразовательной модели «соцяз» связан с устоявшимся искусствоведческим термином «соц-арт», нагруженным определенными коннотациями. Для нас понятие «соцяз» привлекательно содержащейся в нем отсылкой к определенному хронологическому периоду отечественной истории и одновременно к запечатленному в нем советскому опыту. М. М. Жванецкий в своих ранних произведениях играет «соцязом», передавая ментальные особенности советского человека. Этому явлению и посвящена наша статья.

В 1961 г. на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев провозгласил, что сложилась «новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты — советский народ» [XXII съезд КПСС 1962: 153]. Событие антитетического характера произошло через 20 лет, когда Александр Зиновьев выпустил за рубежом книгу «Homo soveticus», заглавие которой со временем автономизировалось и приобрело характер устойчивого выражения (хотя сам Зиновьев в книге отказывается от приорите-

та в создании данного выражения в пользу советологов). Он пишет: «На Западе умные и образованные люди называют нас гомо советикусами. Они гордятся тем, что открыли существование этого типа человека и придумали ему такое красивое название. Причем они употребляют это название в унижительном и презрительном для нас смысле» [Зиновьев 1981: 75]. Кто такой гомо советикус? Зиновьев дает такое определение: «Это человек, порождаемый условиями существования общества коммунистического (социалистического), являющийся носителем принципов жизни этого общества, сохраняющий его внутриколлективные отношения самим своим образом жизни» [Зиновьев 1981: 147].

Наряду с «гомом советикусом», другим пейоративным термином является «совок». В сентябре 2011 г. радио «Свобода» провело дискуссию на тему «Советский человек: 10 отличий от современного». Один из участников ее, Кирилл Алексеев, старший научный сотрудник Третьяковской галереи, высказал, на наш взгляд, точное суждение. Он задался вопросом: «Когда наступает момент, когда в „совка“ превращаются? Когда вся эта идеалистическая подоплека, философия куда-то уходит и остается только оболочка, вот в этот момент они становятся „совками“, советские люди. <...> Это конец 70-х годов, начало 80-х, когда появляется другая образность, другая идейность, уходит идеализм» [Советский человек]. К сказанному стоит добавить, что понятия *Homo soveticus* и совок связаны с явлением объективации (реже самообъективации) советского человека, со взглядом на себя со стороны: с

позиции временной дистанции или пространственной удаленности, которая позволяет увидеть то, что было скрыто от массового сознания, не способного выйти за пределы повседневности. Кроме объективации, актуальна и диагностическая функция названных выражений. Заостряя проблему, можно сказать так, что «совок» — это диагноз социальной болезни, которая, к сожалению, не лечится медикаментозно.

Переосмысление текстов, созданных в советский период российской истории, позволяет по-новому взглянуть как на недавнее прошлое, так и на современность. Александр Архангельский точно заметил, что Жванецкий является создателем «универсальных текстовых матриц, которые можно прилагать к разным обстоятельствам без ущерба для смысла» [Михал Михалыч]. Иначе говоря, произведения писателя, будучи до известной степени «универсальными текстовыми матрицами», обладают потенциями жанра притчи, а значит, содержат нечто такое, что со временем не устаревает.

Некоторые монологи М. М. Жванецкого являются фактически скрытыми диалогами с опущенными репликами собеседников, которые легко восстанавливаются слушателем. Текст их как бы двоятся: есть «данное», отталкиваясь от которого, автор задает вектор для ассоциаций слушателей-читателей, мысленно воссоздающих «новое», подразумеваемое, рождающееся как следствие.

Обратимся к монологу, который называется «Алло, вы меня вызывали?..». Здесь рассматривается такая личностная особенность homo soveticus, как смесь ответственности и страха в гипертрофированной форме. Советского человека может потянуть к ответу множество государственных учреждений, которые носят репрессивный характер. Это не только милиция, армия, суд, но даже кожно-венерологический диспансер. Тотальная виктимизация обывателей и поддержка этого личностного самоощущения со стороны власти — вот серьезный аспект смешного монолога Жванецкого. Фабула его проста. Некто Чижиков вернулся из командировки, соседи ему говорят, что во время его отсутствия ему приходила какая-то повестка. Будучи человеком по духу советским, а следовательно, ответственным и боязливым, Чижиков не может отнестись к этому факту безразлично и пытается угадать, откуда приходила повестка. Он звонит сначала в милицию, потом в военкомат, затем в суд, далее в «компетентные органы», наконец, в кожно-венерологический диспансер и, завершая круг, снова в милицию. Нигде никто ничего толком не может ему сказать.

В относительно недавней публикации «Новой газеты» можно прочитать следующее: «В России писанные и неписанные законы постоянно конкурируют друг с другом. Но если писанным законам посвящены десятки томов юридических исследований, то неписанные законы остаются в тени, в прямом и переносном смысле этого слова. Подлинная жизнь строится не на основе законов, а на основе „понятий“». Статья 7 этой «понятийной» конституции гласит: «Слабые могут быть привлечены к ответственности за преступления, которые они совершили, за преступления, которые совершили сильные, и даже за преступления, которые вообще никто не совершал» [Пастухов 2012: 24]. То, о чем в саркастическом тоне пишет газета, во время создания Жванецким монолога можно было выразить только имплицитно, оговорочно, с помощью эвфемизации. Экзистенциальный опыт подсказывает нам, что рефлекс советской ментальности остались и живут внутри нас, лишь мимикрируя и видоизменяясь. В сознании россиянина по-прежнему нет уверенности в том, что презумпция его невиновности будет соблюдена. Современные многочисленные чижиковы смутно догадываются, что, с точки зрения государства, они в любой момент могут стать если и не преступниками, то «уклонистами» или нарушителями невидимой и таинственной границы допустимого.

Проблему монолога можно сформулировать как взаимоотношение советского человека с институтами власти. Сознанию Чижикова довлеют сложившиеся стереотипы. Его речевые поступки predeterminedены «советским коллективным бессознательным». Герой знает, что любые властные институты могут заинтересоваться им, при этом причина этой заинтересованности недоступна его сознанию и выше его понимания. Сначала он обращается в милицию: «Алло?.. Это милиция?.. Скажите вы меня не вызывали?.. Я вернулся из командировки, а соседи говорят, кто-то приходил с повесткой меня куда-то вызывают... Чижиков Игорь Семенович, Лесная, 5, кв. 18... Я не знаю, по какому делу... Нет, я не в магазине... Нет, не блондин... 33... Я на всякий случай. Вдруг вы... Не вызывали... Может, ограбление?.. Я-то нет... Но мало ли... Может, кого-нибудь оклеветал?.. Может, вы знаете?.. Нет, пока ничего. Значит, вы не вызывали?.. Извините за беспокойство, ой. (Вздыхает.)» [Жванецкий 1986: 16]. Homo soveticus убежден в том, что власть знает о нем больше, чем он сам о себе. При этом абсурд не воспринимается им как абсурд: «Может, ограбление?.. Я-то нет... Но мало ли... Может, кого-нибудь

оклеветал?..» Обратим внимание на анафорическое начало фраз, начинающихся со слова «может». Они передают модальность возможности. Одна из особенностей советского миропонимания заключается в такой онтологической трактовке бытия, когда невозможное возможно и нереальное может в любой момент обернуться реальностью.

Вторая инстанция, куда обращается Чижиков, — военкомат. Здесь усиливается мотив незнания человеком самого себя по сравнению с всеведением институтов власти. Абсурд жизни возводится в более высокую степень. Усиливается и самоуничтожение героя: «Может, я уклоняюсь или не явился раньше. Мало ли что... <...> Проверьте, пожалуйста, может, что-нибудь не так... Может, я чего-нибудь не знаю. Может, вы знаете... Ну, может, допустил чего-нибудь... Нет. Значит, вы не вызывали?..» [Жванецкий 1986: 17].

Звонок в суд тоже оказывается нерезультативным. Как и в милиции, там ему задают тот же абсурдный вопрос про цвет волос: «Нет, не блондин... С кем связаться?.. И кого спросить?.. А от кого сказать?..» [Жванецкий 1986: 17].

Речи советского человека присуща эфемистичность и недоговоренность. Следует этой речевой стратегии и сам автор, рассчитывая на понимание слушателя/читателя. После неудачи в суде товарищ Чижиков звонит в некое неназванное заведение через коммутатор и называет добавочный номер. Ясно, что герой адресуется в самые компетентные органы, которые должны знать и знают о человеке всё, вплоть до размера его обуви: «Алло... 253 добавочный... Николай Петровича, пожалуйста... Николай Петрович, это Чижиков от Потапова... Я по вопросу вызова в суд... И. С. Он просил меня к вам обратиться... Просто так, явиться и все?.. Завтра?.. А у меня же нет на руках повестки... Пустяки... А в какую комнату это сделать?.. Я же не знаю, по какому делу... Поэтому я и звоню... Вы не подскажете?.. Не блондин, 167, сороковой, глаза голубые, 33... Я не морочу голову. Была повестка... Я не знаю, может, вы знаете?.. Может, мне все-таки прийти?.. Пока не надо. Но вы будете меня иметь в виду?.. Спасибо, извините».

Известные органы, как и все тоталитарные институты, работают с открытым входом, но без возможности выхода: в их «святых местах» можно прийти и без повестки. Очевидно, что находящийся на другом конце провода Николай Петрович воспринимает «Чижикова от Потапова» как сознательного гражданина, то бишь стукача, который хочет рассказать тому, кому следует, о чем-то, а

если говорить прямо — сделать донос. Обратим внимание на аграмматизм в речи героя, который косвенно передает авторское отношение к доносительству: «А в какую комнату это сделать?» Показательно и то, что, представляясь, герой именуется не по имени и отчеству, а лишь называет свои инициалы. Причину этого можно объяснить тем, что у Чижикова нет самоощущения личности. Возможна и другая мотивировка: инициальная форма самопрезентации героя базируется на пресуппозиции, что в органах знают всё обо всех, и если уж им известен размер его обуви, то тем паче известны имя и отчество.

Еще одно свойство советского коллективного бессознательного зиждется на убеждении, что *власти нельзя лгать*. Основа этого глубоко укоренного воззрения заключается в понимании власти как чего-то патерналистского, сакрального и вместе с тем репрессивного. Поэтому Чижиков об интимных вещах говорит легко и свободно, как на исповеди: «Алло, это диспансер?.. А это Чижиков говорит. Вы меня не разыскиваете?.. Я не укрывался, но может, вы меня разыскиваете? И. С. Лесная, 5, кв. 18... По этому адресу и прописан... Я понимаю, что меня нечего искать, но может, вы меня не можете найти. Может, вы не так ищите... Не, девушка, этим я не занимаюсь... Нет, вы трубку не бросайте. Вы проверьте, повестка была... Это не шутка... Чувствую себя хорошо... Я-то не подозреваю. Может, вы?.. В последний раз?.. Месяца два назад... Нет, не жаловалась. Хорошо знаю. Мы вместе работаем... Нет. Ничего... По утрам? Прозрачная?.. Сейчас посмотрю, подождите, пожалуйста... Алло, прозрачная... Я посмотрел... Два месяца назад... Не случайная... Работаем. Бок о бок... Может, кто-нибудь заявлял... Я-то ни с кем, но, может, кто-нибудь заявлял... Куда позвонить?.. В милицию... Сказать, от вас?..» [Жванецкий 1986: 17].

Завершается монолог повторным обращением в милицию. Композиция монолога отражает такую онтологическую особенность советского бытия, как его циклическая замкнутость. Монолог строится в форме рондо. Это вечное движение, бег по кругу, который в конечном итоге оказывается бегом на месте.

Особенностью анализируемого текста является его разнообразно представленная эллиптичность. Есть завязка, но элиминированы кульминация и развязка. Так как в данном монологе пропущены ответные реплики собеседников героя, то наиболее частотными оказываются межфразовые эллипсисы. Ю. И. Левин, используя материал романа

Набокова «Дар», писал, что такого рода эллипсисы представляют собой «пропуски узально требуемых кусков повествования, в результате чего возникает резкий стык двух повествовательных звеньев и читательское ощущение неожиданности и не(до)мотивированности второго звена. Прагматика этого приема состоит в том, что у читателя предполагаются узально не предполагаемые знания о ситуации (в частности, о внутреннем мире персонажа), т. е. имеет место презумпция включенности читателя в пространство романа (в частности, в сознание персонажа)» [Левин 1998: 314]. Созданная средствами эллипсиса «презумпция включенности читателя» в пространство монолога и в сознание героя Жванецкого способствует возникновению у публики катарсического смеха, выдавливаю из себя хотя бы маленькой капли раба.

В монологе есть две реалии советской действительности, которым герой придает почти сакральный характер — телефон и повестка. Сакральность их укоренена в культурной памяти народа. Еще недавно телефон, или «вертушка», мог повернуть судьбу человека в любое русло. Приведем пример из мемуаров известного карикатуриста Бориса Ефимова: «Это товарищ Ефимов? Ждите у телефона. С вами будет говорить товарищ Сталин. Я встал (ноги сами меня подняли). После довольно продолжительной паузы и легкого покашливания в трубке послышался глуховатый голос, который я слышал не раз» [Ефимов]. «Ноги сами подняли» человека, разговаривающего с земным богом. Здесь приведен пример того, что можно назвать вертикальной коммуникацией. Есть власть, которую, как Господа Бога, нельзя лицезреть, но можно слышать. Подобно тому, как замысел Бога относительно человека недоступен его пониманию, так и замысел власти не дано постичь человеку. Жванецкий дает инверсивную ситуацию, в сравнении с той, о которой пишет Борис Ефимов, — не власть снисходит до человека, а сам человек обращается к обожествляемой им власти, готовый принять ее решение относительно себя, независимо от характера замысла и сути этого решения.

Совершенно очевидно, что движущей силой, заставляющей человека обзванивать советские учреждения или вставить при разговоре по телефону, является страх. Он является подлинной пружиной сценарного поведения и литературного персонажа, и реального человека. Изживание человеком страха и, как следствие, неосознаваемого им сценарного поведения — одна из ключевых проблем монолога Жванецкого.

Остановимся на двух антропонимах в

монологе. Литературная генеалогия фамилии «Чижиков» разнородна. Вспоминается прежде всего фольклорный чижик-пыжик. Георгий Иванов в своих мемуарах приводит строчки из банального стихотворения начала XX в.: «Словно *грустный чижик в клетке*, / Я сижу один...» [Иванов 1992: 134]. Чижик, как и канарейка, — устоявшие приметы мещанского быта. Вероятно, имеет место и скрытое противопоставление Чижикова таким «птичьим» фамилиям, как Орлов или Соколов, обладающих другим ассоциативным потенциалом. Чижиков — фамилия, подходящая для номинации массового человека. Другие ассоциации вызывает фамилия «Потапов», которой обозначен работник суда. (Замечу в скобках, что известный художник и замечательный иллюстратор В. А. Чижиков дал эмблеме Олимпийских игр, проходивших в 1980 г., фольклорную номинацию «Михайло *Потылыч* Топтыгин»). Фамилия судьи «Потапов» отсылает читателя не только к фольклорному медведю. Кроме того, по принципу омофонической переключки она связана с понятием «топтун», которое словарь синонимов встраивает в следующий ряд: *фулёр, леговый, сыщик*. Следовательно, ономастикон монолога Жванецкого содержит и фольклорные коннотации, и советские.

Н. А. Купина определяет советизм в широком понимании «как слово (сочетание слов, клишированное выражение), обладающее значением, компонентный состав которого отражает специфику участка собственно денотативного пространства и содержит наведенные идеологической и социальной средой коннотативные приращения или культурные ограничители» [Купина 2009а: 40]. Чижиков — обычный человек, его сознанию чужды слова и выражения, употребляемые советской номенклатурой. Но все-таки и в его сознании проявляется «советский идеологический код», обусловленный «идеологической и социальной средой» и отраженный в советизмах, предстающих в форме клише: «Но вы будете иметь меня в виду?»; «Кого спросить? И от кого сказать?»; «Я по вопросу вызова...». Советскость Чижикова связана прежде всего с поведением героя, с его бессознательным следованием определенным идеологемам. Одна из них — это бдительность, которую можно определить как элемент идеологической системы, соответствующий определенной политической прагматике. Парадоксальность ситуации заключается в том, что бдительность Чижикова направлена не вовне, а на самого себя. Это, так сказать, высшая форма бдительности. Ее отражением является советская идиома, которая могла бы стать эпи-

графом к монологу: «Лучше перебдеть, чем недобдеть». Поисковая система *Google* на современный запрос об этом выражении выдает около семидесяти вариантов его употребления. Значит, можно сделать вывод, что россияне по-прежнему сохраняют бдительность по отношению к самим себе.

Повторю сказанные ранее слова Кирилла Алексеева про момент превращения людей в совков. Это происходит тогда, когда «идеалистическая подоплека, философия куда-то уходит и остается только оболочка». Подмена внутреннего содержания «советскости» ее оболочкой проявляется в десемантизации речи. Она ритуализируется и выхолащивается. Во всех госучреждениях, несмотря на их очевидные различия, Чижикова спрашивают об одном и том же, в том числе про то, не блондин ли он. Это не только смешно, но и абсурдно. Однако высшая логика заключается именно в отсутствии логики, это абсурдистская антилогика государства, с которой не поспоришь и которая находится вне сферы влияния человека. Ему остается только определиться со своей реакцией на нее. Для Чижикова это реакция оптимистического притяжения абсурда окружающей его действительности в духе бравого солдата Швейка.

Современным вариантом Чижикова можно признать карикатурный образ Петровича. Это главный персонаж рисунков известного карикатуриста Андрея Бильжо. По поводу этого героя Александр Кабаков сказал как-то: «Петрович — страшное и великое дитя доктора Бильжо — останется в веках. ...Он просто вся Россия, великая и ничтожная, смешная и страшная, родная до боли и омерзительная до кровавой рвоты. Все мы Петровичи, каждый ровно настолько, насколько он это в себе допускает или даже культивирует: жизнерадостный жлоб и мудрец, дефективный резонёр и насмешник. Петрович — это Петрович. А кто не Петро-

вич, того и нет вовсе» [Бильжо]. Нам только кажется, что все «советское» и «советскость» безвозвратно канули в прошлое. Ментальные рефлекссы нашего недавнего прошлого благополучно остались и живут внутри нас. Поэтому вопрос гоголевского героя: «Над кем смеетесь?» — и следующий за ним ответ по-прежнему остаются в силе. Варьируя слова Александра Кабакова, можно сказать, что все мы в той или иной мере Чижиковы. А кто не Чижиков, того и нет вовсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский А. Михал Михалыч. Писатель Жванецкий: искусство сохранять актуальность. URL: http://www.jvanetsky.ru/data/text/pi/archangelsky_about_mm.
2. Бильжо Андрей. «Итого». URL: <http://besttoday.ru/posters/556.html>.
3. Венявкин И. Международная конференция «Союз: языковые режимы при социализме» // Новое лит. обозрение. 2012. № 1 (113). С. 371—376.
4. Ефимов Б. О временах и людях. URL: <http://1001.ru/books/efimov/issue58>.
5. Жванецкий Михаил. Светлые проблемы темной личности // Время и мы. 1986. № 89. С. 5—31.
6. Иванов Г. Мемуары и рассказы / сост. В. Крейд. — М.: Прогресс — Литера, 1992.
7. Зиновьев А. В. Гомо советикус. URL: <http://zinoviev.org/files/zinoviev-homo-sovieticus.pdf>.
8. Купина Н. А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. 2009а. Вып. 2 (28). С. 35—40.
9. Купина Н. А. Динамика идеологического фонда русского языка: актуальные тенденции // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. ВГПУ. — Волгоград: Перемена, 2009. С. 158—168.
10. Левин Ю. И. О «Даре» // Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю. И. Левин. — М.: Языки русской культуры, 1998.
11. Пастухов В. Основные понятия Российской Федерации // Новая газета. 2012. № 49 (1897). 4 мая. С. 24.
12. Русский язык и советское общество (социолитературное исследование): лексика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1968. 186 с.
13. Советский человек: 10 отличий от современного. 2011. 9 сент. URL: <http://www.svoboda.org/content/feature/24323622.html>.
14. XXII съезд КПСС (17—31 окт. 1961 г.): стенографический отчет. Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1962.
15. Чудакова М. Советский лексикон в романе «Мастер и Маргарита» // Новые работы. 2003—2006. — М.: Время, 2007. С. 234—348.

A. V. Kubasov
Ekaterinburg, Russia

SOCIALIST LANGUAGE IN M. M. ZHVANETSKY'S TEXT AS A REFLECTION OF SOVIET PERSON'S MENTALITY

ABSTRACT. *The Soviet person, who is a certain socio-cultural and socio-psychological type (the so-called homo soveticus), is of interest for Linguistics, Cultural Studies, Literary Studies and Social Psychology. The concept of "socialist language" ("sots language") differs from the concept "socialist discourse" by its cultural connotations, as it is coined on the analogy with the wide-spread term "sots art" (short for "socialistic art"). Sots language is typical of fiction; some pieces reveal their "diagnostic nature" in the course of time and disclose the mentality of Soviets. M.M. Zhvanetsky's monologue "Hello, did you call on me?" imitates a conversation on the phone. The missing replies are easily guessed by the audience, so this monologue is in fact a reduced dialogue. The monologue reveals such features of mentality of Soviets as responsibility and fear in their exaggerated form. Serious aspect of this funny piece of work is victimization of an ordinary man and support of this self-perception by the government. Some features of the Soviet collective and unconscious are found in the text: the belief that no one may lie to the authorities, the belief that the authorities know more about every citizen than the citizen himself. The inner motivation for the character is fear. The attempt to get rid of the fear, and consequently, the script behavior, is one of the key elements of Zhvanetsky's monologue.*

KEYWORDS: *sots language; socialist language; Soviet mentality; the Soviet; monologue; satire; writing; literature; Russian writers; script behavior.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kubasov Aleksandr Vasilievich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theory and Methods of Teaching Disabled People, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Arkhangel'skiy A. Mikhail Mikhailych. Pisatel' Zhvanetskiy: iskusstvo sokhranyat' aktual'nost'. URL: http://www.jvanetsky.ru/data/text/pi/archangelsky_about_mm.
2. Bil'zho Andrey. «Itogo». URL: <http://besttoday.ru/posters/556.html>.
3. Venyavkin I. Mezhdunarodnaya konferentsiya «Sotsyaz: yazykovye rezhimy pri sotsializme» // Novoe lit. obozrenie. 2012. № 1 (113). S. 371—376.
4. Efimov B. O vremenakh i lyudyakh. URL: <http://1001.ru/books/efimov/issue58>.
5. Zhvanetskiy Mikhail. Svetlye problemy temnoy lichnosti // Vremya i my. 1986. № 89. S. 5—31.
6. Ivanov G. Memuary i rasskazy / sost. V. Kreyd. — M. : Progress — Litera, 1992.
7. Zinov'ev A. V. Gomo soveticus. URL: <http://zinoviev.org/files/zinoviev-homo-soveticus.pdf>.
8. Kupina N. A. Sovetizmy: k opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2009a. Vyp. 2 (28). S. 35—40.
9. Kupina N. A. Dinamika ideologicheskogo fonda russkogo yazyka: aktual'nye tendentsii // Sovremennaya politicheskaya lingvistika: problemy, kontseptsii, perspektivy : sb. nauch. tr. VGPU. — Volgograd : Peremena, 2009. S. 158—168.
10. Levin Yu. I. O «Dare» // Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika / Yu. I. Levin. — M. : Yazyki russkoy kultury, 1998.
11. Pastukhov V. Osnovnye ponyatiya Rossiyskoy Federatsii // Novaya gazeta. 2012. № 49 (1897). 4 maya. C. 24.
12. Russkiy yazyk i sovetskoe obshchestvo (sotsiolingvisticheskoe issledovanie): leksika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. — M. : Nauka, 1968. 186 s.
13. Sovetskiy chelovek: 10 otlichiy ot sovremennogo. 2011. 9 sent. URL: <http://www.svoboda.org/content/feature/24323622.html>.
14. XXII s"ezd KPSS (17—31 okt. 1961 g.) : stenograficheskiy otchet. T. 1. — M. : Gospolitizdat, 1962.
15. Chudakova M. Sovetskiy leksikon v romane «Master i Margarita» // Novye raboty. 2003—2006. — M. : Vremya, 2007. S. 234—348.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. А. Михайлова.

И. А. Мурог
Москва, Россия

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРСУАЗИВНОЙ СИЛЫ АРХЕТИПА В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ РЕКЛАМЫ)

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается прием использования архетипов как одно из средств языкового манипулирования при создании эффективного рекламного текста военной направленности. Исследование строится на классификации, которую предложили М. Марк и К. Пирсон. Автором анализируются примеры американской печатной рекламы, в основе которых лежит использование архетипов Героя, Исследователя, Опекунa и Своего парня. Путем переориентации психики человека на общечеловеческие ценности реклама отвлекает сознание реципиента от собственно прагматической сущности. В результате этого у человека формируются определенные мировоззренческие и поведенческие стереотипы. Это приводит реципиента не только к покупке определенного продукта, но и к лояльности к определенному бренду, рекламной концепции, которая предстает в сознании потребителя как неотъемлемая часть общечеловеческой культуры. Данная закономерность является особенно значимой для военной рекламы. Исходя из тезиса о том, что каждый человек на различных этапах своей жизни тяготеет к различным мотивационным группам или совмещает в себе сразу несколько, автором делается вывод о том, что военная реклама в США рассчитана на разные психологические типы и активно использует архетипы как недостающее звено между рекламируемым продуктом и мотивацией потребителя. Автором обосновывается эффективность использования военной рекламы как средства воздействия на индивидуальное и общественное сознание в целях формирования положительного имиджа вооруженных сил. Исследование персуазивной силы архетипа в рекламном тексте представляется перспективным для практического использования в построении рекламного дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: военная реклама; рекламный дискурс; язык рекламы; манипулятивное воздействие; рекламные тексты; вооруженные силы; архетипы; имидж вооруженных сил.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мурог Ирина Александровна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, преподаватель 32 кафедры английского языка (основного), Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 123001, Россия, Москва, ул. Б.Садовая, 14; e-mail: welkin2005@yandex.ru.

Специфику рекламы в качестве одной из самых важных форм современной коммуникации определяет целый ряд структурирующих признаков. Рекламный дискурс является одним из видов социального, в том числе и политического, воздействия. Рекламный текст адресован широкой аудитории и представляет собой интереснейший материал для исследования персуазивных стратегий и тактик. Исходя из доказанного современной психолингвистикой положения теории речевой деятельности об «адресованности текста» [Сидоров 2008], мы предприняли попытку проанализировать использование архетипов в рекламном тексте. Как замечает С. Н. Курбакова, «коммуникация, по-видимому, представляет собой своеобразную регулятивную среду, определяющую стратегии и тактики речевого поведения говорящего и слушающего, особенности употребления ими знаковых средств языка» [Курбакова 2009: 22].

В переводе с греческого языка *архетип* означает «первоначало, образец, прообраз». Знаменитый швейцарский психолог, основатель аналитической психологии К. Г. Юнг называл архетипами систему установок сознания, воспроизводящую глубинные мифологические образы, имманентно присущие каждому человеку [Юнг 1991: 278]. Это — врожденные идеи или воспоминания, сконцентрированные в «коллективном бессознательном», предрасполагающие людей воспринимать события и реагировать на них определенным образом. Интерпретация архетипов не требует усилий со стороны реципиента, поскольку все архетипы восприни-

маются на бессознательном уровне и имеют единый, универсальный смысл для всего человечества. Именно это свойство является основной причиной живого интереса и стремления использовать архетипические образы в процессе создания брендов, рекламных объявлений, роликов и текстов.

При сочетании содержательной стороны рекламы, ее эмоциональной части и подходящих архетипических форм проявляется скрытая персуазивная сила архетипа. По мнению Ж. Бодрийяра, современный человек все лучше сопротивляется рекламному императиву, при этом становится восприимчивее к рекламному индикативу (т. е. к факту существования рекламы как очевидного явления определенной культуры) [Бодрийяр 1999: 179]. Путем переориентации психики человека на общечеловеческие ценности (патриотизм, любовь, семья, дружба и т. д.) реклама отвлекает сознание реципиента от собственно прагматической сущности. Более того, формируя у человека некие мировоззренческие и поведенческие стереотипы, она исподволь приводит реципиента к покупке определенного продукта или лояльности к определенному бренду, рекламной концепции, которая предстает в сознании потребителя как неотъемлемая часть общечеловеческой культуры. Этот механизм воздействия является крайне актуальным для военной рекламы, так как все ее виды так или иначе вносят вклад в создание имиджа вооруженных сил и формирование позитивного отношения общества к данному институту.

Создание успешного рекламного текста требует понимания человеческих мотивов. До определенного момента не существовало научного метода, который бы связывал глубинную мотивацию потребителя со значением рекламируемого продукта. По мнению М. Марк и К. Пирсон, понимание архетипов является недостающим звеном между мотивацией потребителя и продажей товара [Mark 2001: 13—14], а в случае военных рекламных текстов и побуждением к действию. Архетипы напрямую обращаются к образам, запечатленным в психике, актуализируя осознание чего-то знакомого и значимого. Понимание человеком действительности начинается, как справедливо полагает С. Н. Курбакова, «прежде всего, с осмысления того, кто действует, где действует, когда действует» [Курбакова 2015: 236—237]. «Так или иначе, наше знание о мире неразрывно с нашей деятельностью в мире, нашим диалогом с миром» [Леонтьев 2003: 273]. В данном контексте, конечно, большую нагрузку несут языковые знаки, указывающие в речи на лицо, время и место. Данные координаты являются важнейшей частью концептуальной картины мира, а способы и средства их воплощения в речевой деятельности определяются спецификой национальных языков и целей коммуникации.

Для более эффективного анализа механизмов воздействия архетипов в рекламных текстах необходимо уточнить их типологию.

С целью исследования использования архетипов в текстах военной рекламы США нами была проанализирована классификация, которую предложили американские ученые М. Марк и К. Пирсон и которая описывает архетипы через категорию мотивации. Данный подход учитывает противоречия, присущие каждому человеку. По мнению авторов, в каждом имманентно присутствует стремление быть индивидуальностью и в то же время принадлежать к определенной группе; потребность в стабильности и тяга к риску. Исходя из этого, авторы представили оригинальную типологическую модель четырех групп архетипов, являющихся, по их мнению, наиболее важными для реализации четырех категорий базовых потребностей человека.

В рамках основных мотивационных групп выделяются различные архетипы: «Принадлежность» (Belonging) — *Свой парень* (Regular Guy), *Любовник* (Lover), *Шут* (Jester); «Самопознание» (Fulfillment) — *Простак* (Innocent), *Искатель* (Explorer), *Мудрец* (Sage); «Стабильность» (Stability) — *Опекун* (Caregiver), *Творец* (Creator), *Правитель* (Ruler); «Риск» (Risk) — *Герой* (Hero), *Бунтарь* (Outlaw), *Маг* (Magician).

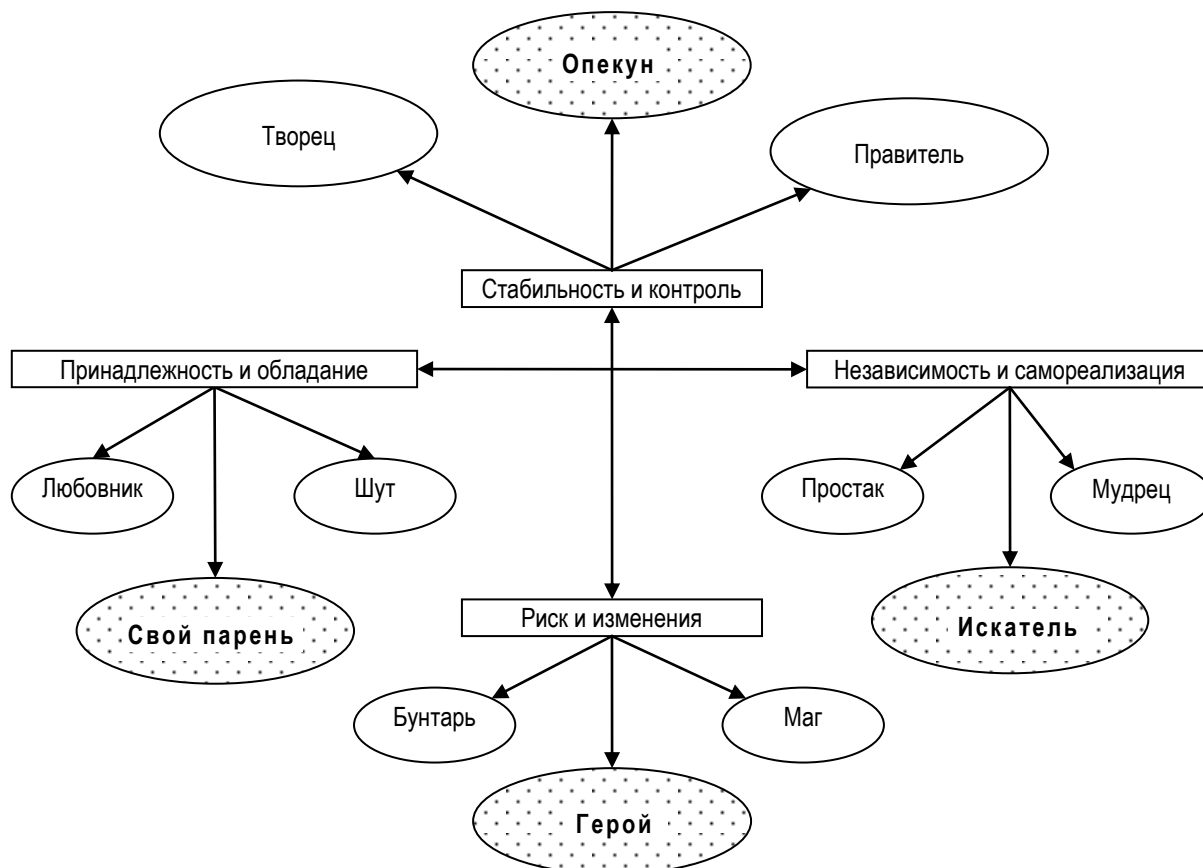


Рис. 1

Исходя из данных нашего анализа рекламных текстов военной направленности, опубликованных в американской периодической печати в течение 2014—2017 г., 72 % из них содержат различные архетипические образы. В ходе нашего исследования было установлено, что в текстах американской военной рекламы можно выделить по одному архетипу, преобладающему в каждой группе. Так, в группе *Принадлежности* наиболее значимым является архетип Своего парня, в группе *Самопознания* — архетип Искателя, в группе *Стабильности* — архетип Опекуна, а в группе *Риска* — архетип Героя (см. рис. 1).

Метод вовлечения каждой мотивационной группы обусловлен самим принципом использования архетипов в рекламных текстах. Будучи непрямым видом коммуникации, реклама не может учитывать индивидуальный опыт реципиента, при этом ее прагматическая направленность может быть реализована только посредством воздействия на отдельную личность, а не на общество в целом. В таких условиях весьма перспективным является апелляция не к индивидуальному опыту, а использование личностных структур как основы организации любого опыта. Обращение к данным структурам при помощи использования архетипов, принадлежащих к различным мотивационным группам, дает возможность добиться однотипного реагирования на рекламные послания у широкой группы реципиентов в зависимости от преобладающей мотивационной направленности и, таким образом, охватить практически всю потребительскую аудиторию за счет апелляции к базовым мотивационным осям, отражающим основные потребности человека.

Каждому архетипу соответствует свой визуальный образ, который может включать следующие элементы: особенности композиции, подбор цвета, стилистику изображения, а также характерное для словесное описание (набор ключевых слов и приемов).

Следует отметить, что среди всех архетипов в американских военных рекламных текстах чаще всего используется архетип Героя — 41 %. Другие встречаются значительно реже, но частотность их использования позволяет проследить некоторые закономерности. Архетип Своего парня встречается в 19 % текстов американской военной рекламы, содержащих в себе архетипические элементы, архетип Опекуна — в 22 %, архетип Искателя — в 12 %, 6 % текстов базируются на других архетипах (Мудреца, Правителя и т. д.).

Исследование закономерностей использования архетипов в рекламных текстах позволяет заключить, что они, как правило, выражены в иконической составляющей текста, что обусловлено особенностями восприятия реципиента. Иконический компонент представляется более надежным способом передачи архетипических смыслов, так как, по мнению психологов, он в первую очередь привлекает внимание читателей и в то же время может считаться универсальным, являясь более однозначным, простым и понятным для реципиентов различных социальных слоев, уровня образования, ценностей и установок. Таким образом, объектом нашего научного исследования с точки зрения использования архетипов становятся креолизованные тексты.

В ходе анализа текстов американской военной рекламы нами было выявлено, что наиболее продуктивным является архетип Героя — 41 %, который принадлежит к мотивационной группе Изменения, Риска и Мастерства. Продуктивность данного архетипа в рамках американкой военной рекламы очевидна. М. Марк и К. Пирсон считают, что самой известной организацией, восприятие которой базируется на архетипе Героя, является американская армия. Об этом свидетельствуют и вербовочные слоганы американской армии: «Be All You Can Be» («Стань тем, кем ты можешь быть») в период с 1980 по 2001 г. и «Army Strong» («Сильная армия») с 2006 г. по настоящее время. Героические организации преданы великому делу и помогают стать «тем, кем ты можешь стать», т. е. «жесткими, гибкими, честолюбивыми, эффективными, способными к конкуренции и, в идеальном случае, принципиальными» [Mark 2001: 111]. Обозреватель газеты «Вашингтон пост» Э. С. Тайсон подчеркивает, что основным содержанием нового армейского слогана «Army Strong» является идея не только физической силы и выносливости, но и эмоциональной устойчивости и интеллекта — совокупность всех этих качеств создает одну сплоченную команду [Tyson 2016].

Образность, которая ассоциируется с архетипом Героя, включает в себя среду, требующую навыков и стойкости; лошадей, машины, самолеты, все, что способно быстро передвигаться; все, что обладает мощью и силой. Для создания подобного эффекта используются яркие краски, четкие линии и контуры. Одежда и окружающая Героя среда не роскошны, а функциональны. Примером может служить реклама адаптационной программы для военнослужащих, увольняющихся из армии (рис. 2).



Рис. 2



Рис. 3.

Иконическая составляющая данного рекламного текста построена на архетипе Героя: мужественное лицо военнослужащего, прямой, сосредоточенный взгляд порождают ощущение силы и превосходства. Добротная, функциональная одежда без лишних деталей — воплощение аскетизма и эффективности. Четкие вертикальные линии, одна из которых, открывая только половину лица, фокусирует внимание читателя на изобразительном образе.

Следует отметить, что архетип Героя активно используется в различных видах военной рекламы. В следующем примере архетип Героя используется для рекламы обыденного, повседневного товара, такого как ортопедический матрас (рис. 3). На переднем плане — мужественная фигура военнослужащего, который даже во сне излучает силу и уверенность. Рекламный слоган

гласит: «Почет нашим военнослужащим. Особые условия для героев нашей страны». Настоящий герой рискует жизнью каждый день, защищая интересы страны, но иногда и он нуждается в покое, герой достоин лучшего и в повседневной жизни.

Следует отметить, что многие примеры военной рекламы, будучи различными по своей прагматической направленности, используют схожие по звучанию тексты, апеллируя к архетипу Героя при помощи не только изобразительных, но и вербальных средств. Подобная риторика наблюдается и в ряде других рекламных текстов: «Educating Our Nation's Heroes» («Образование для национальных героев»), «Honoring Those Who Serve» («Мы почитаем тех, кто служит»), «Honor. Pride. Respect. Join Forces With The Best» («Честь. Гордость. Уважение. Будь среди лучших»). В подобных рекламных

текстах частотной является возвышенная лексика, которая дает возможность ощутить причастность к чему-то по-настоящему значимому, великому, сильному, стать первым среди равных, избранным.

Как было сказано выше, военную рекламу в целом и в частности в США принято ассоциировать в первую очередь с архетипом Героя. Это подтверждают данные опроса, проведенного нами в рамках исследования среди курсантов и слушателей Военного университета (всего 103 человека) в мае 2016 г. Согласно полученным данным, 68 % опрошенных предположили, что наиболее частотным архетипом в военных рекламных текстах является архетип Героя, 18 % считают, что наиболее продуктивным является архетип Искателя, 12 % ассоциируют военную рекламу с архетипом Правителя, 10 % — с архетипом Своего парня и лишь 2 % опрошенных предположили, что в военной рекламе используется архетип Опекуна. Остальные архетипы (Мудреца, Любовника и т. д.), принадлежащие различным группам, не были упомянуты реципиентами. Однако следует отметить, что данная гипотеза не нашла полного подтверждения в рамках нашего исследования. Анализ американских рекламных текстов военной направленности показал, что наиболее продуктивным после архетипа Героя является архетип Опекуна — их доля составляет 41 % и 22 % соответственно. Архетип Опекуна является доминирующим в мотивационной группе «Стабильность и контроль», в то время как архетип Правителя, принадлежащий к той же группе, представлен крайне редко и не является базовым при создании военных рекламных текстов в США.

Девиз архетипа «Опекун» гласит: «Возлюби ближнего своего как самого себя» [Mark 2001: 209]. На первый взгляд, эта

установка не имеет ничего общего с военной рекламой, но если обратиться к данным, полученным нами в ходе анализа тематики военных рекламных текстов в США, мы увидим, что значительная их часть посвящена рекламе дополнительных возможностей для военнослужащих, включающих в себя жилищные программы, образование для членов семей, страхование, особые условия, предоставляемые банками, и т. д. В этом и заключается особенность американской военной рекламы, которая направлена не только на потенциальных новобранцев, но также на действующих военнослужащих и членов их семей. Такой вид рекламы выполняет сразу несколько функций: традиционную маркетинговую, нацеленную на получение выгоды и продажу товара, и в то же время задачу «опосредованной» рекламы вооруженных сил. В представлении целевой аудитории военнослужащих — это не только герой, экстраординарный человек, но и тот, кто заботится о своем будущем и будущем своей семьи, может обеспечить ее достойное существование.

Многие рекламные кампании апеллируют к чувству ответственности, которое люди испытывают перед своими семьями, и страху перед тем, что не смогут должным образом позаботиться о них. В случае с военной рекламой большую часть составляет реклама страхования и банковских вкладов, призванная придать военнослужащим и их семьям уверенность в завтрашнем дне.

Реклама страховой компании USAA (рис. 4) призывает военнослужащих «никогда не переставать быть защитником» (своей семьи) («Never Stop Being Their Protector»). При создании рекламы на базе архетипа Заботливый человек, как правило, помещается в дружественную среду, окружен близкими и родными, излучает радость и заботу.



Рис. 4



You Work Hard.
We'll Work Hard to Save You Money.

Рис. 5



Рис. 6



Рис. 7

Компания «GEICO.MILITARY» признает, что военнослужащим порой приходится трудно, и дает обещание «усердно работать над тем, чтобы сохранить их сбережения» (рис. 5). Трогательная картинка изображает беззащитного новорожденного в руках заботливой ма-

тери, которая находится на службе у своей страны и тем самым стремится обезопасить и обеспечить будущее своего ребенка. Контраст между полевой формой матери и спокойным, безмятежным сном младенца создают сильный эмоциональный эффект, чем решается

сразу несколько задач: привлечения внимания к рекламируемому продукту и создания положительного образа военнослужащего и вооруженных сил в целом.

Следующая мотивационная группа «Принадлежность и обладание» в американской военной рекламе представлена архетипом *Свой парень*. В результате количественно анализа нами было выявлено, что около 19 % текстов американской военной рекламы базируются на использовании данного архетипа. Девиз Своего парня: «Все люди созданы равными» [Mark 2001: 165]. Американские исследователи М. Марк и К. Пирсон отмечают, что, несмотря на то, что армия не является полностью демократической организацией, она стала местом, где мужчины и женщины различной расовой и социальной принадлежности могут активно участвовать в жизни общества, отчасти благодаря пособиям на обучение, а отчасти — политике в области обучения и воспитания, проводимой в армии [Mark 2001: 111]. Вероятно, этим отчасти объясняется широкое распространение данного архетипа в рекламных текстах военной направленности. Более того, архетип Своего парня принято ассоциировать с образом добропорядочного гражданина, который качественно и вдумчиво каждый день выполняет свою работу и олицетворяет собой надежность и здравый смысл. Свой парень — один из нас, образ, понятный и близкий каждому. Примером использования данного архетипа являются рекламные тексты страховой компании USAA (рис. 6, 7). Ими была подготовлена серия рекламных текстов, изобразительная составляющая которых представляет собой фотографию обычного человека, «своего парня», однако рядом с его изображением помещается ряд чисел — личный номер военнослужащего. За каждым числом в этом ряду стоит что-то значимое для данного человека: 14 лет службы, 11 лет брака и т. д. Этот прием позволяет нам по-иному взглянуть на этого военнослужащего, не как на Героя, а как на «славного малого», одного из нас, парня, который хорошо выполняет свою работу и тем самым вносит свой вклад в поддержание порядка и развитие общества. Компания заявляет: «Нам важно то, что скрывается за номером», т. е. сам человек, его потребности.

Следует отметить, что в упомянутых примерах главными действующими лицами являются как мужчины, так и женщины — военнослужащие, а также представители разных рас. Это в полной мере отвечает принципу Своего парня, гласящему о гендерном и расовом равенстве. Данный архе-

тип очень продуктивен для создания продолжительных по времени рекламных кампаний, так как материал для них поистине неисчерпаем и не требует возвышенной риторики. Что немаловажно, посредством использования архетипа Славного малого происходит аффилиация военнослужащих как отдельной группы с обществом в целом. Значение данного процесса сложно переоценить, так как он, с одной стороны, дает возможность военнослужащим ощутить положительное отношение и моральное одобрение общества, а с другой — способствует развитию патриотизма среди населения.

Четвертым по частотности использования в текстах американской военной рекламы является архетип Искателя, принадлежащий к мотивационной группе «Независимость и самопознание». Данный вектор развития человека традиционно ассоциируется с военной службой. Это подтверждают данные опроса, проведенного нами в рамках исследования среди курсантов и слушателей Военного университета в мае 2016 г. В результате количественного анализа полученных ответов архетип Искателя оказался на втором месте после архетипа Героя. Однако в результате проведенного нами исследования рекламных текстов военной направленности данная гипотеза не получила подтверждения. Архетип Искателя встречается лишь в 12 % текстов военной рекламы и в процентном соотношении уступает архетипу Героя (41 %), Опекуна (22 %) и Своего парня (19 %).

Девиз архетипа Искателя: «Не пытайся меня удержать» [Mark 2001: 71], он ориентирован на активные действия, поиск лучшего мира, ответа на вопрос, разрешение внутреннего противоречия. Все это, казалось бы, наряду с активной жизненной позицией, силой и энергией, вполне отвечает требованиям, которые предъявляются к военнослужащим, и могло бы лечь в основу успешной вербовочной кампании. Однако влияние данного архетипа может быть замечено в наиболее демократических организациях, с гибким графиком работы, без четкой иерархии. [Mark 2001: 83]. Несомненно, вооруженные силы не относятся к такому типу организаций, вероятно, поэтому и не проводятся вербовочные кампании, в основе которых заложен архетип Искателя, несмотря на весь его маркетинговый потенциал.

Однако некоторые тексты американской военной рекламы все же базируются на архетипе Искателя. Например, резерв военно-воздушных сил США предлагает военнослужащим, завершающим действительную военную службу, «продолжить свое приключе-

ние» в рамках их организации (рис. 8).



Рис. 8

Также данный архетип активно используется в рекламе особых условий для военнослужащих при приобретении различных транспортных средств, например, культовых мотоциклов Harley Davidson, которые являются не столько необходимыми средствами передвижения, сколько символами свободы, приключений.

Таким образом, проанализировав четыре архетипа, принадлежащие к основным мотивационным группам, мы пришли к выводу о том, что каждый из них занимает определенную нишу в американской военной рекламе. Исходя из тезиса о том, что каждый человек в различные этапы своей жизни тяготеет к различным мотивационным группам или относится сразу к нескольким, можно сделать вывод о том, что военная реклама в США охватывает значительную часть населения, рассчитана на людей различных психологических типов и активно использует архетипы как недостающее звено между рекламируемым продуктом или услугой и мотивацией потребителя. С нашей точки зрения, данный подход может быть использован в России при создании эффективной военной рекламы с мощным потенциалом воздействия на индивидуальное и общественное сознание. Военная реклама нацелена на поддержание определенного имиджа вооруженных сил в обществе. Служба в армии — это не авантюра или приключение, не просто шанс проверить себя, но и возможность получить престижное образование, карьерные перспективы и обеспечить достойный уровень жизни для своей семьи. Военнослужащий не только Герой и Искатель, но Опекун и Свой парень. Таким образом, армия приобретает лицо обычного человека и предлагает ему ряд преимуществ в обмен на профессиональное несение

службы и исполнение долга.

В США начиная с 1973 г., т. е. с момента перехода к комплектованию армии на контрактной основе, накоплен обширный опыт по изучению эффективности и созданию действенной военной рекламы. В рамках научного исследования мы ставили перед собой задачу изучить механизмы персуазивного воздействия американских рекламных текстов военной направленности и рассмотреть возможность использования данных приемов при создании рекламных текстов в России. В ходе анализа 750 рекламных текстов военной направленности, опубликованных в американской периодической печати (журналы «Army», «Army Times», «Aviation Week and Space Technology», «Defense News», «Flight International», «Leatherneck», «The Marine Corps Gazette», «National Defense») в течение 2014—2017 гг., нами было выявлено, что для создания эффективного рекламного текста повсеместно применяются механизмы манипуляции массовым сознанием, одним из которых является использование архетипов.

Исследование персуазивной силы архетипа в рекламном тексте представляется перспективным как для дальнейшего развития теории функционирования языковых средств в речи, так и для практического использования в построении рекламного дискурса. В условиях проведения масштабной реформы российской армии, одной из задач которой является создание нового облика Вооруженных сил России, крайне актуальным становится вопрос о создании эффективной военной рекламы. Это обусловлено тем фактом, что одним из важнейших компонентов, оказывающих значительное влияние на формирование массового сознания современного российского общества, явля-

ется рекламный текст.

ИСТОЧНИКИ

1. Army Times. 11.02.2015.
2. Army Times. 12.10.2015.
3. Army Times. 19.10.2015.
4. Army Times. 26.10.2015.
5. Army Times. 25.01.2016.
6. Army Times. 07.03.2016.
7. Army Times. 18.04.2016.

ЛИТЕРАТУРА

8. Бодрийяр Ж. Система вещей. — М. : Рудомино, 1999. 212 с.
9. Курбакова С. Н. К проблеме исследования интерактивности речевой коммуникации // Коммуникация в современном поликультурном мире: прагматика лингвистического знака / отв. ред. Т. А. Барановская. — М., 2015. С. 227—237.

10. Курбакова С. Н. Языковой дейксис в речевой коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М. : Военный ун-т, 2009.
11. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. — М. : Смысл ; СПб. : Лань, 2003. 287 с.
12. Сидоров Е. В. Онтология дискурса. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 228с.
13. Юнг К. Г. Архетип и символ. — М. : Ренессанс, 1991. 340 с.
14. Mark M., Pearson C. The Hero and the Outlaw. Building Extraordinary Brands Through the Power of Archetypes. — McGraw-Hill, 2001. 386 p.
15. Tyson A. Army Debuts New Slogan In Recruiting Commercials // Washington Post. 2006. Nov. 22. URL: <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2006/11/21/AR2006112101295.html> (date of access: 28.09.16).

I. A. Murog
Moscow, Russia

ARCHETYPE AS A PERSUASIVE STRATEGY IN ADVERTISING TEXTS
(BASED ON AMERICAN MILITARY ADVERTISEMENT)

ABSTRACT. *This article examines the usage of different archetypes as one of language persuasive techniques in military advertising. The study is based on the classification proposed by M. Mark and C. Pearson. The article describes the examples of American military advertisement based on archetypes of Hero, Explorer, Caregiver and Regular guy. Advertising distracts the recipients' consciousness from its pragmatic nature by reorienting their psyche to the universal values. As a result, certain worldview and behavioral patterns can be formed. It makes the recipient not only purchase a particular product, but also become loyal to a particular brand or advertising concept, which appears in the mind of the consumer as an integral part of human culture. This pattern is particularly important for military advertising. Using the thesis that everyone at different stages of his life belongs to some motivational group or combines several of them, the author concludes that the military advertising in the US is suitable for different psychological types. It uses archetypes as the missing link between the advertised product and consumer's motivation. The author proves the effectiveness of military advertising in creating positive image of the army. Considering archetypes as a persuasive strategy seems to be promising for practical use in advertising discourse.*

KEYWORDS: *military advertising; advertising discourse; language of advertising; manipulation; advertisement; armed forces; archetypes; the image of armed forces.*

ABOUT THE AUTHOR: *Murog Irina Alexandrovna, Candidate of Philology Degree Applicant, English Department Lecturer, Military University of the Russian Federation Defense Ministry, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Army Times. 11.02.2015.
2. Army Times. 12.10.2015.
3. Army Times. 19.10.2015.
4. Army Times. 26.10.2015.
5. Army Times. 25.01.2016.
6. Army Times. 07.03.2016.
7. Army Times. 18.04.2016.
8. Bodriyyar Zh. Sistema veshchey. — М. : Rudomino, 1999. 212 s.
9. Kurbakova S. N. K probleme issledovaniya interaktivnosti rechevoy kommunikatsii // Kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: pragmatika lingvisticheskogo znaka / отв. ред. Т. А. Барановская. — М., 2015. С. 227—237.
10. Kurbakova S. N. Yazykovoy deyksis v rechevoy kommunikatsii : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — М. : Voenny un-t, 2009.
11. Leont'ev A. A. Osnovy psikholingvistiki. — М. : Smysl ; SPb. : Lan', 2003. 287 s.
12. Sidorov E. V. Ontologiya diskursa. — М. :Izd-vo LKI, 2008. 228s.
13. Yung K. G. Arkhetip i simvol. — М. : Renessans, 1991. 340 s.
14. Bodiyyar Zh. Sistema veshchey. — М. : Rudomino, 1999. 212 s.
15. Kurbakova S. N. K probleme issledovaniya interaktivnosti rechevoy kommunikatsii // Kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: pragmatika lingvisticheskogo znaka / отв. ред. Т. А. Барановская. — М., 2015. С. 227—237.
16. Kurbakova S. N. Yazykovoy deyksis v rechevoy kommunikatsii : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — М. : Voenny un-t, 2009.
17. Leont'ev A. A. Osnovy psikholingvistiki. — М. : Smysl ; SPb. : Lan', 2003. 287 s.
18. Sidorov E. V. Ontologiya diskursa. — М. :Izd-vo LKI, 2008. 228s.
19. Yung K. G. Arkhetip i simvol. — М. : Renessans, 1991. 340 s.
20. Mark M., Pearson C. The Hero and the Outlaw. Building Extraordinary Brands Through the Power of Archetypes. — McGraw-Hill, 2001. 386 p.
21. Tyson A. Army Debuts New Slogan In Recruiting Commercials // Washington Post. 2006. Nov. 22. URL: <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2006/11/21/AR2006112101295.html> (date of access: 28.09.16).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. С. Н. Курбакова.

Е. С. Надточева, Е. В. Шустрова
Екатеринбург, Россия

СТЕРЕОТИПНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ ПРЕЗИДЕНТА США В АМЕРИКАНСКОЙ КАРИКАТУРЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ ментальных моделей, формирующих основу графических метафор, появившихся в американской карикатуре в течение периода, начавшегося после биржевого краха на Уолл-стрит в «черный вторник» 29 октября 1929 г. Этот период совпал со временем вступления в должность президента-республиканца Г. Гувера. В 1932 г. его сменил Ф. Д. Рузвельт, который повел страну по пути радикального «Нового курса».

В исследовании использована методология, берущая начало из работ по метафорическому моделированию, мультимодальной метафоре и доработанная нами с точки зрения возможности более точного анализа языковых данных.

В результате работы с архивными данными нами были описаны основные переносные значения и культурно обусловленные смыслы, участвующие в создании образов американской карикатуры этого периода. В качестве основной была выбрана тематика социальных ролей на примере образов двух главных политиков США той поры. В частности, описаны роли повара; врача; сильного, уверенного в себе взрослого и, наоборот, ребенка (играющего, плачущего, наивного, озабоченного); избавителя (в том числе от мусора); защитника; сумасшедшего; расточителя; монарха.

В заключение приводится краткое сопоставление с изображением Б. Обамы и последствий экономического кризиса 2008 г.

Результаты работы вносят вклад в разработку проблем метафорологии, в том числе политической. Отдельные итоги будут полезны ученым, занимающимся проблемами лингвокультурологического характера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: графические метафоры; политический дискурс; политическая карикатура; президенты; политическая метафорология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Надточева Елена Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка, методики и переводоведения, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 459; e-mail: elenanadtocheva@tut.by.

Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, методики и переводоведения; Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 459; e-mail: shustrovaev@icloud.com.

Данная статья продолжает серию наших исследований, посвященных американской карикатуре разных лет. Поскольку работ теоретического плана по разным типам семиотических систем, и социальной семиотике в частности, выходит много, мы не ставим своей целью обобщать этот опыт, хотя, безусловно, его учитываем. Эта статья носит исключительно прикладной характер. Нас интересуют различные лингвокультурные модели американской графики, в том числе и политической, особенности оформления общего и индивидуального, направления изменения метафорической модели, причины таких изменений или причины их отсутствия. Сопоставляя материал разных временных срезов, можно проследить, что в современной графике уже закрепилось в качестве традиции, а на что стоит обратить особое внимание как на новую тенденцию. Ключ к пониманию сегодняшних реалий дает обращение к прошлому. В настоящий момент речь пойдет о тех основных социальных ролях, которые американское общество приписывало на Г. Гувера и Ф. Д. Рузвельта.

Большую популярность в Великую депрессию приобрели изображения Г. Гувера и Ф. Д. Рузвельта в образе повара, одновременно напоминающего образ врача. В одной из статей мы уже отмечали тенденцию к совмещению гастрономической и медицин-

ской сфер в карикатуре Великой депрессии. Это направление подтверждается и в образе президента. Карьера Г. Гувера в Белом доме начинается многообещающе, но очень быстро первым восторгам приходит конец. Это отражает и карикатура. На ней Г. Гувер только в самом начале изображен как повар, который, закатав повыше рукава, моет грязную посуду, готовит обед, раскатывает тесто. Сам образ теста неслучаен. Конечно, это связь с хлебом насущным, Благодарью, Христом. Но в английском лексема *dough* обозначает не только тесто, но и наличность, деньги. То есть замешивая и раскатывая тесто, Г. Гувер метафорически пытается влить наличность в экономическую систему США, которая в этом остро нуждалась. Мытье посуды дает несколько ассоциативных линий. Учитывая, что карикатура помещалась в контексте пропрезидентской риторики, первый образ — это так называемая *household chores*, повседневная работа по дому, по хозяйству, рутинная работа, а также трудное задание, неприятная работа, которую намерен выполнить президент. При этом возникает ощущение (исходя из ряда таких рисунков), что пластается он совершенно один, кабинету и сенату явно не до того либо они вообще пытаются свести на нет усилия Г. Гувера. Вторая ассоциативная связь — это идиома *to come out in the wash* —

«разъясняться, улаживаться, утрясаться». То есть по задумке художника, вместе с грязной, мутной водой сомнительных биржевых операций уйдут и проблемы Америки. Еще раз оговоримся, что это пропрезидентское издание, и идиома *to wash one's hands of smth.* — «умыть руки, снять с себя всякую ответственность за что-л.» здесь не предполагалась. Но эйфория длилась очень недолго. Сарказм по поводу призывов Г. Гувера экономить, жить натуральным хозяйством, запастись и бесполезность такой политики хорошо переданы на рис. 2. Первое, что стоит отметить — это графическую метафору преуменьшения: если на рис. 1 президент изображен как решительный взрослый мужчина, то на рис. 2 он наделен чертами ребенка, поваренка при миссис США. Все, что ему досталось в удел, — это пустая тара,

которая совершенно бесполезна в сложившейся ситуации. Вербальный компонент построен на омонимах *can* в качестве модального глагола с основным значением способности что-то сделать и в качестве существительного со значением «банка, жестянка, тара»; также подразумевается американское разговорное глагольное значение «прекратить, перестать». Таким образом, один из лозунгов сверху — «*Can all you can*» — можно понять и как «приложите все свои силы, вывернитесь наизнанку», и совершенно иным образом: «прекратите нас терзать, прекратите демонстрировать нам все, на что вы способны». Похожие метафорические смыслы присутствовали в карикатуре на Б. Обаму, что диктовалось его лозунгом «*Yes, we can!*».



Рис. 1



Рис. 2

«Врачебная» карьера Г. Гувера тоже не задалась. Он пытался давать «уменьшающую» микстуру Безработице, опаздывал к больному, предписывал «старое, надежное, доброе средство» в виде повышения налогов прикованным к постели, тяжело больным южным штатам, что метафорически описывало ситуацию аврала в сельском хозяйстве. Повышение налогов на аграрном, всегда технически уступавшем Северу Юге США было смерти подобно и впоследствии только усугубило ситуацию (ср. рис. 3, 4). Еще одна тема была связана с «сухим законом». На самом деле это не было инициативой Г. Гувера; впервые такие запреты появляются в США в период 1846—1855 гг. Вновь они возникают уже в начале XX в.; в период Первой мировой войны считалось, что «сухой закон» помогает экономить злаки. Прак-

тика показала, что так называемое *prohibition* принесло больше вреда, чем пользы — лишило государство налогов, привело к беспрецедентному росту организованной преступности. В контексте рассматриваемой карикатуры (рис. 5) лекарство *prohibition*, насильно вливаемое истощенному американцу, обозначает не только запрет на спиртное, скорее это запрет на все, что можно, включая работу и социальные гарантии. При этом Г. Гувер считает происходящее «благородным экспериментом». Насколько это безопасно, хорошо показывает его снятая над безжизненным тельцем шляпа. Еще один синкретичный образ появляется, когда Г. Гувер приносит то ли микстуру, то ли какой-то напиток изможденному пациенту в лице США. Это то, что на рисунке происходит в комнатах наверху, а внизу тол-

стая немолодая повариха по имени Сенат кормит всякими булками (снова тесто!) своего столь же не в меру упитанного, старого возлюбленного по имени Политические Партии. Карикатура называлась «*Delayed Nourishment*». Понять это можно не только как «отсроченное питание» (которое предположительно все-таки поступит), но и с опорой на вторичные значения лексемы *delay* — «проволочка, промедление»; «задержка, приостановка; простой». При совмещении с образом умирающего от истощения смысл названия можно передать так: «Промедление смерти подобно». Справедливости ради заметим, что в самом начале президентства Г. Гувера была карикатура, где он изображался как успешный хирург, вставивший новый позвоночник бизнесу США. Увы, вскоре «больному» стало совсем плохо, а «чудо-доктор» был вынужден отойти от дел.

Теперь подробнее о личности Ф. Д. Рузвельта в карикатуре. Один из ассоциировавшихся с ним образов — это повариха Герцогини (рис. 6). Президент весело готовит антикризисное поило, в руках у Ф. Д. Рузвельта микрофон — намек на его регулярные радиообращения, содержавшие успокоительные рецепты для нации. На переднем плане администрация президента пеленает зашедшегося в крике младенца по имени «Ошибки администрации». Если вспомнить сюжет «Приключений Алисы в Стране чудес», то нянчиться с этим капризным созданием в конце концов пришлось Алисе, а потом это дитячко превратилось в поросенка, о чем Алисе весело сообщил Чеширский Кот. Судя по карикатуре, то же самое произойдет и на этот раз. Пока Алиса безмятежно радуется, что это не ее дитя, совершенно не предполагая, что будет дальше. Эти образы обыгрывают такое явление, как *kitchen cabinet* — «кухонный каби-

нет». Начиная с президентства Э. Джексона (1767—1845 гг.) в это неофициальное образование входили политические и экономические советники главы Белого дома. Изначально помощники Э. Джексона действительно собирались на кухне Белого дома. Во время президентства Ф. Д. Рузвельта политику Нового курса разрабатывал так называемый «мозговой трест», в который выходили ученые Колумбийского университета. Именно часть этого треста изображена на карикатуре. Очевидно, что сам президент выполняет только обязанности прислуги.

Другой образ Ф. Д. Рузвельта-повара представлен на рис. 7. По рецепту демократов президент готовит бульон для выздоровления нации. Лицо президента очень озабоченное, щеки ввалились, под глазами круги, рукава решительно закатаны. Весь облик напоминает врача, хотя колпак не оставляет сомнений в том, что основным был образ повара. В большом котле Ф. Д. Рузвельт смешивает разные ингредиенты, на бутылочках значатся имена членов «мозгового треста», или «кухонного кабинета». Сзади исхудавший потребительской, одновременно напоминающий министра финансов Генри Моргентау-мл., озабоченно интересуется, уверен ли президент, что эта смесь не взорвется. Нужно отметить, что это карикатуры, появлявшиеся на страницах консервативных изданий.

Напротив, проправительственные издания призывали верить в своего «повара» или «врача» и силу «нового меню, оздоровленного стола», «лекарств». Один из таких примеров (рис. 8) изображает «кафе Рузвельта», в меню которого входят приспособление национальной экономики, увеличение цен на сельскохозяйственную продукцию (это было необходимо, чтобы вывести из упадка фермерские хозяйства), общееэко-



Рис. 3



Рис. 4



Рис. 5



Рис. 6



Рис. 7



Рис. 8

номическое оздоровление, освобождение от уплаты налогов, возврат пособий, улучшение банковской системы, предотвращение потери права выкупа заложенного имущества для фермеров и т. д. Сам президент не моет никакую грязную посуду, а на прибранной кухне спокойно и уверенно помешивает полный котелок, который становится контейнерной концептуальной метафорой достатка и успеха. В витрине выставлено объявление, которое вместе с меню заинтересованно изучает потенциальный клиент: «Try our scrip appetizer» — «Попробуйте наши государственные облигации». Сам рисунок называется «On the fire», т. е. «в работе, в процессе становления». Предположительно, в работе президент и его кабинет, а в процессе становления — экономика США.

Другой пример называется «Confidence in Your Doctor is Half the Battle» — «Вера в своего врача — половина успеха» (рис. 9). Дела Дяди Сэма пока еще очень плохи. Обратим внимание, что он не просто прикован к постели; у него в гипсе и руки, и

ноги, т. е., если вспомнить о модели пути как жизни, то ни о каком движении речи быть не может. Тем не менее Ф. Д. Рузвельт в образе врача, скорее всего хирурга, уверен в себе и своем методе лечения. Вторая часть заголовка «half the battle» стала отдельным фразеологизмом со значением «залог успеха, победы». Одновременно эта идиома по-прежнему сохраняется в качестве компонента первоначально существовавших и до сих пор употребительных единиц «A good beginning is half the battle», «The first blow/stroke is half the battle» со значением «лиха беда начало», «хорошее начало полдела откачало». То есть в заголовке этой карикатуры содержатся отсылки к указанным оптимистичным идиомам. На другой карикатуре из враждебного стана (рис. 10) Ф. Д. Рузвельт не менее оптимистичен как врач, а конгресс выступает в роли надежной пожилой сиделки. Эти двое излучают взаимопонимание и веру в свои лекарства. На них мрачно взирает Дядя Сэм (который, заметим, уже сидит, а не лежит в практически бездыханном состоянии). У него на столике целый арсе-

нал медикаментов с названиями тех многочисленных программ и организаций, которые появились как часть Нового курса. Здесь явно веры в своего врача мало.

Из иных «профессиональных» образов Ф. Д. Рузвельта хорошо выделяется еще персонификация возницы или шофера. На одном из таких примеров (рис. 11) Дядя Сэм в полном замешательстве смотрит на дело рук своего прежнего «шофера» Г. Гувера, завезшего роскошный кабриолет в глубокую трясину. Ф. Д. Рузвельт снова оптимистичен, но он не торопится сесть за руль. Вместо этого он, закатав рукава и надев резиновые сапоги, явно собирается начать с главного — вытащить экипаж. Стоит обратить внимание на соотношение пропорций при изображении двух президентов, тоже позволяющее сделать заключения о том, кто настоящий мужчина и ответственный политик.

Ответственность Ф. Д. Рузвельта, его успехи приводят к появлению образа сильного, крупного мужчины, защитника. Конечно, здесь не могли не сказаться реальные физические размеры президента, но в качестве противоположного примера можно сразу же привести изображения Дж. У. Буша и

Б. Обамы. Оба высокие стройные мужчины, но последствия их политики таковы, что их нередко изображают карликами, гоблинами, скрюченными уродцами. Ф. Д. Рузвельт никогда, даже в антагонистичной карикатуре, не предстал в таком виде. При этом стоит вспомнить о том, что успешный политик Ф. Д. Рузвельт перенес уже во взрослом возрасте (ему было 39) полиомиелит, навсегда оставивший его калекой. Когда он участвовал в своей первой успешной президентской гонке, Ф. Д. Рузвельт в принципе не мог стоять. На всех фотографиях времен выборов и президентства он либо сидит, либо опирается на трибуну, либо находится в окружении вплотную стоящих взрослых сыновей или друзей, которые позволяют политику опереться на себя. В реальности он передвигался только на инвалидной коляске или костылях. Но ассоциативная связь с ногами как неотъемлемым элементом успеха политика и страны настолько сильна, что Ф. Д. Рузвельт не мог себе позволить показаться в таком беспомощном положении. Есть только одна фотография периода болезни, когда он сидит в инвалидном кресле, но сделана она была до выборов.



Рис. 9



Рис. 10



Рис. 11



Рис. 12



Рис. 13

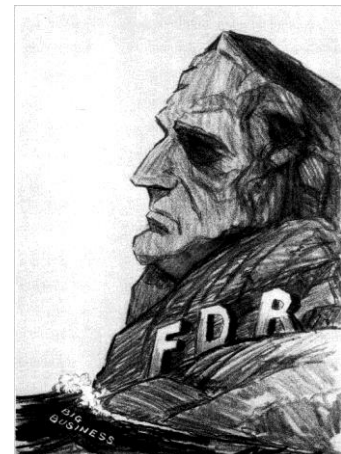


Рис. 14

Итак, в качестве защитника Ф. Д. Рузвельт противостоит военным долгам Европы, образовавшимся после Первой мировой войны, и разделяется с биржевыми спекулянтами. На рис. 13 действия президента подкреплены цитатой из главы 11 Евангелия от Марка: «*to cast out them that sold and bought*» — «[Иисус, войдя в храм,] начал выгонять продающих и покупающих в храме». Поражает, насколько мощным и физически сильным, непобедимым изображен фактически бывший калекой Ф. Д. Рузвельт. Кстати, интересно, что дальше в Библии идет следующий эпизод: «*...and overthrew the tables of the moneychangers, and the seats of them that sold doves.... And he taught, saying unto them, Is it not written, My house shall be called of all nations the house of prayer? but ye have made it a den of thieves*» (перевод Библии короля Якова); «*...and overthrew the tables of the money-chargers, and the seats of them that sold the doves.... And he taught, and said unto them, Is it not written, My house shall be called a house of prayer for all the nations? but ye have made it a den of robbers*» (Американский стандартный перевод) — «...и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул... И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников» (Синодальный перевод). То есть Ф. Д. Рузвельт становится воплощением Иисуса и, по библейскому канону, должен разделаться с теми разбойниками (или грабителями, если следовать англоязычным версиям), которые превратили храм Божий, т. е. США, в притон. Вспомним, что концепция американской исключительности уже была сформулирована.

На рис. 14 президент представлен в виде нерушимой скалы-монумента, о подножие которой разбиваются волны крупного бизнеса. Из иных неантропоморфных, в данном случае скорее метонимических образов, подкрепляющих образ силы и победителя, стоит упомянуть радио и микрофон. Рис. 15, 16, 17 вводят для своей аудитории тему радиообращений Ф. Д. Рузвельта, которые он

начал, еще не разработав план выхода из кризиса. Америка замирала по вечерам у радиоприемников, с надеждой ожидая, что скажет президент. Во многом это сказалось на психологической стабилизации ситуации, хотя до начала изменений надо было еще дожить. На рис. 15 образ сильного, уверенного политика, стоящего перед микрофоном, совмещается с «профессиональной» и «сакральной» графической метафорой: судя по подписи, Ф. Д. Рузвельт «делает очередной доклад своему совету директоров». Таким «советом» становятся представители самых разных социальных и возрастных групп. Кстати, взгляды людей устремлены не столько на президента, сколько на радиоаппаратуру, стоящую перед президентом. По форме она напоминает элементы готического собора, а прорези на корпусе очень похожи на освещенные двери храма. Сам Ф. Д. Рузвельт тоже чем-то напоминает пастора, обращающегося к прихожанам. Сосредоточенный взгляд обращен в светлую сторону рисунка, президент смотрит куда-то выше и мимо человека, воспринимающего рисунок, как будто видит входящего Христа. Очень характерное для американской лингвокультуры совмещение в образе президента ролей бизнесмена и Мессии.

На следующих рисунках Ф. Д. Рузвельт представлен только метонимически — через радиоприемник. На одном из рисунков (16) радиоприемник возвышается над потоком писем сторонников президента, чем вновь передается ощущение уверенности, скорого изменения ситуации. Обратим внимание на затухающую правую часть рисунка. Она сопоставима с темной преградой, скалой, мимо которой несется поток посланий. В радио можно увидеть элементы мачты, возвышающейся над волнами, при этом впереди открывается светлый горизонт — весьма популярная модель американского художественного текста и графики. На другом изображении (рис. 17) из радиоприемника звучит знаменитое обращение Ф. Д. Рузвельта «Мои друзья!». В качестве «друзей» здесь выступает крупный бизнес, оказавшийся в очень противоречивом положении.



Рис. 15



Рис. 16

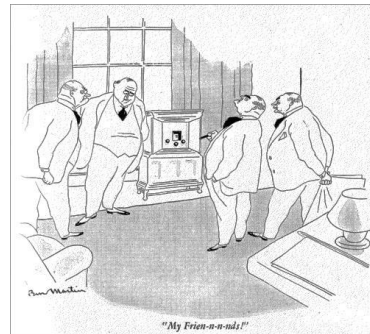


Рис. 17

"This is the Toughest Puzzle of the Whole Series and We've Got to Put It Together if Possible."



Рис. 18

Элементы совмещения модели защитника и игры демонстрирует рис. 18. Ф. Д. Рузвельт изображен за головоломкой, напоминающей очертания США. Рядом с ним в образе верной подруги стоит собирательный женский персонаж, воплощающий черты Мисс Америки и Элеоноры Рузвельт. Ее наряд украшен изображениями национальной символики. Судя по надписи, президент и его дама вместе обязательно должны сложить эту самую сложную головоломку под названием «Фермерское хозяйство». Если обратиться к дефинициям фразового глагола *put together*, мы получим следующее: «1) If you put something together, you **join** its **different parts** to each other so that it **can be used**. 2) If you put together a group of people or things, you **form** them into a **team** or collection. 3) If you put together an agreement, plan, or product, you **design** and **create** it». Конкретное значение будет контекстуально обусловлено, тем не менее в дефинициях выше мы выделили ключевые лексемы, вводящие дополнительную семантику при использовании данного глагола. Это «соединение разрозненных частей, разобщенных групп», «формирование, создание плана, соглашения, команды», т. е. группы людей, имеющих общие интересы, разделяющих цель, для того, чтобы что-то «могло быть использовано», «работало». В этом случае речь, конечно, идет не только о реформе сельского хозяйства, но и американского общества в целом, чтобы распавшаяся система разобщенных и подозревающих друг друга социальных классов снова начала работать, приносить доход. Помимо образа умного, сильного человека здесь легко просматриваются графические метафоры игры и брачной модели политика как супруга своей страны. Это станет особенно очевидно, если сопоставить этот рисунок с более ранней карикатурой на Г. Гувера (рис. 19). Если для Ф. Д. Рузвельта головоломка — не приятное времяпрепровождение, а вынуж-



Рис. 19

денное занятие, то Г. Гуверу, судя по подписи, нравится так играть. Его черты вновь чем-то напоминают ребенка. В отличие от Ф. Д. Рузвельта, перед которым почти готовая картина, Г. Гувер не знает, за какую деталь схватиться. Набор частей у него явно от разных комплектов, и сложить их вряд ли получится. Эту же мысль никчемных детских игр и ребячества Г. Гувера подкрепляет рис. 20, где взрослый, уверенный Ф. Д. Рузвельт указывает Г. Гуверу на его пустые забавы-проекты, изображенные в виде детских игрушек.

Перейдем к «семейной» модели. Конечно, полная семья немыслима без детей. Стандартное восприятие неудобств и тягот семейной жизни в карикатуре часто соотносится с образом младенца или маленького ребенка. Именно эта модель набирает частотность при изображении самых разных проблем.

Начнем с Г. Гувера. На рис. 21 Г. Гувер предстает в образе совершенно замученной няньки, которая охает: «Какая тяжкая работа успокоить все вокруг!» Судя по всему, она плохо справляется со своими обязанностями, потому что дети по имени «Засушливое лето», «Тарифы» и «Падение деловой активности» никак не хотят успокаиваться. За окном в преддверии выборов решительно марширует осел демократов, который только подливает масла в огонь. Скорее всего, он символизирует уличного торговца, в данном случае нотами и словами «хорошо известных песен». Все «песни» у него на тему засухи, исчезновения дождей и старых добрых времен. Особый интерес представляют две лексемы — *rain* и *dry*, входящие в состав лозунгов «*Tain't gonna rain no mo' (more)*» и «*Nobody knows how dry I am*». Помимо основных значений: «Дождя больше не будет» и «Никто не знает, как я иссушен» (последнее применимо и к земле, и к человеку, томимому жаждой), здесь легко прослежива-



Рис. 20

ются переносные смыслы. В частности, дождь часто связывается с денежным потоком, огромными прибылями. В то же время это можно рассматривать как аллюзию на известную поговорку «*it never rains but it pours*» — «стало накрапывать — ожидай ливня; ≈ пришла беда — отворяй ворота, беда не приходит одна». Вторая лексема, *dry*, может выступать в следующих переносных значениях: 1) холодный, сдержанный; бесстрастный; 2) непредвзятый, беспристрастный, непредубежденный — это явно о новой политике демократов. Третье значение, «сухой, неприукрашенный», подходит для указания на факты, свидетельствующие явно не в пользу политики Г. Гувера. Четвертое значение — «не дающий молока (о дойных животных)» — тоже отсылает к тяжелой экономической ситуации, в частности в сельском хозяйстве. Достаточно вспомнить о молоке как прецедентном продукте и молочных бунтах. Пятое значение — это «вынужденный воздерживаться от алкоголя». Еще раз вспомним, что начало XX в. в США характеризовалось введением «сухого закона». В поисках утешения в тяжелые времена население США было вынуждено или пить суррогат, или платить втридорога за нелегальный алкоголь. «Сухой закон» вызывал большое недовольство практически сразу после его введения. Общественное мнение и принятие 21 поправки в декабре 1933 г. после смены правительства положили конец «сухому закону», так что осел не зря пел эту песню. Есть еще одно значение, реализуемое в словосочетании *dry death* — «насильственная смерть без пролития крови». Учитывая тяжелейшие последствия кризиса, правительство Г. Гувера в данном случае косвенно обвиняется в причастности к уничтожению граждан США.

Если вернуться к первому лозунгу, эти же смыслы обнаружатся в форме *taint*. В составе использованной конструкции данное слово является своеобразным написанием разговорной формы *it ain't*, подменяющей стандартное *it isn't*. Интересно, что написана эта форма слитно, в одно слово. А такое слово действительно существует, более того, оно достаточно частотно и употребляется и как существительное, и глагол. Значения существительного: 1) пятно; 2) неприятный запах, вонь; 3) позор, пятно; испорченность; 4) налет, оттенок (негативный); 5) латентное состояние болезни; 6) порок; порча; 7) зараза, испорченность. Глагольные значения: 1) пятнать (в том числе репутацию); 2) позорить, бесчестить, дискредитировать, компрометировать; 3) портиться; загнивать. В качестве близких синонимов словаря

предлагают *shame* и *disgrace*. Обе лексемы обладают повышенной отрицательной семантикой, например, их можно переводить как «позор; бесчестие», «стыд», «позор, бесчестие; унижение», «низкое, постыдное действие; постыдный поступок, низость». Поэтому, если первое слово воспринимать как простое подлежащее, выраженное существительным, то фразу *Taint gonna rain no mo'* из уст демократов можно воспринять так: довольно мы терпели низости, позорную политику консерваторов, приведшую к болезни нашей экономики, этот позор больше не будет изливаться на наши головы.

На следующем рисунке (22) уже очередь демократов принять на себя заботы о шумном подкидыше, которого Г. Гувер в образе нерадивого отца или опекуна подбросил им под дверь. Ф. Д. Рузвельт вынужден впустить в свой дом все капризы этой детки в виде проблем в банковском секторе, сельском хозяйстве, дефицитного бюджета, военных долгов, необходимости экономить и безработицы, потому что теперь, судя по названию рисунка, «это его дитя», которое совершенно не собирается униматься.

Другая карикатура, опубликованная в республиканском издании, вводит графическую метафору преуменьшения (рис. 23). На ней Ф. Д. Рузвельт, только вступивший в должность, совсем «юный» президент, изображен в образе только начавшего ходить ребенка. В соответствии с американской рождественской традицией он развесил над камином носки с названиями своих новых экономических программ, аббревиатуры которых напоминают инициалы членов какой-то семьи. Сам президент в смешных ползунках наивно и радостно обращается к Дяде Сэму со словами «*Uncle, I'm surely expecting something!*» — «Дядя, я совершенно точно жду чего-нибудь». Снисходительно-ироничное выражение лица «дядюшки» и озадаченный медвежонок перед камином оставляют мало шансов на осуществление мечты юного романтика. Кстати, плюшевый мишка здесь не только дань образам детской. Американский плюшевый мишка имеет свои особенности изготовления (здесь изображена именно такая игрушка), а с происхождением его имени связана известная легенда. Считается что *Teddy Bear* — медвежонок Тедди — был назван в честь президента Теодора (Тедди) Рузвельта, приходившегося действующему на тот момент президенту дядей. Поэтому обращение «дядя» связывается с ожиданием прежних благ начала XX в., когда хозяином Белого дома был другой Рузвельт.

Тем не менее Ф. Д. Рузвельт оказался не столь наивен, как его хотели изобразить, и в

конце 1934 г., когда появились первые признаки если не улучшения, то хотя бы частичной стабилизации экономической ситуации, тоже в прореспубликанском издании появляется другой рисунок (рис. 24). Умиление Ф. Д. Рузвельта по-прежнему кажется забавным, и тем не менее это снова взрослый, вокруг которого кружатся дети, символизирующие его экономические программы. Теперь это уже не пустые носочки, а, пусть и еще даже не подростки, но дети, маленькие люди. Этот переход от артефактной к антропоморфной сфере не может не свидетельствовать о продуктивности предпринимаемых действий.

Если сопоставить этих «детей» с «детьми» Г. Гувера, мы легко заметим значительную разницу в возрасте, счастливое состояние, игру, подобающую возрасту и свидетельствующую о хорошем настроении и здоровье. Так что у президента есть повод для радости. И наконец, настало время и для совсем оптимистичного изображения «детей» США. На рис. 25 Америка и Европа изображаются как ближайшие соседи. Только в квартире Ф. Д. Рузвельта царит мир и спокойствие, на заднем плане посапывают явно не оставшиеся без ужина «дети» все под теми же именами «Проблемы банковской экономики и бюджета», доставшимися им от Г. Гувера. Их опекун явно уверен в себе и доволен тихой домашней атмосферой. Он с улыбкой отзывается на жалобные призывы своей соседки Европы, которая никак не может унять своих сорванцов. Снова маленькие, зашедшиеся в крике дети, на помощь которым готов придти их сосед. Обратим внимание на расположение квартир. Ф. Д. Рузвельт смотрит в соседское окно с высоты своего положения. Заголовок рисунка содержит цитату из Ф. Д. Рузвельта: «*And now to lighten the Neighbor's cares*» — «А сейчас нам предстоит облегчить заботы наших соседей». Здесь присутствует отсылка к факту прибытия в США в поисках лучшей доли потока эмигрантов из Европы. Это не вызывало восторга у большинства американцев, еще не успевших почувствовать значительного облегчения своей собственной доли. Рисунок явно создан с целью оправдать новую политику президента, показать благородство Америки, успокоить граждан. Тему детей продолжают еще два рисунка (рис. 26, 27). На одном из них добрый дядя Ф. Д. Рузвельт успокаивает явно раскапризничавшегося, наверное, потерявшегося ма-

лыша-монетку. Судя по надписи на мостовой, он боится плотного потока машин, мчащихся по дороге с названием «Кризис наличности». Но улыбающийся президент твердо держит малышку за ручку и вознамерился перевести ребенка на другую сторону улицы. На рис. 27 развивается тема телесных наказаний в школе, причем это воспринимается как полезное дело, судя по необходимости усмирить расшалившихся сорванцов. Больше всех сейчас досталось пареньку Обеспечение Займов, которого наказывают за обман. Это должно привести в чувство заигравшихся Уолл-стрит (фактически Биржу), Зарубежные Займы и Частный Банковский Сектор. В руках Ф. Д. Рузвельта «Большая Дубинка». Исторически *big stick* появляется как символ военной мощи США в XX в. и восходит к фразе президента Т. Рузвельта, ставшей популярной в 1901 г.: «*Speak softly and carry a big stick. You will go far*» — «Не повышай голоса, но держи наготове большую дубинку. Так можно многого добиться». В данном контексте это выражение больше относится к внутренним делам Америки, где Ф. Д. Рузвельт предпринимает комплекс крайне жестких мер. Параллельно вводится аллюзия на успехи Рузвельта-старшего, что должно вызвать эффект оправдания принятых решений и надежды на не меньшие успехи политики Рузвельта-младшего. Одновременно возникает отсылка на популярную паремию «*spare the rod and spoil the child*» — «розги пожалеешь — ребенка испортишь», восходящую к библеизмам. Необходимость принятия жестких решений одобряется и в других примерах графики. Приведем еще две иллюстрации. На рис. 28 полный решимости Рузвельт-младший сидит за столом с кипой бумаг. С одной стороны вместо его трости стоит упоминавшаяся большая дубинка, а с другой возникает одобрительная тень Рузвельта-старшего. Рисунок называется «Он настоящий Рузвельт». Кроме дубинки дядюшки, в арсенале Ф. Д. Рузвельта иногда появлялась большая метла, которая должна была мести по-новому, а сам он мог выбрасывать мусор, доставшийся ему от Г. Гувера (рис. 29). Но в отличие от, например, Б. Обамы, которого наделяли явными чертами ассенизатора или дворника, для образа Ф. Д. Рузвельта это совершенно нехарактерно. Он, скорее, новый хозяин, при этом уверенный и оптимистичный, а не обслуживающий персонал.



Рис. 21



Рис. 22



Рис. 23



Рис. 24



Рис. 25



Рис. 26



Рис. 27



Рис. 28



Рис. 29



Рис. 30



Рис. 31



Рис. 32



Рис. 33

Последний стереотипный образ, связанный с Ф. Д. Рузвельтом, — это обманщик или сумасшедший, живущий в другой реальности. На одной из таких карикатур возникает фигура, напоминающая уличного торговца. В левой части рисунка изображен торговец пресловутыми яблоками, который стоит у ободранной стены и напряженно прислушивается к происходящему справа. Прямо на зрителя выходит крошащийся угол кирпичной стены, где в выбоинах стоят даты: «октябрь 1929» и приведенная трижды «1930». Наконец, справа стоит довольный президент Ф. Д. Рузвельт с двумя мешками, полными плакатов с крупно напечатанным словом «работа». Кстати сказать, такой антикризисной агитацией были обклеены все официальные учреждения, включая вокзалы, почты, службы. Меняли ее почти каждую неделю, что часто служило темой для невеселых шуток. Президент, видимо, в очередной раз достает свои часы со словами «Скоро пора начинать», но начинать он явно не торопится.

На другом рисунке (рис. 30), появившемся почти сразу после вступления Ф. Д. Рузвельта в должность, обыгрывается сюжет картины Ж. Ф. Милле «Сеятель», только вместо зерен Ф. Д. Рузвельт бросает в землю огромные суммы денег. Если сопоставить два изображения, то сеятель Ж. Ф. Милле несет запас зерна в три раза меньше, чем сеятель Ф. Д. Рузвельт. У Ж. Ф. Милле на заднем плане светлое небо, занимается заря. Позади Ф. Д. Рузвельта, напротив, сгущается темный, смрадный фабричный дым. Казалось бы, это должно служить хорошим предзнаменованием возобновления работы, но, судя по направленности издания и сгущающейся над президентом тьмой, радужных перспектив ожидать не стоит. Также используется вторичная семантика лексемы *sower*. Это не только «сеятель», но и «тот, кто распространяет какие-либо идеи, мысли,



Рис. 34

настроения; раздор, вражду». То есть президент не только пускает на ветер огромные средства, но и сеет ненужные мысли, противопоставляет друг другу разные социальные группы.

Следующая карикатура (рис. 31) посвящена теме растущей в Белом доме под предлогом создания рабочих мест бюрократии. Дж. Фарли, председатель Национального комитета Демократической партии и одновременно глава Почтовой службы США, бывший в очень доверительных отношениях с Ф. Д. Рузвельтом, с большим удовлетворением показывает на созданную шаткую пирамиду. Хорошо известно, какая судьба уготована любому бизнесу, построенному по модели финансовой пирамиды. По мнению карикатуриста, именно так скоро и случится со всем бизнес-проектом администрации Ф. Д. Рузвельта. Кстати, здесь президент изображен опирающимся на трость — явный признак помех в пути. Обратим внимание еще на одну деталь. Столы клерков своей формой несколько напоминают почтовые марки. Дж. Фарли вошел в американскую историю не только как успешный политик и главный почтмейстер страны. С его именем связаны так называемые «проделки Фарли» (Farley's Follies) — выкуп только что выпущенных марочных листов с целью их дальнейшего использования в качестве подарка Ф. Д. Рузвельту, который был страстным филателистом, и другим высокопоставленным коллегам. На всех этих листах Дж. Фарли ставил свою подпись. Вскоре один из таких листов появился на аукционе и был оценен в 20 000 долларов — очень большие по тем временам деньги. Случился скандал, и репутация Дж. Фарли пострадала. Чтобы избежать рассмотрения дела в конгрессе, Дж. Фарли пришлось отдать распоряжение о переиздании всех выкупленных выпусков. Произошло это накануне переиз-

брания Ф. Д. Рузвельта, и отсылки к бесчестному поступку министра, «расплодившему» и чиновников, и марки, здесь налицо. Причем и тот, и другой проступок явно сделан в угоду и с согласия Ф. Д. Рузвельта.

Образ сумасшедшего, делающего все на свой непонятный манер, хорошо иллюстрируется серией карикатур на тему «Приключений Алисы в Стране чудес». На рис. 32 и 33 Ф. Д. Рузвельт предстает как Сумасшедший Шляпник (или Шляпа в переводе Б. Заходера) и Гусеница с кальяном. Как известно, последняя совершенно запутала бедную Алису своими туманными рассуждениями о разных сторонах гриба, при том что сама Гусеница была в совершенно обкуренном состоянии. На первом рисунке тоже хорошо знакомые действующие лица — постоянно дремлющая и несущая чашку Соня, Мартовский Заяц, который вместе со Шляпником окунал в чай часы и Соню. До этого они превращали эти же часы в бутерброд, смазывая их сливочным маслом. За столом они предлагали Алисе угоститься тем, чего на столе не было в помине.

Все эти несурзные действия сказочных персонажей здесь перенесены на президента и его кабинет. Ф. Д. Рузвельт, сжимая в руке микрофон, из чайника со знаком доллара разливает денежные средства в виде чая не столько по полупустым чашкам с аббревиатурой его программ, сколько прямо на стол. На его шляпе вместо традиционного пера прикреплен чек с обозначением 16 млрд долларов — цена разлитого чая. Название этого действия заимствовано тоже у Л. Кэрролла и повторяет название главы 7 — «А Mad Tea-Party», только здесь оно написано задом наперед, что усугубляет гротесковость происходящего. Слово *party* пропадает в переводе Б. Заходера — у него глава называется «Глава седьмая, в которой пьют чай как ненормальные». В карикатуре же оно обыгрывается, потому что может прочитываться как «политическая партия» вместо «званный прием, званый чай». У слова *tea-party* есть еще переносное значение «беспорядок», которое обыгрывалось и Л. Кэрроллом, и карикатуристом.

Вернемся к основным событиям главы названной повести. Сначала Шляпник и Заяц не позволяют Алисе сесть за стол, говоря, что он принадлежит им и здесь нет места. Алиса же усаживается с фразой «There's PLENTY of room!» — «Он накрыт для кучи народа, гораздо больше чем трое». Затем, задав ей дурацкую загадку, на которую они сами не знают ответа, Шляпник и Заяц высмеивают Алису таким образом «*You might just as well say that "I see what I eat" is the same thing as "I eat what I see"!*»; «...*that "I like what I get" is the same*

thing as "I get what I like"!» Здесь же встречается Соня с фразой *that "I breathe when I sleep" is the same thing as "I sleep when I breathe"!*

Эти фрагменты сказки хорошо известны жителям англоязычных стран. В карикатуре приведенная сцена начинает ассоциироваться с голодными американцами, которые вынуждены есть все что видят, и жадным кабинетом, который получает все, что ему нравится, и тупо спит, когда дышит. При этом стол накрыт не только для этого кабинета, а для всех граждан США, но их там никто не желает видеть. Стоит также вспомнить, что Шляпник и Заяц поссорились со Стариком Время, поэтому и часы у них стоят. Произошло это на концерте у Королевы Червей, когда Шляпник пел песню «*Twinkle, twinkle, little bat! / how I wonder what you're at! / Up above the world you fly, / Like a tea-tray in the sky. / Twinkle, twinkle —*». После первой строки Королева закричала: «*He's murdering the time! Off his head!*» — «Он убивает время! Отрубите ему голову!» Эти смыслы работают и в карикатуре, если вспомнить, что *bat* — это не только «летучая мышь», но и «дубина, палка», «бита», «резкий удар», а еще «сумасшедший, чокнутый» и «пьяный». В этом случае применительно к президенту начало прецедентной песенки Л. Кэрролла можно перевести как «Моргай, моргай, маленький пьяный придурок; интересно, что ты задумал» и «Блести, блести, наша дубина; интересно, кому сейчас прилетит». А вторую фразу Королевы — как «Он совсем съехал с глузду! Чокнулся!» Обратим внимание, что *bat* — это синоним слова *stick*, о значении которого и семейной преемственности мы уже говорили.

Рисунок с Гусеницей подписан «*The Girl He Left Behind Him*». Это тоже своего рода прецедентная фраза, относящаяся к ситуации, когда молодой человек уезжает из родных мест с целью расстаться со своей девушкой, любовь которой начала его тяготить. Вернувшись к Л. Кэрроллу, вспомним, что Алиса и Гусеница обсуждали разные состояния. Алису ее собственная нестабильность очень беспокоила, а Гусеница находила пребывание в разных состояниях естественным. Этот персонаж совершенно вывел Алису из себя, потому что говорил очень медленно и с огромными паузами. Примерно то же самое, с точки зрения художника, происходит и с политической линией высшей власти — ответы на жизненно важные вопросы даются с огромными паузами и с трудом поддаются пониманию. На голове Ф. Д. Рузвельта красуется академическая шапочка, символизирующая происхождение таких витиеватых и странных теорий. Это его «мозговой трест», куда входила профессура ведущих университетов США. Бедной Алисе-

Америке от них только вред. Стоит отметить, что это очень милые, почти безобидные рисунки по сравнению с тем, как изображали Б. Обаму. Для него все тоже началось достаточно невинно, постепенно появился образ азартного игрока, перешедший в образ мота. Последние два года в графике с ним ассоциировался образ полного идиота.

Последняя карикатура (рис. 34) в этом блоке появилась в 1940 г., и снова в консервативном издании. На ней изображение Ф. Д. Рузвельта в образе монарха указывает на то, что он пытается обмануть закон. В 1940 г. Ф. Д. Рузвельт должен был уйти с поста президента. Вместо этого он баллотировался в третий раз, что не было предусмотрено Конституцией. Консерваторы в лице крупного бизнеса считали, что Ф. Д. Рузвельт не по праву присвоил себе слишком много власти и собирается остаться президентом до конца своих лет. Именно так, кстати, и произошло. Ф. Д. Рузвельта выбрали не только в третий, но и в четвертый раз, он умер президентом. Тем не менее оппозиционное меньшинство считало, что это делалось обманным путем. На рисунке король Ф. Д. Рузвельт пишет на Конституции «Отменяется», под изображением стоит подпись: «*The King Can Do No Wrong*» — «Монарх не может ошибиться».



Рис. 35

Чтобы проиллюстрировать эти полностью противоположные взгляды на одни и те же действия Ф. Д. Рузвельта, приведем еще одну карикатуру (рис. 35). На ней изображен типичный день президента. Читатель имеет возможность выбрать тот вариант, который ему нравится в соответствии со своими политическими пристрастиями. Итак, с утра президент храбро или в бреду встает, чтобы перераспределять богатство или безответственно разбазаривать частные фонды. Днем он неформально, открыто и честно или, напротив, неискренне, небрежно и пренебрежительно общается с прессой. А вечером штудирует Конституцию, чтобы действовать законно и защищать этот документ или уничтожить ее, превратив себя в полного диктатора.

Две последние печальные карикатуры — рисунки сегодняшнего дня (рис. 36, 37) — позволяют подвести своеобразный итог нашему сопоставлению. На них представлены образы времен Великой депрессии применительно к современным реалиям. Так, судя по всему, продажа яблок, за которой скрывается попрошайничество, снова в ходу, а в кинотеатрах с успехом идет фильм «Уроки Депрессии», где в главных ролях снимались Г. Гувер и Ф. Д. Рузвельт, а в качестве восходящей звезды выступает Барак Обама.

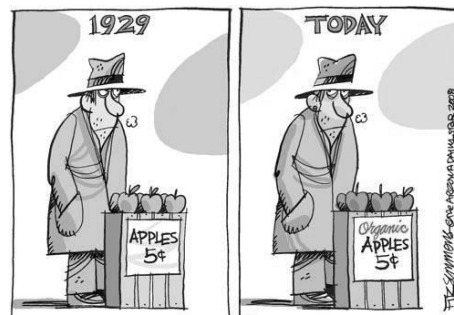


Рис. 36



Рис. 37

ЛИТЕРАТУРА

1. ABBYY Lingvo : электр. программа.
2. Archelaus. URL: <http://www.archelaus-cards.com/> (date of access: 12.01.2017).
3. Funny caricature: Politic caricature, Obama Caricature, Celebrity caricature : Blog. URL: <http://www.allfunnycaricatur.blogspot.com> (date of access: 12.01.2017).
4. Hire an illustrator. URL: <http://www.hireanillustrator.com/> (date of access: 12.01.2017).
5. Humor in America. URL: <http://humorinamerica.wordpress.com/> (date of access: 12.01.2017).
6. Jokes.conservativepapers. URL: <http://www.jokes.conservativepapers.com>. (date of access: 12.01.2017).
7. Kaltoons = KAL : the official site of Kevin Kallaughter. URL: <http://www.kaltoons.com> (date of access: 12.01.2017).
8. Los Angeles Times. URL: <http://www.latimes.com>. — Title from the screen (date of access: 12.01.2017).
9. New York Post. URL: <http://www.nypost.com> (date of access: 12.01.2017).
10. Ohio state University Billy Ireland collection of Cartoons. URL: <http://cartoons.osu.edu/> (date of access: 12.01.2017).
11. Pinterest. URL: <http://www.pinterest.com/> (date of access: 12.01.2017).
12. Political Irony. URL: <http://www.politicalirony.com> (date of access: 12.01.2017).
13. Political Graffiti : Independent Political cartoons. URL: <http://www.politicalgraffiti.wordpress.com> (date of access: 12.01.2017).

14. Political Irony. URL: <http://www.politicalirony.com> (date of access: 12.01.2017).
15. Shutterstock images. URL: <http://www.shutterstock.com> (date of access: 12.01.2017).
16. The Authentic History Center. URL: <http://www.authentichistory.com> (date of access: 12.01.2017).
17. The Cagle Post Cartoons & Commentary. URL: <http://www.cagle.com/> (date of access: 12.01.2017).
18. The Economist. URL: <http://www.theeconomist.com> (date of access: 12.01.2017).
19. The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/>. — Title from the screen (date of access: 12.01.2017).
20. The Huffington Post. URL: <http://www.huffingtonpost.com/> (date of access: 12.01.2017).
21. The Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/pictures> (date of access: 12.01.2017).
22. The New York Public Library. URL: <http://digitalgallery.nypl.org> (date of access: 12.01.2017).
23. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com> (date of access: 12.01.2017).
24. The Onion. URL: <http://www.theonion.com> (date of access: 12.01.2017).
25. The Political Carnival. URL: <http://thepoliticalcarnival.net/> (date of access: 12.01.2017).
26. The Washington Times. URL: <http://p.washingtontimes.com/> (date of access: 12.01.2017).
27. The Week. URL: <http://www.theweek.com> (date of access: 12.01.2017).
28. U.S. News & World Report. URL: <http://www.usnews.com/> (date of access: 12.01.2017).

E. S. Nadocheva, E. V. Shustrova
Ekaterinburg, Russia

SOCIAL STEREOTYPES OF US PRESIDENTS IN AMERICAN POLITICAL CARTOON OF THE GREAT DEPRESSION

ABSTRACT. *The paper investigates mental models which form a basis for graphic (multimodal) metaphors that were connected with the representation of American presidents in American editions in the time that is traditionally called the Great Depression. This period began when the Stock Market crashed on October 29, 1929. As is known, that was the time of Herbert Hoover's (Republican) unfortunate presidency. In 1932, Franklin Delano Roosevelt was elected, who immediately started "The New Deal" program.*

The methods of investigation are formed on the basis of conceptual metaphor theory and multimodal metaphor approach. These methods of study have been further changed in the process of our own research so that linguistic data could be analyzed in a more detailed way.

As a result we've described transferred meanings, pun, decomposition of set-expressions and analyzed images that are deeply rooted in culture. All these form the basis for satire and irony in political cartoons of the given period. We have focused upon the description of social stereotypes that the American editions of that period were imposing on the two main political leaders — H. Hoover and F. D. Roosevelt. These included the roles of a cook, doctor, strong and self-confident grown-up man as contrasted with a whining, playing, naive or concerned child or even toddler. Here we also find images of a savior and defender, cleaner, jerk, and spendthrift. Occasionally a disapproving image of a king was connected with F. D. Roosevelt.

The causes of the Depression as seen by the American cartoonists of that period are compared with what is happening today in US cartoon as far as B. Obama and economic reduction is concerned.

The results of the research in question contribute to the investigations of political metaphors. Some results may also be of interest for scholars whose professional sphere is linked to cross-cultural and linguo-cultural studies.

KEYWORDS: *visual metaphor; political discourse; political cartoon; President; political metaphorology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of the English Language, Language Teaching Methods and Translation Theory, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Nadocheva Elena Sergeevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of the English Language, Language Teaching Methods and Translation Theory, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. ABBYY Lingvo : электр. программа.
2. Archelaus. URL: <http://www.archelaus-cards.com/> (date of access: 12.01.2017).
3. Funny caricature: Politic caricature, Obama Caricature, Celebrity caricature : Blog. URL: <http://www.allfunnycaricatur.blogspot.com> (date of access: 12.01.2017).
4. Hire an illustrator. URL: <http://www.hireanillustrator.com/> (date of access: 12.01.2017).
5. Humor in America. URL: <http://humorinamerica.wordpress.com/> (date of access: 12.01.2017).
6. Jokes.conservativepapers. URL: <http://www.jokes.conservativepapers.com>. (date of access: 12.01.2017).
7. Kaltoons = KAL : the official site of Kevin Kallaughter. URL: <http://www.kaltoons.com> (date of access: 12.01.2017).
8. Los Angeles Times. URL: <http://www.latimes.com>. — Title

- from the screen (date of access: 12.01.2017).
9. New York Post. URL: <http://www.nypost.com> (date of access: 12.01.2017).
10. Ohio state University Billy Ireland collection of Cartoons. URL: <http://cartoons.osu.edu/> (date of access: 12.01.2017).
11. Pinterest. URL: <http://www.pinterest.com/> (date of access: 12.01.2017).
12. Political Irony. URL: <http://www.politicalirony.com> (date of access: 12.01.2017).
13. Political Graffiti : Independent Political cartoons. URL: <http://www.politicalgraffiti.wordpress.com> (date of access: 12.01.2017).
14. Political Irony. URL: <http://www.politicalirony.com> (date of access: 12.01.2017).
15. Shutterstock images. URL: <http://www.shutterstock.com> (date of access: 12.01.2017).

16. The Authentic History Center. URL: <http://www.authentichistory.com> (date of access: 12.01.2017).

17. The Cagle Post Cartoons & Commentary. URL: <http://www.cagle.com/> (date of access: 12.01.2017).

18. The Economist. URL: <http://www.theeconomist.com> (date of access: 12.01.2017).

19. The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/>. — Title from the screen (date of access: 12.01.2017).

20. The Huffington Post. URL: <http://www.huffingtonpost.com/> (date of access: 12.01.2017).

21. The Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/pictures> (date of access: 12.01.2017).

22. The New York Public Library. URL: <http://digitalgallery.nypl.org> (date of access: 12.01.2017).

23. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com> (date of access: 12.01.2017).

24. The Onion. URL: <http://www.theonion.com> (date of access: 12.01.2017).

25. The Political Carnival. URL: <http://thepoliticalcarnival.net/> (date of access: 12.01.2017).

26. The Washington Times. URL: <http://p.washingtontimes.com/> (date of access: 12.01.2017).

27. The Week. URL: <http://www.theweek.com> (date of access: 12.01.2017).

28. U.S. News & World Report. URL: <http://www.usnews.com/> (date of access: 12.01.2017).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

И. Ю. Рябова
Екатеринбург, Россия

**ОБРАЗ КОНЦЕПТА «ВОЙНА» КАК ЗЕРКАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ ЭПОХИ 1870-Х ГОДОВ В РОССИИ
(на примере метафорической модели «супружеские отношения — война»
в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и четырех англоязычных интерпретаций)**

АННОТАЦИЯ. В нашем исследовании рассматривается вопрос о создании образа концепта «война», отражающего политическую обстановку эпохи 1870-х годов в России. Несмотря на то, что данный концепт представлен в произведении Л. Н. Толстого в разных концептуальных метафорах, нами была выбрана метафорическая модель «супружеские отношения — война», так как институт брака не только стал в пореформенный период одним из ключевых аспектов борьбы женщины против тоталитарности и патриархальности мужчины в семье, но и сделался в романе аллегорией столкновения государства (в лице государственного чиновника Каренина) и целого народа (в лице Анны). Основным методом когнитивного исследования в работе стала методика компонентного анализа ключевых лексем в контексте с целью выявления «скрытых» сем концепта «война». На следующем этапе проанализированные контексты с метафорической моделью «супружеские отношения — война» рассмотрены в четырех англоязычных интерпретациях — Р. Пивера и Л. Волохонски, А. и Л. Моод, К. Гарнетт и Н. Доуля; основной задачей становится сопоставление образа концепта «война» с точки зрения семантического наполнения лексем, составляющих концептуальную метафору. Заключительной стадией данного исследования является выбор максимально точного перевода, основанный на отражении релевантной оригиналу политической обстановки эпохи 1870-х годов в стране.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепты; концептуальные метафоры; метафорическое моделирование; метафорические модели; русские писатели; литературное творчество.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Рябова Ирина Юрьевна, аспирант кафедры английского языка, методики и переводоведения, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 459; e-mail: i.y.rjabova_3012@mail.ru.

Вопрос различия «внешней» и «внутренней» форм слова до сих пор волнует лингвистов. По мнению П. А. Флоренского, под «внешней» формой следует понимать нечто твердое, неизменное, то, на чем зиждется слово; «внутренняя» форма — явление постоянно рождающееся, некая форма духа, которая всегда индивидуальна [Микешина 1997: 638]. Задачей реципиента становится усвоение замысла текста — того, что дается неявно, иными словами, постижение «внутренней» формы слова [Богин 1982: 86]. С данной проблематикой тесно связана идея не только выделения в слове денотативного и коннотативного значений, а также неизменного присутствия эмпирического компонента, или чувственно-наглядного образа предмета, но и возможность рассмотрения «внутренней» формы слова как единичного элемента отражения образно-символической картины всего художественного произведения.

В рамках данной статьи мы рассмотрим особенности создания образа в процессе переводческой деятельности и роль семантической нагрузки, которую несет выбранная переводчиком лексема, для интерпретации определенного контекстуального периода в произведении.

В процессе своей деятельности переводчик всегда преследует определенную цель — достижение адекватности перевода. Не всегда лексические единицы одного языка имеют точные аналоги в другом языке. В этой связи «представление о слове как о знаке, отражающем совокупный комплекс ассоциаций, представлений, оценок и интуитивных реак-

ций, может оказаться особенно продуктивным в теории перевода и, в частности, в связи с художественным текстом» [Казакова 544: 92]. Особое место в таком представлении занимает не единичное слово, а метафорическая модель, или само понятие метафоричности, которое, как отмечает А. П. Чудинов, представляет «зеркало, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий или антипатий отражается национальное сознание» [Чудинов 2003: 6]. Таким образом, с одной стороны, при выборе дефиниции (в том числе как части метафоры) переводчик вкладывает в нее собственное интуитивное видение идейного содержания художественного пространства произведения, с другой — неотъемлемое стремление, говоря словами М. Л. Лозинского, «передать дух, а не букву подлинника» [Дмитренко 1974: 22—24]. Столкновение личного, индивидуального опыта и авторского, задуманного смысла — неизбежная сложность переводческой деятельности, но и простор для свободной мысли читателя, движения от обыденного значения слова к созданию образа. Кроме того, по словам А. А. Кибрика, исследуя художественный дискурс, «невозможно остаться в рамках внутриязыковых координат... Неизбежен выход в „экстралингвистические“ сферы и поиск когнитивных, культурных и социальных объяснений» [Кибрик 1994: 127—128].

Как отмечает Е. В. Шустрова, «лексическое значение слова, его парадигматические связи не могут не зависеть от предметных связей реального мира» [Шустрова 2007: 58]. В соответствии с этим, прежде чем рассматривать переводы заявленного в заго-

ловке статьи произведения, охарактеризуем эпоху, в которую создавался роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Писатель уловил в эпохе 1870-х годов «„метания мысли“, неустойчивость, шаткость» [Бабаев 1993: 108] и стремился показать всю правду реальности через «мелочность» деталей быта (под «мелочностью» понимается приверженность писателя деталям в описании ситуаций). «„Все смешалось“ — формула, с которой начинается роман, лаконична и многозначна» [Там же]. Э. Г. Бабаев охарактеризовал «Анну Каренину» как «роман из современной жизни», который поражал современников «вседневностью содержания». Концепт «война» в романе раскрывается с разных точек зрения: противостояние женщины мужчине в патриархальном браке, борьба крепостных за свои права, столкновения двух эго-состояний — стремления к счастью эгоистическому и достижения духовного осмысления себя. С этим концептом борьбы непосредственно связана тема жизни и смерти. Страх небытия и смерти преследовал Л. Н. Толстого всегда, но особенно остро он пережил это состояние в период работы над романом «Анна Каренина». В 1870-е годы смерть — постоянный объект рефлексии писателя, подпитанный событиями извне. Кроме того, увлекшись философией Шопенгауэра, Л. Н. Толстой развивает в романе тему воли, ключевой идеи философа. На протяжении всего романа частотны метафоры, раскрывающие борьбу воли человеческой против сложившейся реальности.

Данная тема столкновения человека с человеком, воли с реальностью, государства и народа в произведении просматривается через призму таких концептуальных метафор, как метафора огня, небесного светила, кругообразного движения, мореплавателя, религии, фитосферы и зоосферы, в рамках разного рода отношений — супружеских, любовных, родительских, семейных, братских и других. В свете данного исследования нас интересует метафорическая модель «супружеские отношения — война», так как именно институт брака в эту эпоху становится «экстралингвистической» сферой борьбы добра и зла, истинного и лживого, живого и бездушного.

Рассмотрим русскоязычный контекст произведения в аспекте стилистических приемов, проведем дефиниционный и компонентный анализ ключевых лексем. ...**Как убившийся ребенок, прыгая, приводит в движение свои мускулы, чтобы заглушить боль, так для Алексея Александровича было необходимо умственное движе-**

ние, чтобы заглушить те мысли о жене, которые в ее присутствии и в присутствии Вронского и при постоянном повторении его имени требовали к себе внимания [Толстой 2014: 257].

Нами выявлены следующие стилистические приемы в данном периоде: сравнение как *убившийся ребенок*, метафора *заглушить мысли* и повтор лексемы *заглушить* в двух оборотах: *заглушить боль* и *заглушить мысли*. Одним из основных методов когнитивной лингвистики, позволяющим выявить «скрытые» смыслы сем, является компонентный анализ, применяемый на материале разных языков [Апресян 1962; Ахманова 1969; Шмелев 1973; Lyons 1981: 75—97].

Лексема *убиться* характеризуется следующими словарными значениями: «сильно ушибиться, удариться». Удариться — «натолкнувшись или толкнувшись, получить удар» [Ожегов 1988]. Особое значение, по мнению З. Д. Поповой, приобретают периферийные семы значения каждой лексемы в синонимическом ряду, которые зачастую оказываются коммуникативно релевантными и реализуются в различных контекстах употребления слов [Попова 2014: 72—73]. С этой точки зрения проследим следующую цепочку: *натолкнуться* — *наткнуться* — *наскочить*, *двигааясь*, *столкнуться* — *столкновение* — *стычка*, **бой** — *военные действия* [Ожегов 1988: 46; 318; 628].

Периферийная сема лексемы *бой* — «крупное» сражение [Ожегов 1988: 250; 620]. Таким образом, классема «воздействие» дефиниции *убиться* реализует значение «находиться под воздействием». Дефиниция дает дифференциальную сему (далее ДС) — 1 «способ» с конкретным выражением «сила», ДС-2 «причина» — «столкновение», ДС-3 «характеристика» — «масштабное», ДС-4 «результат» — «удар», ДС-5 «последствие» — «война».

Дефиниция *заглушить* — *глушить* характеризуется следующим образом: «ударом *ошеломлять* или приводить в бесчувствие. Ошеломлять — сильным ударом лишать сознания» [Словари онлайн <http>]. Удар — «1) стремительное нападение, *атака*; 2) резкий, сильный толчок» [Ожегов 1988: 673]. «Толчок — резкий, короткий, толкающий удар» [Ожегов 1988: 654]. Атака — «стремительное нападение войск на противника» [Ожегов 1988: 29]. Противник — «вражеское войско» [Ожегов 1988: 508]. Войско — «вооруженные силы **государства** или часть их» [Ожегов 1988: 77]. Бесчувствие — без сознания. Классема «воздействие» реализует значение «воздействовать». Дефиниция дает ДС-1 «способ» с конкретным выражением

«сила, удар», ДС-2 «характеристика» — «резкий», ДС-3 «предмет» — «войско», ДС-4 «результат» — «отсутствие сознания». В данной дефиниции особый интерес представляет ДС-3 «предмет» с конкретным выражением «войско» и ДС-4 «результат» в аспекте «без сознания».

Имплицитно лексемой *заглушить* вводится образ государства, его вооруженных сил и давящей диктатуры. В период, к которому относится действие романа, произошла отмена крепостного права (1861 г.), существовавшего только в России и давно ликвидированного в других европейских странах, не только приведшего страну в упадок, но и подтолкнувшего государство и помещиков к тому, чтобы «душить» бывших крепостных крестьян с целью установления над ними дальнейшей власти и контроля. В данной дефиниции «внешняя» форма слова непосредственно связана с военными действиями, а «внутренняя» форма вводит в контекст «объект» этих действий, где в лице Каренина выступает не только бездушное и лицемерное аристократическое общество, но и государственная политика с репрессиями и угнетением.

Обратимся к интерпретациям данного контекста в переводах Р. Пивера и Л. Волохонски, А. и Л. Моод, К. Гарнетт и Н. Доуля:

– As a child who has **hurt** himself jumps about in order to move his muscles and **stifle** the pain, so for Alexei Alexandrovich mental movement was necessary in order **to stifle those thoughts** about his life, which in her presence and that of Vronsky, and with his name constantly being repeated, clamoured for his attention [Peaver 2000: 208];

– As a child that has been **hurt** skips about, making its muscles move in order to dull its pain, so Karenin needed mental activity **to smoother those thoughts** about his wife which in her presence and in the presence of Vronsky, and amid the continual mention of his name, forced themselves upon him [Maude 1918: 205];

– As a child that has been **hurt** skips about, putting all his muscles into movement to drown the pain, in the same way Alexey Alexandrovitch needed mental exercise to **drown the thoughts** of his wife that in her presence and in Vronsky's, and with the continual iteration of his name, would force themselves on his attention [Garnett 1901: 366];

– ...he felt the need of making some intellectual exertion, just as a child stretches its limbs when it suffers with pain. He wanted **to become oblivious to the thoughts** that arose in his mind at the sight of Anna and Vronsky, whose name he heard on all sides [Dole 2015: 220].

Основные различия при переводе рассматриваемой метафоры в связи с передачей концепта «война» возникают при выборе эквивалента русскоязычной лексемы *заглушить*: *stifle, smoother, drown, become oblivious*. Рассмотрим компоненты англоязычных соответствий подробнее.

У англоязычной лексемы *stifle* отмечают следующие словарные значения: 1) *make (someone) unable to breathe properly; suffocate* [OxD]; 2) *prevent something from continuing* [OxD]. Suffocate — 1) *die or cause to die from lack of air or inability to breathe* [OxD]; 2) *feel trapped and oppressed* [OxD]. Trap — *catch (an animal) in a trap* [OxD]. Oppress — 1) *treat people cruelly, or prevent them from having the same opportunities, freedom, and benefits as others* [CoCo]; 2) *keep (someone) in subjection and hardship, especially by the unjust exercise of authority* [OxD]. Authority — *a person or organization having political or administrative power and control* [OxD]. Классема «воздействие» реализуется как «воздействовать». Дефиниция дает ДС-1 «предмет» с конкретным выражением «дыхание», ДС-2 «причина» — «нехватка воздуха», ДС-3 «результат» — «смерть», ДС-4 «сила» — «власть, государство», ДС-5 «характеристика» — «несправедливая». Отметим, что с точки зрения передачи «внешней» и «внутренней» форм слова лексема *stifle* является полным и максимальным эквивалентом русскоязычной лексемы *заглушить*.

В переводе А. и Л. Моод использована единица *smoother*, дефиницию которой нам представляется правомерным рассмотреть через толкования соответствующего прилагательного *smooth*: 1) *having an even and regular surface* [OxD]; 2) *(of the sea or another body of water) without heavy waves; calm* [OxD]; 3) *give (something) a flat, regular surface or appearance* [OxD]. Flat — *lacking emotion; dull and lifeless* [OxD]. Wave — 1) *a sudden occurrence of or increase in a phenomenon, feeling, or emotion* [OxD]; 2) *If you refer to a wave of a particular feeling, you mean that it increases quickly and becomes very intense, and then often decreases again* [CoCo]. Классема «воздействие» реализуется как «воздействовать». Дефиниция дает ДС-1 «объект» с конкретным выражением «водная поверхность»; ДС-2 «конечное состояние» — «отсутствие волн»; ДС-3 «результат» — «спокойствие». Коннотативный компонент содержится в данной лексеме в значении «„сглаживание“ эмоций». Данная лексема трансформирует метафорическую модель Л. Н. Толстого «супружеские отношения — война» в модель «супружеские отношения — мореплавание». Несмотря на то, что лексема

smoother не является эквивалентом русскоязычной дефиниции *заглушить* с точки зрения выделенных ДС и ее «внешняя» форма в коллокации контекста *smoother thoughts* приобретает значение *прояснить мысли, сгладить эмоции*, ее «внутренняя» форма содержит отсылки к определенному политическому контексту. 1870-е годы, запечатленные в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина», — время, «когда все перевернулось и только укладывалось». Резкая смена политической обстановки, подъем эмоционального напряжения, последующее налаживание нового уклада жизни в пореформенной России — основные характеристики социальных проблем той эпохи. Кроме того, концепт «волна», по данным словарей программы «АВВУ Lingvo 6», характеризуется следующей семантической сочетаемостью: 1) *a wave of strikes* [OxD]; 2) *a wave of panic* [Co-Co]; 3) *a frightening wave of crime and violence* [MacD]; 4) *waves of protesters* [MacD]. Лексемы **забастовка**, **паника**, **преступность** и **жестокость**, **протестанты** становятся ключевыми характеристиками «волнообразного» движения периода 1870-х гг. в России и становятся словами-образами с конкретной семантической нагрузкой, определяющими политическую обстановку в стране.

Лексема **drown** из версии К. Гарнетт имеет следующие словарные дефиниции: 1) *die through submersion in and inhalation of water* [OxD]; 2) *submerge or flood (an area)* [OxD]; 3) *deliberately kill (a person or animal) by drowning* [OxD]. *Die* — (of a person, animal, or plant) *stop living* [OxD]. *Submersion* — *submerge* — *descend below the surface of an area of water* [OxD].

Flood — 1) *an overwhelming quantity of things* [OxD]; 2) *an overflow of a large amount of water beyond its normal limits, especially over what is normally dry land* [OxD]. Классема «конец действия» реализуется в значении «закончить». Дефиниция дает ДС-1 «предмет» с конкретным выражением «существование», ДС-2 «способ» — «движение», ДС-3 «направление» — «вниз», ДС-4 «сфера» — «вода», ДС-5 «количество» — «много», ДС-6 «результат» — «погружение», ДС-7 «характеристика» — «полное», ДС-8 «результат» — «смерть». Данные дефиниции трансформируют метафорическую модель Л. Н. Толстого «супружеские отношения — война» в модель «супружеские отношения — мореплавание». «Внешняя» форма слова в словосочетании *drown one's thoughts* ясна: забыть в потоке обыденных дел. С точки зрения «внутренней формы» данный контекст мог бы иметь дополнительные коннотации. Например, концепт «поток» может указывать на избыток перемен

в пореформенной России, однако компонентный анализ данной лексемы не позволяет выявить импликацию, связанную с политической ситуацией и государственным укладом.

Вариант *oblivion* из интерпретации Н. Доуля характеризуется таким образом: 1) *not aware of or concerned about what is happening around one* [OxD]; 2) *destruction or extinction* [OxD]; 3) *unconscious* [OxD]. *Destruction* — 1) *the action or process of killing or being killed* [OxD]; 2) *a cause of someone's ruin* [OxD]. *Ruin* — *the disastrous disintegration of someone's life* [OxD]. *Disintegration* — *the process of losing cohesion or strength* [OxD]. *Cohesion* — *the process of coming to pieces* [OxD]. Классема «качество» дает реализацию «качество». Дефиниция дает ДС-1 «характеристика» — «отсутствие знания», ДС-2 «конечное состояние» — «без сознания», ДС-3 «результат» — «разрушение», ДС-4 «последствие» — «разрозненность». «Внешняя» форма данной лексемы в контексте определяет нежелание Каренина вдаваться в подробности жизни своей жены. «Внутренняя» форма слова характеризует состояние общества и государства той эпохи: дефиниции *oblivion* и русскоязычной лексемы *заглушить* имеют общую ДС «результат / конечное состояние» — «без сознания». Лексема не сохраняет метафорическую модель «супружеские отношения — война» и концепт «война», но акцентирует внимание на «разрозненности» мыслей, чувств, состояний как отдельного человека, так и всего общества.

Итак, «война» в душе Каренина в переводе Р. Пивера и Л. Волохонски символична. Каренин — государственный чиновник, представляющий в романе буржуазную знать. Его попытки *заглушить* свои мысли о жене аллегоричны: таково поведение государства по отношению к людям низших сословий в эпоху 1870-х гг. Концепт «война» в интерпретации А. и Л. Моод трансформирован в концепт «волна» с последующим созданием образа государства, пытающегося сгладить волнения общества. В версии К. Гарнетт «война» представлена в виде затопления посредством концепта «поток». Н. Доуль акцентирует внимание на разрозненности общества, бессознательном поведении людей, желании закрыться от реальной действительности.

Максимально точным переводом с точки зрения сохранения «внутренней» и «внешней» формы слова *заглушить* является лексема *stifle* в следующих аспектах: 1) сохранена метафорическая модель Л. Н. Толстого; 2) присутствует концепт «война»; 3) сохранена коннотация силы и власти в лексеме *authority*.

Эквивалентом для русскоязычной лексемы *убившийся* во всех интерпретациях

является лексема *hurt*, имеющая следующие словарные значения: 1) *cause pain or injury* [OxD]; 2) *(of a part of the body) suffer pain* [OxD]; 3) *be detrimental* [OxD]. *Detrimental* — *harmful or damaging effect on* [OxD]. Классема «воздействие» реализует значение «воздействовать». Дефиниция дает ДС-1 «способ» с конкретным выражением «рана, боль», ДС-2 «результат» — «вред». Данная дефиниция лишена экспрессивности и образности в передаче лексического значения лексемы *убившийся*. Ее «внешняя» форма достаточно лаконична: человек / общество, которому нанесли физическую и моральную боль.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что образ «война» в произведении Л. Н. Толстого «*Анна Каренина*» эксплицирован в концептуальных метафорах, отражающих разные сферы жизни общества и человека эпохи 1870-х гг. в России. Это становится возможным не только благодаря «точному» слову самого писателя, но и таланту переводчика, проявляющемуся в умении подобрать полный и точный эквивалент с конгениальной оригиналу дефиницией, что позволяет получить максимально точный перевод. Политическая обстановка эпохи создания романа осознанно и неосознанно диктует выбор слова с конкретной семантической нагрузкой, отражающей как национальное сознание народа пореформенной страны, так и интуитивное видение ситуации человека, мучительно размышляющего над проблемами эпохи.

I. Y. Ryabova
Ekaterinburg, Russia

IMAGE OF THE CONCEPT «WAR» AS A MIRROR OF THE POLITICAL SITUATION OF THE 1870S IN RUSSIA (as exemplified by the metaphoric model «Marriage relationships — war» in L. N. Tolstoy's novel «Anna Karenina» and its four English interpretations)

ABSTRACT. *The paper describes the process of creating the image of the concept «war», reflecting the political situation of 1870s in Russia.*

Despite the fact that the concept in question is represented in Tolstoy's works by various conceptual metaphors, we analyze the metaphoric model «marriage relationships — war». Our choice is determined by several factors. Firstly, the family institution in post-reform country appeared to be one of the crucial aspects in the fight of women against their spouse's totalitarian and patriarchal style in family life. And secondly, this metaphorical model is a true-to-life allegory of two oppositions: the state itself as the political regime (represented by Karenin as a state official) and the folk (represented by Anna). The main method of our cognitive research is component analysis of key lexemes in the context in order to single out «hidden» senses of the concept «war». The next stage includes the study of the context of metaphoric model «marriage relationships — war» in four interpretations — by R. Peaver and L. Volokhonski, A. and L. Maude, C. Garnett and N. Dole, where the target is to contrast the image of the concept «war» in the viewpoint of semantic filling of the lexemes, building the conceptual metaphor. The final step in the analysis is connected with the issue of choosing the maximum translation, based on the implied political situation of the epoch, relevant to L. N. Tolstoy's original work.

KEYWORDS: *concept; conceptual metaphor; metaphoric modeling; metaphoric model; Russian writers; literature; writing.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ryabova Irina Yurievna, Post-graduate Student of Department of the English Language, Teaching Methods and Translation Theory, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля // Лексикографический сборник. М., 1962. Вып. 5. — С. 52—72.
2. Ахманова О. С. Основы компонентного анализа. — М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
3. Бабаев Э. Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. — М.: Изд-во Москов. ун-та, 1993. 289 с.
4. Богин Г. И. Филологическая герменевтика. — Калинин: КГУ, 1982. 86 с.
5. Дмитренко В. А. Максимальность в переводе // Тетради переводчика: науч.-теор. сб. / под ред. Л. С. Бархударова. — М.: Международные отношения, 1974. Вып. 11. С. 22—24.
6. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. — СПб.: Инъязиздат, 2006. 544 с.
7. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126—129.
8. Микешина Л. А. Хрестоматия по истории философии. Русская философия языка. — М.: Владос, 1997.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1988. 750 с.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания. — М.: Ленанд, 2014. 176 с.
11. Словари онлайн. URL: <http://www.slovaronline.com>.
12. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. 248 с.
13. Шмелев Н. Д. Проблемы семантического анализа лексики. — М.: Высшая школа, 1973. 280 с.
14. Шустрова Е. В. Афроамериканский английский. В 2 т. Т. 1. Лексика и текст. — М.: Флинта: Наука, 2007. 640 с.
15. Collin's Cobuild Dictionary = CoCo // ABBYY Lingvo 6.
16. Dole N. (transl.). *Anna Karenina*. — New York: Thomas Y. Crowell & CO. Publ., 2015.
17. Garnett C. (transl.). *Anna Karenina*. In 2 vol. — London: Heinemann, 1901. 924 p.
18. Lyons J. *Language, Meaning and Context*. — Bangay, 1981. 398 p.
19. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners = MacD*. — Oxford: Macmillan Education, 2002.
20. Maude A., Maude L. *Anna Karenina*. — London: Wordsworth Classics, 1918.
21. *Oxford Dictionary = OxD* // ABBYY Lingvo 6.
22. Peaver R., Volokhonsky L. *Anna Karenina*. — London: Penguin Classics, 2000.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. Distributivnyy analiz znacheniy i strukturnye semanticheskie polya // Leksikograficheskiy sbornik. M., 1962. Vyp. 5. — S. 52—72.
2. Akhmanova O. S. Osnovy komponentnogo analiza. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1969. 608 s.
3. Babaev E. G. Lev Tolstoy i russkaya zhurnalistika ego epokhi. — M. : Izd-vo Moskov. un-ta, 1993. 289 s.
4. Bogin G. I. Filologicheskaya germenevtika. — Kalinin : KGU, 1982. 86 s.
5. Dmitrenko V. A. Maksimal'nost' v perevode // Tetradi perevodchika : nauch.-teor. sb. / pod red. L. S. Barkhudarova. — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. Vyp. 11. S. 22—24.
6. Kazakova T. A. Khudozhestvennyy perevod. Teoriya i praktika. — SPb. : In'yazizdat, 2006. 544 s.
7. Kibrik A. A. Kognitivnye issledovaniya po diskursu // Voprosy yazykoznaniiya. 1994. № 5. S. 126—129.
8. Mikeskina L. A. Khrestomatiya po istorii filosofii. Russkaya filosofiya yazyka. — M. : Vldos, 1997.
9. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. — M. : Russkiy yazyk, 1988. 750 s.
10. Popova Z. D., Sternin I. A. Leksicheskaya sistema yazyka: vnutrennyaya organizatsiya, kategorial'nyy apparat i priemy opisaniya. — M. : Lenand, 2014. 176 s.
11. Slovare onlayn. URL: <http://www.slovaronline.com>.
12. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003. 248 s.
13. Shmelev N. D. Problemy semanticheskogo analiza leksiki. — M. : Vysshaya shkola, 1973. 280 s.
14. Shustrova E. V. Afroamerikanskiy angliyskiy. V 2 t. T. 1. Leksika i tekst. — M. : Flinta : Nauka, 2007. 640 s.
15. Collin's Cobuild Dictionary = CoCo // ABBYY Lingvo 6.
16. Dole N. (transl.). Anna Karenina. — New York : Thomas Y. Crowell & CO. Publ., 2015.
17. Garnett C. (transl.). Anna Karenina. In 2 vol. — London : Heinemann, 1901. 924 p.
18. Lyons J. Language, Meaning and Context. — Bangay, 1981. 398 p.
19. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners = MacD. — Oxford : Macmillan Education, 2002.
20. Maude A., Maude L. Anna Karenina. — London : Wordsworth Classics, 1918.
21. Oxford Dictionary = OxD // ABBYY Lingvo 6.
22. Peaver R., Volokhonsky L. Anna Karenina. — London : Penguin Classics, 2000.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

Е. М. Семенова
Санкт-Петербург, Россия

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ АРХЕТИПИЧНЫЙ КОНЦЕПТ «DARK AGES»
И ЕГО МЕТАФТОНИМИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСОМ МЕДИАДИСКУРСЕ США**

АННОТАЦИЯ. Лингвокогнитивный анализ прецедентного архетипичного концепта «DARK AGES» позволяет увидеть один из способов онтологизации дихотомии «LIGHT — DARK» посредством метафтонимии — лингвистического феномена, позволяющего увидеть «слои» ментального пространства, лежащего в основе процесса концептуализации одной когнитивной сферы в терминах другой. Исследование проводится на материале газетных текстов политической направленности за 2011—2015 гг. из корпуса современного американского варианта английского языка. При дискурсивной актуализации архетипичной бинарной оппозиции «DARK — LIGHT» метафтонимическая проекция одной области концептуализации (выраженной концептом «DARK») на другую (репрезентированной базовым концептом «AGES» и другими темпоральными категориями) оказывается невозможной без актуализации в сознании реципиента представлений о контрастном элементе дихотомии, что обуславливает целостное восприятие политических реалий адресатом и позволяет избежать одностороннего понимания событий, происходящих в политической жизни США. Например, в одном контексте «темные десятилетия», связанные с распространением наркотиков, противопоставляются наступившим более спокойным дням, когда люди с более «просветленным» сознанием (ветераны войны в Ираке) на добровольных началах занялись благоустройством территории Балтимора, посадив деревья и кустарники и убрав тонны мусора с земельных участков и аллей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические метафоры; политическая метафорология; метафорическое моделирование; концептуальные метафоры, средства массовой информации; СМИ; язык СМИ; медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; политический дискурс; концепты; архетипы; ментальное пространство.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Семенова Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский аграрный университет; 196601, Санкт-Петербург, Петербургское ш., 2; e-mail: wincherry2004@list.ru.

Настоящее лингвокогнитивное исследование ставит своей целью обнаружение связи между концептами, репрезентирующими архетипичную бинарную оппозицию «LIGHT — DARK» средствами метафоры и метонимии. Одна из задач, которую нам предстоит решить, заключается в том, чтобы приблизиться к ответу на вопрос: как и на каком этапе возникают новые отношения между ментальными пространствами, относительно которых происходит референция и, как следствие, рождается новый смысл? Для этого попробуем проследить онтологию однотипных метафтонимических конструкций, восходящих к прецедентному архетипичному концепту «DARK AGES».

Обратившись к корпусу современного американского варианта английского языка, представленного газетными текстами политической направленности за 2011—2015 гг., мы обнаружили, что лексема *dark* чаще всего встречается в сочетании со словами, обозначающими разные по протяженности промежутки времени (от момента до эры). Таким образом, было выявлено 7 вариантов сочетаемости интересующего нас базового концепта, а именно: DARK MOMENT, DARK DAYS, DARK DECADES, DARK PERIOD, DARK TIMES, DARK AGES, DARK ERA.

Бесспорно, концепт «DARK AGES» выделяется из ряда перечисленных концептуальных единств тем, что отсылает нас к общеизвестному выражению, в своем прямом значении обозначающему период западно-европейской истории, для которого было характерно *отсутствие света* классической культуры.

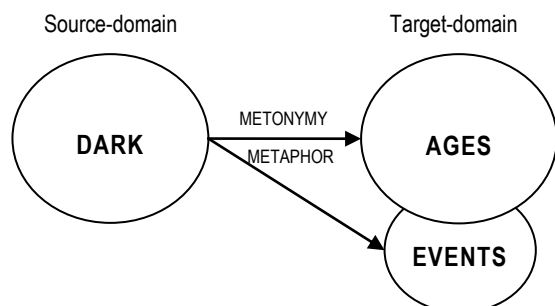
«Dark Ages is a term of historical periodisation used to refer to a period of supposed cultural and economic deterioration, and scarcity of written record, usually being contrasted with the more recent times of the writer and with classical antiquity. Its original use referred to the Western European Middle Ages (roughly the 6th to 14th centuries), emphasising the perceived decline following the fall of the Roman Empire.

The term employs traditional *light-versus-darkness imagery to contrast the 'darkness' of the period in question with earlier and later periods of 'light'*» [Wikipedia].

Таким образом, уже в первом приближении к анализу архетипичного концепта «DARK» встречается упоминание его антипода — концепта «LIGHT», что не может не добавить научного оптимизма и служит своего рода маяком, косвенно подтверждающим правильность выбранного направления исследования, нацеленного на верификацию идеи существования неразрывной связи между контрастными по смыслу архетипичными категориями.

Метафтонимическая природа базового архетипичного выражения «DARK AGES» (как и его аналогов, перечисленных выше) представляется очевидной, так как выражение *темные века* используется, как правило, для обозначения исторического периода, для которого был характерен спад в развитии культуры и экономики, снижение уровня образования (письменного слова), отставание Запада от Византии, мусульманского мира и Китая. Понятно, что лексема *dark* используется в метафорическом смысле и от-

носится к описанию не самого временного промежутка, а событий, происходящих в этот период. Таким образом, характер метонимической связи между ментальными пространствами сферы-источника («Темнота») и сферы-цели («Исторические события») может быть отнесен к типу **события вместо исторического периода** и представлен схемой, приведенной на рис.



Основываясь на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff 1980] и введенных ими терминов «область-источник» (source-domain) и «область-цель» (target-domain), обозначающих концептуальные области, участвующие в создании метафорической проекции, приводящей к созданию нового смысла, мы вслед за Р. де Мендозой и А. Масегозой [Mendoza, Galera-Masegosa 2012], выделив 4 типа отношений между метафорой и метонимией в зависимости от их локализации относительно друг друга и функций, выполняемых внутри составляемого ими концептуального единства, склонны утверждать, что в рассматриваемом примере происходит метонимическое расширение сферы-цели, так как концепт «AGES», обозначающий продолжительный исторический период, более абстрактен по своей природе по сравнению с подразумеваемыми конкретными событиями, происходящими в его рамках. Роль метонимии здесь заключается в том, чтобы объективировать наиболее полный спектр имплицитных значений, которые гипотетически могли бы быть «извлечены» из метафоры «DARK EVENTS», не «отягощенной» метонимической проекцией.

Все подобные выражения, обнаруженные нами в COCA («Corpus of Contemporary American English»), построены по тому же алгоритму и не меняют сути метафорических отношений, сложившихся между областями концептуализации, относительно которых происходит проекция смыслов, поэтому могут рассматриваться, в соответствии с вышеизложенными рассуждениями, по той же схеме.

Для того чтобы увидеть глубинную связь, существующую между контрастными архе-

типичными категориями «DARK» и «LIGHT», обратимся для начала к лингвокогнитивному анализу примеров, в которых базовое выражение «DARK AGES» актуализируется в метафорическом контексте.

«We can not escape our destiny, nor should we try to do so. The leadership of the free world was thrust upon us two centuries ago in that little hall of Philadelphia. In the days following World War II, when the economic strength and power of America was all that stood between the world and the return to **the dark ages**... We are indeed, and we are today, the last best hope of man on earth. “You can call it *mysticism* if you want to,” Reagan said then, “but I have always believed that there was *some divine plan* that placed this great continent between two oceans to be sought out by those who were possessed of an abiding love of freedom and a special kind of courage” [Knickerbocker 2015].

Отсылка читателя бывшим президентом США Р. Рейганом к аллюзии происходит в рамках ситуативного контекста, цель которого — напомнить гражданам США об их причастности к некоему «божественному» (*divine*) плану, в результате которого появилась страна, обладающая мощным экономическим потенциалом, позволяющим ей поддерживать власть над миром. Упоминание о Темных веках происходит в связи со сложным историческим периодом, последствия которого могли отбросить страну назад в ее развитии. Таким образом, в метафорическом смысле выражение «DARK AGES», являющееся репрезентантом архетипа «DARK», означает регресс, упадок, возврат к прошлому, а имплицитная актуализация концепта «LIGHT» происходит посредством словосочетания *divine plan*, так как на подсознательном уровне Бог и Божественное ассоциируется в нашем сознании со *светом*.

В следующем контексте, где речь идет о терроризме и жестокости (*terrorism and beheadings*), которые рассматриваются автором в виде зловещих знаков, указывающих на то, что мир возвращается к Темным векам, метафорические выражения обладают явно религиозной коннотацией (*to turn to Christ, stand for good against evil* и *we are blessed*), вновь эксплицируя идею *схема*, что апеллирует к представлению о Боге как Спасителе, способном помочь американскому народу противостоять темным силам.

“Ever since prayer was taken out of the public schools, we’ve moved away from our origins” Patrick said in the Statesman interview. He said he doesn’t know if the end is near, but a world of terrorism and beheadings is fraught with ominous signs. “We’re going back to **the**

Dark Ages in parts of the world,” he said. “It’s pretty hard not to imagine that the odds are getting longer and longer every day for this world to be here another 100 years, and, for me, the only answer is, as individuals and as a nation, *to turn to Christ*, stand for good against evil and hope that *we are blessed* one more time.”» [Tilove 2015].

В данном контексте смысловая составляющая словосочетания «DARK AGES», концептуально отсылающая нас, как и в предыдущем примере, к идее возврата к прошлому, усилена темой жестокости, бесчеловечности, отсутствия моральных норм и нарушения законов человеческого общежития, неразрывно связанных с представлением о терроризме. Таким образом, актуализация концепта «DARK» происходит здесь в терминах зла как угрозы выживанию человечества, а эксплицитно не выраженный, но подразумеваемый концепт «LIGHT» ассоциируется с представлением о Боге, вера в которого воспринимается единственным способом спасения.

Сохраняется ли подобная тенденция к явному или скрытому противопоставлению *света и тьмы* в других примерах, где вместо выражения «DARK AGES» авторы используют своего рода аллюзии, заменяя один из элементов словосочетания лексическими компонентами, принадлежащими к темпоральным категориям? Обратимся к примерам.

*Our American political system with its deliberate checks and elaborate structures to balance many varied interests can succeed only if the people have faith in the system. Without civic faith that our political system is fair and tends toward justice, anger will prevail. Without the counterbalance of optimism, an election driven by the politics of anger and anxiety may usher in a very **dark period*** [Denver Post 2015].

Ключевыми концептами, находящимися в отношении оппозиции категории «DARK» в данном примере, являются «FAITH», «JUSTICE» и «OPTIMISM» — общенациональные ценности, к которым апеллирует автор статьи, убеждая политиков придерживаться оных в ходе избирательной кампании, дабы избежать гнева и тревоги (*anger and anxiety*), способных привести страну к «темному периоду».

Человек, испытывающий негативные эмоции (страх, тревогу, беспокойство), как правило, не в состоянии принимать взвешенных, осознанных решений, способных обеспечить «светлое будущее» ему самому или обществу, лидером которого он является. Последствия неосознанного руководства, «затемненного» такого рода восприятием мира, бывают непредсказуемыми и нежела-

тельными. Другими словами, общество может оказаться в «темном периоде» своего существования, под которым может пониматься все что угодно, если не прибегнуть к ассоциациям, возникающим в связи с рассмотренной нами выше прецедентной базовой категорией «DARK AGES»: упадок, рецессия, возврат к прошлому.

В следующем примере прецедентный концепт актуализируется в словосочетании *dark days of 2008*, отсылающем читателя ко времени пика финансового кризиса, произошедшего в США.

*“What happens in one corner of the world, particularly in significant economies, affects everybody.” Dennis Kelleher, president of financial industry watchdog group Better Markets, offered an even darker forecast as he complained that giant banks at the vortex of the 2008 crisis have mounted Washington lobbying campaigns “to fight financial reform that would prevent them from doing it all over again.” There was no time for financial and government leaders to think five years ahead during the **dark days of 2008**. Often they were forced to battle on multiple fronts — the threatened failure of Wachovia, the fourth-largest U.S. bank, the meltdown of Washington Mutual, the biggest failure in U.S. banking history — that in normal times would require weeks of full-time intervention* [McCoy 2013].

Интересно, что, описывая события финансовой сферы, происходившие в тот период в стране, автор использует военные метафоры (*to fight financial reform, they were forced to battle on multiple fronts, require weeks of full-time intervention*), что позволяет ему концептуализировать архетип «DARK» в терминах вооруженного конфликта, противостояния, борьбы, расширяя известный нам смысловой диапазон за счет идей войны со всеми присущими ей коннотациями.

Возможность интерпретации выражения *dark moments* в его связи с базовым концептом *Dark Ages* иллюстрирует контекст, представленный ниже.

*In Los Angeles, Republicans staked out the Century Plaza while Democrats favored the Biltmore downtown. In San Francisco, the Democrats more often stayed at the Fairmont atop Nob Hill, while Republicans preferred the St. Francis, just off Union Square. The St. Francis was part of two **dark moments** for Republicans — the most famous being the attempted assassination of President Gerald Ford by Sarah Jane Moore randomly aiming a handgun across the street outside of the hotel. Ford survived unscathed, which can’t be said about Charles Evans Hughes, the Republican nominee for president in 1916. In a political route that’s*

hard to imagine today, the former New York governor left a seat on the Supreme Court to run for president as a Republican [Warner 2012].

Отель вербализуется в данном примере как «часть двух темных моментов для республиканцев» («part of two dark moments for Republicans»), один из которых связан с покушением на президента Джеральда Форда, совершенным рядом со стенами гостиницы. Концепт «DARK» в этом случае активизирует восприятие лишения жизни человека не только как трагического события с гуманитарной точки зрения, но и как политической неудачи, если не сказать поражения для определенных представителей государственной власти (Республиканской партии). С концептом «DARK AGES» данное словосочетание ассоциируется посредством идеи жестокости, убийства, носящей, однако, промежуточный характер; ключевым моментом является референция к представлению о темноте как отсутствию необходимого условия достижения поставленной цели (укрепления политических позиций названной партии).

Такая концептуализация представляется очевидной, если обратиться к повседневному жизненному опыту, подтверждающему, что движение к цели в темноте намного труднее и имеет меньше шансов на успех по сравнению с передвижением по освещенной дороге. Темнота как отсутствие необходимого условия реализации цели есть имплицитная отсылка к свету как к этому самому условию. Таким образом, понимание одного компонента дихотомии происходит благодаря происходящим в нашем мозге подсознательным ассоциациям с противоположным ее элементом.

Выражение *dark era* в следующем примере отсылает читателя и интерпретатора к представлению о Темных временах как о периоде невежества и отсутствия света научных знаний, что явствует из нижеприведенного контекста.

The notion that climate-change concern is about political alliance, not scientific rigor, is a great frustration to many in the science community. Nina Fedoroff, president for the American Association for the Advancement of Science, allowed that she was “scared to death” of the antiscience movement that was spreading through the United States and the Western world. “We are sliding back into a dark era,” she said at a recent association meeting. “And there seems to be very little we can do about it” [Diaz 2012].

Принятие решений по экологическим вопросам, связанным с изменением климата, по мнению президента Американской науч-

ной ассоциации США, происходит больше исходя из политических интересов (*climate-change concern is about political alliance*), без учета точных научных данных, что интерпретируется ею как скатывание страны назад (*sliding back*).

Легко заключить, что эксплицируемая смысловая составляющая концепта «DARK AGES» в данном контексте — отсутствие научных знаний или неумение ими пользоваться, причем знания подсознательно воспринимаются нами как *свет* (ср. выражение «светоч знаний»), в отличие от «тьмы невежества».

В следующем примере «темные десятилетия», связанные с распространением наркотиков, противопоставляются наступившим более спокойным дням, когда люди с более «просветленным» сознанием (ветераны войны в Ираке) на добровольных началах занялись благоустройством территории Балтимора, посадив деревья и кустарники и убрав тонны мусора с земельных участков и аллей.

Sitting on his stoop on a recent evening, Mr. Morton remembers, as a kid, watching Army tanks roll up the street to quell the riots. He also recalls the dark decades that followed, when the place was crawling with drug dealers. “Things are much quieter today”, he says: “Now, the most I have to deal with is my mom.” Since the first cleanup Morton helped with last July, nearly 2,000 volunteers — mostly college students from the Baltimore area and farther afield — have come to help in Oliver. They and veteran leaders have planted more than 100 trees and shrubs, pulled over 65 tons of trash out of lots and alleys. [Wiltburg 2012].

Идея просветленного сознания «всплывает» в ходе интерпретации смыслового содержания, так как мозг ищет оппозицию словосочетанию «dark decades» с учетом ситуативного контекста, в котором упоминаются распространители наркотиков. Добровольный труд по озеленению и облагораживанию территории в сочетании с упоминанием, что времена изменились, указывает на то, что новые люди воспринимают мир и живут по-другому, их ценности отличаются от ценностей наркоманов, а более высокий уровень осознанности заставляет вспомнить о Свете как антипододе Тьмы. Базовое прецедентное словосочетание «DARK AGES», разумеется, не ассоциируется в этом примере с проблемой наркомании непосредственно, но близко к идее невежества, упоминаемой выше, которая актуализируется в данном контексте в терминах степени осознанности восприятия окружающего мира.

Выражение *dark times* характеризует сложные отношения, сложившиеся между

Британией, Ирландией и США, в рамках которых визит американского президента Б. Обамы рассматривается автором статьи как проявление солидарности (*show of solidarity*), что, несомненно, может интерпретироваться как «светлое пятно» на фоне желающих оставлять лучшего обстоятельств.

Despite being merely a whistle-stop tour that lasts just 24 hours, Obama's visit to his distant ancestors homeland of County Offaly and to Dublin is being greeted with significant enthusiasm. It stands in sharp contrast to last week's visit by the British queen, which, while highlighting the improved relations between Ireland and Britain, was a muted affair. The brief US presidential visit is being seen as a show of solidarity in dark times. "It's a much less complicated relationship but it's also a case of knowing we have friends," says Dr. Earner Byrne [Walsh 2011].

Таким образом, все без исключения примеры указывают на то, что концептуализация политических событий, обстоятельств и подобного посредством обращения к концепту «DARK» невозможна без подсознательной апелляции автора к представлению адресата об его антиподе — концепте «LIGHT». Несмотря на то что эксплицитно эта связь не выражена (ни в одном примере не встречается лексема *light*), лингвокогнитивный анализ контекста оказывается невозможен без актуализации в сознании реципиента представлений о другом элементе бинарной оппозиции.

Это наблюдение доказывает, что при дискурсивной актуализации архетипичной бинарной оппозиции «DARK — LIGHT» метафтонимическая проекция одной области концептуализации (выраженной концептом «DARK») на другую (репрезентированной базовым концептом «AGES» и другими темпоральными категориями) обуславливает целостное восприятие политических реалий адресатом, позволяя избегать одностороннего понимания событий, происходящих в политической жизни США.

E. M. Semenova
Saint-Petersburg, Russia

PRECEDENT ARCHETYPICAL CONCEPT "DARK AGES" AND ITS METAPHONYMICAL USAGE IN THE USA POLITICAL MEDIA-DISOURSE

ABSTRACT. *Linguo-cognitive analysis of the precedent archetypical concept «DARK AGES» helps us to reveal one of the ways of verbalization of the dichotomy «LIGHT — DARK» by means of metaphonymy, which is a linguistic phenomenon that singles out the "layers" of mental construct that lies in the basis of the process of conceptualization of one cognitive sphere in terms of the other. The research is based on the analysis of newspaper political texts published in 2011–2015 in American papers. Metaphonymic transfer of one area of conceptualization (expressed by the concept «DARK») onto the other (represented by the concept «AGES» and the other temporal categories) is impossible in the archetypical binary opposition «DARK — LIGHT», unless the knowledge about the contrast element of the dichotomy is refreshed. This fact causes integral comprehension of political facts by the addressee and helps to avoid ambiguity in comprehension of political event in the USA. For example, one of the contexts contrasts "dark decades" of drug dealing to the more quiet days, when people of "clear mind" (Iraq veterans) volunteer to clean up Baltimore from tons of garbage and to plant trees and bushes.*

KEYWORDS: *political metaphor; political metaphorology; metaphorical modeling; conceptual metaphor; mass media; mass media language; media discourse; media texts; media linguistics; political discourse; concept; archetype; mental spaces.*

Проведенное исследование указывает на необходимость расширения границ исследования с целью выявления наиболее рекуррентных способов метафтонимической концептуализации указанной дихотомии, обнаружения характера взаимоотношений между смысловыми категориями, репрезентирующими область-источник, и, возможно, в ближайшей перспективе, сопоставления способов метафтонимической концептуализации рассматриваемой бинарной оппозиции в политических медиадискурсах России и США.

ИСТОЧНИКИ

1. Knickerbocker Brad. USA July 4th Independence Day: How "exceptional" is America? // Christian Science Monitor. 2015. (150704) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
2. Tilove Jonathan. THE NEW PULPIT FOR PATRICK // Austin American Statesman. 2015. (150405) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
3. When anger is a political weapon // Denver Post. 2015. (150913) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
4. Warner Gary A. Sleeping Author // Orange County Register. 2012. (121104) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
5. Diaz John. Truth and denial // San Francisco Chronicle. 2012. (120226) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
6. Wiltenburg Mary. Veterans new fight: reviving inner-city America; How some veterans of the wars in Iraq and Afghanistan are helping turn around a drug-infested neighborhood of Baltimore — and themselves // Christian Science Monitor. 2012. (120527) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
7. Walsh Jason. Irish village embraces // Christian Science Monitor. 2011. (110523) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
8. McCoy Kevin. 2008 financial crisis: Could it happen again? Former Treasury chief reflects on the U.S. rescue efforts // USA Today. 2013. (130909) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.

ЛИТЕРАТУРА

9. Lakoff G., Jonson M. *Metaphors We Live By*. — The Univ. of Chicago Pr., 1980, 2003.
10. Ruiz de Mendoza F. J., Galera-Masegosa A. *Metaphoric and metonymic complexes in phrasal verb interpretation: metaphoric chains* // *Studies in Cognition and Linguistics / Eizaga Rebolgar B. (ed.)*. — Frankfurt : Peter Lang, 2012. P. 161—190.
11. Wikipedia : the free encyclopedia. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Dark_Ages_\(historiography\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Dark_Ages_(historiography)).

ABOUT THE AUTHOR: *Semenova Elena Mikhailovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Languages and Standard of Speech Department, Saint-Petersburg State Agrarian University, Saint-Petersburg, Russia.*

REFERENCES

1. Knickerbocker Brad. USA July 4th Independence Day: How “exceptional” is America? // Christian Science Monitor. 2015. (150704) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
2. Tilove Jonathan. THE NEW PULPIT FOR PATRICK // Austin American Statesman. 2015. (150405) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
3. When anger is a political weapon // Denver Post. 2015. (150913) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
4. Warner Gary A. Sleeping Author // Orange County Register. 2012. (121104) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
5. Diaz John. Truth and denial // San Francisco Chronicle. 2012. (120226) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
6. Wiltenburg Mary. Veterans new fight: reviving inner-city America; How some veterans of the wars in Iraq and Afghanistan are helping turn around a drug-infested neighborhood of Baltimore — and themselves // Christian Science Monitor. 2012. (120527) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
7. Walsh Jason. Irish village embraces // Christian Science Monitor. 2011. (110523) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
8. McCoy Kevin. 2008 financial crisis: Could it happen again? Former Treasury chief reflects on the U.S. rescue efforts // USA Today. 2013. (130909) // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
9. Lakoff G., Jonsen M. Metaphors We Live By. — The Univ. of Chicago Pr., 1980, 2003.
10. Ruiz de Mendoza F. J., Galera-Masegosa A. Metaphoric and metonymic complexes in phrasal verb interpretation: metaphoric chains // Studies in Cognition and Linguistics / Eizaga Rebollar B. (ed.). — Frankfurt : Peter Lang, 2012. P. 161—190.
11. Wikipedia : the free encyclopedia. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Dark_Ages_\(historiography\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Dark_Ages_(historiography)).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

Ю. Г. Ткаченко, Е. В. Дзюба
Екатеринбург, Россия

**ЖЕНСТВЕННОСТЬ И ФЕМИНИЗМ КАК АНТАГОНИСТЫ
В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются фрагменты французской и русской языковых картин мира, связанные с категориальным и концептуальным содержанием феноменов женственности и феминизма. Подчеркивается наличие универсальных, представляющих понятийное ядро, и этноспецифических особенностей в интерпретации указанных лингвоментальных образований. Отмечается, что задачами данной работы являются демонстрация этноспецифических особенностей содержания лингвоментальных феноменов «женственность» и «феминизм», рассмотрение их репрезентантов в русском и французском языках, анализ ассоциативной связи рассматриваемых феноменов с концептом неженственности в обеих культурах. В статье концепт женственности рассматривается с точки зрения его культурной значимости, устойчивости и нормативности в коллективном сознании носителей французского и русского языка. Постулируется, что в содержательной структуре лингвокогнитивной категории «феминизм» разрушается концептуальное ядро понятия женского как мыслительного конструкта, используемого в качестве обоснования гендерных ролей в жизни современного французского и российского общества. В заключительной части статьи формулируется вывод о том, что, несмотря на имеющееся сходство смыслового содержания концепта «женственность» во французской и русской лингвокультурах, в разных вариантах французской и русской языковой картины мира (научной, профессиональной и бытовой) наблюдаются различия в трактовке лингвокогнитивной категории «ФЕМИНИЗМ».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика; языковая картина мира; русский язык; французский язык; лингвокультурология; женственность; неженственность; феминизм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Ткаченко Юлия Геннадьевна, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»; 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8-го Марта / Народной воли, 62/45; e-mail: tka55@yandex.ru.

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: elenacz@mail.ru.

Ментальные процедуры получения, обработки, систематизации и знаковой репрезентации знаний изучались с древнейших времен философами, затем, в более поздние годы и до настоящего времени, психологами и психолингвистами, социологами и социалингами, антропологами и этнолингвистами, когнитологами и прагмалингвистами. Когнитивная лингвистика сосредоточивает внимание на процессах познания мира человеком, классификации получаемых знаний с помощью категорий языка, на отношениях между лингвистическими явлениями и внешней средой. Важность изучения названных ментальных процедур в течение уже нескольких десятилетий подчеркивают зарубежные и отечественные исследователи (А. Вежбицка, Р. Джакендофф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, С. Пинкер, Э. Рош, Ж. Фоконье, Ч. Филлмор и др.; Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, С. Г. Воркачев, В. З. Демьянков, Д. О. Добровольский, А. А. Залевская, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, В. В. Колесов, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, Р. М. Фрумкина, А. П. Чудинов и др.).

В процессе познания окружающего мира и его осмысления, в котором приоритетную роль играет язык, происходит мыслительная систематизация действительности, «детализирующееся расчленение видимого пространства» [Фуко 1977: 255], рождающееся

из жизненного опыта и воображения человека. Как отмечает М. Фуко, «мысль упорядочивает явления, разделяет их на классы, группирует по названиям, обозначающим их сходства и отличия» [Фуко 1977: 30]. Процедуры систематизации знаний осуществляются двумя взаимообусловленными способами познания: категоризацией и концептуализацией. Под **категоризацией** понимается процесс разделения объектов всего онтологического пространства на классы, группы и т. д.; это есть процесс упорядочения полученных знаний, распределения нового знания по тем или иным рубрикам, существующим в сознании человека и часто задаваемым категориями языка, носителем которых этот человек является. Концептуализация представляет собой процесс освоения познаваемого феномена посредством осмысления ее когнитивных признаков, как категориальных (общих для класса объектов), так и дифференциальных (специфических для конкретного лингвоментального феномена) [см. подробнее: Дзюба 2015]. Процессы лингвокогнитивной категоризации и концептуализации являются в значительной степени субъективными, в значительной степени они опосредованы культурой и этносом, поскольку осуществляются посредством национальных языков [Дзюба, Чудинов 2016: 240]. Иными словами, следует говорить об этноспецифических особенностях указанных процессов и, следовательно, их результатов — категорий

и концептов. Более того, лингвокогнитивные феномены формируются неодинаково в разных вариантах языковой картины мира: научной, профессиональной, наивной [см. подробнее: Дзюба 2015]. В фокусе данного исследования находятся этноспецифические особенности содержания лингвокогнитивных феноменов *женственность* и *феминизм* в русской и французской лингвокультурах, а также их интерпретация в разных вариантах русской и французской языковых картин мира.

Ю. Д. Апресян отмечает, что национальные языки демонстрируют то, как народ воспринимает и концептуализирует окружающий мир [Апресян 1995: 350]. В свою очередь М. Фуко говорит о том, что язык, «который образовался за тысячелетия до человека и без него, система которого от него ускользает, смысл которого почти непробуден в словах» [Фуко 1977: 344], представляет собой историю познания, закрепляя в себе получаемые знания о мире [Фуко 1977: 116].

Языковая картина мира, представляемая как «знания о мире, воплощенные и выраженные языковыми средствами» [Колшанский 2010: 21], выступает как матрица смыслов, несущих в себе способ мировидения народа и являющихся основой для формирования систематизирующих действительность понятийных категорий.

Эволюция определила два биологических пола человека — женский и мужской. Соотношения понятий *женское* и *мужское* у каждого народа различны и специфичны в том, как неживые предметы, абстрактные явления наделяются женскими и мужскими качествами. Для демонстрации вышесказанного обратимся к некоторым примерам.

Архетипичным представлением России является образ порождающей все вокруг *матери-земли*, а Франции — *нежной и прекрасной девы* [Гачев 2003: 20], которую французы также называют *матерью*. Согласно последним данным www.wikiwox.ru, онлайн-карте слов и выражений русского языка, а также материалам «Русского ассоциативного словаря» Ю. Н. Караулова [Караулов 2002], с Россией ассоциативно связаны слова *мать*, *матушка*, а с Францией — *женщина*, *мать*. Литературные и поэтические произведения, поговорки и устойчивые выражения, представленные в «Национальном корпусе русского языка», также являются этому подтверждением: *За Россию нам, конечно, больно, / Оттого, что нам Россия — мать* (С. Есенин. Пугачев); *И Россия — мать родная — / Почесть всем отдаст сполна* (А. Твардовский. Василий Теркин); *Что наша Россия — мать наша — скажет, что*

так страшимся... (Л. Толстой. Война и мир); *Франция, первая женщина мира, губ принесла алость* (В. Маяковский. А может быть...); *О, Франция, одни сыны твои / Могли сковать из воздуха и света...* (М. Зенкевич. Мертвая петля); *О, прекрасная Франция, дочь королей* (С. Соловьев. К Франции); *Les enfants de la France / дети Франции* [Гак 1963: 396]; *Notre mere commune / мать сыра земля* [Гак 1963: 678]; *La France c'est ma mère. On peut changer d'épouse mais on ne peut pas changer de mère / Франция — это моя мать. Можно поменять жену, но нельзя поменять мать* (Dard); *La France a toujours été femme: coquette, légère, frivole; jolie et fort intelligente comme sont les femmes un peu homme / Франция всегда была женщиной: кокетливой, легкой, фривольной, красивой и очень умной, как женщины, которые имеют что-то от мужских качеств* (La Gauffrette 2016) и др.

Народ России выступает в качестве ее детей, поскольку мужем России-матери является государство в образе того, кто им управляет: *царь-батюшка*, *Сталин — отец народов*, *отеческая забота партии*, *Горбачев — отец перестройки* [Чудинов 2003: 44], *Путин — «отец родной»* [Лучший друг, любимый, отец... 2015] и под. Метафорически бытие русского народа представляется так, что он живет в семье, где его мать — это вся страна в смысле места проживания, местность, пространство, природа, а отец — государство, находящееся на этой территории, олицетворяемое в образе царя, руководителя партии, президента. Происходит разделение этнобытийного пространства на женское и мужское, в котором природа, земля, территориальное пространство воплощают в себе женское начало: *Да, небо оплодотворяет землю — своим теплородом, своим светом, своим дождем; оно — вечно мужское, она — вечно женское начало* (Ф. Зелинский); *женское — начало природное, космическое* (Н. Бердяев). В русском этносе каждая женщина воплощает в себе сформированное и закрепленное веками *женское начало*, а именно женственность, проявляющую себя через материнство.

В том, что касается архетипичного изображения Франции, то, по словам Эдгара Морена, современного французского ученого в области философии и социологии, и вышеприведенным примерам, эта страна также осмысливается через семейные отношения в группе «мать — отец — дети». Нация ассоциируется с феминным образом *Матери-кормилицы*, а государство выступает в роли *Справедливого отца*. Слияние материнского и отеческого, женского и мужского проявляется в словах *Patrie* (Родина), *matri-*

patriotique. Каждый француз является ребенком своей Матери-земли, воспитываемым отцом-государством [Morin 1987: 54—55]. Однако для французов Франция предстает не только в материнском, но и в девическом образе: — *Douce France*, т. е. «сладкой, милой Франции»: *Лежит Роланд лицом к земле испанской, / Лежит под сенью ели. Вспомнил он / О многом вдруг: о землях, им добытых, / О родине, о Франции-красе* (перевод со старофранцузского де Ла Барта) [Песнь о Роланде 1937: 86]. По словам Перрин Кудюрье, доктора филологии Парижского университета Сорбонны, с XVIII в. феминный образ Франции предстает в более активной роли, становится революционным, воинственным, оказывающим сопротивление, стремящимся к свободе [Coudurier 2011], особенно по сравнению с могучим, всеохватывающим, статичным русским прототипом Матери-земли. Народными французскими объектами поклонения всегда являлись Дева Мария, Жанна д'Арк и символическая Марианна как воплощение свободы нации, как олицетворение Республики: *Elle est aimable et sans façon, Elle est forte, elle est héroïque; Marianne est son petit nom Mais elle signe: la République!* / Она мила и откровенна, / Она сильна, она — герой; / Марианна — ее простое имя, но оно означает — Республика [Vouret 1880]. Франция — это мать, женщина, источник всего сущего, при этом проявляющая один из своих ликов в образе Девы-Свободы, объединяющей и ведущей вперед своих детей, свой народ.

Своим рождением русский и французский этнос связаны с *Матерью-землей*, то есть с *Женщиной*. Понятийная категория *женского* в обеих культурах общественно значима, поскольку является основой стабильности, историческим «полем нормативности» (термин, используемый Н. Д. Арутюновой) [Арутюнова 1987: 7], тысячелетним когнитивным смыслом, несущим в себе понятия традиционного, установленного, привычного. При этом нормативное поле соотносится со стереотипами патриархальных культур, сформированными как мужские модели оценки, выполняющими роль корректора и модулятора «Женского» как «женственности», а также с установками как «стандартизированными, устойчивыми, эмоционально насыщенными, ценностно-определенными образами, представлениями» о том, какой должна быть женщина [Социологический словарь 2008: 502]. Отклонением от нормы становится *неженственность*, проявляющая себя через борьбу или противостояние мужскому доминированию, означающую для него дисгармонию, опасность.

Представления о *женственности-нежен-*

твенности, выражаемые в культуре народа через язык, являются производными мужского взгляда на идеалы физических, психологических и нравственных характеристик женщины, сформировавшиеся с целью выделения и подчеркивания традиционных стереотипов о мужских качествах.

Данные проводимых ассоциативных экспериментов, многочисленные примеры из печатных и телевизионных средств массовой информации, веб-коммуникации свидетельствуют о сложившемся в обществе стереотипе: в коллективном сознании людей в России и Франции антонимом *женственности* (т. е. в роли *неженственности*) выступает понятийная категория *феминизма*, несмотря на то, что одно из направлений феминизма говорит об «онтологически заданных мужской и женской идентичностях», определяемых своими противоположными характеристиками [Патрушева 2013: 243].

В российской действительности феминизм воспринимается как нечто пришедшее извне, чужое (ср.: *Вот и до нас добрался феминизм. Хотя наши женщины на этом и не настаивали* [Беляков 2011]; *Феминизм это раковая опухоль. Он разрушает традиции, любовь* [Чинкова 2012]; *В массе своей российская общественность равнодушна к таким инициативам* (о феминизме) [Устинкин 2016: 14]). Феминизм выступает в массовом сознании как то, что стремится разрушить устоявшийся общественный уклад, в частности в вопросе отношений между полами и роли женщины.

По словам доктора психологических наук, автора многочисленных книг по психологии Я. Л. Коломинского, в ситуации, когда человек сталкивается с какой-либо новой информацией, противоречащей его внутренним установкам, он переживает психологический стресс, называемый когнитивным диссонансом, который буквально выражается в возведении человеком психологического барьера с целью препятствия принятию им этой информации [Коломинский 1986: 88]. В статье о когнитивном подходе к критическому дискурсу-анализу Рут Водак говорит о том, что новый опыт познания явления действительности не является объективным, а всегда приспособливается к прежним моделям индивидуального и коллективного опыта, испытывает на себе их влияние [Водак 2016]. Поэтому основная масса русских женщин и мужчин, незнакомая с феминистическими теориями, ставит барьеры на пути ознакомления с ними, преломляя их через субъективизм стереотипного мышления о «настоящих женщинах». Передаваемые СМИ отрицательные установки относительно яв-

ления феминизма как такового участвуют в формировании государственной дискурсо-идеологии женственности.

Феминизм во Франции, подпитываемый исконными представлениями о свободолюбивой французской женственности (*Une femme française — c'est une femme forte, c'est une femme entière, qui se reveille et passe à l'action quand elle se sent menacée à l'instar des Aliénor d'Aquitaine, Jeanne d'Arc, Anne de Bretagne et tant d'autres dans tous les domaines et depuis des siècles* [La Gauffrette 2016] / *Французская женщина — это сильная женщина, настоящая женщина, которая просыпается и переходит к действиям, как только чувствует для себя угрозу, по примеру Алиеноры Аквитанской, Жанны д'Арк, Анны Бретонской и многих других в самых разных областях и в самые разные века*), находит свое отражение в многочисленных философских трудах, формирующих научную языковую картину. Его активное изучение не только французскими философами, но и социологами, политологами, лингвистами говорит о научном интересе к этому культурному явлению. В последние десятилетия общественное мнение критически настроено к любым проявлениям дискриминации в отношении женщин, активисты выступают с многочисленными инициативами на всех уровнях власти по коррекции традиционных стереотипов женственности, в частности проявляющихся в языковых формах женского и мужского рода слов, означающих профессии, в грамматических формах согласования по роду, в способах обращения к женщине в обществе. Звучат и предложения по расширению лексики за счет единиц, описывающих познание действительности женщиной.

Феминизм как когнитивная категория выступает, однако, синонимом *неженственности* как в российской, так и во французской лингвокультурах. Причины сложившегося положения можно усматривать в следующем.

Одним из первых, кто заговорил в 1955 г. о том, что биологический пол не обуславливает назначения той или иной социальной роли в обществе или определенных качественных характеристик, был сексолог Джон Мани, проводивший исследования в области транссексуальности. Появление научного термина *гендер* в 70-е гг. прошлого столетия и его широкое применение в западной науке для обозначения «совокупности социальных и культурных норм, которую общество предписывает выполнять мужчинам и женщинам в зависимости от их пола» [Словарь гендерных терминов 2002: 21] связано именно с феминистским движением. Его теория зиждилась на представлении о том, что ис-

торически общества создали социальные установки, регулирующие поведение, деятельность и определяющие самосознание человека в соответствии с его биологическим полом. Общественное гендерное сознание постоянно самовоспроизводится через культурные пласты стереотипов и традиций, а также через добровольную гендерную идентификацию человека. До середины XX в., когда термина *гендер* еще не существовало, феминизм развивался на основе критики специфических отношений между мужчинами и женщинами: критики различного рода межполового неравенства и подавления сексуальной женской свободы; утверждалась идея эмансипации личности женщины от исторической и культурной обусловленности ее биологического рода. Косвенно заявлялось о гендерной дискриминации, асимметрии, стереотипизации, стратификации, находивших свое выражение в патриархальной модели человеческого общества, противопоставляющей мужское и женское, определяющей основы доминирования и распределения власти. С конца XVIII в. феминизм начинает проявлять себя как дискурс, открыто заявляющий о дискриминационной «традиционной» женственности.

Гендер, имеющий свою «культурно-символическую интерпретацию» [Словарь гендерных терминов 2002: 23], связан с закреплением концепта *женственности* в языке в соответствующей лингвокогнитивной категории *женского* как «ячейке упорядоченных знаний и представлений» [Дзюба 2015: 187] о том, что понимается под выражением *настоящая женщина*.

Концепт *неженственности* в наивном сознании французов и русских, формируемом инструментами СМИ, прочно связывается, ассоциируется с лингвокогнитивной категорией *феминизма*, когда все ее смысловое содержание практически сводится к перечислению противоположных понятию женственности значений. С целью подтверждения данного факта обратимся к методу лексикографического анализа на материале статей, посвященных дефиниционному описанию слова *феминизм* в русских и французских толковых словарях. Целью такого анализа является установление основных дифференциальных признаков понятийной категории *феминизма*, выявление отношения к данному явлению (аксиологических компонентов значения) как закрепившемуся в общенациональном сознании и отраженном в словаре. В качестве материала использовались восемь французских толковых словарей с 1993 по 2016 г. и 12 русскоязычных аналогичных лексикографических ис-

точников с 1964 по 2012 г.

После изучения лексикографической информации произведен анализ данных с целью выявления ключевых смысловых компонентов категории «ФЕМИНИЗМ» в обеих культурах.

Обобщенные данные французских толковых словарей являются следующими: *феминизм* — это *доктрина* (5 упоминаний), *движение* (3), *учение* (2), *позиция* (2). Отмечаются также следующие смысловые компоненты: *расширение ограниченных прав женщин* (7), *увеличение роли женщин в обществе* (4), *защита интересов, собственных женщинам* (2), *улучшение положения женщин в обществе* (1), *уравнение в правах мужчин и женщин* (1).

Обобщенные данные русских толковых словарей являются следующими: *феминизм* — это: *женское движение* (4 упоминания), *борьба* (3), *общественное движение* (2), *мировоззрение* (2), *движение* (1), *буржуазное движение* (1), *идея* (1), *буржуазное политическое движение* (1). Дополнительные смысловые компоненты: *уравнение прав мужчин и женщин* (8), *эмансипация женщин* (2), *равенство мужчины и женщины в общественной жизни* (2), *не касается актуальных проблем современности* (1), *выдвижение социальных требований* (1), *стремление к равноправию женщин с мужчинами во всех сферах общества* (1), *устранение дискриминации и подавления женщин* (1), *борьба за равные права женщины, в основе которой лежит убеждение, что женщины в разных обществах подвергаются дискриминации и унижениям только из-за своей*

половой принадлежности (1), *борьба за социальные и политические права женщин, охрану детства, против войны* (1), *стремление добиться формального равноправия женщин* (1).

Полученные данные позволяют отметить, что французские толковые словари определяют феминизм как *доктрину*, основным концептуальным содержанием которой является *расширение ограниченных прав женщин*, тогда как русские толковые словари называют феминизм *женским движением*, выделяя основной концептуальный смысл как *уравнение прав мужчин и женщин*. Во французском языковом сознании феминизм представляется как общая философская теория, не всегда связанная с женщинами, при этом признающая изначальную ограниченность прав женщин. В русской языковой картине феминизм — это женское движение, стремящееся уравнивать в правах женщин и мужчин. Другими словами, в этом движении участвуют женщины, осознавшие неравенство и выступающие за правовое равенство. Ассоциативный концептуальный смысл *неженственности* в структуре категории «ФЕМИНИЗМ» присутствует именно в русской языковой картине. При этом предполагается, что женщины могут вовсе не участвовать в каких-либо движениях и/или акциях противостояния установленным порядкам с целью указания на наличие неравноправия.

Концептуальные смыслы *женственности* — *неженственности*, культивируемые СМИ, актуализированы в нижеприведенных языковых клише русской лингвокультуры (см. таблицу 1).

Таблица 1

Русскоязычные контексты, актуализирующие смысловые компоненты *женственности* — *неженственности*

Контексты, актуализирующие смысловой компонент <i>женственность</i>	Контексты, актуализирующие смысловые компоненты <i>феминизм</i> — <i>феминистка</i> — <i>неженственная женщина</i>
<p>– <i>нежность, мягкость, изящество, хрупкость, тайна, уступчивость, терпение, трудолюбие; рост небольшой, но округлый, ум проникновенно-сладкий, душа добрая и ласковая, любовь у нее одна — верная и судьбоносная, муж и дети, растворение в них, полная отдача семье</i> [Словарь русской ментальности 2014: 257, 258, 259];</p> <p>– <i>интуитивность, чувственность, экспрессивность, гибкость, отзывчивость, преданность, жертвенность, пассивность, слабость</i> [Словарь гендерных терминов 2002: 63, 64];</p> <p>– <i>такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; плывет пава, во лбу месяц светит, под косой звезда блестит, на каждой волосинке жемужинка висит</i> [Русские народные сказки 1976: 8, 9];</p>	<p>– <i>наличие каких-то личных, сексуальных проблем</i> [Слободчикова 2014];</p> <p>– <i>женщина, которая постоянно борется и доказывает свое равенство с мужчиной</i> [Слободчикова 2014];</p> <p>– <i>не мать</i> [Владимирова 2014: 13];</p> <p>– <i>подростковый максимализм</i> [Алкснис 2016];</p> <p>– <i>удел женщин-неудачниц или мужененавистниц</i> [Темкина 2015];</p> <p>– <i>чужое, новое, лишнее, перверсивное</i> [Гуськов 2013];</p> <p>– <i>страшная</i> [Гуськов 2013];</p> <p>– <i>выходит за пределы отведенного ей жизненного пространства, вынуждая выходить за «культурные» рамки мужчину, провоцируя насилие;</i></p>

Контексты, актуализирующие смысловой компонент женственность	Контексты, актуализирующие смысловые компоненты феминизм — феминистка — неженственная женщина
<p>– ...каблуки, платье, шляпка, перчатки... (как проявление статичности, пассивности) [Пинкола 2014: 10];</p> <p>– стремление к замужеству, примыканию к мужчине: <i>меня ты освободил, будешь теперь моим суженым; хочу быть твоей верной женой</i> [Русские народные сказки 1976: 27];</p> <p>– длинные светлые волосы: <i>вся краса у Маши — русая коса, до земли падает, цветы задевает</i> [Русские народные сказки 1976: 27];</p> <p>– скромная, отсутствие честолюбия, принятие предписываемой роли, отказ от борьбы: <i>с утра до вечера все с работой: и дома, и в поле, и в огороде. И грядки полет, и лучину колет, коровушку доит, никому не молвит ни слова, все сделать готова. Старшие сестры ею помыкают, за себя работать заставляют. А Маша молчит</i> [Русские народные сказки 1976: 32] и др.</p>	<p>– <i>вызывающе неопрятная женщина с низким голосом, резкой жестикуляцией, вытаращенными глазами и с сигаретой в зубах</i> [Гоцило 1991: 139];</p> <p>– <i>лесбиянство</i> [Гоцило 1991: 139];</p> <p>– <i>распутница</i> [Пинкола 2014: 10] и др.</p>

Таблица 2

Французские контексты, актуализирующие смысловые компоненты **женственности — неженственности**

Контексты, актуализирующие смысловой компонент женственность	Контексты, актуализирующие смысловой компонент неженственность — феминизм
<p>– набор характеристик, свойственных женщине (<i>Ensemble des caractères propres à la femme</i>) / набор характеристик, соответствующих социальному образу женщины: <i>очарование, мягкость, чуткость, нежность</i> (<i>Ensemble des caractères correspondant à une image sociale de la femme: charme, douceur, délicatesse</i>) [Le nouveau petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française 1993: 904];</p> <p>– ...она скромна, как юная невеста, бела, как лилии цветов, стройна и высока. До пят спускались косы. Рот, нос, глаза прекрасны были. Юна, мила, светло-волоса, ловка и грациозна [Гильом де Лоррис 2001: 38];</p> <p>– <i>la virginité et la maternité</i> / целомудрие и материнство [Modrzejewska 1999: 21];</p> <p>– <i>l'obéissance et la modestie</i> / послушание и скромность [Modrzejewska 1999: 43];</p> <p>– <i>belle et agréable</i> / красивая и милая [Modrzejewska 1999: 79];</p> <p>– <i>l'accomplissement des tâches domestiques et l'éducation des enfants</i> / выполнение домашней работы и воспитание детей [Biscarrat 2013].</p>	<p>– <i>une névrosée, pas drôle, moche, qui déteste les hommes</i> / нервная, неприятная, уродливая, ненавидящая мужчин [Roussel 2016];</p> <p>– <i>une vieille fille poilue, aigrie et malbaisée, des lesbiennes, détestant les hommes</i> / небритая старая дева, постоянно раздраженная и сексуально неудовлетворенная, лесбиянки, ненавидящие мужчин [Huit clichés récurrents sur les féministes];</p> <p>– <i>l'anarchie, anti-hommes</i> / анархия, против мужчин [Marand-Fouquet 2015];</p> <p>– <i>feminist ne peut pas rester feminine</i> / феминистка не может оставаться женственной [Marand-Fouquet 2015];</p> <p>– <i>les femmes s'investissent dans la sphere professionnelle sans se soucier des consequences sur leur vie familiale</i> / женщины отдают себя профессиональной карьере, не заботясь о последствиях этого в их семейной жизни [Cardoso 2014: 220];</p> <p>– <i>adoptent les valeurs masculines (ambition, carriérisme)</i> / перенимают мужские ценности (амбиции, карьеризм) [Cardoso 2014: 221].</p>

Коллективное сознание отождествляет феминизм с тем, какой не может быть женственная женщина, поскольку феминизм включает такие концептуальные компоненты, как 'аномалия', 'инаковость', 'инакомыслие', 'неподчинение'. Например, основной смысловой составляющей концепта *женственности* для русских людей является внешняя красота женщины. По словам Карен Хорни, выдающегося психоаналитика, «женщины приспособляются к желаниям

мужчин и принимают эту адаптацию за свою истинную природу» [Хорни 1993: 28]. Нежелание быть красивой, симпатичной, милой воспринимается обществом минимум как странность, а все феминистки — как «страшные». Непоколебимость традиционного образа женщины у современных русских людей обосновывается строгой иерархией мужского и женского в российском обществе, где женственность — это *лояльность к власти мужчин, скромность при-*

тязаний, дисциплинированность, неактивность, направленность внимания на семью, мужа, но не на саму себя [Патрушева 2013: 258], жертвенность... это и есть истинная женственность [Искандер 2000].

Для французов основными концептами выступают *элегантность, очарование и нежность*, а не *привлекательная внешность*, что подтверждают сами французские женщины, подчеркивающие не свою красоту, а *нетипичность*, ср.: *...la Française est subtile, intelligente, sensible, intuitive, perspicace, elle œuvre discrètement, sûrement et sereinement dans la durée. Dans la sphere privée comme dans l'espace public* / Французженка утонченна, умна, нежна, интуитивна, проницательна, она скромно, но постоянно и уверенно трудится во времени. Как дома, так и в обществе [La Gauffrette 2016]. При этом феминизм также имеет негативную коннотацию и воспринимается как изменение, ассоциируемое с ломкой традиционных стереотипов, чему сопротивляются власть и общество. Примеры французских контекстов, актуализирующих рассматриваемые компоненты значений, представлены в таблице 2.

Акцентируя внимание на том, что языковая картина мира выступает как матрица смыслов, которые систематизируют действительность понятийных категорий, можно сделать вывод о наличии общих смысловых компонентов категории «ФЕМИНИЗМ», представляемой в русской и французской наивных языковых картинах мира. Общность заключается прежде всего в аксиологических компонентах смысла, а именно в признании культурной значимости, ценности концепта *женственности* как залога неизменности общественного уклада.

Сама лингвокогнитивная категория *феминизма* отнюдь не включает в свою структуру концепт *женственности*, наоборот, противопоставляет ему концепт *неженственности*. Иными словами, в наивном сознании обоих народов категория *феминизма* содержательно практически полностью сводится к объему понятия *неженственности*. При этом в обеих лингвокультурах указываются такие определяющие составляющие концепта *неженственности*, тождественные с содержанием категории *феминизма*, как *неприятный внешний вид, отсутствие семьи и детей, профессиональные, личностные амбиции и карьеризм, мужененавистничество, нетрадиционная сексуальная ориентация*. При этом французские и русскоязычные лексикографические источники не фиксируют указанные компоненты значений при дефиниционном описании лексемы *феминизм*. Другими сло-

вами, в наивном французском и русском языковом сознании концепт *неженственности* выступает смысловым аналогом лингвокогнитивной категории *феминизма*. Однако французам свойственно видеть в основе движения феминизма, сторонниками и активистами которого являются не только женщины, научные и идеологические положения, что не свойственно для системы представлений о феминизме, стереотипно хранящейся в русском языковом сознании. В этом более ярко выраженном разделении на варианты видится специфика именно французской языковой картины мира, где лингвоконцептуальная вариативность наиболее выражена.

Лингвокогнитивные различия между научной, профессиональной и наивной языковыми картинками мира в рамках русской лингвокультуры менее выражены, поскольку их смыслы ассоциативно схожи. Варианты языковой картины мира в случае с русской лингвокультурой испытывают на себе влияние властного идеологизированного дискурса женственности, указывающего на проявляемую нетипичность и аномальность. Это объясняет то, что в российской культуре и обществе наблюдается бóльшая социальная напряженность в связи с феминизмом, чем во французском обществе, более толерантном к разного рода несоответствиям и отступлениям от стереотипов.

ИСТОЧНИКИ

1. Алкснис И. Страна победивших женщин, или Почему в России презирают феминизм / На Линии. 01.10.2016. URL: <https://www.nalin.ru/strana-pobedivshix-zhenshhin-ili-pochemu-v-rossii-prezirayut-feminizm-2620> (дата обращения: 02.01.2017).
2. Бекман Й. Pussy Riot — лицо фашизма. URL: <http://vkgdety.livejournal.com/389941.html> (дата обращения: 22.12.2016).
3. Беляков Е. И коня на скаку остановит, и бюджет пенсионный спасет // Комсомольская правда. 2011. 13 дек.
4. Владимирова Т. Торговцы поддержанными идеями // Литературная газета. 2014. № 3 (6446), 22—28 янв. С. 13.
5. Гильом де Лоррис, Жан де Мен. Роман о Розе. — Ростов н/Д, 2001.
6. Гошило Е. Перестройка или «домостройка»? // Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 134—145.
7. Гуськов С. Виктория Ломаско: «На феминистской выставке кураторы “феминистки” оскорбляют художниц» // Colta. 2013. 9 марта. URL: <http://www.colta.ru/articles/art/349>.
8. Искандер Ф. Понемногу о многом // Новый мир. 2000. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.01.2017).
9. Лучший друг, любимый, отец. Как преподносят Путина в его день рождения // Medialeaks. 2015. 7 окт. URL: http://medialeaks.ru/0710olya_putindr.
10. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>.
11. Песнь о Роланде / пер. со старо-франц. Ф. Г. де Ла Барта. — М.: Художественная литература, 1937. 164 с.
12. Пинкола Э. К. Бегущая с волками: женский архетип в мифах и сказаниях: пер. с англ. — М.: София, 2014. 448 с.
13. Русские народные сказки. — М., 1976. 160 с.
14. Слободчикова О. Женщины в России: между феминизмом и патриархатом? // Русская служба Би-би-си. 2014.

- 27 окт. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/10/141025_russia_sexism_violence_stereotypes.
15. Темкина А. Почему в России считается постыдным и унижительным говорить о феминизме и быть участником этого движения? // Программы гендерных исследований Европейского университета в Санкт-Петербурге, март 2015. URL: thequestion.ru/questions/583/pochemu-v-rossii-schitaetsya-postydnym-i-unizitelnyim-govorit-o-feminizme-i-byt-uchastni-kom-etogo-dvizheniya.
16. Устинкин С. В., Рудакова Е. К. Гендерные стратегии «Мягкой силы» НПО как инструмент реформирования культурного кода общества и государства в России // Власть. 2016. № 1. С. 5—15.
17. Чинкова Е. Бабе дорога — от печи до порога // Комсомольская правда. 2012.09.06.
18. Biscarrat L. La vie des signes au sein de la communication: vers une sémiotique communicationnelle // Émergences L'analyse des médias au prisme du genre: formation d'une épistémè. 2013. № 3. URL: <https://rfsic.revues.org/619>.
19. Cardoso A. La superwoman est-elle antiféministe? Analyse des discours de la presse féminine sur l'articulation entre vie professionnelle et vie familiale // Recherches féministes. 2014. Vol. 27, n. 1. P. 219—236. URL: <http://id.erudit.org/iderudit/1025424ar> DOI: 10.7202/1025424ar.
20. Marand-Fouquet Catherine. Féminisme à la française, Histoire des femmes, Olympe de Gouges. 2015. 11 janvier. URL: <http://feministesentousgenres.blogs.nouvelobs.com/feminisme-a-la-francaise>.
21. Coudurier P. La France en littérature: splendeurs et misères d'un mythe // La France des écrivains. Éclats d'un mythe (1945—2005) / sous la direction de Marie-Odile André, Marc Dambre & Michel P. Schmitt. — Paris: Presses de la Sorbonne nouvelle, 2011. 292 p. URL: <http://www.fabula.org/acta/document7433.php>.
22. Dard F. Citations. URL: http://www.linternaute.com/citation/cgi/recherche/recherche.php?f_motcle=mere&lance_recherche.x=0&lance_recherche.y=0&f_action_recherche=0.
23. Huit clichés récurrents sur les féministes. URL: <https://ladenture.wordpress.com/2013/05/29/huit-cliches-recurrents-sur-les-feministes/>.
24. La Gauffrette A.-S. Française, où es-tu? L'archétype de la femme française comme source d'inspiration // Inspiration. 2016. 26 Nov. URL: <http://bellica.fr/francaise-ou-es-tu-larchetype-de-la-femme-francaise-comme-source-dinspiration>.
25. Roussel J. DOIT-ON SE DÉBARRASSER DU MOT «FÉMINISME»? Publié le 22 septembre 2016. URL: <http://cheekmagazine.fr/societe/debarrasser-mot-feminisme>.
26. Vouret A. Refrain d'une chanson, juillet 1880. URL: <http://gallica.bnf.fr>.
- СЛОВАРИ, СПРАВОЧНИКИ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ**
27. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Советская энциклопедия, 1977. Т. 27.
28. Гак Г. Французско-русский фразеологический словарь. — М., 1963. 1111 с.
29. Даниленко В. И. Современный политологический словарь. — М.: NOTABENE, 2000. 1024 с.
30. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: ок. 160 000 слов. В 3 т. Т. 3. Р—Я. — М.: АСТ: Астрель, 2006.
31. Зенович Е. С. Словарь иностранных слов и выражений. — М.: Олимп: АСТ, 2002.
32. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М.: АСТ: Астрель, 2002. 784 с.
33. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 2. От реакции к стимулу: более 100 000 реакций / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М.: АСТ: Астрель, 2002. 992 с.
34. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. — М.: Информация — 21 век, 2002. 256 с.
35. Словарь иностранных слов. В 2 т. Т. 2. М—Я / под ред. Т. Н. Гурьевой. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2002.
36. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. С — Я / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1999.
37. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. А — О /
- В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
38. Словарь современного русского литературного языка. Т. 16 У—Ф. — М.; Л.: Наука, 1964.
39. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. — М.: Норма, 2008. С. 502—503.
40. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боброва [и др.]. — М.: Цитадель-трейд: Вече, 2012.
41. Толковый словарь иноязычных слов / под ред. Л. П. Крысина. — М.: Эксмо, 2010.
42. Толковый словарь русского языка. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Астрель: АСТ, 2000.
43. Толковый словарь русского языка начала 21 века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Склиаревской. — М.: Эксмо, 2006.
44. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон. Т. 69, 80. Переп. изд. — М.: Терра, 1993.
45. Dictionnaire encyclopédique universel. — Hachette, Edition 1998. 498 p.
46. Dictionnaires Le Robert — Le Grand Robert de la langue française / Les ressources numériques Le Robert par Alain Rey. URL: <http://gr.bvdep.com/robert.asp>.
47. Dictionnaire universel francophone / Rédaction Hubert Lucot. — Hachette Edicef, 1997.
48. Larousse de Poche. — Paris, 2006. 329 p.
49. Le nouveau petit Robert: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Nouvelle Edition du Petit Robert de Paul Robert sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey / Dictionnaires le Robert. — Paris, 1993.
50. Le Nouveau Petit Robert de Paul Robert. Sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. — Paris, 2004.
51. Le Petit Robert des noms propres: Dictionnaire illustré. Rédaction dirigée par Alain Rey. — Paris, 1999.
52. Le nouveau petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Nouvelle Edition du Petit Robert de Paul Robert sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey / Dictionnaires le Robert. — Paris, 1993.
53. Le petit LAROUSSE illustré / Larousse. — Paris, 2007.
- ЛИТЕРАТУРА**
54. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
55. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык // Вопросы языкознания. 1987. № 3.
56. Брайсон В. Политическая теория феминизма. — М.: Идея-Пресс, 2001. 304 с.
57. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 267 с.
58. Водак Р. Взаимосвязь «Дискурс — общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу // Политическая лингвистика. 2016. № 19. С. 107—116.
59. Гачев Г. Ментальности народов мира. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
60. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русской языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2015. 629 с.
61. Дзюба Е. В., Чудинов А. П. Типы лингвокогнитивной категоризации действительности в русской языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 238—247.
62. Коломинский Я. Л. Человек: психология. — М.: Просвещение, 1986. 223 с.
63. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. — М.: Комкнига, 2010. 128 с.
64. Патрушева С. В. Гражданское и политическое в российских общественных практиках. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 525 с.
65. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — М.: Прогресс, 1977. 407 с.
66. Хорни К. Женская психология. — СПб.: Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 1993. 222 с.
67. Чудинов А. П. Новые русские метафоры // Русская речь. 2003. № 2. С. 44—48.
68. Modrzejewska K. La femme dans la littérature française —

Y. G. Tkachenko, E. V. Dziuba
Ekaterinburg, Russia

FEMININITY AND FEMINISMS ANTAGONISTS IN THE RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGE WORLDVIEWS

ABSTRACT. *The article deals with fragments of the French and Russian linguistic worldviews related to the categorical and conceptual content of the phenomena of femininity and feminism. It emphasizes the existence of universal characteristics which represent the conceptual core, and of ethnic-specific characteristics in the interpretation of these linguistic-mental formations. The objectives of this work are the demonstration of ethno-specific features of the content of the linguistic-mental phenomena of femininity and feminism, the examination of their representatives in the Russian and French languages, and the analysis of associative links of the considered phenomena with the concept of non-femininity in both cultures. In the article the concept of femininity is considered from the point of view of its cultural significance, stability, and normativity in the collective consciousness of native speakers of the French and Russian languages. It is postulated that in the content structure of the cognitive category of feminism the conceptual core of the Woman concept as a mental construct is destroyed and used as a justification of gender roles in the modern French and Russian societies. In the end of the article it is concluded that despite the similarity of the semantic content of the femininity concept in the Russian and French linguistic cultures there are differences in the interpretation of the linguistic and cognitive category of FEMINISM in different variants of the French and Russian linguistic worldviews (scientific, professional and naive).*

KEYWORDS: *cognitive linguistics; linguistic worldview; Russian language; French language; linguoculturology; femininity; feminism; masculinity.*

ABOUT THE AUTHORS: *Tkachenko Yuliya Gennadievna, Senior Lecturer, Department of Business Foreign Language, University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

Dziuba Elena Vyacheslavovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Alksnis I. Strana pobedivshikh zhenshchin, ili Pochemu v Rossii prezirayut feminizm / Na Linii. 01.10.2016. URL: <https://www.nalin.ru/strana-pobedivshix-zhenshchin-ili-pochemu-v-rossii-prezirayut-feminizm-2620> (data obrashcheniya: 02.01.2017).
2. Bekman Y. Pussy Riot — litso fashizma. URL: <http://vk-gdety.livejournal.com/389941.html> (data obrashcheniya: 22.12.2016).
3. Belyakov E. I konya na skaku ostanovit, i byudzhnet pensionny spaset // Komsomol'skaya pravda. 2011. 13 dek.
4. Vladimirova T. Torgovtsy podderzhannymi ideyami // Literaturnaya gazeta. 2014. № 3 (6446), 22—28 yanv. S. 13.
5. Gil'om de Lorris, Zhan de Men. Roman o Roze. — Rostov n/D, 2001.
6. Goshchilo E. Perestroyka ili «domostroyka»? // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1991. № 4. S. 134—145.
7. Gus'kov S. Viktoriya Lomasko: «Na feministkoy vystavke kuratory "feministki" oskorblyayut khudozhnits» // Colta. 2013. 9 marta. URL: <http://www.colta.ru/articles/art/349>.
8. Iskander F. Ponemnogo o mnogom // Novyy mir. 2000. URL: <http://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 12.01.2017).
9. Luchshiy drug, lyubimyy, oets. Kak prepodnosyat Putina v ego den' rozhdeniya // Medialeaks. 2015. 7 okt. URL: http://medialeaks.ru/0710olya_putindr.
10. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. URL: <http://ruscorpora.ru>.
11. Pesn' o Rolande / per. so staro-frants. F. G. de La Barta. — M. : Khudozhestvennaya literatura, 1937. 164 s.
12. Pinkola E. K. Begushchaya s volkami: zhenskiy arkhetyp v mifakh i skazaniyakh : perev. s angl. — M. : Sofiya, 2014. 448 s.
13. Russkie narodnye skazki. — M., 1976. 160 s.
14. Slobodchikova O. Zhenshchiny v Rossii: mezhdru feminizmom i patriarkhatom? // Russkaya sluzhba Bi-bi-si. 2014. 27 okt. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/10/141025_russia_sexism_violence_stereotypes.
15. Temkina A. Pochemu v Rossii schitaetsya postydnym i unizitel'nyy govorit' o feminizme i byt' uchastnikom etogo dvizheniya? // Programmy gendernykh issledovaniy Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, mart 2015. URL: thequestion.ru/questions/583/pochemu-v-rossii-schitaetsya-postydnym-i-unizitel'nyy-govorit-o-feminizme-i-byt-uchastnikom-etogo-dvi-zheniya.
16. Ustinkin S. V., Rudakova E. K. Gendernye strategii «Myagkoy sily» NPO kak instrument pereformatirovaniya kul'turnogo koda obshchestva i gosudarstva v Rossii // Vlast'. 2016. № 1. S. 5—15.
17. Chinkova E. Babe doroga — ot pechi do poroga // Komso-
18. Biscarrat L. La vie des signes au sein de la communication: vers une sémiotique communicationnelle // ÉmergencesL'analyse des médias au prisme du genre: formation d'une épistémè. 2013. № 3. URL: <https://rfsic.revues.org/619>.
19. Cardoso A. La superwoman est-elle antiféministe? Analyse des discours de la presse féminine sur l'articulation entre vie professionnelle et vie familiale // Recherches féministes. 2014. Vol. 27, n. 1. P. 219—236. URL: <http://id.erudit.org/iderudit/1025424ar> DOI: 10.7202/1025424ar.
20. Marand-Fouquet Catherine. Féminisme à la française, Histoire des femmes, Olympe de Gouges. 2015. 11 janvier. URL: <http://feministesentousgenres.blogs.nouvelobs.com/feminisme-ala-francaise>.
21. Coudurier P. La France en littérature: splendeurs et misères d'un mythe // La France des écrivains. Éclats d'un mythe (1945—2005) / sous la direction de Marie- Odile André, Marc Dambre & Michel P. Schmitt. — Paris : Presses de la Sorbonne nouvelle, 2011. 292 p. URL: <http://www.fabula.org/acta/document7433.php>.
22. Dard F. Citations. URL: http://www.linternaute.com/citation/cgi/recherche/recherche.php?f_motcle=mere&lance_recherche.x=0&lance_recherche.y=0&f_action_recherche=0.
23. Huit clichés récurrents sur les féministes. URL: <https://ladenture.wordpress.com/2013/05/29/huit-cliches-recurrents-sur-les-feministes/>.
24. La Gauffrette A.-S. Française, où es-tu? L'archétype de la femme française comme source d'inspiration // Inspiration. 2016. 26 Nov. URL: <http://bellica.fr/francaise-ou-es-tu-larchetype-de-la-femme-francaise-comme-source-dinspiration>.
25. Roussel J. DOIT-ON SE DÉBARRASSER DU MOT "FÉMINISME"? Publié le 22 septembre 2016. URL: <http://cheekmagazine.fr/societe/debarrasser-mot-feminisme>.
26. Vouret A. Refrain d'une chanson, juillet 1880. URL: <http://gallica.bnf.fr>.
27. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya / gl. red. A. M. Prokhorov. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1977. T. 27.
28. Gak G. Frantsuzsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'. — M., 1963. 1111 s.
29. Danilenko V. I. Sovremennyy politologicheskiy slovar'. — M. : NOTABENE, 2000. 1024 s.
30. Efremova T. F. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka : ok. 160 000 slov. V 3 t. T. 3. R—Ya. — M. : AST : Astrel', 2006.
31. Zenovich E. S. Slovar' inostrannykh slov i vyrazheniy. — M. : Olimp : AST, 2002.
32. Russkiy assotsiativnyy slovar'. V 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktivnoi : ok. 7000 stimulov / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. — M. : AST : Astrel', 2002. 784 s.

33. Russkiy assotsiativnyy slovar'. V 2 t. T. 2. Ot reaktsii k stimulu : bolee 100 000 reaktsiy / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. — M. : AST : Astrel', 2002. 992 s.
34. Slovar' gendernykh terminov / pod red. A. A. Denisovoy. — M. : Informatsiya — 21 vek, 2002. 256 s.
35. Slovar' inostrannykh slov. V 2 t. T. 2. M—Ya / pod red. T. N. Gur'evoy. — M. : TERRA — Knizhnyy klub, 2002.
36. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4. S — Ya / pod red. A. P. Evgen'evoy. — M. : Rus. yaz., 1999.
37. Slovar' russkoy mental'nosti. V 2 t. T. 1. A — O / V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A. A. Kharitonov. — SPb. : Zlatoust, 2014. 592 s.
38. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 16. U—F. — M. ; L. : Nauka, 1964.
39. Sotsiologicheskiy slovar' / otv. red. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev. — M. : Norma, 2008. S. 502—503.
40. Sovremennyy slovar' inostrannykh slov: tolkovanie, slovopotreblenie, slovoobrazovanie, etimologiya / L. M. Bash, A. V. Bobrova [i dr.]. — M. : Tsitadel'-trejd : Veche, 2012.
41. Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov / pod red. L. P. Krygina. — M. : Eksmo, 2010.
42. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. T. 4 / pod red. D. N. Ushakova. — M. : Astrel' : AST, 2000.
43. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala 21 veka. Aktual'naya leksika / pod red. G. N. Sklyarevskoy. — M. : Eksmo, 2006.
44. Entsiklopedicheskiy slovar' F. A. Brokgauz — I. A. Efron. T. 69, 80. Repr. izd. — M. : Terra, 1993.
45. Dictionnaire encyclopédique universel. — Hachette, Edition 1998. 498 p.
46. Dictionnaires Le Robert — Le Grand Robert de la langue française / Les ressources numériques Le Robert par Alain Rey. URL: <http://gr.bvdep.com/robert.asp>.
47. Dictionnaire universel francophone / Rédaction Hubert Lucot. — Hachette Edicef, 1997.
48. Larousse de Poche. — Paris, 2006. 329 p.
49. Le nouveau petit Robert : Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Nouvelle Edition du Petit Robert de Paul Robert sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey / Dictionnaires le Robert. — Paris, 1993.
50. Le Nouveau Petit Robert de Paul Robert. Sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. — Paris, 2004.
51. Le Petit Robert des noms propres : Dictionnaire illustré. Rédaction dirigée par Alain Rey. — Paris, 1999.
52. Le nouveau petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Nouvelle Edition du Petit Robert de Paul Robert sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey / Dictionnaires le Robert. — Paris, 1993.
53. Le petit LAROUSSE illustré / Larousse. — Paris, 2007.
54. Apresyan Yu. D. Izbrannyye trudy. T. 2. Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1995. 767 s.
55. Arutyunova N. D. Anomalii i yazyk // Voprosy yazykoznaniiya. 1987. № 3.
56. Brayson V. Politicheskaya teoriya feminizma. — M. : Ideya-Press, 2001. 304 s.
57. Budaev E. V., Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2006. 267 s.
58. Vodak R. Vzaimosvyaz' «Diskurs — obshchestvo»: kognitivnyy podkhod k kriticheskomu diskursu-analizu // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 19. S. 107—116.
59. Gachev G. Mental'nosti narodov mira. — M. : Izd-vo Eksmo, 2003. 544 s.
60. Dzyuba E. V. Lingvokognitivnaya kategorizatsiya deystvitel'nosti v russkoy yazykovoy kartine mira : dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2015. 629 s.
61. Dzyuba E. V., Chudinov A. P. Tipy lingvokognitivnoy kategorizatsii deystvitel'nosti v russkoy yazykovoy kartine mira // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2016. № 24. S. 238—247.
62. Kolominskiy Ya. L. Chelovek: psikhologiya. — M. : Prosveshchenie, 1986. 223 s.
63. Kolshanskiy G. V. Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke. — M. : Komkniga, 2010. 128 s.
64. Patrusheva S. V. Grazhdanskoe i politicheskoe v rossiyskikh obshchestvennykh praktikakh. — M. : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2013. 525 s.
65. Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. — M. : Progress, 1977. 407 c.
66. Khorni K. Zhenskaya psikhologiya. — SPb. : Vostochno-Evropeyskiy in-t psikhoanaliza, 1993. 222 s.
67. Chudinov A. P. Novye russkie metafory // Russkaya rech'. 2003. № 2. S. 44—48.
68. Modrzejewska K. La femme dans la littérature française — symbole et réalité. — Opole : Uniw. Opolski, 1999. 201 p.
69. Morin E. Penser l'Europe. — Paris : Gallimard, 1987. P. 54—55.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 81'42:81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

М. Эдельман
США

Перевод с английского Н. А. Пром, Т. С. Лихачёвой

ЯЗЫК ИССЛЕДОВАНИЯ И ЯЗЫК ВЛАСТИ

АННОТАЦИЯ. Перевод главы из книги «*Политический язык: успех слова и провал политики*» («*Political Language: Words that Succeed and Policies that Fail*», 1977). Политический язык серьезного исследования системно отличается от языка, служащего пропаганде лояльности к власти, в плане синтаксиса, грамматической завершенности и сложности. Хотя эти две формы («формальный» и «общий» языки) ежедневно употребляются одновременно, анализ их отдельных функций необходим для понимания взаимосвязи между языком и политическими убеждениями. Формальный язык осуществляет контроль над достоверностью или фальсификацией факта и исследованием инновационных возможностей рекомбинаций фактов и логических установок. Его основными формами в политике являются математические пропозиции, акцент на абстрактные процессы, осознанные усилия по восприятию действительности с точки зрения других людей, а также некоторые формы искусства. Общий язык реализуется, когда люди разделяют нормы и политическую лояльность. Данный языковой код подтверждает правильность устоявшихся убеждений и укрепляет структуры власти. К его менее очевидным формам относятся (1) термины, классифицирующие людей в соответствии с их уровнем компетентности или значимости, (2) термины, которые имплицитно определяют индентифицируют группу, чьи интересы противоречат интересам других групп, и (3) церемонии, ритуалы и официальные государственные процедуры. Эмпирическое сочетание двух форм языка усиливает экспрессивный потенциал обеих и создает закономерное и повторяющееся когнитивное смешение, препятствующее эффективной политической деятельности малоимущих.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: : языковые коды; язык власти; политическая лингвистика; функции языка; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мюррей Эдельман (1919—2001), магистр исторических наук (1942), доктор политических наук. Работал в Иллинойском университете (с 1948 г.), в Висконсинском университете в Мадисоне (с 1966 г.), с 1990 г. официально не работал.

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ: Пром Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет; 400087, Россия, г. Волгоград, ул. Новороссийская, 16; e-mail: natalyaprom77@mail.ru.

Лихачёва Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет; 400005, Россия, г. Волгоград, ул. Коммунистическая, 34; e-mail: tatslix@gmail.com.

В этой главе рассматриваются имплицитные способы, с помощью которых термины, синтаксические конструкции и грамматические характеристики способствуют формированию политической лояльности, в то время как другие способы построения высказываний предполагают свободное исследование, скептицизм и экспериментирование. Одновременно к обоим видам языка постоянно прибегают в ходе общественных обсуждений и правительственных заседаний. Независимо от словарных значений слов, формы служат символами, которые обуславливают лояльность или скепсис. Их сочетание в реальном использовании часто помогает укрепить власть, порождая представление о том, что наука одобряет статусные различия, социальные нормы, а также существующую структуру распределения обязанностей.

Б. Бернштейн однажды ввел термины «формальный язык» и «общий язык», чтобы отличить языковые формы, которые связаны с явными различиями и модификаторами, от тех, которые стимулируют восприимчивость к определенной модели социального взаимодействия [Bernstein 1975]. Его дихотомия представляется целесообразной для анали-

за ряда *политических* (здесь и далее курсив автора. — прим. пер.) языковых форм, которые передают значения, не всегда понятные по структуре. Я отделяю общие политические конструкции языка, связанные с позицией скептического исследования, от тех, которые обуславливают позицию лояльности, будь то отношение к государственным органам или к другим организациям, в том числе политической оппозиции. При ознакомлении с этим анализом нужно иметь в виду, что различие между этими двумя основными стилями языка имеет *аналитическую* природу, а не эмпирическую, поскольку они объединены на практике. В заключительной части главы исследуется, как эмпирическое сочетание двух языковых форм влияет на политические убеждения и восприятие в реальных условиях.

Формальный язык

Формальный язык эксплицитно обращает внимание говорящего и аудитории на отдельные элементы пропозиции: правдоподобные заявления и их реализацию на практике, логические связи, их модификации и нагрузку, индивидуальные модификаторы, временные и пространственные отношения,

выражение эмоций, а также на возможности альтернативных концептуализаций для обобщения опыта. Осознанный акцент на этих элементах предусматривает два мыслительных процесса, которые затруднены при использовании общего языка: 1) непрерывную перепроверку достоверности как фактических, так и логических пропозиций и поиск наиболее адекватных пропозиций; 2) усилия по изучению инновационных возможностей рекомбинаций фактов, установок, выводов и сопутствующих эмоций, т. е. экспериментирование с когнитивными структурами. Интерес XX в. к иррациональному и нерациональному, по-видимому, заставляет нас занижать ту роль, которую осознанный скептицизм и целенаправленный поиск информации, противоречивой или нет, играют в формировании убеждений и представлений.

Математические пропозиции обладают явными признаками формального языка в чистом виде. Внимание сосредоточено на логических связях. Это обусловлено тем, что числа являются абстракциями содержания пропозиций, абстракциями, которые оставляют позади практически все содержание, идентифицирующее наблюдателя с определенными убеждениями и восприятием. Абстракция, по всей видимости, должна быть определяющей характеристикой формального языка (ряд увлекательных гипотез на эту тему см. в работе: [Langer 1962]).

Менее очевидная характеристика математического языка также имеет решающее значение и помогает нам идентифицировать другие варианты формального языка, которые играют определенную роль в политическом процессе. Проводя расчеты, математик осознанно тестирует возможности своего ума, зная, что когнитивные структуры, которые он строит, — это результат его собственных действий, а не объективный факт [Piaget 1971]. Эта форма сознания, присущая формальным языкам, в общих языках отсутствует и, как мы скоро увидим, даже считается вредной.

Если формальный язык имеет данные характеристики и функции, то какие нематематические формы он принимает в политике? Прежде всего, в той степени, в которой термины обозначают и анализируют политические процессы, — в отличие от характеристик личностей, проблем или институтов — они явно представляют собой абстракции и, как числа, равносильны задачам на испытание возможностей посредством рекомбинаций элементов и акцента на логических отношениях и модификаторах. Б. Бернштейн полагает, что процентное отношение существительных к глаголам может быть в общем

языке выше, чем в формальном языке, и предполагает, что, если это так, то первый «стремится подчеркнуть *вещи*, а не *процессы*» [Bernstein 1975: 44].

В политике широко распространены случаи особой ориентированности на процессы: исследование возможных последствий создания государственного органа с учетом профильной предметной области, профессиональной квалификации или функции; анализ относительной полезности косвенного или прямого регулирования цен и заработной платы; расчет оптимальной степени централизации государственной функции. Каждый такой анализ имеет, как правило, менее формальный характер, так как является менее абстрактным, чем полностью математический расчет; но степень абстракции достаточна для того, чтобы анализ мог быть в значительной степени формальным и отчасти не зависеть от «вещей», к которым он в конечном итоге будет применяться. Когнитивные структуры строятся на таких терминах, как «надбавка к цене», «действие по функции» и «диапазон контроля». То, что анализы таких процессов, относящихся к одной области политики, часто используются в качестве моделей с целью прогнозирования их вероятных последствий в другой области, свидетельствует о значительной степени формализации и абстракции. Примером является создание ведомств по функции, существенному вопросу или клиентской базе, а также последствия различной степени централизации.

Существует третий вид формального политического языка, реже применяемый в анализе государственной политики в явном виде и тем не менее широко используемый как гражданами, так и официальными лицами. Он опирается на сознательные усилия увидеть ситуацию с точки зрения других людей, чья повседневная жизнь включена в рассматриваемые ситуации. Этнометодологи пытаются делать это системно и более формально; но каждый должен стараться воспринимать действительность с позиций других, чтобы направлять свои собственные дальнейшие действия. Начальник полиции, который спрашивает себя, как возбужденная толпа будет реагировать, если он использует силу для подавления протеста; руководитель социальной службы, который спрашивает себя, может ли Организация по правам человека на социальное обеспечение упростить процедуру получения пособия и не спровоцирует ли это законодательные санкции со стороны консерваторов в конгрессе; рабочие, которые задают себе вопрос, получит ли их забастовка поддержку со стороны

общественного мнения или вызовет анти-профсоюзную реакцию, — все эти люди пытаются исследовать феноменологические миры других и сделать расчеты, основанные на терминах, соответствующих абстракциям из этих миров. К словам, обычно используемым в подобном контексте, относятся «напряжение», «посредничество», «отклонение», «раскол», «злость», «неопределенность», «двойственность», «призыв».

Это особо показательные формы политического исследования, поскольку оно осуществляется путем идентификации с другими, а не объективизации и отделения их от себя, так что наблюдатель находит условные факты, концепты и логические связи, которые он может рассматривать и делать свои расчеты. Сознательное признание того, что игра ума наблюдателя придает смысл тому, что он наблюдает, позволяет ему или ей мыслить умозрительно и абстрактно, снова и снова комбинируя элементы в новые когнитивные структуры, а затем проверять их полезность для интерпретации событий и поведения. Сам способ номинации и мышления обращает внимание на его предварительный характер, его постоянную потребность в тестировании или переформулировании.

В то же время терминология и синтаксис, отделяющие наблюдателя и его установки от того, что он изучает, склоняют его к формированию твердых убеждений, поскольку такие языковые формы описывают объекты наблюдения как нечто объективное, как «факт» для любого заслуживающего доверие наблюдателя (т. е. любого наблюдателя, который использует тот же язык и метод).

Формы искусства представляют собой еще одну разновидность формального языка, значение которого в формировании политических представлений редко признается, потому что едва ли есть общее понимание того, как искусство передает информацию и смысл. Блестящий анализ «демонстрационных форм» Сьюзен Лангер в этом отношении просто поражает, хотя их потенциал в рамках «эстетической теории» получил сдержанную оценку. С. Лангер показывает, что живопись, скульптура, танец, поэзия и музыка передают информацию и смысл, но делают это через отношения между их формальными элементами, а не через последовательные пропозиции экспозиционной прозы [Langer 1946]. Формы искусства учат свою аудиторию видеть новые значения в формальных отношениях в пространстве и времени, и они обеспечивают понимание эмоции и ее связи с формой (а не просто выражение эмоции). Художник и зритель могут рассматривать новые комби-

нации элементов и узнавать что-то о возможностях новых моделей, иначе говоря, о создании оригинальных когнитивных структур. Очевидно, что характеристиками формального языка являются абстракция, задача комбинировать новые формы независимо от их конкретного содержания, осознанное использование разума для создания новых возможностей и нового смысла.

Вместо того чтобы давать волю экспериментированию и игре ума, демонстрационные формы *сдерживают* их, укрепляя традиционные убеждения и принятие власти. Это, безусловно, их наиболее типичная политическая функция. Когда они используются, то вводят в действие общий, а не формальный язык. Все же искусство иногда служит в качестве формального политического языка, приводя людей к новому пониманию и к восприятию новых возможностей. Лучшие политические карикатуристы, такие как Оноре Домье и Дэвид Ливайн, разрушают общепринятые нормы и заставляют аудиторию менять привычные концепции, не прибегая к экспозиционной прозе. Удачное представление «партизанского театра» (жанр уличной политической сатиры в США. — прим. пер.) шестидесятых годов по эффекту и задачам было равноценно хорошей политической сатире. Политическое красноречие, которое возбуждает ум посредством неожиданных ассоциаций, — ораторское мастерство Цицерона, Линкольна, Брайана, Франклина Рузвельта — в этом смысле может быть классифицировано как искусство и как формальный язык, хотя оно, конечно, соединяется с демонстрационными формами и с общим языком.

Считается, что чувство, связанное с высвобождением политических форм искусства, берет начало в приятном возбуждении по поводу поиска и обнаружения идей и игры с абстракциями. Эмоцию не следует путать с логикой или восприятием. Подобно тому, как формальный язык точен в своих изложениях фактов и логических отношениях, а также в разграничении причин и следствий, он еще и эксплицитен в разграничении эмоций и осмысленных пропозиций. Общий язык, напротив, способствует тому, чтобы пользователь и его аудитория перепутали причины со следствиями и эмоцию со смыслом.

Насколько люди используют тот или иной формальный язык, настолько они находят удовлетворение в обнаружении требуемых данных и логических связей для того, чтобы понимать и действовать эффективно. Когнитивный диссонанс и ситуации конфликта являются частью поиска, и скорее стараются столкнуться с ними, чем избежать

их. Применение формального языка предполагает взвешивание противоречивых перспектив развития ситуации, учет представлений различных социальных групп о целях и опасностях, а также прогнозирование результатов альтернативных стратегий, поскольку эти процессы являются частью свободного исследования. Использовать формальный язык — значит осознавать тесную связь между тем, как кто-то думает, что он воспринимает и какие выводы будут сделаны.

Приведенная ниже выдержка из доклада *Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам* является примером довольно формального языка. Я выбрал именно эту иллюстрацию для того, чтобы противопоставить ее позже примеру употребления общего языка при обсуждении той же темы:

В то время как уровень рождаемости негров, после бурного роста вплоть до 1957 года, резко снизился в последнее десятилетие, показатели рождаемости белых снизились еще больше, в результате чего негритянские показатели в сравнении остались гораздо выше:

Живорожденных детей на 1000 женщин
Возраст 15—44

Год	Белые	Соотношение	
		черные	небелых к белым
1940	77,1	102,4	1,33
1957	117,4	163,4	1,39
1965	91,4	133,9	1,46

...доля негров в общей численности населения возросла с 10,0 % в 1950 году до 10,5 % в 1960 году и 11,1 % в 1966 году.

...Если эта тенденция сохранится, то к 1972 году один из восьми американцев будет негром [Report of... 1968: 238].

Всякий раз, когда предполагаемые направления деятельности описываются в терминах, которые выдвигают на первый план их проблематичный или неопределенный характер, вероятно, следует приветствовать любое относящееся к делу свидетельство, независимо от того, согласуется ли оно с другими доказательствами и предварительными выводами. Питер Сперлич показал, что многие люди ищут противоречивые данные в ходе принятия решения относительно того, как голосовать на выборах [Sperlich 1971]. Разумеется, государственные служащие, специалисты и граждане поступают аналогичным образом, когда рассматривают вопросы о том, где и когда строить школы, располагать отделения социального обеспечения и почтовые отделения, как планировать систему доставки почты, а также тысячи других вариантов проблем.

Очевидно, что ни один человек не мог бы долго обходиться без использования формального языка в той или иной степени, и тем более государство, поскольку решение проблем и эффективные меры были бы полностью принесены в жертву потребностям социального единства и власти. Но формальный язык всегда сосуществует с общим языком.

Общий язык

Люди могут общаться на общем языке, когда они в достаточной мере разделяют нормы и им не нужно четко договариваться об установках и значениях. Простые и иногда незаконченные предложения, нестандартный синтаксис, частое повторение небольшого числа идиоматических фраз, небольшое количество модификаторов, а также опора на саму неполноту изложения с целью продемонстрировать имплицитное взаимопонимание между докладчиком и аудиторией (Б. Бернштейн говорит о «симпатической циркулярности» [Bernstein 1975: 46]) — все это предполагает общие нормы, которые язык как отражает, так и усиливает. Язык Ричарда Никсона и его соратников на аудиозаписях Белого дома служит примером характеристик общего языка.

Вместо того чтобы извлечь формальные элементы, которые могут быть перераспределены для получения новых возможностей, общий язык подтверждает устоявшиеся убеждения и укрепляет структуру государственной власти или организации, в которой он используется. Именно на эту языковую форму прежде всего полагаются сторонники государственных режимов или организаций, чтобы продемонстрировать другим и самим себе, что они заслуживают содействия, чтобы минимизировать вину, вызвать эмоциональную поддержку государственного устройства, а также вселить подозрения в отношении альтернатив и людей, признаваемых враждебными. Б. Бернштейн говорит о том, что данная языковая форма «имеет тенденцию быть... „трудным“ языком», поскольку требует поведения соответствующей жесткости и препятствует вербализации нежных чувств и возможностям для обучения, присущим вербальному выражению нежных чувств [см.: Bernstein 1975: 48].

Общий язык имеет множество форм выражения в политической коммуникации. Ярким примером являются призывы к патриотизму и поддержке лидера и его или ее режима. Я сосредоточусь здесь на менее очевидных формах.

(1) *Термины, классифицирующие людей (индивидуально или по группам) в соответ-*

стви с уровнем их значимости, компетентности, патологии или власти. Достойные (недостойные) бедные (здесь — не оценочные наименования, а социологические термины. — прим. пер.), незаурядный интеллект или умственная отсталость, опытный дипломат, авторитарная личность, бизнесмен-общественник — все эти определения претендуют на то, чтобы быть дескриптивными терминами, основанными на наблюдениях или достоверных выводах из наблюдений. Тем не менее каждый из них заставляет без доказательств принять многое из того, что является спорным, неизвестным или ложным. Вряд ли является бесспорным, что старый или больной малоимущий однозначно относится к категории достойных бедных, а тот, кто не может найти работу или получает зарплату ниже прожиточного минимума, — к категории недостойных. В какой степени уровень интеллекта зависит от принадлежности к определенному социальному классу или культуре? Какая степень квалификации, приписываемой чиновнику, позволяет удостовериться в его полезности? Такие термины классифицируют людей по их предполагаемым достоинствам без учета сложных и противоречивых допущений, выводов, умолчаний, вероятности ошибок, а также альтернативных возможностей, существующих для тех, кто использует термины. Их применение в политической дискуссии препятствует сохранению критической позиции в отношении ментальных процессов наблюдателя и осторожности, считающихся отличительными чертами науки. Хотя подобные способы категоризации ближе к догмам, чем к науке, они порождают сложные когнитивные структуры в обществе, которое считает, что языковые формы являются точными и научными. Они оправдывают социальное неравенство тем, что оно якобы основывается на личных качествах: интеллекте, навыках, моральных принципах или здоровье.

Явным уроком этой формы общего языка является то, что нечеткость и неспособность различать причины, выводы и чувства могут характеризовать язык, который построен по правилам и претендует на точность. Анализ требует установить, являются ли утверждения несовершенновыми по форме и неполными по содержанию из-за неспособности быть четко сформулированными в отношении того, что принимается как должное, и, следовательно, заставляющими делать предварительные выводы, не совпадающие с установками. По этой причине внимание Б. Бернштейна к речевым формам, хотя и наводит на размышления, все же не позволяет про-

двинуться достаточно далеко в экспликации различий между общим и формальным языками. Тем не менее существует формальный анализ для этого варианта общего языка; он состоит в установлении неправомерного использования любого термина, который определяет уровень значимости человека или группы людей. Как в любом языке, словарный запас данного вида общего языка меняется в зависимости от социальной среды. Термины «wor», «nigger» и «dink» («итальяшка», «ниггер» и «узкоглазый») имеют коннотативное значение, указывающее на уровень значимости, при этом в качестве денотата используется этническая или национальная группа. Уточнения, выражающие замысел говорящих, не упоминаются, так как они указывают на то, с чем говорящие сталкиваться не желают. То же самое относится и к использованию форм общего языка в более образованных кругах.

Повседневные ссылки на термины такого рода помогают создать распространенное предубеждение относительно того, какие люди заслуживают поддержки, а кого необходимо контролировать. Хотя такие когнитивные процессы поддерживаются в большинстве законодательных и судебных решений, тонкость и сложность создания и функционирования соответствующих понятий в значительной степени избавляет их от критики, за исключением сравнительно небольшого круга скептиков и ученых.

(2) *Термины, которые имплицитно определяют ингруппу* (in-group, консолидированная группа в психологии. — прим. пер.), *чьи интересы противоречат интересам других групп*. Записи заседаний Белого дома служат примером этой типичной формы общего языка. Характеристика союзников и врагов является имплицитной и не прямой (когда она эксплицитна, как например, при определении военной стратегии и тактики, используется формальный, а не общий язык) и реализуется посредством таких фраз, как «замалчивание», «раскрытие всей правды», упоминания надежности, легковёрности или враждебной позиции отдельных людей, использования слов типа «лояльность». Надо отметить, что это слово стало упоминаться администрацией Белого дома гораздо чаще с усилением оппозиции президенту Линдону Джонсону.

Термины подобного рода пронизывают повседневную речь влиятельных групп, активистов политических партий и социально-общественных движений, революционеров, деловых противников и представителей организованной преступности. При этом лексикон, естественно, варьируется в зависимо-

сти от исторического периода и культурного ареала. Увеличивая социальное давление, направленное на обеспечение лояльности и поддержки, а также усиливая восприятие чужих как угрозы, данные термины непрерывно создают и повышают межгрупповую враждебность. Использование этих терминов любой группой, а также провокационное поведение, которому они способствуют, вызывает их ответное использование другими группами, которые считаются противниками.

Подобные выражения еще более эффективно формируют и распространяют знания, поскольку, как и весь общий язык, ненавязчиво порождают представления, которые явно не выражаются и, следовательно, редко подвергаются сомнениям. Благодаря метафорам и метонимии поддерживается мнение о том, что ученые и банкиры — «враги». Отсутствие явно выраженных суждений способствует распространению имплицитного, но четкого представления о том, что предвыборные противники Никсона — враги государства; принятие этого факта как данности является проявлением лояльности общества по отношению к определенной политической группе.

Одной из самых значимых политических характеристик общих языков является то, что их использование во все более чистой форме становится сигналом для принятия в ингруппу. Предложения делаются все менее завершенными, а модификаторами явно пренебрегают. Поскольку все больше информации принимается на веру, без доказательств, предположения не оспариваются, групповые связи крепнут, а внешние группы воспринимаются как представляющие возросшую угрозу. Как правило, языковое выражение и психологические особенности отражают и усиливают друг друга.

Примером этого типа общего языка может служить фрагмент речи, произнесенной Стоукли Кармайклом 30 июля 1966 г. в Детройте:

Я несколько удивлен, что Линдон Бэйнс Джонсон, президент-расист, имеет наглость рисовать цветные линии и говорить про 90 процентов против 10 процентов — он так и сказал и рисовал цветные линии. И все хорошие белые люди не сказали ему: „Ха, Линдон, дело не в цвете“. Все они сказали: „Ну и что же вы собираетесь делать? Вас же всего 10 процентов“. Да, нас 10 процентов, брат, но мы стратегически расселились по всей твоей стране, и у нас есть черные братья во Вьетнаме (крики и аплодисменты). У нас есть черные братья в твоей армии, и хотя сейчас они, может, еще не проснулись, но, детка, если ты бу-

дешь издеваться над нами здесь, в этой стране, тебя ждет война во Вьетнаме (аплодисменты). Тебя ждет война во Вьетнаме (продолжительные аплодисменты).

[Scott 1969]

(3) *Демонстрационные формы, обосновывающие методы и практики.* Эстетические и другие невербальные демонстрационные формы могут выполнять функции формального языка, как указывалось ранее, но, являясь частью государственного процесса, они чаще всего используются в качестве общего языка, укрепляя традиционные мнения и усиливая одобрение социальных структур. Формальные мероприятия, условия и регламент, носящий ритуальный характер, явно прослеживаются на любом этапе государственного процесса, и мы привыкли считать, что они выполняют важную роль. Предвыборные кампании, законодательные и судебные процедуры, слушания по административным делам, встречи на высшем уровне и другие формы дипломатического взаимодействия, публичные выступления и официальные заявления чиновников и представителей влиятельных кругов — все они в значительной степени насыщены стилизованными и ритуальными элементами, которые обосновывают политические действия для широкой общественности. Формирование политики в основном осуществляется на языке, так густо пестрящем стилизованными формами, что и участники, и зрители обычно придают им важное значение; при этом невозможно понять весь смысл государственных процессов, не проводя аналитическое разграничение между формальным и общим языком. Выступление экономиста во время законодательных слушаний по программе социальной поддержки, вероятнее всего, будет довольно формальным по содержанию и сможет повлиять на политические решения, но условия, в которой его или ее слушают, относятся к демонстрационным формам, вызывающим общественную уверенность в тщательности и объективности данной процедуры. Часто в этом заключается единственная функция выступления, так как распространенной законодательной практикой является использование показаний эксперта в качестве «ширмы» для уже согласованных решений [Steiner, Gove 1961].

Символический смысл рутинных государственных процессов — служить формой волеизъявления народа через тщательное взвешивание потребностей заинтересованных групп и рациональный выбор, основанный на рекомендациях экспертов (я детально проанализировал эти проблемы в следу-

ющей работе: [Edelman 1964]). Публичная демонстрация следования установленному порядку выполняет успокаивающую функцию и сглаживает те аспекты политического курса государства, которые вызывают всеобщую тревогу: заключение сделок между влиятельными группами в ущерб непредставленным; некомпетентность или предвзятость экспертов и властей; вероятность ошибки, несправедливость, лишение прав, неравномерное распределение доходов и расходов.

Демонстрационные формы, проникая во все сферы государственного процесса, не всегда являются подлинным искусством и неодинаково эффективны в выражении символического смысла. Часть аудитории не согласилась, что слушания комитета под председательством сенатора Джозефа Маккарти в 1950-х годах легитимизировали его действия, хотя для большинства граждан этих слушаний было достаточно. Для сравнения: меткие высказывания Уинстона Черчилля во время Второй мировой войны значительно усилили чувство общности и преданность общим целям не только среди британцев, но и среди граждан всех стран-союзниц.

Эмпирическое сочетание формального и общего языков

Политические процессы обычно осуществляются с помощью языка, в котором переплетены характеристики формального и общего типов. Приведенные выше примеры указывают на то, что их сочетание в условиях одного контекста усиливает оба типа, поскольку лояльность к определенной социальной структуре возрастает при использовании общего языка и благодаря его презентации под видом рационального анализа. Вместе с тем вероятность поддержки исследования с выходом на новые возможности выше, если оно сопряжено со значимыми групповыми связями или патриотизмом.

Весьма заманчиво навешивать различные ярлыки, к примеру, «образованный» или «невежественный», в зависимости от того, как часто и насколько грамотно человек использует формальный язык. Поскольку две формы языка на практике редко используются отдельно, подобная распространенная форма категоризации является еще одним случаем спорного распределения людей по разным группам с точки зрения их значимости и компетентности, что, в свою очередь, является попыткой оправдать средства контроля над ними или над их назначением на важные руководящие должности.

Мы привыкли считать, что высокая степень формальности и рациональности присуща высказываниям образованных людей,

особенно если они используют речевую модель верхних слоев среднего класса, а простую речь рабочего класса и бедных слоев населения характеризуем как малограмотную и скудную. Очевидно, что подобная классификация подчеркивает неравное политическое влияние, связанное с социальным положением и уровнем образования. Хотя Б. Бернштейн подробно объясняет, что речевые модели рабочего класса не являются следствием ограниченности словарного запаса, а языковой код не зависит от диагностированного интеллекта, он тем не менее считает, что культура бедности, к которой принадлежат дети рабочего класса, обуславливает относительно низкий уровень абстрактного мышления. Он приходит к выводу, что дети рабочего класса используют языковой код, который ограничивает познание и развитие личности и ориентирует ребенка на социальный класс, к которому он принадлежит, и на необходимость соответствовать требованиям данного класса. Дети представителей среднего класса, напротив, осваивают как суженный, так и «расширенный» языковой код, причем последний позволяет им осмысливать более абстрактные понятия и развиваться более самостоятельно [Bernstein 1971].

Представляется сомнительным, что в своей теории Б. Бернштейн обоснованно исходит из системной связи между, с одной стороны, классовым уровнем, с другой — вербальной дискриминацией и способностью говорить на формальном языке. Уильям Лабов провел исследование речи чернокожих детей в городских гетто, которое показало, что, по-видимому, эти дети сталкиваются с такими же вербальными воздействиями, слышат столько же грамотно построенных предложений, так же активно участвуют в вербальной коммуникации, как и дети среднего класса. Кроме того, Лабов обнаружил, что городские чернокожие дети владеют таким же базовым словарным запасом и так же способны обобщать и логично излагать свои мысли, как любой человек, изучающий английский язык. Хотя частое употребление «нестандартного английского языка» может вызывать проблемы в школе или на работе, это никак не мешает развитию логического мышления, так как ни один тест пока еще не смог выявить различия между логикой стандартного и нестандартного английского языка [Labov 1970].

В связи с этим я считаю, что происходит ошибочное разграничение понятий формального и общего языка, когда отдельных личностей или целые классы людей относят к какой-либо категории. Данное разграниче-

ние полезно при анализе политического языка, так как это позволяет нам исследовать 1) когнитивные последствия взаимодействия двух языковых форм и 2) политические последствия проблемного восприятия, когда некоторые группы ограничены в способности логически рассуждать, а в иных обстоятельствах манипулировать символами, в то время как другие группы имеют такую возможность. Второй пункт был уже рассмотрен; он дает обоснование для того, чтобы контролировать людей, которые уже занимают ущемленное положение в социальной структуре.

Первый пункт представляется более запутанным и деликатным, так как политическое воздействие в результате смешения формального и общего языков можно выявить, только исследуя поведение людей в проблемных ситуациях для того, чтобы выдвинуть гипотезу о структуре их познавательной деятельности.

Рассмотрим несколько проблемных ситуаций. В тяжелые времена лидеры городских террористов делают заявления, которые вызывают шок у среднего класса: угрозы прибегнуть к террористическим актам (часто приводимые в действие) и убить лидеров оппозиции, а также призывы к насилию. Подобная риторика могла бы показаться близкой по своей модальности к общему языку. Для подобных выступлений, как правило, характерны короткие, незаконченные предложения, смешение причин и следствий для придания утверждениям категоричности, частые повторы идиоматических выражений, а также использование «симпатической циркулярности» среди сторонников движения, чтобы вызвать симпатии к той социальной структуре, которую террористы поддерживают.

Однако те, кто использует такие формы обращения, часто обнаруживают тактическую и стратегическую способность более высокого порядка, осознавая и применяя *стратегический* потенциал своего общего языка. К примеру, главная функция скандального использования эпатажной риторики заключается в том, чтобы спровоцировать бурную реакцию противников и тем самым оттолкнуть от них потенциальных сторонников. Когда ситуация становится достаточно напряженной и языковой код противоборствующих групп соответствует обстановке, напряжение непременно начнет нарастать, а конфронтация усиливаться. Когда подобное происходит, призывы к политике разрядки становятся слабее, а формальный компонент языка противоборствующих групп теряет важность. Следовательно, существует системная зависимость между эскалацией

конфликта и вероятностью широкой поддержки гибкой политики, основанной на установлении и преобразовании формальных элементов проблемной ситуации. С усилением конфронтации роль общего языка возрастает. В этом случае преданность существующей политической структуре и устоявшимся толкованиям создавшейся ситуации становится еще более жесткой.

Рассмотрим другой пример, когда экономисты и статистики, рассчитывая выгоды и затраты на альтернативные формы системы негативного подоходного налогообложения, используют формальный язык с математическими терминами и синтаксисом. Экономисты отличаются от компьютера, так как используют разнообразные языковые коды, вызывающие разную психологическую реакцию, поскольку им никогда не удастся придерживаться исключительно формального языка. Например, они могут объяснить свои расчеты тем, что система негативного подоходного налогообложения более эффективна для малоимущих, чем наделение чиновников полномочиями распределять социальные выплаты. При этом они отдадут себе отчет в том, что данное предложение является спорным, так как в некоторой степени опирается на невысказанные соображения и предпочтения, и усиливает роль экономистов по сравнению с социальными работниками. Использование формального языка не снижает их способность или мотивацию также использовать и общий язык. Обе языковые формы обычно реализуются одновременно, в особенности в процессе естественного или имплицитного общения.

Второй пример (о негативном подоходном налоге) потенциально более перспективен с точки зрения политического развития, чем первый случай (террористическая конфронтация). Здесь не так явно просматриваются будущий порядок действий и языковые стили. Мнения не так безапелляционны и эмоциональны, есть возможность для множественного осмысления и политических компромиссов, а фоновые экономические условия могут во многом меняться. Эти признаки проблемной ситуации явно означают, что формальный компонент языка в данном случае более важен, чем в первом примере. *Соответственно, именно признаки ситуации, а не способности вовлеченных в нее людей определяют значимость того или иного языкового стиля.* Данная системная связь лежит в основе политики.

Безусловно, существуют индивидуальные различия в умении формально говорить и думать. Они могут быть следствием фор-

мального образования, которое развивает определенные умения и навыки. В напряженных политических ситуациях люди, склонные к формальному мышлению, могут играть незначительную роль, в то время как в спокойных ситуациях их роль может существенно возрастать. Стоит, однако, отметить, что люди, испытывающие трудности при переходе с общего языка на формальный и наоборот, скорее относятся к исключениям. Такая нетипичность привлекает к ним внимание и обуславливает навешивание ярлыков, которые быстро вводятся во всеобщее употребление.

Люди и их роли

Несмотря на то, что обычно люди используют обе формы языка и мышления, при выполнении социальной роли в течение рабочего дня они лишены этой возможности. Типичные политические и деловые ситуации позволяют чиновникам, руководителям, экономистам, клиническим психологам, социальным работникам и другим «творцам политики» занимать ответственные должности до тех пор, пока они неукоснительно соблюдают установленные нормы и правила организации, в которой работают. Если при реализации программы товарных излишков приоритетными для Белого дома, комитетов конгресса по сельскому хозяйству и министра сельского хозяйства являются экономические интересы фермеров, а не малоимущих, то помощник министра сельского хозяйства, курирующий данную программу, назначается на должность, потому что разделяет эти приоритеты. Вполне предсказуемо он отправится в отставку, если его действия будут противоречить указанному курсу. Это касается и рядовых сотрудников ад-

министративного аппарата, хотя если они занимают одну из самых низших должностей, наказание может заключаться в отмене принятых ими решений и отказе в продвижении по службе. Свободные исследования могут быть существенно ограничены внутренними предписаниями организации, которые в редких случаях выражены эксплицитно, а в основном реализуются имплицитно через самостоятельный выбор, избирательный рекрутинг и продвижение по службе, а также широко распространенный бюрократический жаргон, который способствует «симпатической циркулярности» по отношению к принятым нормам и ценностям. В этом заключается главная функция административного жаргона любой бюрократической организации.

Языковые формы как символы

В любой спорной политической ситуации напряжение между скептицизмом и лояльностью составляет основу отношений людей к власти и претендентам на высокие должности. Характерными особенностями стиля политической дискуссии являются весомые аргументы и доказательства, влияющие на формирование отношения населения, повторы определенных синтаксических структур и псевдонаучных терминов, по всей видимости, вызывающих ассоциации либо с одобрением власти, либо с критической и исследовательской позицией. Хотя повседневный политический язык сочетает оба стиля, представляется возможным выделить характерные признаки каждого и гипотетически идентифицировать политическое влияние этих форм вместе и по отдельности на повседневный политический дискурс.

M. Edelman
USA

THE LANGUAGE OF INQUIRY AND THE LANGUAGE OF AUTHORITY

ABSTRACT. *This is a translation of a chapter from the book «Political Language: Words that Succeed and Policies that Fail» by Murray Jacob Edelman, published in 1977. Political language of inquiry differs systematically from the language for loyalty to authority in respect to syntax, grammatical completeness and complexity. Though the two forms («formal» and «public» language) are intermixed in daily use, an analysis of their separate functions is necessary for understanding of the link between language and political beliefs. Formal language entails continuous effort at verification or falsification and exploration of the innovative possibilities of recombinations of facts and logical premises. Its chief forms in politics are mathematical propositions, focus upon abstract processes, selfconscious efforts to perceive from the perspectives of others, and some art forms. Public language occurs when people sufficiently share norms and political loyalties. It validates established beliefs and strengthens authority structures. Its less obvious forms include: (1) terms classifying people according to their level of competence or merit; (2) terms implicitly defining an in-group whose interests conflict with those of other groups; and (3) ceremonies, rituals, and formalized governmental procedures. The empirical combination of the two forms of language reinforces the evocative potency of both, but also creates cognitive confusions of a patterned and recurring kind that inhibit effective political action by the poor.*

KEYWORDS: *language code; language of power; political linguistics; language functions; political discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Edelman Murray Jacob (1919—2001), Master's Degree in History (1942, University of Chicago), Ph. D. in Political Science (University of Illinois, 1948). University of Illinois (since 1948), University of Wisconsin — Madison (since 1966), retired in 1990.*

ABOUT THE TRANSLATORS: *Prom Natalya Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.*

Likhacheva Tatiana Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.

REFERENCES

1. Bernstein Basil. *Class, Codes, and Control: Theoretical Studies Towards a Sociology of Language*. — New York : Schocken Books, 1975. P. 42—59.
2. Bernstein B. *Class, Codes, and Control*. Vol. I. Ch. 9. — London : Routledge and Kegan Paul, 1971.
3. Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. Ch. 7. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1964.
4. Labov W. *The Logic of Nonstandard English // Language and Poverty* / ed. Frederick Williams. — Chicago : Markham, 1970. P. 153—189.
5. Langer Suzanne K. *Philosophical Sketches*. — London : Oxford Univ. Pr., 1962.
6. Langer Suzanne K. *Philosophy in a New Key*. — Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Pr., 1946.
7. Piaget J. *Structuralism*. — New York : Basic Books, 1971. P. 17—36.
8. *Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders*. — New York : Bantam Books, 1968. P. 238.
9. Scott Robert L., Brockriede Wayne (eds.). *The Rhetoric of Black Power*. — New York : Harper and Row, 1969. P. 86—87.
10. Sperlich Peter W. *Conflict and Harmony in Human Affairs: A Study of Cross-pressures and Political Behavior*. — Chicago : Rand McNally, 1971.
11. Steiner Gilbert Y., Gove Samuel K. *Legislative Politics in Illinois*. Ch. 4. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1961.

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'27
ББК Ш121

ГСНТИ 16.01.13; 16.01.17

Код ВАК 10.02.19

О. Б. Януш
Казань, Россия

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКА И ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПАНЕЛИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КОМИТЕТА «ПОЛИТИКА ЯЗЫКА» (ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ)

АННОТАЦИЯ. Хроника работы исследовательского комитета № 50 «Политика языка» в рамках XXIV Всемирного конгресса политической науки под эгидой Международной ассоциации политической науки (23—28 июля 2016 г., Познань, Польша). Основной смысл теоретической работы Конгресса был заложен в его названии — «Политика в мире неравенства». Исследовательский комитет «Политика языка» создан в 2001 г. для рассмотрения следующих вопросов: языковая политика; властные отношения, которые определяют выбор и использование языка (языков) в международных, национальных, региональных и местных сообществах; истоки, структуры, последствия языковых режимов; политика по отношению к языковым меньшинствам. Тематику в рамках заседаний панелей в 2016 г. стали транснациональные измерения политики языка, кейс-стади и теоретические подходы к языковым режимам, лингвистическая справедливость, лингвистическое разнообразие и экономическое развитие, язык и политика партий, языковые режимы и режимы гражданства, иммиграционная политика и политика по отношению к языку меньшинств, языковая политика Турции, политические аспекты глобального статуса английского языка, области соприкосновения политологии и лингвистики. Общим итогом работы исследовательского комитета стало признание актуальности рассмотрения языка как одного из основных элементов политической жизни. Представленные доклады стали попытками предложить более широкий и более комплексный, междисциплинарный анализ языка в рамках политической науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая политика; языковой режим; языковые меньшинства; лингвистическая география.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Януш Ольга Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; 420066, Россия, г. Казань, ул. Красносельская, 51, Д-714а; e-mail: yanush_ob@yahoo.com.

С 23 по 28 июля 2016 г. в Конгресс-центре города Познань (Польша) был проведен XXIV Всемирный конгресс политической науки Международной ассоциации политической науки (МАПН), в работе которого приняли участие 2800 политологов из США, Канады, стран Европы, Африки и Азии. Международная ассоциация политической науки, под эгидой которой проводятся всемирные конгрессы, играет важную роль в академическом конструировании политической науки, в развитии и организации политологических исследований, в расширении международного сотрудничества политологов. Конгрессы предоставляют уникальную возможность обсудить развитие политической науки, глобальные, международные, региональные и внутринациональные политические процессы, поделить результаты исследований, сопоставить состояние исследований политической науки в России с мировыми тенденциями ее развития. Основной смысл теоретической работы нынешнего Конгресса был заложен в его названии — «Политика в мире неравенства». Как отмечается на официальном сайте Конгресса [24th World Congress of Political Science], «вопросы признания и неравенства стали играть центральную роль в современной политике. Мобилизованные региональные, религиозные, культурные и другие идентичности требуют политического признания и включения... Политическая наука обеспечивает „линзу“, через которую можно рассматривать, как проблемы признания включаются в политическую повестку дня.

Она также проливает свет на политические ценности и организационные структуры, местные и транснациональные, которые формируют ответы на динамику глобальных рынков, трудовой миграции и повышения этнического и культурного разнообразия». Конгресс МАПН 2016 г. стал своевременным событием, которое сконцентрировало внимание политологов на вопросах перераспределения и признания во всей их сложности, и еще раз продемонстрировал релевантность политической науки и политической практики.

Тема нынешнего Конгресса опиралась на предыдущие темы всемирных конгрессов МАПН по вопросам демократии, глобализации и проблем современного управления. Основные проблемы были обозначены и проанализированы в ходе пленарных и тематических сессий, на заседаниях постоянно действующих исследовательских комитетов. В работе исследовательского комитета № 50 «Политика языка» приняла участие автор данной статьи.

Целью комитета, созданного в 2001 г., является изучение политических аспектов языка; детальное исследование властных отношений, которые определяют выбор и использование языка(ов) в международных, национальных, региональных и местных полициях, обществах и сообществах; истоков, структур, имплементации, результатов и последствий языковых режимов; политики по отношению к лингвистическим меньшинствам, в том числе целей, стратегий, мотивации и мобилизации, с использованием нормативных и эмпирических инструментов

© Януш О. Б., 2017

анализа в политической науке; разработка теорий среднего уровня в отношении языка и демократии, гражданства, глобализации и других важных проблем.

Вопросы политики по отношению к языку в транснациональном аспекте, кейс-стади и теоретические подходы к языковым режимам, лингвистическая справедливость, лингвистическое разнообразие и экономическое развитие, язык и политика партий, языковые режимы и режимы гражданства, иммиграционная политика и политика по отношению к языковым меньшинствам, языковая политика Турции, политика в связи с глобальным статусом английского языка, рассмотрение языковых проблем в политической науке — все эти вопросы стали темами панелей в рамках заседаний исследовательского комитета № 50 «Политика языка».

В панели **«Транснациональные изменения языковой политики»**, открывшей работу комитета, были представлены три доклада. Координатор панели исследователь из Университета Женевы (Швейцария) Тиль Буркхардт пишет о том, что новые модели транснациональной мобильности и коммуникации в сочетании с эволюцией супранационального управления открывают новые перспективы для политики государств в области национальных, региональных и миноритарных языков. Он констатирует, что государства стали активнее включать языковую политику и планирование в качестве средства внешнего политического действия, воздействуя на мигрантов, экспатриантов и диаспоры.

Доктор политических наук из Университета Адама Мицкевича в Познани (Польша) Бартош Хордецки посвятил свое исследование **языковым политикам как инструменту формирования и риторизации взаимных отношений в постсоветском регионе**. В выступлении он подчеркнул, что постсоветский регион остается пространством, где языковые вопросы все еще бросают вызов и очень чувствительны. В наши дни страны в регионе следуют собственным языковым политикам, иногда нацеленным на разрядку, иногда — на разжигание социальных и политических конфликтов. Языковые политики часто становятся инструментом, с помощью которого игроки в регионе стремятся смягчить или увеличить разрыв во взаимоотношениях, минимизируя или максимизируя неравенство между группами и индивидами. Более того, политические решения языковых вопросов часто служат своего рода аргументом в ценностном соперничестве между сообществами, живущими на пространстве бывшего СССР. Анализ законов о языках

постсоветских стран и заявлений основных политических акторов, осуществляющих языковую политику в регионе, дает картину того, что можно охарактеризовать как риторическое использование потенциала языковых политик на территориях, ранее относившихся к СССР. Языковые политики остаются в постсоветском регионе важным инструментом для создания своего имиджа или имиджа другого. Говоря о них, различные субъекты характеризуют — более или менее точно, справедливо или нет — системы ценностей, разделяемых ими самими и другими. Кроме того, этот разговор кажется весьма риторизированным, ориентированным на потребности аудитории, которой адресовано послание. Наиболее часто упоминаемые аргументы в пользу особой языковой политики на постсоветском пространстве в целом можно разделить на следующие группы: данная языковая политика является правильной, так как она служит интересам политического сообщества, преследующего ее; она обеспечивает безопасность, порядок, закон, справедливость; она основана на принципе уважения и защиты прав граждан в отношениях с государственным аппаратом и его представителями.

В своем докладе профессор Сэм Мчомбо из Калифорнийского университета (Беркли, США) обратился к **анализу языкового выбора в африканском образовании**. Поводом для обращения к данной теме стали два документа — циркуляр Правительства Южной Африки, изданный в августе 2015 г. и информировавший власти в области образования об обучении китайскому (мандаринскому) языку начиная с января 2016 г., а также Акт об образовании Правительства Малави 2012 г., который постановил изучать и использовать в качестве языка обучения с первого класса английский язык. Автор приводит позицию Южно-Африканского демократического союза учителей, который охарактеризовал циркуляр как «новую форму колонизации». Извещение информировало национальные и региональные образовательные власти о том, что китайский язык должен быть введен в школах в 4—9 классах и 10-м классе в январе 2016 г., затем в 11-м (в 2017 г.) и в 12-м классе (в 2018 г.). Введение китайского языка отчасти справедливо, отмечает профессор Мчомбо, так как Китай — это крупнейший торговый партнер Южной Африки; поэтому детям Южной Африки важно «овладеть языком Конфуция и развивать хорошее понимание китайской культуры», но в то же время это вопрос использования языка и образования в качестве инструмента политики влияния,

когда проявляются асимметричные властные отношения между двумя странами. В докладе делается вывод о реальном состоянии африканского образования, которое в основном остается прикованным к зарубежным системам распространения знаний через содержание и языки обучения, что усиливается глобализацией и развитием науки и технологий.

Кандидат политических наук Ольга Януш из Казанского энергетического университета (Россия) представила доклад, **посвященный целям и институциональному дизайну трансграничных языковых сообществ — Русского и Финно-угорского миров**. Понимая под ними международные ассоциации, в основе которых лежит та или иная степень политико-языковой близости, исследователь отмечает, что трансграничные языковые образования обладают многомерностью и широким разнообразием не только с социолингвистической точки зрения, но и в плане структурного оформления, принципов учредительства организационно-дизайна, механизмов взаимодействия — всего того, что показывает уровень их консолидации и составляет институциональный и нормативный остов. По характеру членства различаются межправительственные организации трансграничных языковых сообществ и неправительственные организации, структуры смешанного типа устройства, сочетающие в себе принципы ММПО и МНПО; с точки зрения географических измерений — глобальные структуры языковых сообществ, региональные структуры, трансконтинентальные и межрегиональные структуры; по обобщающему критерию — структуры языковых сообществ «жесткого» (формального) и «мягкого» (неформального, сетевого) типа. В докладе делается вывод о том, что прослеживается одно общее свойство языковых сообществ: их подверженность сильным воздействиям со стороны противоречивых экстралингвистических факторов. Финно-угорский мир — это дискурсивное сообщество, существующее в умах национальных лидеров и элиты и являющееся инструментом, позволяющим создавать дополнительные гарантии сохранения этнических меньшинств и их поддержки со стороны международных институтов. В проектировании и реализации Русского мира главная роль принадлежит России, а сохранение позиций русского языка в мире является одной из внешнеполитических задач.

Координатор панели **«Языковые режимы: кейс-стади и теоретическое понимание»** доктор Селма Зоннтаг отмечает, что в последнее время понятие «языковой режим»

вызывает значительный интерес у экспертов в области языковой политики. Однако во многих социальных дисциплинах оно еще находится на стадии теоретического оформления. В рамках панели термин «языковой режим» использовался в качестве аналитического понятия в кейс-стади и в более теоретических исследованиях.

Лорен Зентц из Хьюстонского университета (США) выступила с докладом на тему **«Пять столпов и один язык: одноязычная гегемония и национальная идеология в Индонезии»**. «Панча сила» представляет собой набор из «пяти столпов», созданных для объединения Индонезии и выражения ее уникальности как члена глобального сообщества наций-государств. Пятью столпами являются вера в единого верховного Бога, справедливая и цивилизованная гуманность, единство Индонезии, демократия, направляемая разумной политикой консультаций и консенсуса, и социальная справедливость для всего индонезийского народа. «Панча сила» и индонезийский язык, его роль в идеологии «одна нация — один язык — одна страна» были использованы для укрепления национализма и «модернизации» населения и его традиций как через насильственные меры, осуществлявшиеся государством, так и через развитие национальной системы образования и средств массовой информации.

Мишель Газзола, представлявший Берлинский университет имени Гумбольдта (Германия), поставил вопрос об **эффективности де-факто языкового режима Европейской комиссии**. Под языковым режимом автор понимает набор официальных и рабочих языков наряду с правилами в отношении их использования для коммуникации внутри и за пределами организации, а также степень устного и письменного перевода, обеспечиваемого на таких языках. Используя статистический анализ и данные, опубликованные Евростатом в 2013 г., М. Газзола подсчитал процент работающих европейцев, потенциально не имеющих доступа к документам Европейской комиссии в силу отсутствия достаточных языковых навыков для оперирования английским, французским или немецким языком. К примеру, 77 % респондентов, занятых в области сельского хозяйства, лесного хозяйства и рыболовства, не говорят по-английски. Лишь 1 % из них владеют несколькими языками. Исследование автора показывает, что во всех исследованных областях (обрабатывающая промышленность, электричество, финансовая и страховая деятельность) одноязычный или трехязычный режим гораздо менее эффек-

тивен, чем режим, основанный на равноправии 24 официальных языков Европейского союза, способствующий максимальной эффективности коммуникации и минимизации неравенства.

Норвежская исследовательница Эли Бьёрусдаль предприняла **анализ практик языковой политики Норвегии** с 1885 года по настоящее время, обоснованно относя их к универсалистскому языковому режиму. Она утверждает, что строгий эгалитаризм являлся руководящим принципом для введения двух норвежских языков — нюнорска и букмола с обеспечением равного статуса двух языков. В то же время, отмечает Э. Бьёрусдаль, для данного режима может наступить критический момент. В качестве вызовов лингвистическому универсализму она называет новую ситуацию, складывающуюся в языковой политике Норвегии — это и имплементация языковых прав иммигрантов в области образования, и усилившиеся требования со стороны «старых» языковых меньшинств — саамов и квенов, и попытки урегулировать использование английского языка в бизнесе и академической жизни.

Хью Льюис из университета Аберистуита (Соединенное Королевство) посвятил доклад **ревитализации валлийского языка**. Отмечая, что со стороны политической науки предпринимаются усилия для анализа практики языковой политики и планирования, он, опираясь на историко-институционалистский подход, предложил теоретическую «рамку» исследования выбора языковой политики в отношении региональных языков или языков меньшинств, обусловленную влиянием институциональных механизмов на различных уровнях — местном, субгосударственном, государственном и международном. Профессор отмечает, что валлийский случай указал на две структурные черты, требующие внимания и включения в теоретическую «рамку» — роль националистических партий и влияние не только инициатив Европейского союза, но и институциональной динамики Совета Европы на континентальном уровне.

В рамках панели «Лингвистическая справедливость с нуля» были представлены доклады Дилек Кайяальп из Университета Северной Флориды (США) **«Иерархия акцентов и лингвистический опыт молодежных меньшинств в Канаде»** и Маттео Бонотти из Кардиффского университета (Соединенное Королевство) **«Власть акцента: демократия, разнообразие и дикция»**. Основываясь на понятии «общественного пространства» Ханны Арендт и концепции «символического насилия» Бурдьё, Д. Кайяальп исследовала культурные и лингвистические

стратегии четырнадцати молодых иммигрантов в возрасте 15—25 лет. Ее исследование свидетельствует о том, что в отличие от иммигрантов второго поколения молодежь первого поколения иммигрантов сталкивается с культурными и языковыми вызовами: формы дискриминации в отношении молодежи турецкого происхождения в Канаде включают непризнание различных языковых и социальных состояний, навязывание официальных языков, регулирование образования и языкового рынка в соответствии с доминирующими языковыми нормами.

М. Бонотти отмечает, что очень часто язык рассматривается как своего рода платонический идеал, чаще существующий в сознании говорящих, чем в их ртах и ушах. Однако реальности языка таковы, что фактическое «живое» представление языка в различных коммуникативных средах — публичных дебатах, городских залах, социальных медиа — имеет далеко идущие последствия для вопросов мобилизации власти. Манера языкового выражения мыслей используется собеседниками, часто бессознательно, для определения таких черт, как интеллект и доверие. Основное внимание исследователь уделяет явлению акцента, в том числе иностранного, в лингвистически разнообразном демократическом окружении. Он предполагает, что существующая опасность эпистемической несправедливости, которая присуща неправильному восприятию акцента, может работать на обострение, а не увеличивать силу различий между говорящими с «опознанными» по сравнению с «неопознанными» акцентами.

Вопросы корреляции языкового разнообразия и экономического роста, статистического и эконометрического моделирования такой корреляции, измерения этнолингвистического фракционирования и лингвистической дистанции стали предметом обсуждения политологов и экспертов, работающих в области языка, и лингвистов в рамках панели **«Лингвистическое разнообразие и экономическое развитие»**. Тиль Буркхардт в докладе **«Дает ли язык экономические свободы? Свидетельства внутреннего рынка ЕС»** оценил реальность четырех основных свобод внутреннего рынка крупнейшего и глубокого проекта региональной интеграции Европейского союза — свободы передвижения людей, товаров, услуг и капитала. Автор разработал набор показателей, включающих языковую интенсивность экономической деятельности и распределение языковых навыков по Европе, для того чтобы оценить способность доступа к возможностям трансграничной мобильности, а так-

же с помощью статистического анализа языковых навыков измерил языковую открытость национальных рынков труда — способность граждан других государств-членов получить доступ на местный рынок труда без языковых барьеров. Докладчик делает вывод о значительных дисбалансах с точки зрения открытости и основных свобод, а также о том, что совместное использование одного и того же языка оказывает положительное влияние на мобильность товаров, капитала и услуг.

Франсуа Грин из Женевского университета (Швейцария) поставил вопрос о заслуживающих доверия **причинных связях между языковым разнообразием и экономическими результатами**. В этом контексте он отмечает, что определение и измерение связи между лингвистическими и экономическими переменными, привлекающими внимание в течение многих лет, страдают от различных видов неоднозначности. Языковое разнообразие часто неверно истолковывается как фрагментация; не всегда четко различаются коллективное многоязычие и индивидуальный плюрилингвизм, посредством использования социолингвистически неубедительных индексов переоценивается роль межъязыковой дистанции и т. д. В своем докладе Ф. Грин рассматривает некоторые примеры неадекватных взаимосвязей между языковыми и экономическими процессами. Так, он обращается к заблуждению, формулируемому в виде «Язык как валюта». Попытки провести параллель между языком и валютой и утверждения о том, что они по существу подобны, так как оба связаны с обменом, полностью вводят в заблуждение, так как природа обмена в области экономики и природа обмена в области лингвистики сильно отличаются. Обмен между участниками разговора или взаимодействия лишен двух существенных особенностей экономического обмена — издержек и предполагаемой эквивалентности. Приобретение конкретного товара или услуги предполагает, что что-то должно быть дано взамен — деньги или, в случае бартера, другой хороший товар или услуга. Подобное не наблюдается в разговоре, где производство высказывания практически бесплатное, а смысл обогащения, который можно почувствовать в разговоре, является, как правило, метафорическим.

Профессор Ласло Марач из Амстердамского университета (Нидерланды) оценил **институционально-лингвистические и экономические перспективы развития венгерского языкового меньшинства в румынской Трансильвании**. Он отмечает, что

Трансильванская область Румынии традиционно характеризуется этнолингвистическим разнообразием, проявляющимся в существовании румынского, венгерского, немецкого и цыганского сообществ. Согласно Конституции Румынии, единственным официальным языком государства является румынский язык, занимающий господствующие позиции. В то же время в последнее десятилетие, в силу влияния глобальных и европейских культурных, языковых коммуникативных и социально-экономических сетей на местные отношения, повседневную этничность, отношения власти и экономическую сферу, для языковых меньшинств в Румынии возникли новые возможности. В частности, «укрепляется поле» культурно-сознательного маркетинга и коммерциализации местных венгерских брендов в Трансильвании, опирающихся на связующий тип солидарности этнических венгров Румынии. С точки зрения экономики языка автор обращает внимание на два важных аспекта. Во-первых, существует общая потребность потребителей в разнообразии, в том числе в этнических продуктах и услугах, расширяющих горизонт многоязычных коммуникаций в экономике; во-вторых, признание экономическими субъектами возрастающей отдачи чувствительного в культурном отношении маркетинга — маркировки и продвижения товаров и услуг на венгерском языке, особенно в тех регионах, где этнические венгры находятся в большинстве. Побочным положительным продуктом очевидных экономических целей, связанных с увеличением прибыли, является продвижение многоязычия.

Сесиль Вигуру из Университета Саймона Фрейзера (Канада) и Саликоко Муфене из Чикагского университета (США) посвятили доклад **конфликтующим дискурсам в области расширения возможностей языка и экономического развития**. В первом дискурсе — дискурсе лингвистов — утверждается, что экономически более слабые языки, как правило, теряют свою жизнеспособность, так как их носители переходят на языки, которые являются экономически более влиятельными и полезными для них. Таким образом, языки должны получить экономические возможности с целью повышения их жизнеспособности. Также утверждается, что расширение прав и возможностей языков может способствовать экономическому развитию, поскольку их носители смогут позволить себе обучение, смогут читать и понимать публикации, связанные с их работой и повышающие производительность. Второй дискурс — дискурс экономистов — фокусируется на социальном многоязычии, которое, как пра-

вило, осмысливается как способствующее разногласиям и конкуренции в развивающихся национальных государствах, что препятствует экономическому развитию. Авторы ставят вопрос о том, нужна ли вообще экономическая деятельность, которая поддерживает жизнеспособность языков, в современной формализованной экономике. В качестве аргумента они указывают на множество экономически бесправных и маргинализированных, бедных народов Африки и Азии, выживающих и сопротивляющихся переходу к основным, как правило, европейским языкам, предоставляющим возможности современной экономики и политической системы.

Обсуждение вопросов взаимосвязи между языком и партийной политикой, влияния языкового конфликта и демолингвистической конфигурации на стратегии партий, повестки дня и лингвистические идеологии, влияния партийных систем на динамику языковой политики проходило в ходе работы панели **«Язык и партийная политика»**. Прозвучали доклады Кэтрин Эдвардс (Университет Аберистуита, Соединенное Королевство) «Дискурс, партийная политика и миграция в миноритарных языковых сообществах: сравнительный анализ Нью-Брансуика и Уэльса», Эммануэль Ришей (Виндзорский университет, Канада) «Вопрос долга и/или стратегии? Выбор языков канадскими политическими партиями в цифровой избирательной пропаганде», Жана Франсуа Дюпре (Гонконгский политехнический университет, Китай) «Языковая политика в Тайване при Китайской националистической партии Ма Инцзю: между тайванизацией и рекитаизацией», Бената Гарайо (Университет Страны Басков, Испания) «Разоблачение неискренности Народной партии в отношении языков национальных меньшинств в Испании».

Тематика докладов панели **«Языковые режимы и режимы гражданства: преодоление разрыва»** касалась изучения опыта мигрантов в процессе прохождения теста на гражданство в Соединенном Королевстве (Пьер Монфорт, Университет Лестера, Соединенное Королевство), языковых режимов и режимов гражданства во Франции и Германии (Нуриа Гарсиа, Франция), лингва франка и гражданства в Западной Африке (Эрика Альбо, Боудин-колледж, США), влияния языковой политики на гражданство в Сьерра-Леоне (Мниша Гельман, Колледж Эмерсон, США).

Проблемы языкового разнообразия, исторически обусловленные наличием автохтонных меньшинств и сообществ иммигрантов, стали предметом рассмотрения панели

«Иммиграционная политика и политика языка меньшинств». Усилия, направленные на стандартизацию амисского языка, рассмотрел Керим Фридман из Национального университета «Донг Хва» (Тайвань) в своем докладе «Управление коренным языком в Тайване: напряженность в отношениях между местными идентичностями и языковой стандартизацией в ревитализации амисского языка». К вопросу юридического, образовательного и политического статуса шведоязычных финнов обратился профессор Вавжинец Конарски из Ягеллонского университета (Польша). Дискурс-анализ меняющихся идеологических дебатов в СМИ, связанных с иммигрантскими языками в Эстонии и Норвегии, предприняла доктор Маарья Сиинер из Университета Осло (Норвегия).

Отдельная панель была посвящена **истории и современным проблемам языковой политики в Турции**, которая первоначально должна была быть принимающей страной Всемирного конгресса политической науки, но лишилась этого права в силу осложнения обстановки и возникших проблем с безопасностью, в результате чего организационный комитет принял решение о переносе Конгресса. Яффер Шейхолислами из Карлтонского университета (Канада) сравнил **положение курдского языка и курдского меньшинства в пяти соседних странах — Армении, Иране, Ираке, Турции и Сирии**. Автор продемонстрировал лингво-географические карты этих стран, привел критический исторический обзор того, как различные государственные традиции обусловили различные языковые режимы в плане официального выбора языка и уровня толерантности к языкам меньшинств (например, было рассмотрено влияние социалистической традиции в советской Армении); показал, как баланс или несоответствие между «предложенным статусом» и «ожидаемым статусом» привели к увековечению различных степеней социально-экономического неравенства, ассимиляции или интеграции, но чаще к контргегемонистским практикам оппозиционных групп. В докладе делается вывод о том, что в ряде стран — Иране и Турции, где государство продолжает лишать прав меньшинства, отрицая позитивные языковые права, существует острая необходимость в «перестройке» языковых режимов.

Жан Реми Карбонно из Квебекского университета в Монреале (Канада) в докладе **«Язык меньшинства и территория в Турции и Испании: государственная языковая политика в сравнительной перспективе»** отмечает, что развитие территори-

ального плюрализма является эффективным способом достижения лингвистической справедливости в таких контекстах, где языки меньшинств не обеспечены государственными институтами. Однако в эмпирическом мире консолидация государств происходит за счет соответствия политических институтов ценностям группы большинства. В Турции и Испании, где проживают два важных этнолингвистических меньшинства — курды и каталонцы — происходит процесс гомогенизации. Турецкая и испанская языковые политики направлены на ограничение территориальной сферы языков меньшинств и распространение доминирующего языка. Автор исследует территориально-языковой некус, полагая, что в каждом случае официальный дискурс гегемонии языка большинства дополняется неформальными языковыми практиками, которые способствуют дальнейшей маргинализации использования курдского и каталанского языков.

Гульса Тюрк, представлявшая Технический университет «Йылдыз» (Турция), рассмотрела **присутствие в Интернете черкесских, курдских и лазских ассоциаций, защищающих лингвистические права**. В 2000-х гг. началась активная борьба ассоциаций, учрежденных различными языковыми группами, за языковые права и образование на родном языке. Почти все этнические/лингвистические группы в Турции ассоциируют себя с определенной культурой и пропагандируют языковые права, причем в последнее десятилетие наиболее активны

были курдские, лазские и черкесские объединения подобного рода. Интернет и аккаунты в социальных медиа являются средствами мобилизации людей и организации массовых мероприятий. Анализ репрезентаций языка и проблематики лингвистических прав в Интернете позволяет сделать вывод о том, что курдские организации имеют четкое этнонационалистическое представление об идентичности и языке, не соглашаясь на меньшее, чем образование на родном языке и соответствующее признание языка. Для лазских организаций языковой вопрос приоритетнее, чем для черкесских объединений. Одна из причин, по которой для лазов и черкесов не характерна этнонационалистическая репрезентация идентичности, в том, что в силу политики ассимиляции многие лазы и черкесы пришли к идентификации себя как «турок» или «турок-лазов» и «турок-черкесов». Лазы и черкесы подчеркивают значимость своих языков как элементов культуры, нуждающихся в защите, и не выдвигают требований какого-либо политического признания языков или права на образование на родном языке.

Общим итогом работы исследовательского комитета стало признание актуальности рассмотрения языка как одного из основных элементов политической жизни. Представленные доклады стали попытками предложить более широкий и более комплексный, междисциплинарный подход к анализу языка в рамках политической науки.

O. B. Yanush
Kazan, Russia

LANGUAGE AND POLITICS IN MODERN WORLD: PANELS OF RESEARCH COMMITTEE “POLITICS OF LANGUAGE” (LATEST NEWS)

ABSTRACT. *The paper describes the chronicle of work of the research committee #50 “Politics of Language” at the XXIV World Congress of Political Science sponsored by the International Political Science Association (July 23—28, 2016, Poznan, Poland). The theoretical background of the Congress is reflected by its title “Politics in the World of Inequality”. The research committee “Politics of Language” was established in 2001 to discuss such questions as language policy; relations of power that determine the choice of the language in the international, national and regional communities; the sources, structure and consequences of the language regimes; language minorities policy.*

In 2016 the committee discussed the following issues: transnational changes in the politics of language, case-study and theoretical approaches to language regimes, linguistic justice, linguistic diversity and economic development, language and party politics, language regimes and the regimes of citizenship, immigration policy and the policy towards the minority languages, language policy in Turkey, political aspects of the global status of the English language, common interests of political science and linguistics. The result of the work of the research committee is the conclusion that language is one of the main elements of political life. The papers aimed at presenting a broad and complex approach to the analysis of a language in the frameworks of political science were presented.

KEYWORDS: *language policy; language regime; language minority; linguistic geography.*

ABOUT THE AUTHOR: *Yanush Olga Borisovna, Candidate of Political Sciences, Associate professor, Department of Sociology, Politology and Law, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.*

REFERENCES

1. 24th World Congress of Political Science. URL: <http://wc2016.ipsa.org/events/congress/wc2016/home>.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки, а также работы современных исследователей, написанные на иностранных языках.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в каталог Роспечать. **Индекс 81954.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 то-

чек/дьюм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2017. ВЫПУСК 1 (61)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 24.02.2017. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 20,8. Усл. печ. л. — 22,2. Тираж 500 экз. Заказ 4795.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru